

**В. Г. Болдырева
С. В. Толкачева**

**РУССКАЯ СВАДЬБА
СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ**

Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН
Удмуртский институт истории, языка и литературы

**В. Г. БОЛДЫРЕВА
С. В. ТОЛКАЧЕВА**

**РУССКАЯ СВАДЬБА
СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ**

Ижевск 2018

УДК 398(470.51)(=161.1)

ББК 82.3(2Рос=Рус)

Б79

Рецензенты:

Е. И. Ковычева, доктор искусствоведения,

М. Г. Ходырева, председатель Союза композиторов УР

Болдырева В. Г., Толкачева С. В.

Б79 Русская свадьба Среднего Прикамья: Монография / УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. – Ижевск: Изд-во «Шелест», 2018. – 302 с.

ISBN 978-5-6041164-7-0

Монография посвящена изучению специфики бытования традиционной русской свадьбы на территории Среднего Прикамья в границах современной Удмуртии в условиях иноэтнического окружения. Исследование основано на уникальных фольклорно-этнографических материалах. Проанализирован историко-этнографический контекст функционирования свадебной обрядности, выявлены стилевые доминанты песенного репертуара. В монографию включены карты, таблицы, схемы, этнографические рассказы, нотные образцы.

Книга адресована музыкантам, культурологам, фольклористам, этнологам, лингвистам, а также всем, кто интересуется русской традиционной культурой и музыкальным фольклором.

ISBN 978-5-6041164-7-0

УДК 398(470.51)(=161.1)

ББК 82.3(2Рос=Рус)

© Болдырева В. Г., 2018

© Толкачева С. В., 2018

© УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этнокультурная история России характеризуется непрерывным процессом образования всё новых локальных групп русского населения, каждая из которых под воздействием множества внешних и внутренних факторов приобретает свои особенности. Свадебный обряд как наиболее развёрнутый и развитый ритуал даёт нам важную информацию о характере происходящих процессов на той или иной территории, передавая оригинальность жизненного уклада, религиозных воззрений, социального устройства, межэтнических контактов и т. д.

Методология изучения традиционной свадьбы восточных славян, особенности семантики свадебных ритуалов, уникальность бытования свадебных обрядов русского этноса в различных регионах России и другие актуальные проблемы, связанные с изучением восточнославянской свадьбы, представлены в многочисленных материалах и исследованиях крупнейших учёных-славистов XX–XXI вв. – А. К. Байбурина [Байбурин 1977], Д. М. Балашова [Балашов, Марвченко, Калмыкова 1985], Т. А. Бернштам [Бернштам 1988], Л. М. Винарчик [Винарчик 2000], Н. Н. Гиляровой [Гилярова 1986], Е. В. Гиппиуса [Гиппиус 1980; Русская свадьба Карельского Поморья 1995], А. В. Гуры [Гура 2012], Н. Ю. Данченковой [Данченкова 1997], Е. А. Дороховой [Дорохова 2008], М. А. Енговатовой [Енговатова 1988], Б. Б. Ефименковой [Ефименкова 1980; 2008], И. И. Земцовского [Земцовский 1974], Т. И. Калужниковой [Калужникова 2013], М. А. Лобанова, К. Е. Кореповой, А. Ф. Некрыловой [Нижегородская свадьба 1998], Т. В. Краснопольской [Краснопольская 2007], В. А. Лапина [Лапин 1995], Г. А. Левинтона [Левинтон 1983], А. М. Мехнечева [Мехнечев 1977], И. А. Морозова [Морозов 1998], О. А. Пашиной [Пашина 2011], Е. Б. Резниченко [Резниченко 2014], Н. И. Толстого [Толстой 1995], С. М. Толстой [Толстая 2010], А. Л. Топоркова [Байбурин, Топорков 1990], В. Н. Топорова [Топоров 1983], В. М. Щурова [Щуров 1987], А. С. Ярешко [Ярешко 2008] и других исследователей традиционной славянской культуры – диалектологов, этнолингвистов, этнологов, фольклористов, этномузыковологов.

Предлагаемые материалы и исследование посвящены свадебным обрядам русского населения южных и центральных районов Удмуртии. Основное внимание в изучении русской этнической культуры уделяется локальным традициям Среднего Прикамья.

Термин «Удмуртия» начал употребляться в 20-е годы XX в. после создания Удмуртской автономной области. Окончательные границы Удмуртской Республики сформировались к 60-м годам XX в. Современная Удмуртия занимает около двух третей площади Глазовского, Елабужского, Малмыжского, Сарапульского уездов, оформившихся «<...> к концу XVIII в. в префделах Вятской губернии. Перечисленные уезды представляли собой экономически единое пространство с определившейся структурой торговых, транспортных связей и хозяйства в целом, со сложившимся в течение длительного времени составом населения, особенностями землевладения и землепользования...» [Бехтерева, Васильева, Лигенко, Пислегин, Родионов 2017: 6].

«Камский бассейн традиционно подразделяется на несколько локальных регионов, имеющих свою географическую и историческую специфику. Это Нижнее Прикамье с прилегающими к Волге территориями, бассейн р. Вятки, Верхнее Прикамье, Юго-Восточное Прикамье, включающее в себя бассейн Сылвы, Среднее Прикамье и бассейн Белой» [Макаров 2006: 3–4].

Территория Среднего Прикамья в границах современной Удмуртии являлась «<...> зоной этно-культурных контактов различных групп населения. Удмурты, представляющие на ранних этапах основную массу жителей, контактировали на юге с тюркским миром, на западе – со своими ближайшими родственниками по языку и культуре – коми-зырянами и коми-пермяками, на востоке – с обскими уграми. Более интенсивным этнокультурное взаимодействие становится с началом заселения и хозяйственного освоения этой территории представителями других этнических групп, среди которых ведущее место принадлежит русскому населению» [Гришкина 2006: 3].

Русская фольклорная традиция современной Удмуртской Республики органично сочетает две разнонаправленные тенденции – однородность и полистилистичность. На становление и функционирование культуры региона оказали влияние множество факторов социально-экономического и географического порядка: этнические, политические, конфессиональные процессы, особенности климата, ландшафта, гидросферы и т. д. [Голдина, Черных 2011: 105–106; Макаров, Иванов 1999: 208; Макаров 2006: 3, 8–9].

Фольклор русских жителей современной Удмуртии – уникальное явление, сложившееся в условиях трансформации множества диалектных традиций русских переселенцев и значительного влияния финно-угорской культуры [Болдырева 2018б: 3–4; Владыкина, Толкачева 2015; Стародубцева 2001: 9–11; Тамаркина 1995: 103–104; Татаринцев 1990: 3–25; Толкачева 2016а: 31; Шуклина 1999: 7].

В настоящее время фольклор русского населения Удмуртской Республики представляет собой достаточно целостное территориально-культурное образование, складывающееся из локальных этнокультурных традиций и тяготеющих к объединению в ареалы [Стародубцева 2001: 10–11]. Под ареалом подразумевается «этнокультурные территориальные образования, локальные фольклорные традиции которых отличаются сходством» [Стародубцева 2001: 10]. Наиболее крупные из русских этнокультурных зон современной Удмуртии – северный этнокультурный ареал и южный этнокультурный ареал [Стародубцева 2001: 10–11; Толкачева 2014: 92; Толкачева 2016б: 135]. Названия ареалов и причисление к ним определённых районов условны и используются в качестве «рабочей» модели-гипотезы [Толкачева 2014: 92].

Северный этнокультурный ареал представлен традициями Балезинского, Глазовского, Дебёсского, Красногорского и др. р-нов.

Южный этнокультурный ареал составляет русская этническая культурная традиция Алнашского, Воткинского, Граховского, Завьяловского, Камбарского, Кизнерского, Киясовского, Малопургинского, Можгинского, Сарапульского, Селтинского, Сюмсинского, Увинского, Шарканского р-нов. Территории перечисленных районов современной Удмуртии в конце XVIII – начале XX вв. входили в состав Елабужского, Малмыжского, Сарапульского уездов Вятской губернии.

Первые образцы русского традиционного фольклора, бытовавшего на территории южного этнокультурного ареала Удмуртии, были записаны во второй половине XIX в. местными любителями народного творчества: учителями, священниками, грамотными крестьянами. Обрядам, нравам, образу жизни русских, удмуртов, татар Малмыжского уезда Копкинской волости Вятской губернии (ныне эта территория частично охватывается Селтинским р-ном современной Удмуртии) посвящён очерк общественного и церковного деятеля, литератора и этнографа Михаила Ионовича Осокина «Народный быт в Северо-Восточной России» [Осокин 1856]. Подробнейшее этнографическое описание свадебного обряда, тексты свадебных песен, причитаний и приговорок дружки представлены в другом очерке М. И. Осокина – «Сельская свадьба в Малмыжском уезде» [Осокин 1857].

На основе изучения материалов, скрупулезно собранных в Вятском крае, этнограф, фольклорист и диалектолог, уроженец с. Люк Завьяловского р-на Дмитрий Константинович Зеленин опубликовал ряд своих знаменитых работ [Зеленин 1994; 1995].

Важным шагом в деле собирания русского обрядового фольклора в Удмуртии стала деятельность удмуртского этнографа, священника, писателя Г. Е. Верещагина [Верещагин 2001; 2002]. Записи, сделанные им в конце XIX – начале XX вв. на территории Сарапульского уезда Вятской губернии, содержат образцы сказок, загадок, пословиц, заговоров, песенных жанров.

Г. Е. Верещагиным составлено обобщённое описание традиционной свадьбы ряда локальных традиций. Его статья «Свадебные обряды» из «Очерков русских Вятско-Прикамского края», опубликованная в 2001 году, до сих пор остаётся непревзойденым источником информации о свадебном обряде региона. По определению автора, рукопись посвящена «свадебным обрядам русских Вотской области, где сохранилось еще кое-что из патриархальных нравов и обычаев» [Верещагин 2001: 47]. Автор отмечает: «Мы здесь старались описать вкратце только те обряды, которые составляют принадлежность целого края, а не поместили то, что соблюдается отдельными селениями, хотя и упоминали о некоторых общепринятых обычаях некоторых местностей» [Верещагин 2001: 83].

Сопоставляя исследование Г. Е. Верещагина с экспедиционными материалами исследователей русского фольклора Удмуртии, собранными в конце XX в., можно с достаточной степенью уверенности предположить, что его рукопись создана на основе интеграции сведений о свадебных обрядах, бытующих на территории южной и юго-западной части современной Удмуртии. Это подтверждается сравнительным анализом этнографических сведений, текстов песен и притчаний, названий свадебных эпизодов, чинов. Таким образом, Г. Е. Верещагин, раскрывая богатейший фольклорный пласт, даёт цельное, обобщающее описание русского свадебного обряда Сарапульского уезда [Толкачева 2014б].

Серию современных трудов, материалов и статей, посвященных русским свадебным обрядам, записанных на территории современной Удмуртии со второй половины XX в., открывает публикация свадебного фольклора в сборнике «Русский фольклор Удмуртии» (составитель, автор вступительной статьи и примечаний А. Г. Татаринцев) [Татаринцев 1977]. Во втором переиздании данного сборника в 1990 г. материалы по свадебной обрядности значительно расширены [Татаринцев 1990].

Изучением этнографического и филологического аспектов русских свадебных обрядов южного этнокультурного ареала Удмуртии занималась Э. А. Тамаркина [Тамаркина 1995]. Комплексные исследования свадьбы северного этнокультурного ареала Удмуртии проводятся Т. А. Шуклиной [Шуклина 2012].

Т. Г. Владыкиной были рассмотрены атрибутивные и вербальные параллели в удмуртском и русском свадебных ритуалах [Владыкина 2006].

Активная работа по сбору и систематизации фольклорных материалов по русской свадьбе проводилась в последней трети XX в. – начале XXI в. в Глазовском государственном педагогическом институте им. В. Г. Короленко под руководством Т. А. Шуклиной, в Удмуртском государственном университете – под руководством Э. А. Тамаркиной.

История созиания русского музыкального свадебного фольклора Удмуртии начинает отсчёт со сборника И. К. Травиной «Русские народные песни родины П. И. Чайковского» [Травина 1978]. Записи 26 свадебных песен и притчаний были сделаны И. К. Травиной в пяти населённых пунктах Кизнерского и Воткинского р-нов, расположенных соответственно на юго-западе и юго-востоке Удмуртии, а также за пределами Удмуртии (Малмыжский р-он Кировской области).

Значительным вкладом в русскую музыкальную фольклористику Удмуртии стало диссертационное исследование Е. А. Скляровой «Музыкальный фольклор в календарных обрядах русских старожилов Удмуртской Республики» [Склярова 2015а; Склярова 2015б].

Для предлагаемого исследования русской фольклорной традиции южной Удмуртии привлекаются материалы архивов полевых записей 1993–2018 годов, выполненных в ходе фольклорно-этнографических экспедиций кафедры музыкального искусства Института искусств и дизайна Удмуртского государственного университета и отделения народного хора Республиканского музыкального колледжа. Руководителями фольклорных практик в эти годы были В. Г. Болдырева, Н. П. Иванова, И. М. Нуриева, А. Н. Поздеев, И. В. Пчеловодова, М. Н. Роготнева, С. В. Стародубцева (Толкачева). На сегодняшний день в архивах данных учебных заведений насчитывается более 3000 единиц хранения, большая часть которых нотирована на основе метода аналитической нотации, разработанной Е. В. Гиппиусом.

Планомерная работа по сбору русского музыкального фольклорно-этнографического материала на территории Среднего Прикамья в границах современной Удмуртии в конце XX в. проводилась сотрудником Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского

отделения Российской академии наук С. В. Стародубцевой (Толкачевой). В Звуковом архиве Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук содержится свыше 1000 единиц записи по русской свадебной обрядности региона.

В монографии С. В. Стародубцевой «Русская хороводная традиция Камско-Вятского между-речья» опубликован ряд специфических свадебных *плесковых*¹ песен, описан этнографический контекст их исполнения, обозначены музыкальные и поэтические особенности подобных образцов [Стародубцева 2001]. В сборнике «Ох, роспечальное моё сердечко: песни из репертуара Н. Е. Власовой» предлагаются рассказы народной исполнительницы Н. Е. Власовой о свадебном обряде, нотации исполненных ею свадебных песен и причитания, бытовавших в старообрядческой среде Карсовойского края [Стародубцева 1999а]. В начале XXI в. С. В. Толкачевой был опубликован ряд статей, посвящённых специфике этнографического, кинетического, вербального, акустического кодов ритуала русской традиционной свадьбы Удмуртии [Толкачева 2010; 2011; 2012; 2013б; 2013в; 2014а; 2014б; 2015а; 2015б].

Междисциплинарный подход к проблеме бытования русской свадьбы на территории Среднего Прикамья был применён В. Г. Болдыревой в диссертационном исследовании «Русская свадьба Среднего Прикамья: локальные традиции, коды обряда, межэтнические связи» и в серии статей [Болдырева 2006; 2007; 2008а; 2008б; 2016а; 2016б; 2018а; 2018б]. Использование обширной методологической базы позволило В. Г. Болдыревой подробнейшим образом охарактеризовать традицию Среднего Прикамья в многообразии локальных вариантов. На основе картографирования этнографического и музыкального компонентов свадебного ритуала, В. Г. Болдыревой были выявлены три стилевые зоны, «<...> являющиеся катализаторами этнокультурных процессов на сопредельных территориях. Локализуются **часть Среднего Прикамья с центром в г. Сарапуле** (Каракулинский, Камбарский, Сарапульский, Киясовский, отчасти Завьяловский и Воткинский р-ны) и **воткинский куст** с примыкающими к нему Завьяловским и Шарканским р-нами» [Болдырева 2018б: 17].

Третья стилевая зона – так называемая **«вятская традиция»** (Вавожский, Кизнерский, Малопургинский, Можгинский, Селтинский, Сюмсинский, Увинский р-ны) – на территории южного этнокультурного ареала современной Удмуртии обладает ярко выраженной спецификой: «Можно предположить, что финно-угорская среда явилась стабилизирующим фактором: традиция не только лучше сохраняется в пограничье проживания, но, кроме того, иногда некоторые фольклорные явления, исчезнув у русских, продолжают жить в удмуртской среде» [Болдырева 2018б: 19].

В основу предлагаемого исследования русской традиционной свадьбы южного этнокультурного ареала Удмуртии В. Г. Болдыревой и С. В. Толкачевой положен системный подход. Также авторами используются дескриптивный, сравнительный, статистический методы, метод реконструкции, метод включенного наблюдения.

Русский свадебный обряд Среднего Прикамья представляет собой позднее по времени формирования и вторичное по генезису и структуре явление. В результате предлагаемого исследования бытования русской свадьбы в южном этнокультурном ареале Удмуртии обнаруживается, что она складывалась на основе форм, привнесенных на территорию Среднего Прикамья выходцами из северных, центральных уездов России, Среднего Поволжья, Верхнего Прикамья.

По мере возможности, в предлагаемом исследовании проводятся параллели между русским свадебным фольклором южного этнокультурного ареала Удмуртии и русской свадебной обрядностью других регионов. Так, прослеживаются отчетливые связи со свадебными ритуалами Архангельской области, Владимирской губернии, Нижегородской области, Поморья, Ростовского уезда Ярославской губернии, Нижней Вычегды, Свердловской области, Башкирской Республики, Республики Мордовии.

Важное место в исследовании уделяется бытованию русского свадебного обряда в полиэтничном пространстве (в условиях соседства с удмуртами, татарами, бесермянами).

¹ Курсивом в данном исследовании выделяется прямая речь информантов, а также диалектные слова и выражения. Жирным шрифтом в диалектных словах и выражениях отмечаются ударные гласные.

Освоение территории Среднего Прикамья русскими

Миграция русских из разных регионов Европейской части России в Среднее Прикамье растянулось на достаточно длительный период. По утверждению Л. Д. Макарова, бассейн р. Камы являлся «<...> частью Великого Волжского пути, связывавшего Запад и Восток, Север и Юг прочными и всесторонними связями. Рассматриваемая область издавна была заселена финно-угорскими народами и представляла интерес для двух крупнейших государств Восточной Европы – Древней Руси и Волжско-Камской Болгарии» [Макаров 2006: 3–4].

Со второй половины XII – начала XIII вв. край осваивается русскими переселенцами из Новгородской республики, Владимиро-Суздальской земли, позже – с территорий Поморья, Вятки, Верхнего Прикамья, Перми Великой, Казанской, Оренбургской и других губерний [Макаров 2006: 41; Пислегин, Чураков 2012: 127–131]. «Первые постоянные русские поселения на территории удмуртского Прикамья появляются во второй половине XIV в.» [Пислегин, Чураков 2012: 128].

В среднем течении реки Камы постоянное русское население стало появляться лишь после окончательного завоевания казанского ханства в октябре 1552 г. Эта дата является точкой отсчета русской истории территории Среднего Прикамья. Уже к концу XVI в. здесь «<...> возникают три района сосредоточения русского населения: Сарапульский, Каракулинский и Елабужский. Судя по документам XVII в., в Каракулино была построена крепость «острожек» со стенами и с необходимым для обороны «от приходу воинских людей» военным снаряжением: пушками и «мушкетами». Под прикрытием крепости в Каракулино и в округе стала собираться дворцовая слобода. Примерно так же происходило формирование Сарапульской и Елабужской дворцовых волостей» [Гришкина 2006: 32].

«Хотя постоянное население «на Сарапуле» впервые было отмечено переписной книгой Осинской Новоникольской слободы 1596 г., русские жители появились здесь, очевидно, ранее, во всяком случае, писцовая книга Чердынского уезда 1579 г. фиксирует бегство крестьян «на Сарапул» как довольно распространенное явление. Переписные книги первой четверти XVII в. застали в отмеченных районах довольно значительное по тому времени русское население в Елабуге и Сарапуле, ставших центрами тяготевших к ним дворцовых сел, деревень и починков. <...> О местах выхода русского населения отмеченных районов можно судить по фамилиям и прозвищам жителей. Так, в Сарапуле были отмечены Верхокамец, Верхолалцов, Вычегжанин, Гайнец, Лузянин, Луженин, Кудымкорец, Казанцев, Осинцев, Рязанцев, Сысолитин, Сысолец, а также Пермитин, Чувашов, Вотин» [Гришкина 2006: 33].

В первой половине XVII в. «состав жителей в дворцовых селах стал еще разнообразнее: наряду со старожилами появились астраханцы, ярославцы, стародубцы, свияжане, галичане, а из нерусских крестьян отмечена мордва» [Гришкина 2006: 34].

К началу XVII в. сформировался уже целый район сосредоточения русского населения с центром «на Сарапуле», являющийся своеобразными «южными воротами» русских миграционных потоков в Среднем Прикамье.

«К концу XVII в. темпы прироста русского населения в старых центрах колонизации стали снижаться. Происходила это вследствие действия двух причин: во-первых, усилился отток русских крестьян в другие осваиваемые районы государства, в частности в Сибирь, на Урал, в нижнее Поволжье; во-вторых, в самом Прикамье и на Вятке они стали расселяться значительно шире. Так, в конце XVII в. – начале XVIII в. русское население начало заселять район Сивы – одного из правых притоков Камы» [Гришкина 2006: 36]. По местам выхода, это были жители разных дворцовых волостей Казанского и Уфимского уездов, сибирской, архангельской и нижегородской губерний, а также крестьяне камского побережья, устремляющиеся вглубь территории.

Следующая волна русского переселения была связана с промышленным освоением края. В XVIII, в связи со строительством крупных государственных железноделательных заводов на р. Вотка (1759 г.) и р. Иж (1760), литейного завода на реке Камбарка, принадлежавшего П. А. Демидову

(1767 г.) и других, более мелких, предприятий, начался процесс массового переселения крестьян из центральных областей России. Однако только с начала XIX в. русское крестьянство начало осваивать пространства, достаточно плотно заселенные нерусскими жителями. «На территории расселения удмуртского этноса были построены медеплавильные и железоделательные заводы: Бемышевский, Коринский, Варзино-Алексеевский, Пудемский, Воткинский, Ижевский, Омутнинский. Часть этих предприятий была основана на арендованной у удмуртских общин земле, часть – на частновладельческих угодьях. Обслуживались эти владения трудом мастеровых, крепостных и наемных, а к Воткинскому и Ижевскому заводам были приписаны русские крестьяне, живущие в заводской округе радиусом до 600 верст. <...> Потребность в рабочей силе для выполнения заводских работ притягивала к ним крестьян окрестных деревень, в том числе и русских, и удмуртов» [Гришкина 2006: 43].

Существенную роль в формировании этнокультурного облика Среднего Прикамья сыграл еще один поток миграций, начавшийся в конце XVII – начале XVIII вв. и связанный с расколом Русской Православной Церкви². Старообрядцы, укрывающиеся от церковных гонений, пришли в основном по Каме и Вятке, расселяясь по всей территории Сарапульского уезда. «Раскол занесен в Сарапульский уезд первоначально из западной окраины Вятской губернии, а в эту окраину проник он во второй половине XVI века из низовых губерний – Казанской, Нижегородской, Симбирской» [Верещагин 2001: 88].

Старообрядчество на территории Среднего Прикамья распадалось на ряд течений, «толков» и «согласий». Наиболее плотно представлены два течения: поповщина и беспоповщина с целым рядом их разновидностей.

Поповщину представляли три направления: беглопоповщина, белокриницкая церковь и единоверцы. Главным центром беглопоповцев в Среднем Прикамье стала Камбарка, где в 1910 г. ими был выстроен молельный дом. В 1846 г. многие беглопоповцы подчинились белокриницкой иерархии.

История белокриницкой иерархии начинается с монастыря на территории Австро-Венгрии, в Буковине, возле села Белая Криница. На нашей территории ее последователей называли австрийцами. «Белокриницкая иерархия была широко распространена по всей Вятской губернии, однако больше, чем в любом другом городе губернии, их было в Сарапуле. Купцы строили полулегальные часовни и молельные дома. Представители австрийского согласия делились на окружников и противоокружников» [Ивонин 1973: 9]. Ныне иерархия продолжает существовать под названием Русская Православная Старообрядческая Церковь, имея до 5000 активных прихожан в Удмуртской Республике. В 1998 г. в Ижевске, взамен уничтоженного в 1937 г., ими был построен храм Покрова Богородицы.

Переходной формой от старообрядчества к никонианству было единоверие, введенное «Указом 1800 года по представлению Московского митрополита Платона. Еще в 1979 году казанский архиепископ Амвросий предоставил старообрядцам церковь и определил туда иерея с дозволением свершать службу по старопечатным книгам. Казной были возведены храмы в Ижевске (1842 год), Сарапуле (1848 год), в с. Перевозное (1870 год), Воткинске (1895 год), с. Осипинцы (1904 год). С 1896 года в Сарапуле действовало особое благочиние единоверцев. После 1917 года они называли себя также ревнителями древлего благочестия патриаршей церкви» [Ивонин 1973: 9–10].

«Беспоповство – одно из основных направлений в старообрядчестве. Существовало на территории Удмуртии с XVII в., главным образом в глухих местностях. Это старообрядческое направление было представлено в Удмуртии пятью толками: поморцы (даниловцы); филипповцы (рябиновцы); федосеевцы, часовенники (часовенные); бегуны (истинно православные христиане странствующие). Толки иногда распадались на согласия, например, поморцы делились еще на демовцев и максимовцев.

На Ижевский и Воткинский заводы учение старообрядцев-беспоповцев рябиновского толка (название связано с пристрастием к нательным крестам из рябины) занесено в начале XIX века из Пермской губернии» [Ивонин 1973: 10–11].

² По утверждению собирателей, во время записи фольклорно-этнографического материала в экспедициях, проводившихся во второй половине XX в. на территории Среднего Прикамья, существенного влияния старообрядческих верований на свадебный обряд информантами не отмечалось.

Существовало на территории Среднего Прикамья и старое русское сектантство, о чем свидетельствует в своей работе «Прикамские фармазоны» Г. Е. Верещагин: «Фармазон»³ – испорченное слово «франк-масон». Так называются в наших местах приверженцы мистических сект, которыми заражен значительный район Сарапульского уезда, включая сюда и город с Воткинским и Ижевским заводами⁴, причем, однако, большая часть сектантов проживает не в самом городе и заводах, а в близлежащих селениях» [Верещагин 2001: 88].

Вероучение старообрядцев накладывало свой отпечаток на их мирскую жизнь. Например, учение о воцарении в мире антихриста вынуждало их отрицать любые нововведения в быту и одежде, заставляло брать в дорогу соответственную медную икону, свою чашку, ложку. По этой же причине они, по мере возможности, стремились избегать контактов с населением, которое не придерживалось «старой веры». Принимаясь за любое дело, они обязательно молились и осеняли себя, сам предмет работы крестом. Женщины без крестного знамения не ставили на место в хозяйстве ни одной вещи. Во время работы или отдыха старообрядцы никогда не пели «мирских» песен. Они напевали молитвы, духовные стихи, канты, в которых содержался призыв уйти от мира, отделиться от него.

Жизненный уклад старообрядцев, их замкнутость и стремление к изоляции способствовали сохранению очагов традиционной культуры Среднего Прикамья. Стремясь уберечь свою культуру от воздействия внешних факторов, старообрядцы сохранили в своей памяти фольклорные тексты, четкие, подробные представления об обрядах и обрядовых действиях.

Формирование зон русских поселений в последующие периоды осуществлялось в основном за счёт внутренних миграций.

Отмеченные колонизационные и миграционные процессы, происходившие особенно интенсивно на протяжении XVI – XVIII вв., сформировали следующую картину современного распределения русских на территории Среднего Прикамья. На побережье р. Кама проживает в основном русское население. В незначительном отдалении от него живут удмурты – «чересполосно» с русскими. Преимущественно «русскими» считаются следующие р-ны: Сарапульский, Воткинский, Камбарский, Каракулинский, Киясовский. Удмуртское население составляет большинство в Шарканском, Мало-Пургинском, Можгинском р-нах.

Вплоть до XIX в. основным занятием жителей территории Среднего Прикамья было землеведение. На протяжении XIX в. население территории Среднего Прикамья «значительно эволюционировало в экономическом, культурном, ментальном отношении. Если в 1820–30-х гг. деревенские жители жили замкнутой жизнью, не отлучаясь далее 60 верст, то во второй половине XIX в., в условиях реализации Великих реформ, жизнь значительно оживилась. Село шло в ногу со временем. Крестьяне смело шли в отход на заработки Урало-Поволжского региона, овладевали заводскими профессиями на ижевских, пермских заводах. Государственные крестьяне, обеспеченные неплохими земельными наделами и скотом, самостоятельно обеспечивали себя орудиями труда, предметами быта, обувью, одеждой. Развивалась торговля как стационарная (лавки, магазины), так и периодическая (базары, торжки). С развитием имущественной и социальной дифференциации, с накоплением капиталов среди богатой части крестьянства сформировался предпринимательский капитал, возникли свои, доморощенные купцы. Частный капитал осуществил свою прогрессивную роль в создании промышленных предприятий, развитии торговли, культуры населения, облагораживании внешнего облика селений волости, а также благотворительных деяниях» [Лигенко 2013: 61].

Центр этих земель – Сарапул, был основан в середине XVI в., сразу после взятия Казани. Из начально поселение именовалось как село Вознесенское. «Первопроходцами являлись уроженцы северных (Верхнее Прикамье, Пермь) и центральных земель (Поволжье) России. Государство, обустroив крепость, сделало Сарапул одним из центров российской колонизации Урала. Выгодное географическое положение стимулировало развитие ремесла и торговли, что позволило

³ «Фармазонами называются вообще православные, сектанты мистической секты: хлысты, скопцы. Кроме сего, им даны еще и другие прозвища; так, например, первых называют молоканами и скакунами, а последних м..резами» [Верещагин 2001: 88]

⁴ Сарапул получил статус города в 1780 г., Ижевск – в 1918 г., Воткинск – в 1936 г.

селу развиться вначале до уровня дворцовой слободы (1740 г.), а позднее получить статус города (1780 г.). Уже с начала XVIII в. село Вознесенское играло в жизни окрестных поселений большую роль не как военно-административный, а в первую очередь, как экономический центр региона. Социально-экономическая структура Сарапула быстро изменялась, преобладающей сферой деятельности становилось уже не сельское хозяйство, а ремесло и торговля. В 1780 г., согласно административной реформе Екатерины II, Вознесенскому был присвоен статус города, который получил официальное название – Сарапул» [Пюриянен 2007].

Купцы Сарапула торговали на крупнейших ярмарках страны, успешно конкурируя с другими городами имея свои торговые ряды на таких знаменитых ярмарках, как Ирбитская, Макарьевская и др., что приносило немалые доходы. Причем, приток капитала шел не только за счет хлебной и другой торговли, но и за счет развития промышленности, особенно кожевенно-обувной. Сосредоточие самых разнообразных частных предприятий, торговых заведений, административных учреждений позволило сарапульцам претендовать на статус своеобразной столицы Среднего Прикамья⁵.

Отражая своеобразие культуры и быта Вятского края, Д. К. Зеленин писал: «<...> Вятская земля не представляет этнографического целого. Едва не половина русского населения Вятской губернии не считает себя вятчанами. Таковы, прежде всего, жители юго-восточной, прикамской, части губернии, уездов: Сарапульского, Елабужского и восточной части Малмыжского <...>. Этнографическая граница, отделяющая вятчан от сарапульцев, идет, в пределах Малмыжского уезда, по р. Лобани (приток Кильмези), от устья которой спускается на р. Вятку и проходит около этой реки, по её левую сторону» [Зеленин 2004: 65]. По свидетельству Д. К. Зеленина, «<...> сами себя жители Сарапульского и Елабужского уездов называют сарапульцами и елабужцами и протестуют, если их назвать по губернии, вятчанам <...>. Особого названия для всех жителей Сарапульского, Елабужского и восточной части Малмыжского уездов, составляющих собою этнографическое целое, странным образом, не создалось; изредка, впрочем, употребляется в этом широком смысле термин сарапульцы. Общая кличка, как кажется, гогары» [Зеленин 2004: 66–67].

Неоднородность русского населения на территории Среднего Прикамья, выявленная Д. К. Зелениным, нашла подтверждение в пословицах, поговорках, присловьях, легендах, преданиях, которые были записаны в конце XX – начале XXI вв.

«Помогая установить этнографические группы, народные присловья дают в то же время обильный и прекрасный материал для сравнительной характеристики этих групп» [Зеленин 1994: 62]. Так, жительница Можгинского р-на объяснила этномузикологу В. Г. Болдыревой: «*Те гогары, а мы вятские...*», – и перечислила деревни, входящие в состав обеих этнографических групп. Как удалось выяснить, подобная дифференциация в народной терминологии основана, прежде всего, на диалектных особенностях говора: «*Те щекают. Ще <что> ты баешь?*». Или:

- Ты откуль?
- Да из Кошки <из д. Кочки>.
- А дорога-то нищё?
- Нищё, да кошки <кочки> [Болдырева 2008: 73].

Особый интерес вызывает культура русских, мигрировавших в Среднее Прикамье в XIX – XX вв. В южном этнокультурном ареале Удмуртии, по сравнению с северным этнокультурным ареалом, процессы адаптации переселенцев к местной диалектной традиции прослеживаются достаточно явно [Толкачева 2017б: 189].

Фольклорная традиция с. Арзамасцево Каракулинского р-на Удмуртии, расположенного в южной части современной Удмуртии, является одним из показательных примеров активных миграционных, этнических и демографических процессов в регионе [Толкачева 2017б]. История

⁵ «Эти претензии поддерживало и то, что город являлся центром Сарапульского викарства, объединяющего Сарапульский, Малмыжский, Елабужский уезды, и управляемого епископом Сарапульским. Именно поэтому, еще начиная с 1880 года и по 1921 год, сарапульцы лелеяли мечты о Прикамской губернии со столицей в Сарапуле» [Шепталин 2007].

с. Арзамасцево находит отражение в документальных источниках, в преданиях о первых насељниках края, о происхождении топонимов, об этнических соседях. Особенно распространены предания, объясняющие локально-групповые прозвища, которые, согласно исследованиям В. А. Поздеева, являются «важным этническим маркером» [Поздеев 2014: 103].

Арзамасцево было основано в первой половине XIX в., куда переехали несколько крестьянских семей из Тамбовской губернии. Предания об основателе и первых жителях селения среди арзамасцев бытуют вплоть до настоящего времени. В ходе экспедиции Республиканского научно-методического центра и Удмуртского института истории, языка литературы Уральского отделения Российской академии наук в 1994 году было зафиксировано предание, согласно которому семья семи семей (родов) из некоей тамбовской деревни были отданы взамен на породистых щенков помещику Арзамасцеву из города Арзамаса, владевшего землями в Прикамье [Стародубцева 2001: 11–13]. По его фамилии и было названо селение, расположенное на берегу р. Оска (правобережье р. Кама).

Самые ранние документы, в которых упоминается Арзамасцево, датируются первой половиной XIX века [ГАСУР]. Так, по указу Св. Синода от 6 марта 1836 года № 1714 в с. Арзамасцево был открыт приход. В храмозданной грамоте № 1392 на строительство в д. Арзамасцевой каменной церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы отмечено, что это имение принадлежит купцу Машковцеву [ГАСУР]. Первые церкви в Арзамасцево строились на средства жены купца – А. А. Машковцевой. В связи с отсутствием других, более ранних, исторических документов восстановить фамилии первых владельцев села не представляется возможным. Таким образом, вполне вероятно, что предание о происхождении топонима по фамилии его основателя – помещика Арзамасцева – является легендой со значительной долей вымысла.

Необходимо отметить, что предпосылкой для активного взаимодействия традиционных культур арзамасцев и местного русского населения стали, прежде всего, географические, экономические, конфессиональные факторы. Это – расположение села рядом с «почтовым трактом Сарапульско-Елабужским и проселочной дорогой, идущей по правому берегу реки Камы» [Родная Вятка], а также открытие в 1836 году прихода, куда вошли д. Шумшоры, д. Черново, д. Суханово, д. Котово, д. Кудекса, д. Ендовка (названия населенных пунктов приведены в современном написании) [ГАСУР].

До середины XIX в. в официальных документах с. Арзамасцево упоминается с двойным наименованием – **Арзамасцево (Ягуты)** [ГАСУР]. В одном из преданий об этом локально-групповом прозвище объясняется, что слово *ягуты* происходит от восклицания на немецком языке: *ja, gut.* Это выражение одобрения будто бы произнес немец — вновь назначенный управляющий села — после того, как сын одного из четырех прежних помещиков, работавших по найму, проиграл все имение в карты⁶ [Якимов]. *Ягутами*, согласно информации местных жителей, в с. Арзамасцево называли представителей семи семей (родов) – Гавриковых, Ириных, Ляпуновых, Окуловых, Писчиковых, Тепляковых, Якимовых⁷.

В социальной сети «Одноклассники», принадлежащей Mail.Ru Group, размещены комментарии к присловью *ягуты, на собак менянные*, в котором объединяются прозвище первопоселенцев и легенда об обмене людей на собак [Якимов]. Там же имеется информация о женщине, проживающей в г. Сарапуле и называющей себя *ягуткой* [Якимов].

В. И. Даль толкует смысл слова *ягутки* как ‘буrlаки, для тяги судна бичевою’ [Даль 1994г: 673]. Д. К. Зеленин объясняет прозвище *ягутки* с позиций морфологических особенностей русских говоров: «Рязанцев и тамбовцев называют *ягутками*, по поводу их произношения: *яго* (его), причем про рязанцев говорят (нижегородцы), что это “старые ягутки”, а тамбовцы – новые» [Зеленин 1994: 45].

⁶ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Арзамасцево Каракулинского р-на от Писчиковой Анны Семёновны, 1908 г. р.

⁷ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Арзамасцево Каракулинского р-на от Якимовой Валентины Васильевны, 1936 г. р.

Таким образом, принимая во внимание легенду о происхождении прозвища *ягуты* от немецкого восклицания, нельзя игнорировать возможность его возникновения у арзамасовцев ещё на Тамбовщине, до их переезда в Сарапульский уезд Вятской губернии.

Арзамасовцы имели и другие прозвища, например, *слепуши* и *слепороды*, разделяющие односельчан на две группы: на *ягутов* и *слепородов*⁸. Информанты истолковывают прозвище *слепороды* тем, что, действительно, в их местности часто рождались слепые или слабовидящие дети. Однако *слепородами* называлась не только микролокальная группа арзамасовцев, но и другие русские этнографические группы Вятского края [Даль 1994в: 229; Зеленин 1994: 65, 80, 94–95]. В связи с этим можно предположить, что в прозвище *слепороды* могла быть «закодирована» память о коренном населении той территории Сарапульского уезда Вятской губернии, куда в первой трети XIX века поселились тамбовчане.

Местные жители, по их собственному утверждению, всегда старались избегать контактов с населением соседних деревень. Браки заключались только среди односельчан, «причем в последнее время допускались браки между двоюродными братьями и сестрами» [Стародубцева 2001: 11]:

Раньше наших <замуж> не отдавали и других не брали. Даже двоюродных брали – страшно было идти в другую деревню.

На вопрос о соседях – представителях других национальностей – арзамасовцы сообщают: <...> *Татары приехали с затопляемых земель с Камы около 20 лет назад. Удмурты раньше появились – около 30 лет назад*⁹.

На основании анализа исторических фактов, преданий, устных рассказов можно сделать вывод о том, что традиционная культура с. Арзамасцево Каракулинского р-на Удмуртии складывалась как многокомпонентное явление. Ее основой явился самобытный фольклор переселенцев из Тамбовской губернии, а местная русская традиция оказала только опосредованное влияние.

Итак, история Среднего Прикамья в «миниатюре» повторяла все исторические процессы, происходившие в Вятском крае. Этнокультурная традиция Среднего Прикамья непосредственным образом отразила всю сложность, многосоставность, полистилистичность, обилие напластований, присущие истории Вятского края.

Наибольшая цельность русской традиционной культуры в Среднем Прикамье наблюдается на территории, расположенной по обоим берегам р. Камы, в её среднем течении. Народная традиция данной территории, обозначенная в предлагаемой работе как **сарапульская традиция**, составляет ядро русской культуры Среднего Прикамья. Её особенности во многом сложились под сильнейшим влиянием города-купца Сарапула.

При продвижении вглубь современной Удмуртии, границы русской традиции постепенно размываются, образуя ее периферии. «В Сарапульском уезде народом выделяется как нечто целое Сивинский край, по р. Сиве, притоку р. Камы (на границе с Осинским уездом)» [Зеленин 2004: 6]. Территории, находящиеся к Северо-Востоку от Сарапула (центральные и северные районы Пермского края), имеют свой историко-культурный центр – город Воткинск, что позволило обозначить эти земли как **воткинскую традицию**.

В отличие от Сарапула, г. Воткинск стал центром притяжения русского населения позднее, в XVIII в., когда в 1759 г. графом Шуваловым был построен Воткинский железноделательный завод. Это предопределило еще один приток населения на эту территорию и очередную волну русификации, повлекшее за собой значительное изменение этнокультурных традиций.

Кроме двух русских традиций, сложившихся вокруг историко-культурных центров – г. Сарапула и г. Воткинска, и являющихся катализаторами этнокультурных процессов в южной Удмуртии, на сопредельных территориях, граничащих с Кировской областью (бывший Вятский уезд Вятской губернии), в зонах «чересполосного» проживания русских с удмуртами, бытуют

⁸ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Арзамасцево Каракулинского р-на от Писчиковой Анны Семёновны, 1908 г. р.

⁹ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Арзамасцево Каракулинского р-на от Писчиковой Анны Семёновны, 1908 г. р.

русские фольклорные традиции с определённой спецификой. «Это традиционно удмуртские территории, русские поселения на которых возникали вблизи удмуртских деревень, а иногда и в пределах самой деревни, но обязательно через символическую границу (за логом, за речкой и т. д.). Сравнительно недавнее переселение не дало народной памяти забыть земли, из которых прибыли жители. В большинстве своем они осознают свою принадлежность к вятчанам. Единичные исследования народной культуры на этой территории позволяют говорить здесь о бытовании узлокальных песенных типов, свидетельствующих о консервации традиции» [Болдырева 2016а: 393]. «Эту периферию мы условно обозначили как **вятская традиция**. Привлечение материалов, зафиксированных на этой территории, может дать нам возможность определить границу существования традиции Среднего Прикамья. Таким образом, в работе выделены следующие локальные зоны: сарапульская, воткинская и вятская, общность и различие этнокультурных традиций которых мы можем проследить на уровне текстов свадебного обряда» [Болдырева 2018а: 26].

* * *

Выбор композиционной структуры предлагаемой коллективной работы В. Г. Болдыревой и С. В. Толкачевой (Стародубцевой) «Русская свадьба Среднего Прикамья» обусловлен целью максимально полно, выпукло представить локальные традиции бытования свадебного обряда русского населения в южном этнокультурном ареале Удмуртской Республики. В Предисловии (В. Г. Болдырева, С. В. Толкачева) даётся общая характеристика русской фольклорной традиции южного этнокультурного ареала Удмуртии, предлагаются новые территориальные границы диалектных зон функционирования русской народной культуры, рассматривается методология исследования, описывается история сабирания русского фольклора на территории современной Удмуртии, история освоения края русскими. В Главе 1 (С. В. Толкачева) рассматривается этнографический контекст бытования свадебной обрядности в южном этнокультурном ареале современной Удмуртии. Глава 2 (В. Г. Болдырева) посвящена особенностям верbalного кода свадебного ритуала Среднего Прикамья. В Главе 3 (В. Г. Болдырева) рассматриваются напевы свадебного обряда локальных традиций Среднего Прикамья. В Заключении (В. Г. Болдырева) подводятся итоги исследования.

Предлагаемая работа богато иллюстрируется описаниями свадебных обрядов, которые включены в Главу 1 (С. В. Толкачева) и вынесены в Приложение № 2 (В. Г. Болдырева). Приложение № 1 (В. Г. Болдырева) содержит Карты: Удмуртской Республики, Среднего Прикамья, распространения термина *курник*, распространения ритмических типов свадебных текстов и напевов.

В Приложение № 3 включены расшифровки свадебных песен и причитаний, свадебных приговорок дружки. Песни, причитания, приговорки №№ 1–20, 22, 24, 26–38, 40–42, 44, 45, 47–61, 63–78, 81–96, 98–101, 103–113, 115, 117–144, 146–150 записаны и расшифрованы В. Г. Болдыревой, а также студентами кафедры музыкального и сценического искусства Института искусств и дизайна Удмуртского государственного университета или Республиканского музыкального колледжа под её непосредственным руководством. Песни №№ 21, 23, 25, 39, 43, 46, 62, 79, 80, 97, 102, 114, 116, 145 записаны и расшифрованы С. В. Толкачевой. Сборник снабжён Комментариями и Списком информантов и собирателей (В. Г. Болдырева, С. В. Толкачева).

Авторы выражают самую искреннюю благодарность, желают долгих лет жизни, здоровья, радости всем народным исполнителям – певцам, рассказчикам, знатокам народных традиций и всем-всем заинтересованным в сохранении народной культуры согражданам.

Особая признательность – нашим учителям и наставникам Т. Г. Владыкиной, И. М. Нуриевой, Н. Ю. Данченковой, М. А. Енговатовой, Т. И. Калужниковой, Т. В. Краснопольской, А. С. Ярешко.

Слова глубокого уважения и любви авторы посвящают своим коллегам – сотрудникам Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук и коллегам кафедры музыкального и сценического искусства Института искусств и дизайна Удмуртского государственного университета.

Глава 1

ОСОБЕННОСТИ БЫТОВАНИЯ РУССКОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ В ЮЖНОМ ЭТНОКУЛЬТУРНОМ АРЕАЛЕ УДМУРТИИ

Предлагаемое описание этнографического контекста бытования традиционной свадьбы русского населения южного этнокультурного ареала Удмуртии опирается на комплексный подход к изучению текста обряда, сформулированный Н. И. Толстым: «Традиционный обряд представляет собой культурный текст, включающий в себя элементы, принадлежащие к разным кодам: акциональному (последовательность определенных ритуальных действий), реальному (действия с предметами в обряде), вербальному (словесные формулировки), персонажному (исполнители обрядовых действий), темпоральному (временная приуроченность действий), локативному (пространственному), музыкальному и изобразительному» [Толстой 1995: 167].

По мнению исследователя традиционной свадебной обрядности удмуртов Т. В. Окуневой, «весь свадебный комплекс, включая совокупность предварительных и завершающих акций, является одним из наиболее сложных компонентов информационного языка народной культуры, выполняющих коммуникативную функцию и выступающих как текст в семиотическом смысле слова. Элементы обрядового текста могут быть переданы не только с помощью языковых знаков. В создании культурной информации участвуют и неязыковые средства выражения: мимика, жест, танец, обряд – это уже определенные текстовые структуры, существующие по соответствующим информативным законам...» [Окунева 2012: 31–32].

Комплексное описание этнографического контекста свадебных ритуалов южного этнокультурного ареала современной Удмуртии основано на выявлении как типичных черт, так и специфических особенностей в свадебных эпизодах и обычаях, в наборе и семантическом наполнении атрибутивного кода обряда, в составе свадебных чинов, в кинетическом сопровождении ритуала и т. д., присущих локальным фольклорным традициям исследуемого региона.

К сопоставительному анализу этнографического комплекса свадебных этнокультурных локальных традиций, функционировавших на территории южного этнокультурного ареала современной Удмуртии с середины XIX в. до середины XX в., привлекаются все доступные полевые рукописные и изданные фольклорно-этнографические материалы.

1.1. ПЕРСОНАЖНЫЙ КОД

В традиционном свадебном обряде большинство его участников исполняли определённые «роли», называемые чинами. Названия чинов отражали специфику деятельности персонажей, их социальный статус, возраст и т. д.

Таблица 1

Свадебные чины в народной терминологии¹

Свадебные чины	Сарапульская традиция	Воткинская традиция	Вятская традиция
невеста	невеста	невеста	невеста
жених	жених	жених	жених
отец невесты	сват	сват	горные
мать невесты	святья	святья	горные
отец жениха	сват	сват	свекор
мать жениха	святья	святья	свекровка
руководитель свадьбы	тысяцкий	тысячка	тысяцкий
сваха со стороны невесты	сваха, погоняха	сваха	погоняха, суредиха
сваха со стороны жениха	сваха	сваха	сваха
друзья жениха	дружка с дружиной	дружка, полудружье	дружко
подружки невесты	швеи	подружки	подружки
гости со стороны невесты	—	погоняхи	погоняхи, погона
гости со стороны жениха	поезжане	свалебшане (свалевшане)	поезжаны
гости на свадьбе	бояре	сваты	сватовья
сопроводитель(и) приданого	повозничек	—	скоробейки

«В представленной таблице четко видна тенденция к сближению народной терминологии сарапульской и воткинской зон. Вятская традиция имеет некоторые общие названия как с сарапульской, так и воткинскими традициями. Кроме того, встречаются и оригинальные названия (скоробейки, суредиха). Наиболее устойчивыми к варьированию оказываются чины дружки, свахи, тысяцкого, свата и сватьи» [Болдырева 2018а: 48].

Распространение названий свадебных чинов по территории современной Удмуртии имеет ареальную специфику. Ряд номинаций свадебных чинов имеет «точечное» распространение в отдельных локальных традициях. Так, только в юго-западных районах Удмуртии встречаются названия *горные*, *скоробейки*, *суредиха*, *погона* [Болдырева 2018а: 47]. В очерке М. И. Осокина «Сельская свадьба в Малмыжском уезде» имеется указание на бытование в Малмыжском уезде Вятской губернии в середине XIX в. чина *гордые*, сходного по функциональности и по звучанию с чином *горные*. *Гордыми* назывались родители невесты с ближайшими родственниками, приезжавшие после венчания невесты и привозившие её приданое и «новые подарки» для гостей [Осокин 1857: 83–84].

Напрямую соотносились со свадебным обрядом такие номинации, как *сваха*, *свалебжане* / *свалебжана*, *сват*. Ритуальные обязанности участников оказались запечатлёнными в терминах *поезжане* / *поезжаны*, *повозник*, *швея*, *шитница*, *погоняха*, *дружка*.

Среди названий свадебных чинов в южном этнокультурном ареале Удмуртии имеется один термин, общий с календарной обрядностью. Термин *снаряжончики*, обозначающий гостей, которые наряжались в шуточные одежды и маски на второй или третий дни свадьбы во время обряда *подавай* (хождения за водой), имеет широкое распространение в русской календарной обрядности Камско-Вятского междуречья [Стародубцева 2001: 20–22].

Основные действующие лица русской свадебной традиции – **жених и невеста**. Осуществление перевода жениха и невесты в новый для них социальный статус супругов и полноправных членов общины является одной из основных целей традиционного свадебного обряда. Систему

¹ Таблица составлена В. Г. Болдыревой [Болдырева 2018а: 47].

ритуалов, направленных на смену человеком социовозрастной группы, Арнольд ван Геннеп назвал «ритуалами перехода» [Геннеп 1999: 15–16, 24]. Участники подобных ритуалов на некоторое время становились лиминальными существами (от англ. «пороговый», «переходный»), как бы представителями иного, пограничного мира, близкого к «природному», «хаотичному». По завершении перехода они «возвращались» в привычный мир и «возрождались» в новом качестве. После прохождения обрядовых испытаний им присваивался новый социальный статус.

Девушка считалась **просватанной, невестой** со времени проведения *пропившей / пропивок / пропоя*², на которых самые близкие родственники невесты и жениха знакомились, договаривались о времени проведения свадебного обряда, составе приданого, количестве гостей, виде подарков и т. д. Невеста, по свидетельству Г. Е. Верещагина, должна была быть «умница-разумница», «работница», «рукодельница» [Верещагин 2001: 47].

Для русского населения Удмуртии было очень важно, чтобы невеста до свадьбы сохраняла девственность:

*А у нас, у русских, если, вот ещё в таких деревнях есть – что если девчонка не честная, так отцу с матерью хомут одевали на шею и водили по деревне за верёвку! Вот какой был позор! Так они вот и берегли, вот, свою dochь, чтоб честной отдать!*³

Поведение просватанной девушки менялось коренным образом. После пропивок невеста из дома не выходила. В полевых записях этномузиколога В. Г. Болдыревой есть рассказ о том, как отец невесты принародно избил дочь за то, что её не было дома в то время, когда к ней приехали женихи со своим отцом:

И вот приехали на песни, а невесты дома нету. Будущий тесть, значит, забирает жениха, запрягает свою лошадку, и поехали за невестой. Приехал, наругал свояченицу – зачем невесту держишь? А она: «А я почем знаю, она ко мне в гости пришла!» Забрал невесту, приехали домой, отец обсвистал невесту при всех парнях и девках [Болдырева 2018а: 205].

Согласно информации Г. Е. Верещагина, после пропивок невеста «одевается приличнее обычновенного и считается в доме как бы гостьей» [Верещагин 2001: 60]. В очерке М. И. Осокина «Сельская свадьба в Малмыжском уезде» также есть указания на особое поведение невесты. В день венчания, «с самого утра, когда встанут подруги невесты, она поступает в полное их владение, всегда окружена ими, и не сделает без них ни шагу»⁴ [Осокин 1857: 71].

После венчания невеста называлась *молодой / молодафьей / молодушкой / невесткой*.

Информанты обычно называют всего одно или два качества, которыми, по возможности, должен был обладать **жених**. Это – богатство и щедрость. Сваты, желая представить своего жениха родителям невесты с наиболее выгодной стороны, делали акцент именно на его финансовой состоятельности. Так, в одной из приговорок сватов жених сравнивался с купцом (в данном варианте эту приговорку информанты рассказали с позиции родителей невесты):

А хто приходит, говорит:

У их – купес,

У нас – красно девица.

У их – молодец.

Пришли к Вам посвататься. Позволите? Разрешите нам?

Дак ведь чё скажешь?: «Пожалуйста, садитесь»⁵.

² Достаточно подробное описание всех упоминаемых свадебных эпизодов и обычаев представлено в разделе «1.4. Акциональный код».

³ ЛПА-1997. Запись Стародубцевой С. В. в г. Ижевске Удмуртской Республики от Липиной Галины Степановны, 1935 г. р., уроженки совхоза «Удмуртский» Сарапульского р-на.

⁴ Цитата приводится в современной орфографии.

⁵ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Вятское Каракулинского р-на от Калабиной Зинаиды Григорьевны, 1937 г. р., уроженки д. Обухи, Шумковой Веры Егоровны, 1929 г. р., уроженки д. Обухи.

Волевые качества, физическая сила жениха проявлялись непосредственно в ходе свадебного ритуала – в многочисленных выкупах: дороги к дому невесты, праздничного стола в доме невесты, самой невесты, ее косы, курника (свадебного пирога, символа девичества невесты), приданого, брачного ложа. Выкупы на свадьбе имели множество функций, среди которых – пожертвование (жертвоприношение), возмещение убытка родственникам невесты в связи с её замужеством, демонстрация богатства, силы, смекалки, щедрости, хитрости представителями партии жениха, контакт родственников жениха и невесты в непринуждённой, полной веселья и юмора, обстановке [Толкачева 2016б: 41].

Во второй день свадьбы сила, сообразительность, щедрость молодого (после венчания **женихов** именовался **молодым**) демонстрировались присутствующим в обычаях подметания сора, хождения с супругой в баню, по воду⁶.

Присвоение чина **гость** зависело от пространства, где разворачивалось свадебное действие, и от принадлежности участников к локусу жениха или невесты. В доме невесты **гостями** были родные со стороны жениха. В доме жениха уже невестина родня находилась в статусе **гостей**. Кроме этого – обобщённого – чина, большинство гостей наделялось чинами, отражающими специфику их деятельности во время свадебного обряда.

Термин, суммарно обозначающий всех участников поездки за невестой в южных и центральных районах Удмуртии – *поезжана / поезжане / свалебжана / свадебники* – тесно связан с понятием «свадебный поезд». В этих номинациях прослеживается основная функция родни жениха – перевоз невесты в дом жениха. Согласно магии числа, их количество обязательно должно было быть нечётным (обычно, от 9 до 13 человек, иногда количество поезжан доходило до 19) – чтобы вернуться в дом жениха с невестой, которая в поезде становилась «чётной». Каждый из поезжан, в зависимости от обязанностей, наделялся специальным чином – *тысяцкого, дружки, боярина, повозника, свахи*.

Сваха была единственной женщиной среди представителей локуса жениха. Обычно свахой становилась крёстная / тётя жениха, иногда более дальняя по родству, или даже не состоявшая в родстве с женихом, уважаемая женщина. В обязанности свахи вменялось владение максимально точной информации о невесте и её родне, их социальном, финансовом положении, физическом и психическом здоровье, особенностях характера. Сваха должна была быть бойкой, спортивной, досконально знать ход свадебного обряда:

– Приходят сваты, сватают. А в деревне так было. Сваха в деревне – это уж одна там, или две свахи. Они знают. Как вот сейчас идёт – кому за 30 – там тоже ведь, кто-то встречаются да. А это сваха знала по деревне, ага, где девчонка хорошая. Где она кривая, где она больная. Всех сваха в деревне знала. И приходят из другой деревни сватать если, обращаются к этой свахе:

– У нас жених вот такой-то.

Без всяких там они рассказывают, какой жених.

– Нам нужна невеста! Чтоб они жили. Вот.

Сваха думат-думат:

– Давай, вот к этой пошлём! Вот эта – ничего девчонка, и давай к ней!

И приходят со свахой⁷.

Согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера, слово «сваха» является производным от «сват». В праславянских языках «сват» – это «гость», «чужак», «сам по себе» [Фасмер 1987: 570]. А. Г. Преображенский объясняет этимологию данного слова исходя из понятий «свой», «друг», «родственник» [Преображенский 1910 – 1914: 255–256]. Акцентуация ведущих учёных на различных моментах в происхождении номинации «сваха» может свидетельствовать о двойственной сути её ритуальной деятельности. Сваха – единственная предста-

⁶ См. разделы «1.4.12.4. Молодые сор метут...», «1.4.12.5. В баню ходят молодые», «1.4.12.6. Испытания молодого», «1.4.12.7. По воду идут / Подавай».

⁷ ЛПА-1997. Запись Стародубцевой С. В. в г. Ижевске Удмуртской Республики от Липиной Галины Степановны, 1935 г. р., уроженки совхоза «Удмуртский» Сарапульского р-на.

вительница женского пола в имманентно мужской, и по составу, и по функциям, партии жениха. Изначально она «незнакомка» для родственников невесты, но одномоментно должна суметь стать для них «своей», договорится, познакомить и сблизить два прежде чуждых рода.

Начиная со дня венчания, в свадебном обряде важное место занимала **вторая сваха**, уже со стороны невесты – её **крёстная**. Так, сваха невесты координировала один из самых волнующих эпизодов свадьбы – выкупала косу невесты, расплетала её. В воткинской локальной традиции сваха невесты встречалась со свахой жениха. На протяжении нескольких свадебных дней сваха невесты помогала своей крестнице, например, в *одаривании* родни жениха. В Каракулинском р-не сваху невесты называли *погоняха*⁸.

Номинации партии жениха отражали родственные или дружеские взаимосвязи (*дружки, подружья*), указывали на возрастной статус (*старший, младший*), символически возвеличивающие профессиональное или служебно-административное положение (*бояре, тысяцкий*).

Центральные чины партии жениха – **тысяцкий** и **дружка**. Их обязанности значительно варьировались в зависимости от локальных традиций. Наименования чинов боярин и тысяцкий восходят к древнерусским военно-административным должностям. **Боярин** – стоящий у власти представитель высшего сословия, уникальная по своему статусу личность. **Тысяцкий** – военачальник, распорядитель, должностное лицо княжеской администрации. Участие данных терминов в номинации чинов родственников жениха свидетельствует о древности славянских корней крестьянской свадьбы и сходстве традиционной русской свадебной обрядности во всех социальных сословиях Древней Руси.

Бояре – совокупное название родственников жениха среднего или пожилого возраста. Если среди бояр назначался *большой боярин*, наиболее уважаемый в родне женатый мужчина, тогда все остальные бояре назывались *малыми*.

Тысяцкий / тысячка – распорядитель свадьбы. На роль тысяцкого выбирался дядя или крёстный жениха, состоятельный, богатый человек, самый почитаемый мужчина в родне, глава свадебного поезда, распорядитель всех ритуалов 1-го и последующих дней свадьбы, хранитель свадьбы. Во многих локальных традициях он «ничего не делает», и его обязанность – просто присутствовать на свадьбе. В Камбарском р-не тысяцкий напрямую мог «замещать» жениха в некоторых эпизодах свадьбы, например, пить за него [Болдырева 2018а: 50].

Дружка – близкий друг жениха, обычно холостой парень. За столом он сидел рядом с женихом, в свадебном поезде ехал в первой повозке, первым заходил в дом и узнавал, готова ли невеста выйти к жениху. Обычно в составе свадебного поезда было несколько дружек – *старший дружка* и его помощники – *младший дружка / подружье / полуодружье*⁹. В зависимости от средства жениха, число помощников могло доходить до двенадцати. Фактически, именно дружка вёл свадьбу. Он должен был досконально знать особенности свадебного ритуала, быть весельчиком и балагуром, свободно владеть огромным количеством *приговорок / побасёнок*, послушать которые собирались вся деревня.

По личным наблюдениям автора в фольклорных экспедициях на территории Удмуртии, женщины-информанты, хорошо знающие приговорки дружки или воспроизведившие их в реальном обряде, в процессе аудиозаписи зачастую пытались передать и их исполнительскую манеру. Они прочитывали или произносили приговорки громко, в очень быстром темпе и четком ритме. Однако периодически их дикция становилась «бормочущей», невнятной, как бы «скрывающей» смысл произносимого текста. Таким образом, определенные фрагменты свадебных приговорок дружки в акустическом отношении обладали сходством со звучанием заговоров.

В. И. Далем, помимо объяснения собственно свадебного чина, приводятся другие диалектные значения слова «дружка» – «пара», «чета», «другой я», «два», «молодой женатый парень» [Даль 1994а: 496]. А. Г. Преображенский раскрывает этимологию слова «друг» через индоевропейское «быть готовым, крепким», германское «выдерживать, действовать, добиваться» [Преоб-

⁸ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в д. Котово Каракулинского р-на от Котовой Александры Петровны, 1934 г. р., уроженки д. Куюки.

⁹ В д. Юрино Сарапульского р-на *старшим дружкой* выбирался родственник жениха, состоящий с ним в ближайшем родстве (см. Приложение 2. Свадебный обряд д. Юрино...)

раженский 1910 – 1914: 197–198]. Исходя из этимологии этой номинации и опираясь на полевые экспедиционные материалы, можно предположить, что одна из ролей дружки – быть «отражением», «вторым я» жениха, который в течение свадебного обряда находился в «переходном», «лиминальном» состоянии. Дружка активно помогал жениху совершить «перерождение», осуществить переход в «новое» качество, поскольку одновременно являлся ипостасью, второй половиной жениха, и в то же время обладает всей полнотой действий в реальном, социальном мире.

Дружки сопровождали жениха в поездках к невесте до свадьбы, привозили ей и её подругам угощения. В этом же ареале существовал обычай, когда родственники жениха и невесты, односельчане приходили в дом невесты *на песни*: швеи-подруги невесты угощали гостей и пели им величания. Информанты, вспоминая эти ситуации, обычно употребляют термины «друзья жениха», «товарищи», «парни». Э. А. Тамаркиной указывается, что жених посещал невесту в день гостинцев «с дружками» [Тамаркина 1995: 106]. Таким образом, обнародование, своеобразное «оглашение» чина дружка происходило ещё до дня свадьбы. В с. Чеганда Каракулинского р-на друзей жениха называли *наколошники, набожники*:

К ним <швеям> парни приходят – наколошники, набожники. Парней величают, чтобы де-нежки выложили¹⁰.

Внешне дружки выделялись среди *поезжан*. Они восседали верхом на конях или на козлах, тогда как остальные поезжане размещались в кошёвках, санях, подводах. При встрече свадебного поезда девушки *прикалывали* (подшивали) дружкам на грудь ленты или бумажные / восковые цветы, дарили им украшенные разноцветными лентами или лоскутами плети / бичи [Толкачева 2013: 20–22]:

А дружка – он молодых охраняет. Их должно быть двое: старший и младший. У старшего дружка плетка чуть подлиннее, у молодого – покороче. И они всю свадьбу ведут этими плетками. Кто заработает – тот получит. Кто не будет пить за молодых, за невесту – получай. Девчонок гоняют [Болдырева 2018а: 196]¹¹.

Повозник / повозничек следил за свадебным поездом, его транспортным составом, упряжью, украшением, рассаживанием гостей. Особая функция *повозника* – перевезти приданое невесты в дом молодого. В связи с этим на роль *повозника* выбирался «вёрткий» мужчина: «чтобы не растерять приданое»¹².

Особый чин существовал для гостей, привозивших в дом жениха приданое невесты. Обычно это были родственники невесты, иногда её подруги или родители. В Вавожском р-не их называли *скоробейки*, в Каракулинском р-не – *пуховые*¹³, в Селтинском р-не – *сундушики* [Шуклина 2012: 9].

Гостей со стороны невесты, посещавших дом жениха после венчания молодых, называли *погоняхой*.

После того, как невеста считалась просватанной, к ней приглашались её подруги и женщины, чтобы помочь ей дошить приданое ко дню свадьбы. В сарапульском ареале этих девушек и женщин называли *швеями / шитницами*, поскольку они занимались рукоделием. Обычно приглашалось от трёх до пяти девушек. Швеи готовили подарки к свадьбе, посещали дом жениха – ездили *столы мерить, по веники*, пели величания всем посетителям дома невесты. Вплоть до второго дня свадьбы они принимали участие во всех эпизодах свадьбы. Пир у жениха, где и *срамное можно услышать*, девушки не посещали [Болдырева 2018а: 50].

В традиционной свадьбе южных и центральных р-нов Удмуртии было принято, чтобы обрядовые песни на свадьбе исполняли только *швеи*. Во время рукоделия *швеи* вспоминали свадебные песни, величали приходящих в дом невесты гостей:

¹⁰ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Чеганда Каракулинского р-на от Банниковой Александры Кузьмовны, 1918 г. р.

¹¹ ЛПА. Запись Болдыревой В. Г. в д. Нижний Армязь Камбарского р-на [Болдырева 2018а: 196].

¹² ЛПА-1997. Запись Стародубцевой С. В. в г. Ижевске Удмуртской Республики от Липиной Галины Степановны, 1935 г. р., уроженки совхоза «Удмуртский» Сарапульского р-на.

¹³ Приданое называлось словом *пух*, отсюда сопроводители приданого, продающие его в доме жениха – *пуховые*.

Каждый вечер девки собираются, чтобы голос красиво шёл. У нас ведь «зачерствел» голос. Не растут песни¹⁴.

В первый свадебный день в доме невесты принимали участие **дети**. Изредка к ним присоединялись **старушки**. Они первыми занимали места за столом. После того, как мать невесты накрывала на стол, дети и старушки «продавали» свои места жениху и поезжанам:

Мать невесты накрывает на стол, а все места за столом занимают ребятишки и старушки – они потом продают свои места жениху и поезжанам. А друзски кнутами машут, гонят их из-за стола! Потом все-таки деньги дают, откупают места за столом [Шуклина 2012: 11].

Дети также активно посещали **девишик**. В **девишик**, после выхода из бани, невеста раздавала всем присутствующим девочкам и швейям ленты. В д. Котово Каракулинского р-на этот обычай назывался *ходить по ленточку*¹⁵, в д. Черепановка Воткинского р-на – *ходить на песни*¹⁶. В с. Вятское Каракулинского р-на невеста *дарила девишик* – маленьkim детям она раздавала конфеты, девочкам постарше – ленточки или тряпочки¹⁷.

Ряд номинаций персонажного кода русских локальных традиций западных р-нов Удмуртии находит соответствие со свадебной терминологией русского фольклора других регионов России. Так, в Мордовии *горным пиром* назывался пир в доме жениха после венчания. «Второстепенных» родственников жениха и невесты называли *горны, гарны*. Аналогично чину *коробейки «вятской»* традиции Удмуртии, в Мордовии сопроводители приданого невесты обозначались как *коробейны* [Труньякина, Ершова: 4]. Термины *горные, гарные* бытовали также в Нижегородской области [Нижегородская свадьба 1998: 45, 67, 163, 308].

1.2. АТРИБУТИВНЫЙ КОД

Атрибутивный код традиционной свадьбы – один из самых насыщенных по набору знаков и разнообразию привлекаемых субстанций [Гура 2012: 237]. Вещи, используемые в нём, принадлежат к различным видам деятельности человека. Это предметы культового обихода (Библия, иконы, свечи), вещи для повседневного использования (одежда, еда, мебель, материал, бумага), предметы, специально изготавливаемые для свадебного ритуала (ленты, бумажные цветы, шляпы, муфта, плети, куклы). В атрибутивный код включаются растения – корни, цветы, стебли и прутья, в нём задействуется символика числа, звука, формы, цвета, времени и т. д.

Атрибутивный код находится в постоянном взаимодействии с другими кодами традиционной свадьбы – кинетическим, акустическим, вербальным и т. д. Наиболее тесно атрибутивный код взаимосвязан с акциональным кодом, поскольку в свадебном обряде практически постоянно происходят разного плана манипуляции с предметами. Например, *курник* изготавливают соответственно канонам локальной традиции, его украшают, продают и выкупают, катают по деревне, с ним танцуют, поют и т. д.

¹⁴ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в д. Ендовка Каракулинского р-на от Тепляковой Таисии Константиновны, 1925 г. р., уроженки починка Крикмас, Юшковой Галины Егоровны, 1924 г. р., уроженки д. Котово.

¹⁵ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в д. Котово Каракулинского р-на от Шавкуновой Марии Григорьевны, 1923 г. р., уроженки д. Зaborье.

¹⁶ ЛПА-1999. Запись Поповой Е. В., Стародубцевой С. В. в д. Черепановка Воткинского р-на от Соколовой Галины Михайловны, 1928 г. р.

¹⁷ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Вятское Каракулинского р-на от Калабиной Зинаиды Григорьевны, 1937 г. р., уроженки д. Обухи, Шумковой Веры Егоровны, 1929 г. р., уроженки д. Обухи.

1.2.1. Предметы культа

Наиболее полные описания функционирования предметов из сферы религии в традиционной свадьбе Вятско-Прикамского края принадлежат Г. Е. Верещагину. Профессиональная деятельность Г. Е. Верещагина способствовала тому, что его исследование стало уникальным в сфере отражения религиозных взглядов крестьянства в бытовании традиционного свадебного обряда. В очерке Г. Е. Верещагина «Свадебные обряды» подробно представлены действия с иконами, свечами, гадания и приметы с церковной утварью и т. д. [Верещагин 2001]. Информация об обращении с иконами и со свечами в контексте свадебного обряда, подробно рассмотренная Г. Е. Верещагиным, частично дополняется полевыми экспедиционными материалами последней трети XX века.

По предметам культа, аналогично другой свадебной атрибутике, часто имеющей хозяйственное значение в быту, участники свадьбы могли пророчить будущее вновь образующейся паре. Согласно народным представлениям, наиболее «сильное» влияние на будущую супружескую жизнь оказывали действия с предметами в церкви. Так, в д. Дремино Воткинского р-на от Кузнецовой Александры Демидовны и Молковой Нины Александровны был записан рассказ о случае на венчании, кардинально повлиявший на дальнейшую судьбу невесты:

А у меня вот, я, вот, венчалася. Голова-то у меня чё-то сильно маленькая, видно, а венец – большой. Я как поклонилась и помолилась – он <венец> у меня пал! А народу-то – как весь, в один голос: «Молодушка овдовеет! Молодушка овдовеет!». И правда! Правда! Вот я овдовела! 50 годов уж одна живу. Это правда¹⁸.

В исследуемой фольклорной традиции только Г. Е. Верещагиным зафиксированы такие обычаи во время поездки на венчание, как загадывание невестой своего будущего при виде колокольного креста или гадание со свечами в церкви: «Невеста, увидев издали колокольный крест, смотрит на него и говорит: «Сколь высок крест, столь высока была бы и я». Это говорит она про себя три раза. Подъехав к церкви, жених и невеста выходят из саней и входят в церковь, где и становят рядом, а иконы их дружки ставят на время венчания на подсвечники. По вручении жениху и невесте свечей они замечают, чья свеча будет гореть тусклее и скорее. Чья горит тусклее, тот будет жить грустнее, а чья горит скорее – умрет прежде» [Верещагин 2001: 80].

В южном этнокультурном ареале современной Удмуртии было принято, чтобы при отъезде молодых к венцу поезжане с иконами трижды обходили свадебный поезд, потряхивая колокольчиками на всех оглоблях. В публикации известного собирателя русского фольклора в Удмуртии, фольклориста, литературоведа Т. А. Шуклиной рассказа Ивана Алексеевича Копотева о свадьбе в с. Мазунино Сарапульского р-на указывается, что при этом бояре трижды крестили лошадей:

Бояре обходят вокруг лошадей, у каждого в руках по иконе, они по три раза крестят лошадей, потряхивая оглобли. Это делали для благополучного пути в церковь для венчания [Шуклина 2012: 45].

В материалах из ЛПА Е. В. Поповой и С. В. Стародубцевой уточняется, что в д. Дремино Воткинского р-на, наряду с данными действиями, дружки сначала подходили к молодым, для того, чтобы они поцеловали иконы (рассказ об этом см. далее)¹⁹.

1.2.2. Атрибутика ритуальных угощений

В традиционной свадьбе южного этнокультурного ареала Удмуртии сфера предметного кода, соотносимого с едой, охватывала стол, посуду, тканые вещи, продукты питания и напитки, ингредиенты для приготовления пищи. В этой сфере активно использовалась символика чисел (одного и трёх), пространства (круговых форм, перевёрнутых, накрытых и открывающихся предме-

¹⁸ ЛПА-1999. Запись Поповой Е. В., Стародубцевой С. В. в д. Дремино Воткинского р-на от Кузнецовой Александры Демидовны, 1905 г. р., уроженки д. Черепановка, Молковой Нины Александровны, 1914 г. р., уроженки д. Черепановка.

¹⁹ См. раздел «1.4.11.13. Отъезд невесты из дома...»

тов), раскрывались социально-возрастные закономерности (в оппозиции дети – пожилые люди). С напитками и с едой также соотносились несколько названий свадебных эпизодов: *чай пить* [Татаринцев 1990: 38], *пропивки, пропивыши, гостинцы, на пряники* [Толкачева 2013а: 16–18].

1.2.2.1. Стол

Стол в доме невесты служил своеобразной пространственной осью многих свадебных эпизодов [Байбурин, Левинтон 1978: 104; Байбурин 1990: 136; Мороз 2008: 36, 42; Тамаркина 1995: 111; Топорков 2002: 450–451]. Восприятие свадебного стола как особого праздничного ритуального пространства характерно для бесермянской традиционной культуры. Обход стола невестой и женихом перед их отъездом свадебного поезда является важным элементом бесермянской свадьбы. Ведущий исследователь бесермянской культуры, этнограф Е. В. Попова отмечает, что «обход стола – часть церемонии прощания невесты с родительским домом. Перед отъездом свадебного поезда на стол ставят хлеб, масло, соль, затем крестные обводят молодых вокруг стола по движению солнца» [Попова 2015: 141].

В русской традиционной свадьбе южного этнокультурного ареала современной Удмуртии кульминационные события первого дня свадьбы разворачивались вокруг стола. На стол как сакральный центр большинства свадебных обрядов указывали и названия эпизодов, свадебной атрибутики, ритуальных действий²⁰ – *столы мерить ходили, Малые столы* (угощение поезжан в доме невесты в первый день свадьбы, термин, зафиксированный В. Г. Болдыревой) [Болдырева 2018а: 39], *столовой пирог, Большие столы, вести столы, открыть стол*.

В первый свадебный день, выдержав испытания возле ворот и во дворе, связанные с выкупом невесты, под исполнение свадебных песен «Солнышко шло», «Бросила ключи», поезжане проходили в дом и выстраивались возле стола в ряд. Невеста одаривала их дарами, после чего в сопровождении отца или жениха трижды обходила стол. Трижды обойдя стол и выкупив конфетами, пряниками или мелкими деньгами места у детей или старушек, поезжане располагались за столом в строго закреплённом традицией порядке.

В северном этнокультурном ареале современной Удмуртии было принято обходить свадебный стол так, чтобы ни в коем случае не задевать ни его, ни его углы [Толкачева 2010: 120].

До начала трапезы в первый свадебный день стол был застелен простыней или покрывалом, которые открывались после троекратной просьбы дружки к родителям невесты *открыть стол и приступить к яствам*:

Все садились как положено, но кушанья все были закрыты покрывалом. Тогда старший дружка опять просил у родителей невесты разрешения:

– В честном пиру, в благодатном дому
Есть ли отец и мать?
Позвольте явству вскрыть –
Сами вскроете или нам прикажете?

Отец невесты отвечает: «Бог благословит вас снять покрывало с кушаний!». Дружка сни-
мает покрывало, и пора бы приниматься за еду, но так не положено! По свадебному обычаю
следует еще испросить благословения отца и матери невесты.

Дружка опять просит разрешения, почти теми же словами:

– В честном пиру, в благодатном дому
Есть ли отец и мать?

²⁰ См. разделы «1.4.9.5. Столы мерить ходили / К жениху окна мерить / Воротники мерить», «1.2.2.2. Курник / Столовой пирог», «1.4.10. Девишиник / Девичник / Обрученье / Вести столы / Баня для невесты», «1.4.12.2. Большой стол / Большой обед / Дары дарят / Отвальный обед / На сыры собирать».

*Позвольте к яствам приступить –
Сами приступите или нам прикажете?*

Отец невесты отвечает: «Бог благословит вас первым вкусить приготовленное невестою кушанье!». К столу подходит крёстный невесты, у него в руках поднос с рюмками, и он всех поезжан по порядку угощает вином... [Шуклина 2012: 44–45].

В традиционных свадебных застольях русских жителей Удмуртии в доме невесты прослеживаются аллюзии между *открытием* свадебного стола и процессом вождения невесты отцом или женихом вокруг стола (через платочек). В данных обычаях одним из сходных моментов служит акцентирование символики **первого явления**: **впервые** перед гостями открывался свадебный стол, **впервые** в свадебном наряде появлялась перед поезжанами невеста, **впервые** всех поезжан угощали вином. Согласно исследованиям крупнейшего специалиста по этнографии восточных славян И. А. Морозова, «в традиционной обрядности дихотомии *первого–последнего* придается особое значение. С некоторой долей преувеличения можно утверждать, что смысл любого ритуализованного действия сводится к его началу и концу <...>. Иными словами семантические доминанты наиболее ярко проявляются и «считываются» участниками и зрителями в начале и конце обрядовой акции» [Морозов 2008: 17].

В Сарапульском р-не существовал обычай, в котором также ярко реализовывалась символика **первого открытия**. Галина Степановна Липина, после рассказа об *открытии* стола дружками, сообщила о последующей церемонии *открытия* свадебного пирога:

Открывают <стол>, дружки открывают. И тогда, значит, все начинают уже суетиться. Кто чего тут у него. Вот открывают и пирог режут. Или раньше разрезанный, корочка-то так вот срезана. И на кусочки открывают, вот. Вот, открыли²¹.

Итак, пространственно-временная ось первого свадебного дня традиционного свадебного обряда южного этнокультурного ареала Удмуртии выстраивалась вокруг стола. Самые важные события свадебного ритуала – моления, одаривания гостей, выход невесты к столу и троекратный его обход, величания гостей – происходили возле стола. Отношение к столу как к сакральному пространству свадебного обряда подчёркивалось выкупами стола, выстраиванием гостей в ряд перед столом, особыми церемониями перемещения к столу и от него, ритуалом *открытия* стола, специфическим звуковым сопровождением (молениями, приговорками дружки, величаниями, специальными свадебными песнями, среди которых – «Солнышко шло, шло по за столу»).

1.2.2.2. Свадебный хлеб

1.2.2.2.1. Каравай

Синонимами свадебного каравая в традиционной свадьбе южной Удмуртии были хлеб / булка хлеба. Булкой / хлебом встречали свадебный поезд в доме невесты и в доме жениха. Хлебом, наряду с иконами, благословлялись молодые. По приезде в дом жениха молодые откусывали от каравая по кусочку. Все присутствующие при этом присматривались, кто откусит больше. Считалось, что *того и верх будет* в новой семье.

На второй или третий свадебные дни, во время похода молодых за водой к реке или роднику, молодая бросала в воду краюшку хлеба (вместе с медной монетой), или откусенный накануне кусочек каравая (вместе с куделью)²².

²¹ ЛПА-1997. Запись Стародубцевой С. В. в г. Ижевске Удмуртской Республики от Липиной Галины Степановны, 1935 г. р., уроженки совхоза «Удмуртский» Сарапульского р-на.

²² ЛПА-1999. Запись Поповой Е. В., Стародубцевой С. В. в д. Дремино Воткинского р-на от Кузнецовой Александры Демидовны, 1905 г. р., уроженки д. Черепановка, Молковой Нины Александровны, 1914 г. р., уроженки д. Черепановка.

1.2.2.2.2. Курник / Столовой пирог

Курник был одним из самых популярных разновидностей свадебного каравая в южных и центральных р-нах Удмуртии. Информация об изготовлении курника и манипуляций с ним сходна в большинстве русских свадеб Удмуртии [Болдырева 2008б: 78; Болдырева 2015в: 49–50; Толкачева 2016б: 137–138].

Варианты внешнего вида курника, бытовавшего на территории современной Удмуртии, многообразны. Курник изготавливали подруги невесты накануне свадьбы, как правило, из двух компонентов – основы и украшения. По сведениям В. Г. Болдыревой, курник выпекали «<...> в канун венчального дня замужние женщины. В некоторых традициях аналогичные действия производились и в доме жениха» [Болдырева 2018а: 41].

В качестве основы курника могли быть сдобный пирог, сдобное тесто – колабушка²³, брюква / редька, кринка, кусок глины [Тамаркина 1995: 111–112], пенёк или часть полена [Болдырева 2015в: 50], «палка с сучочками, перевязана цветами, рисунками, репей»²⁴. Для украшений использовались ленточки, бумажные или живые цветы²⁵, папиросы²⁶. Их непосредственно втыкали в основу, или обивали ими ветви, проволоку, палочки:

– За курник очень редяца. Курный пирог стряпают, ну, пирожок. Ну, по-теперешнему, теперь бы, торт кругленькой. Выкупили бы. И цветочки вот натычут.

– Сколько там? Девять цветков ли чё, сколько ли, пятнадцать?

– Сколько поезд приедет. Сейчас-то не поймёшь. Ну, раньше-то, вот, тринацать цветков делали.

– Вот, в каравашек втыкали, там, на лучиночки одевали цветок. А, это, потом к невесте приедешь на другой день.

– Разрезают.

– Сводят по воду, и етот курник разрезают.

– И всем цветочков, кто выкупал. Курник – он ведь особая песня поётся, «Кума к куме выходит»²⁷.

Шествие с наряженным кустом репья бытовало в этом же районе и в Духов день: «В д. Кулюшево <...> в Духов день (следующий день после Троицы) вместо берёзы, которую разламывали накануне вечером, носили украшенный репей» [Стародубцева 2001: 24]. В д. Колногорово Вавожского р-на наряженный репей втыкали в редьку:

Курник – это репейник наряженный. Срезают тот, где ветвей поболе, воткнут в редьку и украсят. Его сваха с собой к жениху забирает [Болдырева 2015в: 50].

В с. Сепыч Завьяловского р-на курником служил букет цветов²⁸. Вероятно, возможность значительного количества модификаций курника в свадебных обрядах южного этнокультурного ареала Удмуртии создала предпосылки для функционирования ещё одного альтернативного курника – в виде зеркала. В д. Черепановка Воткинского р-на курником считалось украшенное цветами маленько зеркало. В первый свадебный день в конце застолья в доме невесты его выносила для выкупа самая бойкая подруга невесты. Как повсеместно было принято, она плясала.

²³ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Чеганда Каракулинского р-на от Банниковой Александры Кузьмовны, 1918 г. р.

²⁴ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Арзамасцево Каракулинского р-на от Тепляковой Ольги Ивановны, 1907 г. р.

²⁵ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в д. Котово Каракулинского р-на от Шавкуновой Марии Григорьевны, 1923 г. р., уроженки д. Зaborье.

²⁶ ЛПА-1999. Запись Поповой Е. В., Стародубцевой С. В. в с. Камское Воткинского р-на от Агафоновой Елизаветы Демьяновны, 1920 г. р., уроженки д. Заболотное Пермской области.

²⁷ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Вятское Каракулинского р-на от Калабиной Зинаиды Григорьевны, 1937 г. р., уроженки д. Обухи, Шумковой Веры Егоровны, 1929 г. р., уроженки д. Обухи.

²⁸ ФЭ УИИЯЛ-1999. Запись Стародубцевой С. В. в д. Сепыч Завьяловского р-на от Мартыновой Серафимы Николаевны, 1928 г. р.

В это время подруги невесты исполняли традиционную для данного обычая песню «Кума к куме выходила»:

– Зерькало выкупали, снаредят ево в цветы <...>.

< – А где стоит оно?>

– Оно пока не стоит нигде, пока не окупят ево. Выходит девка одна бойкая, пляшет:

Кума, кума выходила²⁹,
Люли, люли, выходила.
Пирог сдобной выносила.
Пирох сдобный весь на сдобе.
На двенадцати сподобах...

А тут уж зерькало ставят на стол и цену ему сказывают, сколь за ево окупить. Вот и рядяца. Пока вот зерькало не окупят – невесту не отдают <...>. Маленькое зерькало окупают, маленькое такое, столовое-вот.

< – А кто выкупает?>

– А хто? Да все свалебшана жениховые, сидят которые за столом <...>. Денежску дают девкам. Всё, дадут сколь, а девки сами себе, по себе делают их. А зерькало за собой увозят. Жоних за собой увозят. Они уж с ём опять там, опять ево окупают там...³⁰

В д. Патраки Якшур-Бодынского р-на **зеркало** употреблялось **параллельно с курником**, в его же качестве:

– Это невесте уж курник отдавали. Она поедет уж с ём, и ево с собой увезёт. Это как её счастье дивичьё.

< – Она с ним что делает?>

– Так так, хранит. Сколь хранит, а потом... Потом ребята будут – и всё растаскают. А там тоже зерькало было даже, курник этим делали. Да, с зерькалом плясали. Вместо курника-така.

< – Целое зеркало?>

– Зерькало, ну, маленькоё, небольшое.

< – А тоже с цветочком?>

– Нет, нет, зерькало. Интересно свадьба была-то раньше. А теперь – нет, не такая³¹.

В русских свадебных обрядах на территории России зеркало бытовало во Владимирской губернии, где в него одновременно смотрелись новобрачные [Толстая 1994: 121–122]. В северных и центральных губерниях зеркало «входило в число обязательных подарков жениха невесте...» [Зубец]. Зеркало служило оригинальным украшением курника в форме пряника / пряницы в Ростовском уезде Ярославской губернии. В описании одной из ростовских пряниц говорится, что она представляла «собой большую коврижку около 9 см толщиной, на которой укреплены разнообразные фигуры из прянничного теста <...> которые образуют группу вокруг находящегося в центре зеркала. (Это обыкновенное дешевое зеркальце с рамой из теста.) <...> Зеркало убрано полотенцем, вырезанным из белой папироносной бумаги» [Зубец]. Примечательно, что «зеркальце было тем единственным, что доставалось невесте при разделе пряницы» [Зубец]. Автор исследования о ростовском прянике И. З. Зубец делает предположение, что присутствие зеркала на ростовской прянице связано с оберегом «от нечистой силы, сглаза, порчи».

Зеркало как свадебный атрибут бытовал в нижегородской свадебной обрядности. После венчания, «когда уходили родственники, к молодым приходили подружки и приносили зеркало,

²⁹ Текст приводится в сокращении.

³⁰ ЛПА-1999. Запись Поповой Е. В., Стародубцевой С. В. в д. Черепановка Воткинского р-на от Вострокнутовой Анисьи Николаевны, 1923 г. р.

³¹ ФЭ УИИЯЛ-2000. Запись Стародубцевой С. В. в д. Патраки Якшур-Бодынского р-на от Ивониной Елизаветы Михайловны, 1933 г. р., Михалевой Ксении Яковлевны, 1920 г. р., Михалевой Нины Валентиновны, 1950 г. р.

с которым каждая невеста обязана была прийти в дом мужа. Это зеркало покупалось ещё до свадьбы...» [Нижегородская свадьба 1998: 66].

Как уже упоминалось, в конце застолья в доме невесты первого свадебного дня *курник* выносила подруга невесты под песню «Кума к куме выходила». При этом она обязательно плясала:

— Ну, вот на свадьбе, сперва приедут — свадьба, по невесту, сперва там цветок <курник> девки ставят. Такой цветок сделают — весь в цветах, конфеты, и пряники, и попироны — всё навешают.

< — Это пирог?>

— Это, кажется, *столовой* пирог.

< — В пирог втыкают цветы, папиросы, да?>

— Да нет, это так — в эту вот штучку такую натычут вот вичёк, и запихают.

< — Это солодовый пирог, да?>

— Да нет, никакова там пирога нет, токо в ней вички. Вот, хоть калежжу сделай, хоть редьку натычь туды вот. И вот этот цветок принесут.

< — А кому приносят?>

— А вот жених приедет по невесту, девчонки-те когда песни пели, девичник был. Принесут ево на стол: «Вот, свалебшана, выкупайте!». Вот так. Это — *столовой* пирог, так говорили.

< — А свалебшана как выкупали?>

— А свалебшана кладут деньги, окупят ево. Тогда навесту садят за стол. Потом етом цветок повезут к жениху.

< — Его не разбирают?>

— Нет, нет, нет. Они уж там на больших столах там у них пирут и куда девают — не знаю.

< — На больших столах — это уже на самой свадьбе?>

— Да, да, да. У жениха, у жениха. Навесту увезут и там уж чё надо <...>. Увезут, увезут ево — весь цветок.

< — Сразу выкупают, как приехали свалебшане?>

— Не сразу ево окупают, да. Девчонки ставят: «Сперва ето окупите — тогда навесту отдадим».

< — А чем выкупают?>

— Деньгам, денежжи <...>. Да сколь дадут³².

В некоторых локальных традициях, в дополнение к пляске, *курник* ещё и энергично подбрасывался вверх.

Расплачивались за *курник* дружки или тысяцкий. Они должны были выплатить любую запрошенную в конце песни сумму. *Курник* выкупался дважды: перед тем, как ехать под венец, и в доме молодого, на Больших столах (иногда уже после хождения за водой на второй день свадьбы). Согласно сведениям этномузиколога В. Г. Болдыревой, *курник* мог продаваться четырежды — два раза в доме невесты и два раза после венчания, в доме молодого [Болдырева 2018а: 41]:

— Накануне, значит, обрученье <...>. Они всю неделю готовят, с пропишишей до свадьбы, всё готовят для свадьбы, ну, как бы, реквизиты, счас говорят, да?! «Вот, у нас есть *курник*!». <Его> в первую очередь делали. *Курник* — это каравай круглый, тесто или хлеб какой-то круглый. Туда, на палочках делали цветы искусственные и втыкали их в этот хлеб. Получился как бы как шапка. Вот так вот, вот такой шапочкой.

< — Много?>

— Много, много, полное, да! Вот хоть какие там. И, вот, если каравай такой, на тарелке его положишь — то кругом всё натыкано, натыкано — и получается *курник* как бы. Как шапка — цветы. Вот <...>. Это для свадьбы как бы, для невесты это уже <...>. А *курник* этот вытаскивают, и, значит, вот так высоко делают. И скачут все, поют: «Кума с кумой выходила». Ну, и, в общем, это вот, *курником*-то всё трясёшь и пляшешь.

³² ЛПА-1999. Запись Поповой Е. В., Стародубцевой С. В. в с. Камское Воткинского р-на от Агафоновой Елизаветы Демьяновны, 1920 г. р., уроженки д. Заболотное Пермской области.

< – А кто трясёт?>

– Певчие. Девушки вот, девушки и женщины там вот. Они отдельно от стола.

< – Они за столом не сидели?>

– Нет, нет.

< – Когда все за столом сидят, тогда и курник выносят?>

– Когда вот уже обвеличали один раз всех, весь поезд. Это называется все поезд, все гости называются поезд. Вот. И потом второй раз начинают денежки выманивать. Значит, опять, опять деньги. А курник этот надо выкупить. Дружки выкупают, дружки. Если у них денег мало, говорит: «Сколько вы за курник там?!». Ну, например, тогда вот: «Десять рублей за курник!»³³.

Разрезали и съедали курник в доме молодого на второй день свадьбы.

В с. Арзамасцево Каракулинского р-на зафиксирован факт катания курника-репья вместе с девушками на лошадях и его продажи на второй день вместе с постелью. В этом селении за курник давали домашних животных, рубаху:

Сряжали курник-репей, подруг катали на лошадях. Когда свадьба — от жениха приезжали, катали подруг и курник. Потом к жениху ехали подруги, он угождал подруг, они оставляют курник³⁴;

Курник продают на второй день. Куст наряжают — репей. Его обёртывают красивыми бумагами цветными. Крестный продаёт. Возьмёт жестяную золотую тарелку — подарки. Невеста разрезала и по кусочку раздавала. Кто дороже даёт: деньгами, овечки, поросёнка, гуся, курицу разнаряжат. Тряпки бросали. Курник пекла у невесты родня. Пирог из конфет. Девушки постель продавали вместе с курником, кустом на большой обед. Сначала по воду водили, потом продавали.

В первый день по деревне с курником и с кустом по деревне катались. Катал крестный с дружкой на лошадях. Крестный покупал курник у девушек и продавал на второй день³⁵.

Согласно материалам В. Г. Болдыревой, внешний вид курника и тарелки, на которой он выносился, внимательно изучался родной женихом и служил маркером честности невесты:

Если какую щербинку увидят, или дырку в тесте — то и невесту могут не взять [Болдырева 2015в: 49].

Аналогичная курнику в виде украшенной редьки была реалия атрибутивного кода, характерная для удмуртской календарной обрядности. Брюквой с воткнутыми в неё ветками и цветами украшались ритуальные шляпы девочек-подростков на осеннем девичьем празднике, приуроченном к Покрову дню «кушман сюан / пиши сюан (букв. редечная свадьба / праздник редьки / малая свадьба)» [Владыкина, Глухова 2011: 84]. Важное место в данном празднике занимал атрибут костюма ряженых — «<...> шляпа из проволочного круга, в центре которого был укреплён кусок брюквы с воткнутыми в него веточками и бумажными цветами» [Владыкина 2006: 53]. «Накануне праздника девушки изготавливали специальные шляпы из соломы, украшали их гусиными или петушиными перьями, лоскутками материи» [Владыкина, Глухова 2011: 119].

Акцентирование хореографического, кинетического и акционального кодов ритуала в эпизодах свадебных выкупов отражается в народной терминологии (например, в терминах *трясти* и *скакать*). Так, употребление лексемы *трясти* в рассказах о выносе и выкупе курника коррелирует с лексикой описания гадания под пение «Илии» в Святки. Календарный обряд святочного гадания под пение «Илии» может называться *трясти блюдом* [Стародубцева 2001: 22, 144–145; Склярова 2015а: 68]. В рассказах об этом обряде информанты сообщают, что предмет, на который выпадает пение конкретного куплета «Илии», предсказывает будущее после его тряски:

³³ ЛПА-1997. Запись Стародубцевой С. В. в г. Ижевске Удмуртской Республики от Липиной Галины Степановны, 1935 г. р., уроженки совхоза «Удмуртский» Сарапульского р-на.

³⁴ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Арзамасцево Каракулинского р-на от Писчиковой Анны Семёновны, 1908 г. р.

³⁵ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Арзамасцево Каракулинского р-на от Якимовой Валентины Васильевны, 1936 г. р., Якимовой Татьяны Алексеевны, 1913 г. р.

- И потом как зачнёшь это петь-то: “Кому сбudeца, не минуеца”, – и тряхнёшь.
 < – Как достают эти колечки?>
 – Сквозь платок. Тряхнёшь – которое вытрясёт. Вытрехнеца какое [Стародубцева 2001: 144–145].

Имеющая множество вариантов лексема *трясти* в свадебной обрядности практически всегда соотносится с пляской (или *скаканием*). Аналогичная лексика также встречается в традиционной календарной обрядности региона. Термин *скакание* используется для характеристики ритуализированного поведения ряженых в святочные вечера, подростков и молодёжи на молодёжных собраниях (посиделках после Покрова, Филипповых говенъях, святочных вечёрках) [Стародубцева 2001: 15, 18, 20, 22; Склярова 2015а: 59–60].

По личным полевым наблюдениям, в употребление термина *скакание* информанты обычно привносят негативный оттенок. Этим они как бы эмоционально отстраняются, отгораживаются от своих воспоминаний о пляске. Считается, что участие в обрядовой пляске не вполне соответствует морально-этическим нормам поведения, и после этого необходимо ритуальное очищение – как физического плана, так и духовно-религиозного.

1.2.2.2.3. Пряники

Другой разновидностью обрядового хлеба в свадебном ритуале были пряники [Гура 2012: 360]. Пряники могли служить украшением – в с. Камское Воткинского р-на пряниками декорировался *курник*³⁶. Пряники фигурировали повсеместно в выкупах и угощениях со стороны жениха.

Обычай угощения женихом невесты и *шитниц* пряниками в южном этнокультурном ареале Удмуртии отразился в названии свадебного эпизода *с пряниками*: вскоре после пропивок жених с друзьями приезжали к невесте и привозили ей гостинцы – пряники, орехи, конфеты [Толкачева 2011: 107]. Вариант диалектного названия эпизода *с пряниками – с гостинцами*.

В очерке Г. Е. Верещагина «Свадебные обряды» приведено подробное описание свадебного эпизода *с гостинцами*. В данном фрагменте очерка содержится ряд оригинальных фактов, связанных с ритуальными угощениями. Так, большая часть действа происходила за столом или возле стола. Начинался обряд с угощения жениха чаем и преподнесения невестой даров. Жениху и его друзьям дарились платочки, сёстрам жениха – отрезы ситца. После чая жених выводил невесту за платочек к столу, они молились и садились за стол. Далее стол опять накрывали. Отобедав, гости клали на тарелки привезённые гостинцы и покрывали их подаренными невестой платочками «в знак» того, что они будут угощать *шитниц* только после пропевания ими величиний [Верещагин 2001: 61].

Можно заметить, что многие фрагменты этого эпизода, а также *пропившей* и *девишиника*, в «миниатюре» или вариативно, повторяли события первого свадебного дня в доме невесте. Например, все действия происходили возле стола; невеста одаривала гостей; жених выводил невесту к столу за платочек; каравай заменялся пряниками и другими гостинцами.

Покрытие тарелки с гостинцами платочками и угощение швей после величания соотносимы с манипуляциями с простыней, покрывающей свадебный стол. Знаково сближает эти ситуации также ярко выраженная сакрализация звукового сопровождения: гости приступали к угощению и откладывали платочки с тарелок только после исполнения величаний. Ритуальное пение величиний и заговоры дружки в эпизодах *на пряники* и в открытии свадебного стола поезжанам служили своеобразным освящением еды. Таким образом, коллективное пение молодыми женщинами величиний – *опевание*, по народной терминологии, и заговорная ритмизованная речь дружки – демонстрировали отношение к звуку как к сакральному явлению, крайнюю необходимость воспроизведения звукового сопровождения как отправной точки начала ритуального действия. Бытование термина *опевание*, сходное с термином «отпевание», на что специально указала нам

³⁶ ЛПА-1999. Запись Поповой Е. В., Стародубцевой С. В. в с. Камское Воткинского р-на от Агафоновой Елизаветы Демьяновны, 1920 г. р., уроженки д. Заболотное Пермской области.

рассказчица и певица свадебных песен Галина Степановна Липина, косвенным образом подтверждало сакральное отношение всех участников обряда к свадебным величаниям:

Теперь начинается гулянье как бы. Начинают каждого оппевать. Не отпевать, а опевать, как бы. Вот³⁷.

1.2.2.3. Посуда

В русских свадебных обрядах южного этнокультурного ареала современной Удмуртии такие виды посуды, как кружки, блюда, тарелки, подносы, могли служить для приёма и передачи денежного вознаграждения и подарков:

– *Опить со стаканом бегали, подавали <...>. Это девишиник. А думаю, который бассе – тот жених, вот. Мама мне налила стакан браги, брага была. А Алексей-т бассей Фёдора-та, вот, старший, два брата были. Я Алексию подаю, думаю, который басчее – тот-от жених. Мамка говорит: «Дак не тот жених-от». Кричит мне. Я со стаканом-то обратно бежать. А он говорит: «Давай, давай! Выпьем!». Выпил он это стакан, и какую он деньгу положил мне – бумажную!!! А уж не помню, не знаю, что за деньги-те раньше были <...>. Маленькая была.*

< – Сначала стакан подали, потом сели?>

– *Нет, мы сели не в тот день-от, когда нас выгнали, заревела я, <...> до этова.*

< – А стаканом всех угостили? или женихову сторону только?>

– *Нет, кто тут есть. А токо женихова сторона тут и есть, это, приехали. Там ведь не надолго они приедут, чё, за один километр³⁸;*

Начинают жениха с невестой бесплатно величать, это уже за столами. А уж дальше пойдут с блюдечком (одна девушка ходит). И каждого величают, блюдечко ставят и деньги кладут³⁹.

Согласно данным Г. Е. Верещагина, в знак согласия на супружество невеста преподносила жениху на тарелке подарок (задаток) – полотенце или платок: «Когда невестой и родителями ее дано согласие на вступление первой в брак с предполагаемым женихом, невеста подносит жениху на тарелке полотенце или платок. Приняв этот дар, жених даёт на тарелку невесте денег [кальмы] <...>. Местами жених денег невесте подносит первоначально, причем тарелкой ему служит собственная его шапка» [Верещагин 2001: 51].

Таким образом, в этих действиях кружка, блюдо, тарелка, поднос знаково пролонгировали функцию стола. Продолжают данный атрибутивный ряд предметы другого плана, по функциональности относящиеся к одежде, например, шапка.

1.2.2.4. Традиционные напитки

1.2.2.4.1. Спиртные напитки

Употребление спиртных напитков на свадьбе обладало несколькими функциями – ритуальной (в том числе магической), коммуникативной, инициационной, юмористической и др. «Обязательность же употребления спиртных напитков определялась сходством состояния опьянения и состояния смерти, таким образом осуществлялся контакт с миром мертвых» [Костина, Миронихина 2008: 11].

³⁷ ЛПА-1997. Запись Стародубцевой С. В. в г. Ижевске Удмуртской Республики от Липиной Галины Степановны, 1935 г. р., уроженки совхоза «Удмуртский» Сарапульского р-на.

³⁸ ЛПА-1999. Запись Поповой Е. В., Стародубцевой С. В. в с. Камское Воткинского р-на от Дурновцева Алексея Николаевича, 1930 г. р., уроженца д. Шараши Пермской области, Дурновцевой Прасковьи Васильевны, 1920 г. р., уроженки с. Лисья Пермской области.

³⁹ ЛПА. Запись Болдыревой В. Г. в д. Нижний Армязь Камбарского р-на [Болдырева 2018а: 196–197].

Многие выкупы жениха и поезжан производились вином. Питием спиртных напитков – вина, браги, пива – открывался обряд *пропой / пропивыши*, на котором принародно объявлялось о предстоящей свадьбе. После этого обряда начинались активные приготовления к свадьбе, а просватанная девушка приобретала статус невесты. На пороговый статус употребления вина на *пропое* и его связь с началом исполнения невестой причитаний указал Г. Е. Верещагин: «<Впервые> Причитает же она обыкновенно тогда, когда отец ее принял от жениха водку» [Верещагин 2001: 53–54].

Крепкие напитки могли употребляться в разных локусах жилого пространства семей жениха и невесты – в доме, возле ворот дома. В доме невесты, до свадьбы или в первый свадебный день, после величания каждый *обвеличенный* гость обязательно выпивал стакан вина / пива, который подавала ему *швея*. Деньги за величание он мог положить, в зависимости от локальной традиции, в стакан, на тарелку или на поднос.

С наполненными пивом стаканами возле ворот дома невесты в день свадьбы встречались, т. е. приветствовали друг друга, свахи жениха и невесты.

В Воткинском р-не Удмуртии бытовали специальные обычаи, связанные с обручальным вином. Во время обручения «родители жениха и невесты ставят 2 бутылки обручального вина. Вино это никто не трогал, пока шло застолье». Когда гости начинают расходиться, «жених с невестой открывают теперь обручальное вино и подают гостям. А гости же за это денежки ложат». На застолье в доме невесты, проходившее в день венчания, во время величания гостей использовалось только обручальное вино [Болдырева 2018а: 206–207, 209].

В ряде локальных традиций утром второго дня свадьбы молодой принародно выпивал алкогольный напиток, характеризуя выбором вида напитка «честность» своей супруги. Если его жена была «честной», он употреблял красное вино, в противном же случае молодой пил водку⁴⁰.

Итак, употребление спиртных напитков в русской традиционной свадьбе Удмуртии носило ярко выраженный ритуальный характер. Количество вина, браги, пива на свадьбе служило символом денежного эквивалента, достатка и богатства жениха, питие крепких напитков обладало семантикой «законного скрепления», соединения представителей родов жениха и невесты, согласия гостя со своеобразным «вхождением», «погружением» в ситуацию свадебного обряда. Выбор алкогольного напитка женихом на второй день свадьбы характеризовал нравственность невесты, а *обручальное вино* являлось символом невесты и дублировало процесс инициации невесты.

1.2.2.4.2. Чаепития

Чаепития в свадебном обряде выполняли функцию коммуникации, установление контактов, взаимодействия представителей родов жениха и невесты, и в большинстве своём, были ориентированы на молодёжь. В состав сватовства в южных районах Удмуртии включался обычай угощения сватов чаем – чай пить. Приглашение к чаепитию на сватовстве и на смотринах в большинстве локальных традиций служило знаком благоприятного начала свадьбы. Совместное распитие чая парнем и девушкой на сватовстве выражало их обоюдное одобрение будущего супружества [Татаринцев 1990: 38]. Согласно сведениям Э. А. Тамаркиной, «жених приезжал к девушке несколько раз пока она с ним не попьёт чай. Но жених мог объехать и несколько домов, прежде чем где-нибудь напьётся чаю. Если сделка состоялась, то на другой день невесту пропивали» [Тамаркина 1995: 105].

Сходный ритуал во время сватовства, согласно исследованиям этнографа Е. В. Поповой, бытовал в бесермянской культуре: «Стол с угощениями, специальными кушаньями символизирует радущие, готовность принять гостя. В церемонии сватовства только при согласии родители невесты расстилают скатерть, ставят хлеб, выносят угощения. Стол заранее не накрывают, даже если визит сватов, намерения сторон, удачный исход сватовства известны» [Попова 2015: 140].

⁴⁰ ЛПА-1997. Запись Стародубцевой С. В. в г. Ижевске Удмуртской Республики от Липиной Галины Степановны, 1935 г. р., уроженки совхоза «Удмуртский» Сарапульского р-на.

В некоторых населённых пунктах в обычай чаепития включалась возможность отказа невесты от бракосочетания самым щадящим для сватов способом – с помощью специальных знаковых действий. Так, отказ девушки от замужества во время сватовства мог выражаться в её совместном с женихом чаепитии только одного стакана, или в переворачивании стакана вверх дном. Аналогично продемонстрировать свою антипатию к невесте при помощи только одного выпиваемого стакана чая и дальнейшего его опрокидывания мог жених [Толкачева 2013а: 16–17; Шуклина 2012: 10]:

*Нет, <если невесте жених не нравится> она же не пьёт. Тоже переворачивает стакан и всё, и больше не пьёт <...>. Да, как жених <девушка может отказать парню>. Если он не нравится – она чашку выпила, и перевернула, и всё: «Ступай, жених!» А он 3-4 выпил – понравилась – не перевёртыват. А она перевернула и ушла! И всё! Вот так!*⁴¹

Во второй или третий свадебные дни свадьбы также существовал обычай пить чай, который был составной частью эпизода *подавай / хождение молодых по воду*. Хождение за водой служило испытанием для молодых. И набирать воду, и нести её домой активно мешали сопровождающие молодых родственники и односельчане. Молодую толкали, «<...> а жених должен её оборонять, не давать воду плескать! Воду принесут – чай вскипятят...» [Шуклина 2012: 9]. Чаем молодая поила всех присутствующих. По чистоте воды и наполненности вёдер гости судили о качестве будущей семейной жизни молодожёнов – вода должна была быть чистой, а вёдра – полными. Тогда брак будет удачным [Тамаркина 1995: 113].

Итак, предварительный анализ полевых материалов по русской свадьбе южного этнокультурного ареала современной Удмуртии показал большую значимость этикета угощения в свадебном обряде. Для большинства свадебных эпизодов задействование угощения оказалось характерным. Названия некоторых эпизодов отражали традиции угощения напитками, караваем или его модификациями [Толкачева 2018: 98–99].

Типологически сходная, но намного ярче выраженная ситуация сложилась в удмуртском фольклоре. Исследователями удмуртской традиционной культуры Т. Г. Владыкиной и Г. А. Глуховой выявлены закономерности, демонстрирующие имманентные связи праздничной культуры удмуртов с ритуальными угощениями: «Удмуртский язык и обрядовые традиции сохранили <...> представления о магической связи праздничной культуры и ритуальных напитков / ритуальной еды. Опьяняющие напитки на основе исходных продуктов хлеба (зерна, муки, солода): квас (*сюкась*), пиво (*сур*), домашнее вино (*кумышка*) – оказались не только атрибутивными символами праздника, но стали основой их локальных названий (ритуальное питьё = празднество): *Толсур* (букв.: зимнее пиво) в знач. «зимний праздник» (≈ Рождество); *Куарсур* (букв.: лиственное пиво) в знач. «летний праздник» (≈ Троица). У северных удмуртов, например, бытовали устойчивые термины для обозначения осенних молодежных посиделок *ныл-брагá* (букв.: девичья брага) в знач. «девичий праздник» и окончания осенних полевых работ *колхоз-брагá* (букв.: колхозная брага) в знач. «колхозный праздник»» [Владыкина, Глухова 2015: 65–66].

Сакральность приёма пищи и напитков в свадебном обряде поддерживалась сакрализацией элементов других кодов ритуала. Например, все застолья обязательно сопровождались молитвами, приговорками, песнями, величаниями [Морозов 2008: 17]. Своеобразным сигналом к началу трапезы служили молитвы, а также обращенное к Богу и предкам ритмичное произнесение приговорок. Артикуляция фрагментов приговорок с нарочито скрываемым смыслом произносимых слов обнаруживает сходство с заговорами. Звучание на свадебных застольях молитв, коллективного пения молодых женщин, ритмизованных приговорок дружки демонстрировали сакральное отношение к звуку и крайнюю необходимость воспроизведения ритмичного звукового сопровождения как отправной точки для начала застолий. Таким образом, моления, приговорки дружки и исполнение величаний и свадебных песен служили своеобразным освящением еды.

⁴¹ ЛПА-1997. Запись Стародубцевой С. В. в г. Ижевске Удмуртской Республики от Липиной Галины Степановны, 1935 г. р., уроженки совхоза «Удмуртский» Сарапульского р-на.

Причём предшествующие и сопутствующие ритуальным свадебным угощением звуковое сопровождение и магические движения (обходы стола, опрокидывания стаканов, бросание в воду и напитки монеток, *приплясывания с курником* и т. д.) освящали как саму ситуацию, так и еду [Толкачева 2018: 99].

В символике числового кода свадебных ритуалов, связанных с угощением, в первую очередь привлекают внимание троекратные кинетические и вербальные действия: обходы стола невесты с отцом или женихом при выходе к гостям с *середи* и варьированные повторения приговорок дружек.

Определённые параллели наблюдаются в сакрализации стола и невесты, мотиве их принадлежности к «иному» миру, что косвенно подтверждается фактом первоначального соприкоснения с невестой и со свадебным столом через ткань, а дальнейшим *открытием* стола — после просьбы о благословении и прочтения молитв.

1.2.3. Атрибутика ткани

Сложная символика «женского творения мира», связанная с изготовлением приданого, демонстрируется в предметном коде свадьбы и дублируется на уровне словесного кода: «в обрядах и обрядовом фольклоре мифологическое значение прядения ткачества как «творения мира» выступает либо в иносказательной, либо в явной форме» [Бернштам 1986а: 34].

В песне «Гуси вы, гуси» из с. Русская Лоза Игринского р-на (северный этнокультурный ареал современной Удмуртии), зафиксирован обряд *дарения даров*, и подробно перечислено, кому какие вещи преподносила невеста [Стародубцева 1999б: 49–50]. Примечательно, что в песне отражён процесс подготовки невестой приданого, которое она пряла *семнадцать годочеков*:

*Гуси вы, гуси,
Диво лелё, лада моя да⁴².*

*Вы, китайски-голландски,
Диво лелю, лада моя да.
Вы куда, гуси, летали?
Вы чево, гуси, слыхали?
— Мы летали-слыхали
Как Наталья-то плачет,
Как Ивановна рыдает,
Сундучку причитает:
— Ох, ты, ранчик мой, ранчик,
Ты окованной, хорошой,
Я не год тебя пряла,
Я не два припасала,
Я семнадцать годочеков
Припасала дарочки.
Во един вечерочик
Раздарила все дарочки:
Уж я свёкру – рубашку,
А свекровке – другую.
Уж я деверю – платочек,
А золовушке – веночек.*

⁴² Текст приведён в сокращении.

Ко времени вступления девушки в брак её приданое было почти полностью укомплектованым и готовым к использованию. По ёмкому высказыванию Елизаветы Николаевны Сентяковой, собеседницы исследователя русского музыкального фольклора Удмуртии М. Н. Роготневой, к свадьбе «<...> шили всё: от венчального платья до утиральников <...>, а также платы<...>. И всё в двух экземплярах, чтоб переменное было»⁴³ [Болдырева 2018а: 205].

1.2.3.1. Демонстрация приданого

В рамках свадебного ритуала существовали специальные обычай, показывающие мастерство невесты как рукодельницы. Искусность невесты выявлялась в показах её приданого, в обычаях дарения даров, одаривания лентами, переодевания в новые платья. Демонстрация приданого невесты происходила в течение свадебного обряда несколько раз. По данным В. Г. Болдыревой, в д. Макарово Граховского р-на в один из предсвадебных дней «девки надевают одёжу у невесты и ходят, показывают его людям. Ходят с полотенцами, скатерками» [Болдырева 2018а: 40].

Родственники невесты рассматривали вещи из сундука с приданым невесты в ходе девишины, выкупа и расплетения косы невесты:

Приведут невесту из бани, одевают пока, как раньше, но косу расплетают, волосы расчёсывают и оставляют распущенными по плечам. Голову накрывают платком. Невесту садят на сундук за занавеску. Мать подходит, они обнимаются, поплачут. Мать что-то дарит. В это время поют песню <...>, потом подходят также отец, все братья, сёстры, и все с песней. Идёт «прощание». Каждый деньги положит.

Гости собираются постепенно и тоже прощаются с невестой. Когда всё это закончится, невеста встаёт с сундука.

Мать сундук отирает и выкладывает приданое: платы – для квашения, для хлебных чашек, для катания караваев, и всё остальное. Гости дивуются, смотрят, много ли хорошо ли наготовлено, затем бросают в сундук денежки. Невеста сама складывает всё обратно и закрывает сундук [Болдырева 2018а: 40].

В Воткинском р-не невеста вывешивала своё приданое на второй день свадьбы время проведения Больших столов:

*Вчё есть у невесты, какие рукотёры, полотенца, скатёрки – она всё вывешивает, кажом <...>. Вот, по всей, у нас в избе было, верёвки натянули и вот она вешает*⁴⁴.

В с. Тарасово Сарапульского р-на молодая демонстрировала своё мастерство на второй или третий дни свадьбы во время эпизода подавай:

Вот кто чё у невесты из сундука чё вытощат, чё есть, намотают на себя: и полотенце, и всё. Скатёрки, полотенце, кто чё найдет [Болдырева 2018а: 40].

В с. Арзамасцево Каракулинского р-на приданое молодой показывали гости после проведения Большого стола и во время вождения молодых по воду:

<После Большого стола> курник продавали, деньги клали, кто рубашку купит. Когда отсыдят, поедут кататься на лошадях, подвязнут полотенца, скатёрки на голову, полотенцем шею перевязнут, по деревне катали.

*По воду водили молодых. Гости к колодцу, на ключ, на речку. Песни пели, гармошка ходила. Кто чего надевал. Скатерти – на голову, полотенцем обвязнутся*⁴⁵.

⁴³ ЛПА. Запись Роготневой М. Н. в с. Кварса Воткинского р-на от Сентяковой Елизаветы Николаевны, 1928 г. р.

⁴⁴ ЛПА-1999. Запись Поповой Е. В., Стародубцевой С. В. в с. Камское Воткинского р-на от Дурновцева Алексея Николаевича, 1930 г. р., уроженца д. Шараши Пермской области, Дурновцевой Прасковьи Васильевны, 1920 г. р., уроженки с. Лисья Пермской области.

⁴⁵ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Арзамасцево Каракулинского р-на от Писчиковой Анны Семёновны, 1908 г. р.

В д. Сям-Можга Увинского р-на В. Г. Болдыревой был записан репортаж о том, что невеста в течение свадьбы переодевалась несколько раз, чтобы показать новые платья, сшитые её руками:

Сшила шесть платьев руками и меняла их несколько раз. Последнее – в котором едет к жениху. У жениха – опять новое платье. Утром – опять перемена [Болдырева 2018а: 40].

В центральных районах Удмуртии аналогичные многочисленные переодевания девушек в новую одежду зафиксированы во время Троицкого обряда: «Троицкие игрища вспоминаются информантами как яркие, баские вероятно потому, что зачастую на них проходила демонстрация женщинами и девушками своей праздничной одежды. В д. Смольники <Дебёсского р-на> на игрищах девушки трижды (после приемов пищи) в каждый день троицкой недели должны были менять детали костюма: переодевали сарафаны, рубахи, повязывали новые платки» [Стародубцева 2001: 46].

1.2.3.2. Дарение даров

Образ невесты-мастерицы в свадебном ритуале в значительной мере складывался под влиянием обычая *дарения даров*, проводившегося во время свадьбы много раз. Невеста *дарила дары* на пропивках, на обрученье (девишинке), в свадебный день – возле свадебного стола, на второй свадебный день во время больших столов. В ряде локальных традиций южной Удмуртии это событие обозначалось как *дарить свальбу*.

Подарки гостям невеста делала преимущественно из ткани. Наиболее значимым будущим членам её семьи невеста дарила ткани, скатерти, вышитые полотенца, пояса, большие платки. Друзьям жениха, братьям и сёстрам невеста раздавала платочки. Подруг, маленьких детей, девочек невеста одаривала лентами:

*Дак чё, в девишиник, ведь это, мелочь <маленькие дети> приходили. Всех дарили <...> ленточками. Ну, вот, я, например, выхожу <замуж>. Ко мне идут. Я уже припасла ленточки. Там, по метре, по две ли, какие там. Ну, сколько дашь. Это назывался «девишиник». Невеста вымоется, тогда «дарит девишиник». Тогда уж ребятишки придут – конфеток дашь. Девочки придут – ленточки...*⁴⁶

Обычай *дарения даров* в девишиник или на второй день свадьбы помогал невесте набраться решимости и назвать родню жениха папой, мамой и т. д.:

*Если есть чем – дарит. Отцу – рубаху, матери – там на платье или халат ле какой, платок или. Может, золовки есть. У нас вот Сашкина мать <...>. Нас всех посадили <...>. Сказала: «Я теперь пришла в другую семью. У меня семья другая. У меня есть мама, есть пана, деверья, золовки». Вот. Всех нас обдарила. Меня сразу мамой назвала, то-то папой назвала <...>. Все так делали...*⁴⁷

В северных районах Удмуртии подаренный на пропивках невестой дорогой платок или скатерть назывался *задатком*. Преподнесение *задатка* служило знаком окончательного решения невесты выйти замуж [Стародубцева 1999а: 192].

После венчания *одаривание* молодой могло происходить несколько иным образом. Специфический вариант этого обычая зафиксирован М. И. Осокиным в Малмыжском уезде Вятской губернии XIX в.: «Часам к девяти вечера на свадебный пир приезжают гордые: отец и мать невесты с ближайшими родственниками. Они привозят с собой имение и новые подарки для гостей. Гордых молодые не встречают: их встречают новые сват и сватья у крыльца; пьют тут все вместе по чарке вина и по стакану пива, которые подносит им дружка. Затем входят в избу, где, помолившись Богу, гордые садятся на первые места возле жениха и невесты, а свахи садятся в конце стола, к которому приносится коробка с дарами.

⁴⁶ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Вятское Каракулинского р-на от Калабиной Зинаиды Григорьевны, 1937 г. р., уроженки д. Обухи, Шумковой Веры Егоровны, 1929 г. р., уроженки д. Обухи.

⁴⁷ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Вятское Каракулинского р-на от Калабиной Зинаиды Григорьевны, 1937 г. р., уроженки д. Обухи, Шумковой Веры Егоровны, 1929 г. р., уроженки д. Обухи.

Перед тем, как нужно вести молодых на подклет, дружка встает с места и просит у гордых позволения выдарить гостей. Свахи открывают коробку, и молодые встают мест: из-за стола, впрочем, не выходят. Первую чарку вина дружка подносит свекру; тот, по обыкновению, заставляет молодых подсластить, выпивает, подходит к коробке, получает из рук свах подарок, подходит к молодым, благодарит их, целует и кладет молодой на тарелку деньги. Потом свекровка делает тоже, и все гости по очереди. Молодая знаками дает только разуметь свахам, какой подарок какому гостю выдать надобно»⁴⁸ [Осокин 1857: 83–84].

В данном фрагменте очерка оказалась отчётливо проявлена **жертвенная** функция обычая *одаривания*, поскольку раздача подарков происходила непосредственно перед первой брачной ночью молодых. Интересное замечание сделано М. И. Осокиным по поводу молчаливого поведения молодой. Использование молодой жестовой коммуникации после возвращения с венчания указывало на то, что её «выход» из «лиминального» состояния ещё не завершился.

М. И. Осокиным подчёркивается также обычай совместного пития **первой** чары вина и **первого** стакана пива в доме молодого, символизировавшего завершение образования новой семьи.

1.2.3.3. Ленты

В традиционном свадебном обряде южного ареала Удмуртии значительная роль отводилась лентам. Ленты использовались и как украшения, и в качестве подарков. Функционирование лент в традиционном свадебном обряде обладало глубоким сакральным смыслом. Согласно исследованиям крупнейшего специалиста в области славянской этнолингвистики С. М. Толстой, «в прическе девушки лента составляла единое целое с ее косой (связывала, замыкала, охраняла косу) и была символом девственности и готовности к замужеству. В восточно-славянском свадебном обряде лента – обязательная деталь убранства невесты (на первом этапе свадьбы, до венчания); перед венчанием она отдавала (или «продавала») ленту подругам как символ своей девичьей чести...» [Толстая 2004: 96].

Обычай *одаривания* лентами гостей встречался в нескольких свадебных эпизодах. Невеста дарила ленты в *девишиник*, до обрядовой бани, после бани, в утре свадебного дня. Как уже упоминалось, невеста раздавала ленты подругам, девочкам, маленьkim детям.

Лентами занавешивались окна в доме невесты. Они находились там со времени проведения *пропоя* и весь первый свадебный день.

Украшения из лент, развешивание лент встречалось в нескольких эпизодах. Лентами, наряду с цветами, оформлялись дуги свадебной упряжи и сами повозки и *кошовки*, ими декорировали свадебный пирог – *курник*, обрядовый веник, который жених дарил невесте через её подруг во время *поездки по веник*. Лентами украшалось (*изокрашивалось*) коромысло, на котором молодая несла вёдра в дом с водного источника во время свадебного эпизода *подавай*⁴⁹.

Ленты служили основным украшением подарков, которые изготавливали *швеи* для поездан – плетей, часов, муфты. Наряду с цветами, швеи *прикалывали* (пришивали) на грудь или плечи дружек ленты.

Лентой, купленной заранее самой невестой на заработанные деньги, прокладывались листы в Евангелии во время венчания. Согласно информации Г. Е. Верещагина, «пред началом обряда венчания сваха ленту от косы невесты отшипливает и передает священнику, который и прокладывает ею листы в Евангелии» [Верещагин 2001: 80].

Использование ленты определённого цвета для украшения штор на второй день свадьбы информировало присутствующих гостей о нравственности невесты. Исходя из полевых мате-

⁴⁸ Цитата приводится в современной орфографии.

⁴⁹ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в д. Кулюшево Каракулинского р-на от Дулесовой Марии Ильиничны, 1920 г. р.

риалов В. Г. Болдыревой, в д. Нижний Армязь Камбарского р-на появление розовой ленты на шторе после первой брачной ночи означало «честность» невесты, а голубой – её «нечестность» [Болдырева 2018а: 197].

1.2.3.4. Скатерть. Платок

Скатерть в свадебном обряде имела глубокую символику. Скатерть как атрибут в традиционном свадебном обряде обладала магическими свойствами. Наряду с мылом и солью, подруги клали её невесте под кофту или за пазуху, «чтобы, если муж не будет любить свою жену, поить его этой солью, а если будут дети хворать, особенно если будет трясти их родимец, мыть их мылом и закрывать лицо во время пароксизма скатертью» [Верещагин 2001: 76].

В д. Юрино Сарапульского р-на, по данным В. Г. Болдыревой, во время венчания невесте под ноги клали скатерть. Далее эту скатерть молодая бережно хранила в сундуке вплоть до своей смерти [Болдырева 2018а: 201]. Таким образом, в народном сознании новая скатерть получала своеобразное освящение самим использованием её в свадебном ритуале, которое значительно усиливалось её присутствием на венчании в церкви.

Определённым магическим сходством со скатертью в ритуальном использовании обнаруживаются носовые платки. Повсеместно в южном этнокультурном ареале современной Удмуртии было принято выводить невесту к столу отцом или женихом, держа её руку через носовой платок.

Носовыми платочками невеста одаривала жениха и его друзей. В свадебном эпизоде с гостинцами гости покрывали подаренными невестой платками тарелки с привезёнными гостинцами и держали их вплоть до величания швей. Эти действия показывали ритуальную значимость пропевания величаний, угощений от жениха и его друзей. Также в данных обычаях платочек в роли тканого покрытия символизировал невесту, поскольку он был подарен невестой и, следовательно, был ей релевантным.

Через сходную символику свадебных скатерти и носовых платков прослеживаются параллели в сакрализации свадебного стола и невесты. «Трапеза не мыслится без скатерти. Возможно, в этом выражена релевантная для традиционной культуры оппозиция голый – одетый (прикрытый), коррелирующая с оппозицией пустой – полный или бедный – богатый <...>. Вместе с тем скатерть создает дистанцию между столом (сакральным предметом) и человеком, помогает избежать непосредственного соприкосновения в процессе еды [Мороз 2008: 42].

Семантическая близость невесты и свадебного стола к «иному» миру косвенно подтверждается фактом первоначального соприкосновения через ткань (платочек, скатерть) жениха с невестой и гостей со свадебным столом. Магическую роль носового платка в свадебном ритуале подтверждает также следующий факт: жених и невеста до отъезда к венцу постоянно держались за руки через носовой платок⁵⁰. В традиционной свадьбе северных р-нов Удмуртии руки жениха и невесты были перевязаны полотенцем в течение всего застолья в доме невесты [Толкачева 2010: 120–121].

Интересный факт объединяющей функции платка зафиксирован в Селтинском р-не. В этом обряде участвовал уже не носовой платок, а платок с головы невесты – тонкая шаль-сетка. После приезда молодых в дом мужа после венчания, свекровь снимала с головы молодой её головной убор – тонкую шаль-сетку, соединяла головы жениха и невесты и окружала головы молодых платком. Таким образом, головной убор невесты в некоторой степени заменял каравай и иконы, которыми по приезду с венчания трижды проводили над головами молодых⁵¹.

Ещё одна яркая параллель между свадебным столом и невестой прослеживается через общность символики свадебной ткани и сакрализации звуков на свадьбе. Согласно исследовани-

⁵⁰ Подробную информацию см. в разделе «1.4.11.9. Вывод невесты к столу».

⁵¹ Подробнее об этом см. в разделах «1.3. Кинетический код», «1.4.11.16. Встреча молодых родителями жениха».

ям И. А. Морозова, «в структуре традиционного застолья <...> необычайно важными «<...> компонентами являются <...> начинающая и завершающая его **молитва** или **песня**» [Морозов 2008: 17]. Исходя из акционального кода свадебного ритуала обычаем с *гостинцами, открытия* свадебного стола в первый свадебный день, а также вывода и передачи невесты жениху, можно заметить, что во всех данных ритуалах важнейшим побуждением к действию являлось особым образом оформленное звуковое сопровождение. В эпизоде с *гостинцами* таким побуждающим к действию звуковым сопровождением было исполнение *швеями* величаний. В *открытии* свадебного стола своеобразным «ключом» эпизода был диалог дружки и родителей невесты.

Покрытие тарелки с гостинцами платочками и снятие их для угощения *швеей* только после величания соотносимы с манипуляциями с простынёй, покрывающей свадебный стол, который *открывался* только после соответствующих приговорок дружки. Яркой параллелью закрытого скатертью свадебного стола в какой-то степени может служить подвенечный наряд самой невесты, поскольку обязательным элементом свадебного убранства невесты был платок с кистями, полностью скрывавшими её лицо.

Манипуляции с подаренными платочками над тарелками или общими гостинцами представляли собой вариант *открытия* свадебного стола в первый день свадьбы. Это действие демонстрировало сакрментальную силу подаренных тканых предметов, раскрывало ритуальную значимость звукового кода свадебных застолий посредством исполнения молитв, величаний, приговорок.

1.2.4. Веник

В свадебных обрядах русского населения южного этнокультурного ареала современной Удмуртии одним из значимых атрибутов являлся веник. Свадебный веник концентрировал в себе мощную энергетику растительного мира: все информанты подчеркивают, что его изготавливали из берёзы. В некоторых локальных традициях венику посвящались относительно завершенные свадебные эпизоды. Веник использовался в гадании, проходившем накануне дня свадьбы в обрядовой бане для невесты. Повсеместно веником выметался пол на второй день свадьбы во время обычая *сор мести*. В единичных фиксациях свадебного обряда веник фигурировал в действиях ряженых второго свадебного дня. Также сходные с веником функции в некоторых свадебных эпизодах могли выполнять другие свадебные атрибуты, например, мыло, мочало, пряники.

Утилитарная функция веника, по словам Г. Н. Виноградовой и С. М. Толстой, «как орудия метения, очищения дома» вследствие его контакта с грязью, мусором становилась основой символического осмысления и ритуального использования этого предмета [Виноградова, Толстая 1993: 7].

В Каракулинском, Граховском р-нах Удмуртии был зафиксирован обычай, имевший место накануне или за несколько дней до свадьбы, обозначавшийся информантами как *вырежают мыло и веник / по виник ездили / с веником ходят к жениху* [Толкачева 2013а: 18–19]. Согласно названиям этого свадебного эпизода подруги невесты украшали берёзовый веник лентами и лоскутками и посещали с ним жениха. В доме жениха подруги невесты демонстрировали веник, там же им вручалось мыло. Иногда девушки получали украшенный берёзовый веник в доме жениха. Девушек угощали, устраивали для них небольшие посиделки с плясками и круговыми хороводами. Далее с этим веником невеста парилась в бане.

В ряде локальных традиций вечер, когда невеста посещала баню накануне свадебного дня, назывался *девишинком*. После приезда от жениха устраивались обрядовая баня для невесты и, далее, собственно *девишинник*. Таким образом, в этих эпизодах веник символизировал род жениха, а также исполнял роль посредника между представителями рода жениха и невесты.

Встречи невесты и / или ее подруг до свадьбы с женихом в ряде других локальных традиций Удмуртии могли осуществляться уже без апелляции к венику – в составе обычаем с *пряниками и столы мерить* [Толкачева 2011: 107; Толкачева 2013а: 17–18]. Несмотря на различную

мотивировку проведения этих свадебных эпизодов, их заключительная часть была сходной с обрядовым действием *поездка по веники*. Девушки угощали, они могли исполнить величания гостям и жениху, после чего устраивались танцы. В данных свадебных эпизодах и веник, и пряники, помогая установлению контактов между локусами жениха и невесты, выполняли медиативную (посредническую) функцию.

В обрядовых действиях русских традиционных свадеб Удмуртии медиативная (посредническая) функция веника, кроме обрядового действия *поездка по веники*, проявлялась также в банных гаданиях [Толкачева 2013: 18–19; Болдырева 2008б: 82].

В Можгинском и Якшур-Бодьинском р-нах во время мытья невеста неожиданно кидала веник через плечо. Девушки верили, что подругу, поймавшую веник, в скором времени ожидало сватовство и свадьба. В некоторых локальных традициях невеста бросала через плечо не веник, а мыло. В Можгинском р-не невеста передавала мыло подругам, а те «<...> брали его вслепую» [Болдырева 2008б: 82].

Передача вещей при гадании манифестируала трансляцию лиминального («переходного») состояния невесты подругам. Банный веник или мыло символически выступали как посредники между невестой, пребывающей между «тем» и «этим» миром, и ее подругами. Выкидывая вещи после их использования, невеста как бы «дарила» их девушкам. Акцентирование информантами в рассказах о свадьбе жеста перебрасывания через плечо подчеркивает приближенность невесты к «иному» миру. Согласно этнолингвистическим исследованиям А. Н. Богаевой, «паремии с компонентом-соматизмом плечо связаны с ситуацией смерти» [Богаева].

В игровой форме «расставаясь» с веником, невеста демонстрировала решимость примкнуть к роду жениха и вступить в новую, очередную фазу жизни – замужней женщины. Таким образом, манипуляции с веником и другими банными принадлежностями в обрядовой бане подчеркивали символическую смену невестой социального, физического статуса, семейного положения [Толкачева 2017а: 86].

Веник, которым парилась невеста, не всегда был привезенным от жениха. Поэтому, в зависимости от локальных традиций, он выступал атрибутом жениха или атрибутом невесты. Если веник был от жениха, то его использование в банный церемонии символизировало приобщение невесты к роду жениха. Если веник был невестин, то отказ от него был знаком отказа.

В любом варианте принадлежности веника – к атрибутике жениха или к атрибутике невесты – в банным гаданию отчетливо прослеживается символика, которая происходит из верований, что веник являлся воплощением обиталища душ предков [Виноградова, Толстая 1993: 8–9].

Гадания в «довенечной» бане иллюстрируют функциональное сходство веника и других банных принадлежностей – мыла и мочала. Фактическое дублирование веника мылом в гадании, по-видимому, можно обосновать тем, что данные вещи предназначались для физического очищения, которое в свадебном обряде проецировалось на «внутреннее» преображение невесты.

Кроме уже упомянутой медиативной функции, в данном обычье вскрывается еще одна ипостась веника в русских традиционных свадьбах Удмуртии. Березовый веник выступал здесь как вещь с потенциально мощным положительным зарядом, способным без искажения передать и увеличить энергетику импульса: принадлежность веника к растительному миру усиливала магическую мощь ритуального удара.

В русской традиционной свадьбе Удмуртии ритуальные удары осуществлялись посредством веника, плети, руки. В южных районах Удмуртии было распространено хлестание плетьми дружками. Ими они регулировали ход свадебного обряда. Плети мастерились из ветвей ивы, березы, из соломы, бумаги. Рукоять обычно украшалась бумажными цветами, пестрыми лоскутами [Толкачева 2013а: 17, 20; Толкачева 2015б: 167].

Аналогичная атрибутика была характерна для удмуртской календарной обрядности. В праздник осеннего ряжения, приуроченного к Покрову или ко дню почитания иконы Казанской Божией Матери, некоторые юноши или молодые мужчины «<...> были его своеобразными стражами: следили за всеми, кто принимал участие в празднике, не разрешали уходить до срока; тех, кто хотел уйти, довольно ощутимо били плётками. Подобная участь постигала и тех, кто

не пел» [Владыкина, Глухова 2011: 119]. В удмуртской свадьбе на территории Башкирии кнуты использовались «<...> для прекращения свадьбы в доме невесты, «избиения» молодой пары, выносящей приданое, и угощения вином певиц» [Карпухин 1980: 39].

Во многих местных русских фольклорных традициях Удмуртии утром свадебного дня сам жених или дружки приносили для невесты подарки. Среди даров часто присутствовал веник. Также обязательно подносилось мыло, которым впоследствии умывалась невеста перед первым выходом к поезжанам [Толкачева 2013а: 20–21]. В д. Дуброва Сарапульского р-на утром свадебного дня дружки приезжали к невесте несколько раз, поочередно передавая для нее мыло, мочало, веник. В каждый визит подруги невесты заявляли, что «невеста грязная» [Болдырева 2008б: 82].

Повсеместно в русской фольклорной традиции региона на второй день свадьбы молодушка, при общем веселье и радости, подметала пол [Стародубцева 1999б: 187; Толкачева 2017а: 88–89]. Этот обычай назывался *сор мести* – в солому, которой устился пол, гостями «подбрасывались» деньги и подарки для молодых. Поскольку сор специально постоянно добавлялся гостями, подметать молодушке помогал молодой. Совместное подметание пола требовало от молодых сноровки, выдержки, вызывало желание помочь друг другу. В данной ритуальной функции веник символизировал пространство жениха. Использование веника подчеркивало завершение пространственного приобщения невесты к локусу мужа, демонстрировало целостность, единство вновь созданной семьи.

Обряд подметания пола был распространен и в удмуртской традиционной свадьбе – в Можгинском и Киясовском р-нах Удмуртии. Обычай *пол чужсон* (букв. «подметать пол») схож с русским обычаем [Окунева, Пчеловодова 2015: 429].

В некоторых русских диалектных традициях Удмуртии среди святочных гаданий встречалось гадание, которое называлось *сор метут*. Девушка выносила заметенный мусор на улицу и спрашивала имя у первого встречного мужчины. Считалось, что такое же имя будет у её мужа [Стародубцева 2001: 141–142].

В единичных фрагментах русских свадебных обрядов на территории современной Удмуртии веник использовался в качестве атрибута ряженых. В Якшур-Бодынском р-не веник использовался в ритуальной сценке второго свадебного дня, где *снаряжончик парила ножки* кукле [Толкачева 2011: 109]:

– Снаряжончиком – как ходили?

– Да всяко, кто чё наденет.

– Я вот, дак обычно, у меня привычка – сделаю куклу. Если кукла какая-нибудь есть у меня. Одену длинные колготки, туда натолкаю в чё-нибудь, в колготки это. И вот, и у кого-то как плетни эти. Вот с этой, веник у меня в руках. И всё – парила ножки, парила ручки: «Я – бабушка, давайте ребёнка, вашео ребёнка! Смотрите, какой у вас ребёнок-то! На кого походит он?!»

– Одна нога – длиньше, другая – короче.

– Да всякую, когда как сделаю. И парю!⁵²

Необычные для региона действия ряженых с веником на второй день свадьбы отмечены в д. Котово Каракулинского р-на. Ряженые мазались сажей сами и обмазанным в саже веником *нахлапывали* встречных. В данном случае веник, выступая атрибутом ряженых, персонифицировался, был как бы действующим персонажем, поскольку сам – наряду с ряжеными – был в саже:

Отсидят за столом, поведут невесту по воду. Гости сряжаются — кто сажей мажутся, веник сажей намажут, встречных нахлопают⁵³.

⁵² ФЭ УИИЯЛ-2000. Запись Стародубцевой С. В. в д. Патраки Якшур-Бодынского р-на от Ивониной Елизаветы Михайловны, 1933 г. р., Михалевой Ксении Яковлевны, 1920 г. р., Михалевой Нины Валентиновны, 1950 г. р.

⁵³ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в д. Котово Каракулинского р-на от Шавкуновой Марии Григорьевны, 1923 г. р., уроженки д. Зaborье.

Таким образом, в руках ряженых веник выступал символом «иного» мира.

С очистительной функцией смыкается отгонная семантика веника (*разгонный веник*). В Граховском р-не Удмуртии этномузыкологом В. Г. Болдыревой зафиксирован необычный для региона свадебный эпизод, называемый *разгонный веник* [Толкачева 2017а: 83, 89–90]. По сведениям В. Г. Болдыревой, в самом конце свадьбы родители молодого ставили на стол веник *комлем вверх*, то есть прутьями вверх, в знак того, что гостям пора расходиться. При этом пели особую песню. Данная обрядовая ситуация демонстрировала не свойственную русским свадебным обрядам Удмуртии функцию веника – отгонную [Виноградова, Толстая 1993: 32–33]. Смена пространственной ориентации веника при завершении всего свадебного ритуала противопоставлялась его «обычному» виду. Таким образом, вертикально торчащие прутья символизировали разъединение, освобождение. Веник, посредством водружения его на стол в перевернутом, «изнаночном» виде, выступал здесь как вещь, способная отогнать, разогнать присутствующих гостей, что и отразилось в названии свадебного эпизода.

На доминирующую символику веника как обиталища душ предков наславились другие свойства веника. Например, он выполнял медиативную (посредническую) функцию в свадебных гаданиях, в обычаях поездки *по веники и хлестании* ряженых. В этих свадебных эпизодах присутствие веника способствовало установлению благоприятных контактов как между представителями мира людей и «иного» мира, так и между членами рода жениха и невесты. Сходной семантикой наделялись пряники, которыми жених (или его друзья) угождали невесту и ее подруг.

Сходной семантической нагрузкой веник обладал в удмуртской традиционной культуре. Так, по утверждению профессора Т. Г. Владыкиной, при появлении в доме колдуна следовало перевернуть веник, что лишало колдуна его магической силы [Владыкина 1992: 128].

В удмуртской традиционной культуре и в свадебной обрядности русских жителей Удмуртии веник обладал сходными магическими свойствами. Так, «банный березовый веник воспринимается как обиталище душ предков, которому в ритуальных действиях приписывались магические свойства» [Владыкина, Глухова 2011: 31]. В свадебных ритуалах южных удмуртов и в свадебных обрядах русских жителей Удмуртии имели место параллельные обычаи – *пол чужсон и сор / солому мести*.

Согласно исследованиям специалиста в области русской традиционной культуры, фольклориста М. Г. Матлина, обрядовое действие *пахать пол / порошить / избу сорить / сор сорить / приходить за новью* на второй, реже – третий день традиционной свадьбы было зафиксировано по всей России [Матлин 2016: 60].

В региональных версиях русских свадебных обрядов России особенности ритуального использования веника частично совпадают с русской фольклорной традицией современной Удмуртии. Например, в Кармаскалинском и Гафурийском р-нах Башкортостана утром свадебного дня подруги невесты, шествуя к жениху, наряду с украшенным кустом репья брали с собой наряженный банный веник. Жених угождал девушек и вручал им для невесты мыло или духи [Голубева]. В традиционной свадьбе Свердловской области бытовали обрядовые действия *езды по веник* или *по мыло* и бросание невесты веником, мылом в подруг в довенечной бане [Калужникова]. Во Владимирской области «в субботу утром, накануне свадьбы, девушки гуляли с веником» [Данченкова]. В Архангельской области «с веником невесты гадали ее подружки» [Виноградова, Толстая 1993: 23].

1.2.5. Монета

В русских свадебных обрядах южной Удмуртии достаточно ярко проявлено ритуальное применение монет. В свадебном обряде использовались медные и серебряные монеты. При помощи монет жених и поезжане выкупали («осваивали») пространство невесты – ворота, двор, стол, свадебный пирог (*курник*). Монеты, наряду со сладостями – конфетами, пряниками, орехами –

служили средством для одаривания подруг невесты. Монеты кидались гостями в мусор, который молодые мели на второй день свадьбы, в вёдра с водой, принесённые молодой с водного источника. Монетами гости расплачивались за величания в их адрес.

На второй день свадьбы, во время обряда *подавай*, невеста бросала монетку в водный источник, из которого затем набирала воду⁵⁴ [Стародубцева 1999б: 50–51; Шуклина 2012: 13]⁵⁵.

Употребление серебряной монеты для приобретения богатства в супружеской жизни отмечено М. И. Осокиным в очерке «Сельская свадьба в Малмыжском уезде». В утро свадебного дня невеста умывалась «<...> из рукомойника, в который отец ее должен положить серебряную монету, какой угодно ценности, но только непременно серебряную, для того, чтобы чаще водилось у дочери его серебро во время замужества. Эту монету отец невесты вынимает после из рукомойника и отдает дочери уже тогда, как благословит ее идти под венец <...>. Жених, вставши с постели, умывается также, как и невеста, через серебро...»⁵⁶ [Осокин 1857: 72–73].

В северном этнокультурном ареале современной Удмуртии зафиксирован сходный по смыслу обычай. После прощания невесты с родными и расчёсывания её волос в утро свадебного дня, приходил жених и приносил невесте подарки, среди которых было мыло с двумя воткнутыми в него монетами. Этим мылом невеста умывалась, и, далее, одевалась для выхода к поезжанам:

*Жених приносит мыло, в мыле – две денежки. Невеста лицо маленечко помоет*⁵⁷.

У М. И. Осокина зафиксированы сведения о функционировании монеты в апотропейной функции (охранительной, в качестве амулета): в Малмыжском уезде Вятской губернии, когда невесту одевали к венцу, в её обувь клались серебряные монеты [Осокин 1857: 72].

В с. Сергино Балезинского р-на (северный этнокультурный ареал современной Удмуртии) перед первой брачной ночью молодая раздевала мужа и снимала с него сапоги, в каждом из которых находила по монете. Екатерина Михайловна Макарова, комментируя данный обычай, сообщила, что найденные монеты должны были принести молодым супругам достаток в дом [Макарова 2006]:

*Когда нас повели на подклет, то заставили меня разуть жениха, а я не очень-то хотела. Но мне сказали, что надо. Я разула его, а там деньги были в обоих сапогах. Это чтобы в доме всегда был достаток*⁵⁸.

В удмуртской традиционной культуре монеты могли использоваться в аналогичном русско-му свадебному обряду значении. «Удмурты используют монеты <...> как профилактическое, апотропейное и очищающее средство <...>. Закамские удмурты, когда пили или брали воду из родника, в качестве откупа могли оставить ошмескузе ‘духу – хозяину родника’ и монетку, чтобы он их не трогал. В удмуртской традиционной культуре серебряные монеты нередко использовали как оберег. Серебряные монеты использовали в ритуалах, связанных с приобретением здоровья и красоты: в бане их опускали в воду и этой водой окатывались, чтобы тело было белым и крепким, как серебро...» [Шутова, Панина 2016: 115].

⁵⁴ ЛПА-1999. Запись Поповой Е. В., Стародубцевой С. В. в д. Дремино Воткинского р-на от Кузнецовой Александры Демидовны, 1905 г. р., уроженки д. Черепановка, Молковой Нины Александровны, 1914 г. р., уроженки д. Черепановка.

⁵⁵ Подробнее об этом см. разделы «1.2.4. Веник», «1.4.12.4. Молодые сор метут...», «1.4.12.7. По воду идут / Подавай».

⁵⁶ Цитата приводится в современной орфографии.

⁵⁷ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в д. Афонино Балезинского р-на от Обуховой Агафьи Семёновны, 1924 г. р., старообрядки, Селезнёвой Лукерьи Петровны, 1941 г. р., уроженки д. Лопья, старообрядки.

⁵⁸ О дарении женихом серебряной монеты невесте после их первого поцелуя на пропивушках см. в разделе «1.4.8.5. Завершение пропивушек».

ЛПА. Запись Макаровой Е. в с. Сергино Балезинского р-на в 2005 г. от Екатерины Михайловны Макаровой, 1928 г. р., уроженки д. Андриёнки.

1.3. КИНЕТИЧЕСКИЙ КОД

Кинетический код традиционной свадьбы южного этнокультурного ареала Удмуртии был представлен самыми разнообразными движениями. Это могли быть хореографические движения – пляска, приплясывания, хождение кругом, а также шествия, игровая пластика, ритуальные перемещения свадебного поезда, движения с сакральным смыслом. Ведущие специалисты в области славянской антропологии, фольклористы А. К. Байбурина и Г. А. Левинтон, исследуя свадебный ритуал, доказали, что «<...> свадьба как сюжетный текст связана с движением, т. е. оказывается значимым противопоставление движущегося и неподвижного, проявляющееся на самых разных уровнях» [Байбурина, Левинтон 1978: 90]. Кинетический код, наряду с другими кодами свадебного ритуала, в каждой диалектной традиции отличается особенностями и неповторимыми нюансами [Алексеева 2014: 41; Толкачева 2016б: 135].

В беседах, предварявших запись свадебного обряда в экспедиционных условиях, рассказчики сначала концентрировались на зрелищных ситуациях. Прежде всего, они вспоминали эпизод прибытия свадебного поезда к дому невесты. Яркие впечатления от традиционной свадьбы у информантов связывались с ситуацией вывода невесты отцом или женихом к поездкам и с обходом свадебного стола. В этих эпизодах исполнение песен «Солнышко шло» и «Выводил сударь-батюшка» вызывало слёзы у невесты и присутствующих [Толкачева 2017в: 287; Толкачева 2016а: 32–33, 36–37].

В кинетическом коде русской свадьбы южного этнокультурного ареала Удмуртии обычно сочеталось несколько видов движений. Наиболее ярко кинетический план был проявлен в исполнявшихся на свадьбе плясовых песнях. Плясовые песни в традиционных свадьбах Удмуртии выполняли ритуальную функцию [Стародубцева 2001: 28–30]. К наиболее популярной в южном этнокультурном ареале Удмуртии относится свадебная плясовая «Кума к куме выходитила» [Болдырева 2015в: 52; Толкачева 2016б: 141–142]. Записи других образцов плясовых песен, зафиксированных в фольклорно-этнографических экспедициях, единичны. К ним относятся песни «Долина-долинушка» (с. Арзамасцево Каракулинского р-на), «Ох, ты, мальчик мой» (д. Черепановка Воткинского р-на).

«Долина-долинушка» – песня, исполнявшаяся в с. Арзамасцево Каракулинского р-на накануне просватанья [Толкачева 2016а: 31–32; Толкачева 2016б: 135–139]:

*Далина-дalinушка, раз(ы)долья широкая,
Ой, люли, люли, раз(ы)даля широкая.*

*Как во той далинушки гулят детинушка,
Ой, люли, люли, гулят детинушка.*

*<Гулят детинушка> свет Иван Иванович,
Ой, люли, люли, свет Иван Иванович.*

*Свет Иван Иванович, он и холаст, ни женат,
Ой, люли, люли, он и холаст, ни женат.*

*Ходит он ни весела, гулят не радыста,
Ой, люли, люли, гулят не радостна.*

*Увидала ево мать из высокыва терима,
Ой, люли, люли, из высокыва терема.*

*Из высокыва терима, из казачива акна,
Ой, люли, люли, из казачива акна.*

*Жаню, жаню дититка, жаню, жаню мильва,
Ой, люли, люли, женю, женю мильва.*

*Возьму, возьму, дититка, у соседа дочирю,
Ой, люли, люли, у соседа дочирю.*

*У соседа дочирю, што и Ольгу Иванавну,
Эй, люли, люли, што и Ольгу Иванавну⁵⁹.*

Кинетический план этой песни разделялся на два параллельных ряда. Один ряд действий был представлен на улице, у ворот дома невесты. Подруги невесты пели песню и играли на импровизированных шумовых инструментах. Другой ряд разворачивался в сенях дома – невесте ставили под ноги полено и она *голосила*. Таким образом, в данной песне, вербальный текст которой имеет явные признаки величания (озвучивание имён и отчество жениха и невесты), в кинетическом плане проявлялись свойства плясовой песни и причитания:

Накануне свадьбы полешко ставили в ноги. Невеста сидела дома, девушки выходили за ворота. В заслонку играли, щипцами (угли чем вытаскивают). Невеста в это время голосила. Выходили на улицу и играли у ворот⁶⁰.

Звучание «Долинушки» на улице служило для семейства невесты и для односельчан подтверждающим знаком окончательного – положительного – решения родителей девушки о предстоящем браке. На следующий день после проигрывания «Долинушки» проводились обряды сговора и обручения:

- То есть, это договорились, и потом жених уже ходит к невесте.
- Ходит к невесте. В карты играют. Сидят.
- Посидят, поиграют, посидят. Вот эту «Долинушку» – под праздник, под этот, под са-мый, под праздник <...>.
- «Далинушку» спели, а на другой день – обрученье, сговор...⁶¹

В удмуртской народной музыкальной культуре, в других русских локальных традициях Удмуртии песня «Долина, долинушка» бытowała как круговая хороводная [Стародубцева 2001: 116, 119, 297–298, 401]. Самобытность обычая исполнения песни «Долина, долинушка» на свадьбе, вероятно, связана с особенностями позднего и специфического формирования фольклорной традиции с. Арзамасцево [Толкачева 2017б].

Плясовая песня «Ох, ты, мальчик» сопутствовала другой свадебной ситуации. Во время выкупа дружками свахи после расплетения ею косы невесты подруги невесты стояли в кругу и плясовыми песнями «как бы заставляли сваху плясать» [Толкачева 2015б: 169; Толкачева 2016б, 135–136]:

- <...> Когда сваху-то, вот, выкупали, дак пели «Ох, ты, мальчик, мой да разудальчик» <...>:

*Ох, ты, мальчик, мой да разудальчик, мой,
Чернобровый, черноглазый, русый, кудревато...*

*Чернобровой, черноглазой, русый, кудреватой,
Русы кудерцы витые, наставные волоса.*

⁵⁹ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Арзамасцево Каракулинского р-на от брата и сестры Ирина Григория Федотьевича, 1924 г. р., Ляпуновой Таисии Алексеевны, 1915 г. р.

⁶⁰ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Арзамасцево Каракулинского р-на от Якимовой Валентины Васильевны, 1936 г. р., Якимовой Татьяны Алексеевны, 1913 г. р.

⁶¹ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Арзамасцево Каракулинского р-на от брата и сестры Ирина Григория Федотьевича, 1924 г. р., Ляпуновой Таисии Алексеевны, 1915 г. р.

*Русы кудерцы витые, наставные волоса,
Наставные, налитые, принапудренныё.*

Вот и всё, свахе <пели>. А потом выкупали её дружки <...>. Это свахе пели, а она пляшот-пляшот. Я вот катору песню-то пела, дак она в кругу-ту <пляшет>. Росплетёт косу-ту <сваха>. Она <сваха> пляшот. И вот, чтобы её <сваху> выкупили дружки. А если она нырнёт, которая бойкая – нырнёт, убежит. Всё! Её не выкупают. А которая если не успеет убежать – дак её выкупают <...>. Сваха это жениха <...>. А невестина <сваха> – она ведь не причём тут. А потом, которая если бойкая <сваха жениха> – нырнёт <под сомкнутые руки девушек>, убежит и без выкупа. А катору выкупают дружки.

< – От кого её выкупают? >

– От ково? Да от девок! Девки-песельн[ицы]!

< – Девки её плясать заставляют? >

– Девки поют и песни-те. Они ведь денежки-те выгребают. В девишник вот-от быват. У девок и выкупают сваху⁶².

Наиболее популярна в южном этнокультурном ареале свадебная плясовая «Кума к куме выхила», исполнявшаяся во время выноса и выкупа поезжанами *курника*⁶³.

Параллельное активное сочетание, дублирование атрибутивного и кинетического кодов ритуала, наблюдаемое в обычаях с участием *курника*, наблюдается в северном этнокультурном ареале Удмуртии. Информанты подчёркивают, что в свадебном эпизоде выкупа свахой жениха невесты при помощи пляски, прежде чем приступить к этому действу, сваха невесты должна была накормить и обязательно напоить алкогольными напитками *сваху жениха* [Толкачева 2010: 121].

Собственно плясовые песни исполнялись *швеями* во время посещений жениха и / или его гостевания с друзьями в доме невесты (в свадебных эпизодах с пряниками ездили, по веники, столы мерили и т.д.), а также в первый свадебный день после отъезда невесты с женихом на венчание [Толкачева 2017а: 84–85].

Кинетика *швеи* в хореографическом плане оказалась значительно расширена по сравнению с остальными присутствующими на свадьбе. Первые величания – на «спевках» – исполнялись *швеями* в доме невесты после просватанья. Общее для большинства населённых пунктов кинетическое сопровождение величаний происходило следующим образом. Во время пения *швеи* всегда притопывали, приплясывали, но собственно плясовых движений не совершали. После величания *швеи* подходили к «обвеличенному» гостю со стаканом / кружкой / блюдцем / тарелочкой для сбора денег. В некоторых населённых пунктах *швеи* уговаривали поезжан брагой. С. В. Стародубцевой был записан рассказ о том, что в Сарапульском р-не после величания тысяцкий мог неожиданно перевернуть тарелку. В этом случае все *швеи* должны были поцеловать тысяцкого:

Вот, начинают с жениха, невесты, а потом уже всех. Ну, вот тысяцкий, это как бы старший в свадьбе-то получается:

Что у тысяцкова бородка, да бородка <...>.

– Ну, с песенкой вас! Ево. И тарелочку под денежки. Он, это, даст тарелку-ту. А девчонки держат тарелку в руке. Как только оплошили, он берёт тарелку да и вот так перевёртывают! Целовать надо! Все певчие должны его целовать! А он – старик, тут – молодые! Давай целовать все его! Ну, это всё для шутки, ради шутки! <...>.

Так немножко обойдёшь всех, перепоёшь вот так вот, величаешь, <...> ну, всех обвеличиваю. И парней, если девушка или парень молодые – их одной песней: мужской и женская песня. И пожилых тоже⁶⁴.

⁶² ЛПА-1999. Запись Поповой Е. В., Стародубцевой С. В. в д. Черепановка Воткинского р-на от Вострокнутовой Анисьи Николаевны, 1923 г. р.

⁶³ Подробное описание этого обычая см. в разделах «1.2.2.2.2. Курник / Столовой пирог» и «1.4.11.12. Вынос курника / Выкуп невесты».

⁶⁴ ЛПА-1997. Запись Стародубцевой С. В. в г. Ижевске Удмуртской Республики от Липиной Галины Степановны, 1935 г. р., уроженки совхоза «Удмуртский» Сарапульского р-на.

Радостный настрой, который создавался величаниями, поддерживался игровой кинетикой, шутливыми, юмористическими ситуациями. Пропевание величаний служило своеобразным психологическим тестом, испытанием гостя на щедрость или жадность. Величания сопутствовали и обычаю дарения подарков поезжанам. То есть жанр величания частично принимал на себя функцию комментирования хода свадебного обряда.

В состав русского свадебного фольклора южного этнокультурного ареала Удмуртии хорово-дно-игровые песни включались очень редко. По всей территории современной Удмуртии хороводно-игровые песни имели календарную приуроченность. Большой корпус песен был жёстко закреплён за календарём, другие песни обладали большей свободой по отношению к календарному времени, но всегда исполнялись в сходном этнографическом контексте (например, на вечёрках). Согласно материалам фольклорно-этнографических экспедиций С. В. Стародубцевой, только в д. Ендовка Каракулинского р-на информантами отмечалось, что на свадьбе звучали *вечёроные* песни с круговой хореографией (например, «Сырый бор горит») [Стародубцева 2001: 286–288, 400–401].

Концепты свадебного обряда в русском календарном фольклоре на территории современной Удмуртии встречаются и в ситуациях, и в текстах. Так, одной из целей пропевания пасхальной песни «Красненько яичушко» было желание молодёжи обнародовать сердечные привязанности друг друга, что напрямую зафиксировано в тексте: «Красненько яичушко, скажи-ко женишка!..» [Стародубцева 2001: 50–51].

Контекст исполнения большинства календарных песен подразумевал выбор парнем девушки или нескольких человек – невесты и новой «родни» – или до звучания песни, или уже в процессе её разыгрывания [Стародубцева 2001: 36–37, 42]. Также упоминание чинов свадебного обряда в текстах календарных песен было достаточно частым явлением. Например, игры в «Бояр», в «Просо», в «Розочку алую» информанты комментировали как *женитьбу*, соответственно в них фигурировали персонажи *жених, невеста, сваха* [Стародубцева 2001: 37–39, 191–193, 197–198]. Свадьба или женитьба упоминается в песнях «Вдоль по улице по шведской» [Стародубцева 2001: 196–197], «Туман, туман при долине» [Стародубцева 2001: 261–263], во многих других образцах.

В свадебной и календарной обрядности семантически близкими оказываются энергичная тряска предметов в блюде во время святочного гадания «Илию» и подбрасывание свадебного *курника* [Толкачева 2016б: 140–141].

Плясовые и игровые движения были тесно связаны. Радостная атмосфера, в которой они совершались, тем не менее, координировалась с ритуальным контекстом и подтекстом. Плясали и пританцовывали на свадьбе только подруги невесты. Из всех поезжан разрешалось плясать только свахе жениха. Единственная женщина среди поезжан, посредник между родом невесты и родом жениха, именно она *высматривала* невесту. Кинетика плясового движения свахи на выкупе косы невесты подчёркивала её чужеродность, «инаковость» по отношению к присутствующим: представитель рода жениха, но среди поезжан-мужчин – единственная женщина. Таким образом, в кинетическом коде ритуала подчёркивалась роль свахи жениха как медиатора между миром реальным и миром «иным».

В повторяющихся в течение свадебного обряда обычаях (вывод невесты к поезжанам, *дарение даров*, выход жениха и невесты из-за стола) также повторялись и песни. Причём, практически все песни, звучавшие до свадьбы, пропевались в первый свадебный день. В этот день *швеями* озвучивалось много песен, сопровождавших перемещения поезжан. Тексты большинства из них получали или непосредственный, или особый, поэтически переосмысленный, комментарий к событиям свадьбы. Особая роль в перемещениях и шествиях принадлежала «графике» хореографической композиции – линейной или круговой, которая на уровне кинетики подчёркивала сакральную торжественность свадебного действия.

Жениха и поезжан *швеи* встречали у ворот дома невесты. При приближении свадебного поезда девушками исполнялась песня «Из поля, поля» и закрывались ворота. После выкупа дружками ворот и получения известия о готовности невесты к выходу к жениху, гости заходили в дом сопровождении песен «Не было ветру» и «Выон над водой».

Другая важная обрядовая ситуация – вывод невесты за *платочек с середи*, т. е. кухни, отцом или женихом к свадебному столу, возле которого, выстроившись в шеренгу, стояли поезжане. Процессия трижды обходила свадебный стол «по солнышку». Здесь звучали песни «Ой, солнышко» / «Валя-то шла», «Выводил сударь-батюшка» / «Солетала жо утиса».

Полевым записям песни «Ой, солнышко» / «Валя-то шла» практически всегда сопутствовали эмоциональные комментарии певиц о том, как невеста бросала свои ключи на стол: или эта песня вспоминалась по ситуации выброса ключей, или уже после её записи информанты опять погружались в проживание данного события. Пылкие рассказы собеседниц никогда не оставляли повода в сомнении о реальности данной ситуации. В расспросах об этом обычай женщины безапелляционно цитировали текст песни. Только в единичных беседах информанты признавали возможную параллельность текста песни и действия: «*В песне поётся да*»⁶⁵. По-видимому, информантов настолько потрясала описанная в песне возможность бросания ключей от своего дома на стол, что в их памяти стиралась граница между реальностью действий и вымыслом текста:

*Солнышко шло, солнышко шло да
По-за лесу катилось. (2)*

*Наша-то Валя, (2)
По застолью шла. (2)*

*Била ручьми, била ручьми да
О дубовый новый стол. (2)*

*Бросила ключи, бросила ключи да
Вдоль по лавице, вдоль по широкой.*

*– Тятинька мой, тятинька мой да,
Подбери мои ключи, подбери золоты.*

*Я у те была, я у те была да,
Я не клюшица, не замужница.*

*Клюшица я, клюшица я да
Чужому отцу, чужой матере.*

< – А кто её выводит? >

– *Отес. А вы нынче прячетесь, а раньше тоже из кухни выводили <...>. За носовой платочек, и ведёт к жениху, отдаёт.*

< – А все встают? >

– *Да, обязательно, конечно. Дорогу сразу оставляют жениху*⁶⁶.

Круговые движения, обладавшие на свадьбе выраженным ритуальным значением, могли бытывать в разных кинетических вариантах. Например, родители благословляли своих чад, а впоследствии молодых, троекратно обводя над их головами иконами или хлебом.

Ещё одна свадебная ситуация, всегда сопровождавшаяся пением и передвижением – дарение даров и подарков.

Церемония отъезда жениха и невесты под венец включала в себя медленное шествие присутствующих – выход из избы, рассаживание в повозки – сопровождалась плачем всех при-

⁶⁵ ЛПА-1999. Запись Поповой Е. В., Стародубцевой С. В. в д. Черепановка Воткинского р-на от Вострокнутовой Анисьи Николаевны, 1923 г. р.

⁶⁶ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Вятское Каракулинского р-на от Калабиной Зинаиды Григорьевны, 1937 г. р., уроженки д. Обухи, Шумковой Веры Егоровны, 1929 г. р., уроженки д. Обухи.

существующих под пение специальных песен, отличающихся в каждой диалектной традиции. В местном диалекте эта ситуация обозначалась выражением *тут плачут*.

Другой яркий пример – троекратные поклоны молодых родителям молодого сразу после приезда с венчания. Здесь к магии числа присоединяется вера в чудотворное воздействие синхронии – молодые, при помощи дружек, должны были подниматься после земного поклона одновременно⁶⁷.

Важной роли хореографического компонента и возможного игрового, радостного настроя в эпизодах исполнения ритуальных напевов в доме невесты находятся параллели в удмуртском свадебном обряде. Во многих удмуртских локальных традициях обрядовый напев родни жениха *сюан крезь* исполняется стоя, в кругу, с притопами на акцентные слоги [Нуриева 2014: 267; Толкачева 2016б: 137].

В конце XIX в., по свидетельству Г. Е. Верещагина, в Сосновском крае (ныне это территория Шарканского р-на Удмуртской Республики) при исполнении свадебной песни поезжане «медленно расхаживают кругом по солнцу» [Верещагин 1995: 40; Толкачева 2016б: 137].

В свадебном обряде завятских удмуртов (то есть удмуртов, живущих на правом, западном берегу р. Вятки в её нижнем течении – в Балтасинском, Кукморском, Мамадышском р-нах Татарстана, Мари-Турекском р-не Марий Эл, Малмыжском р-не Кировской области) в XIX в. священниками, миссионерами С. А. Багиным и Б. Г. Гавриловым зафиксирован обычай снятия *сюлыка* (свадебного головного убора невесты) младшим дружкой во время ритуальной пляски [Нуриева 1999: 111–112; Толкачева 2016б: 137].

У удмуртов шошминской локальной традиции поезжане (*сюанчиос*), стоя полукругом и притоптывая поочерёдно правой и левой ногами, просили невесту выйти к ним. Данный эпизод назывался *ныл куран* (букв. «выпрашивание невесты») [Объект культурного наследия: 3; Толкачева 2016б: 137].

Исследование взаимосвязей верbalного и кинетического кодов выявил факт восприятия информантами описания действия из песенного текста как реальности свадебного обряда («<...> бросила ключи вдоль по лавочке»). Контекст исполнения некоторых свадебных песен показал варианты полифонического напластования жанров, образованного тем, что верbalный, акустический, музыкальный, кинетический, атрибутивный коды ритуала могли обладать разной смысловой нагрузкой. Например, при исполнении песни «Долина-долинушка» кинетический код ритуала характерен для плясовых песен и причитаний, верbalный – для плясовых песен и величаний, акустический – для плясовых песен и причитаний.

Сочетание в свадебном ритуале дублирующих кодов – кинетического, верbalного, музыкального и других – усиливало сакральную значимость свадебного обряда. Семантическая полифония кодов ритуала придавала эпизодам свадебного обряда всеохватность, единовременное взаимодействие «этого» и «иного» миров.

1.4. АКЦИОНАЛЬНЫЙ КОД

1.4.1. Подбор супружеской пары

Повсеместно в Камско-Вятского региона, частью которого является территория современной Удмуртии, русский крестьянский свадебный обряд строго соблюдался вплоть до 40-х годов XX в. В некоторых локальных традициях северного этнокультурного ареала Удмуртии (в Балезинском, Глазовском, Кезском р-нах) «свадьбы играли по-старинному» еще в 1980-х годах.

⁶⁷ Описание обычая см. далее, в разделе «1.4.11.16. Встреча молодых родителями жениха».

Наиболее полно традиционные способы знакомства парней и девушек для выбора себе супружеской пары, бытовавшие на территории Камско-Вятского междуречья, описаны Г. Е. Верещагиным. Так, девушки и парни начинали активно посещать посиделки, хороводы, рынки и базары чаще всего под влиянием наставлений матери [Верещагин 2001: 24, 47]. Наиболее подходящим местом для «сближения полов» были походы в лес за грибами и за ягодами [Верещагин 2001: 22]. «Высматриванием», «выглядыванием» подходящей пары для своих чад занимались также и их родители [Болдырева 2018а: 198].

Из всех доступных фольклорно-этнографических источников только Г. Е. Верещагиным сообщается о бытования в Камско-Вятском регионе ряда поверий и специфических действий, целенаправленное выполнение которых способствовало привлечению достойного претендента для возможного супружества. Например, девушки старались нарядно одеваться, соблюдать опрятность, меньше петь. Будущие невесты следили, чтобы подол их платьев был сухим, румянились свёклой и т. д. Парни, подыскивающие себе пару, должны были реже свистеть [Верещагин 2001: 21–23, 47–48].

1.4.2. Время проведения традиционных свадеб

В ряде локальных традиций было принято свататься после празднования Нового года:

В Новый год варили ножжи: порослячи, телячи. Ножжи сварят, съедят. Тогда скажет сын: «Ножжи съели – завтра свататься ступай. «А куда?», – спросит отец. «Хоть куда, в любую деревню», – скажет сын» [Татаринцев 1990: 38].

В опубликованном А. Г. Татаринцевым описании свадьбы в с. Шаркан рассказчица М. Г. Черных сообщает, что её сватали осенью:

С осени меня приезжали сватать. Несколько раз сватали. Сначала приехал один жених (его мать видела меня на базаре). Я тогда не согласилась... [Татаринцев 1990: 46].

Игрались свадьбы чаще всего «<...> после Покрова до Рождественского поста и с Рождества до Масленицы» [Стародубцева 1999б: 43]. Согласно сведениям, приведённым Т. А. Шуклиной, «раньше свадьбыправляли в мясоед, а то поп венчать не будет» [Шуклина 2012: 7].

Интересные наблюдения о течении свадебного времени сделаны В. Г. Болдыревой: «Фактическое время проведения свадебного ритуала достигает полутора месяцев. Реальное переживание времени, его восприятие в локальных традициях рознятся. По народной терминологии слово «свадьба» имеет два значения: первое определяет все обрядовое время от сватовства до отводных обрядов, второе – «собственно свадьба» – время, на которое приходятся центральные события обряда <...>.

В ситуации проведения свадьбы сарапульской традиции предсвадебное время регулировалось практическими соображениями: *вот свадьбу припасут, тогда вот свадьба* [Болдырева 2018а: 43, 45].

1.4.3. Свадьба убёгом

В полевой практике информация о свадьбе убёгом / увозом, т. е. без проведения свадебного обряда, встречается достаточно редко. Галина Степановна Липина рассказала о подобном случае:

А невеста – бывали такие случаи, что родители не согласны за того человека-то выдать. Вот она кого любила вот там, в деревне своей, парень есть, с другой деревни. Не согласна! Она бегом бежит! Вот, её закроют в чулан. Слушают, слышат, что она уж собирается бежом бежать – её закрывают. Или в конюшню, или в чулан там – на замок закроют и всё, чтоб это. У нас мама рассказывала про свою подружку. От! Она в шали была, пуховая шаль у ней была.

Только шаль-то по двору рассстелилась. Ой, о! Тонька убежала замуж, ой, Тонька бегом убежала! Всё, вот это. Вот такое было. Ей не дают приданое. Позор вроде для родителей, что услышалась она. А всё равно, вот такое было тоже⁶⁸.

В материалах, записанных В. Г. Болдыревой в с. Мазунино Сарапульского р-на, сообщается: *Её вызвали на минуточку ивели, там дома стол приготовили, и он её украл [Болдырева 2018а: 29].*

1.4.4. Смотрины

В очерке «Свадебные обряды» Г. Е. Верещагиным приводится эксклюзивное для Камско-Вятского региона описание обычая *смотрин*, которые при благоприятных обстоятельствах могли перейти в сватовство. «Случается, что присмотренная невеста неизвестна жениху, а равно и жених неизвестен невесте, и тогда дело в некоторых селениях не обходится без «смотрин», на которых невеста и жених должны видеть друг друга. На смотрины, которые в обыкновении едва ли только не в одной пермской стороне, едет с женихом кто-нибудь из родственников с женой, а нередко и мать жениха, чтобы увидеть невесту самой <...>. У большинства так называемых вятских невесту смотрит только отец жениха совместно с приглашенной из родни женщиной и, если понравилась ему невеста, приезжает с сыном-женихом <...>. Отец жениха, отправляясь смотреть невесту, в то же время думает и о сватовстве <...>. Поэтому, отправляя его, в доме исполняют некоторые обрядности, связанные с различного рода предрассудками...» [Верещагин 2001: 48].

Смотрины обладали определённым сходством со сватовством. Это выражалось в поведении – парень и его сопровождающие родственники, а также девушка, которую «высматривали», должны были быть предельно скромными. Аналогично сватовству, смотрины могли завершиться церемонией чаепития. Присевшему в сторонке на лавку парню девушка выносила пиво или квас. Если ему девушка понравилась, он выходил из избы в сени, оставляя на лавке шапку, и возвращался обратно в ожидании чаепития. Если девушка «симпатизировала» жениху, она угождала его чаем. В противном случае «жених поневоле должен уйти <...> несолено хлебавши» [Верещагин 2001: 49].

1.4.5. Сватовство / Сватают / Высматривать ходят / Свидышки / Засватки

Первый эпизод, открывавший традиционный свадебный обряд в южном этнокультурном ареале современной Удмуртии – *сватовство / сватают / высматривать ходят / свидышки / засватки*. Сваты – отец жениха, женщина из его родни, сваха – старались подобрать для жениха подходящую невесту из другой деревни. В. Г. Болдырева приводит фрагмент обычая сватовства из с. Кварса Воткинского р-на, согласно которому сваты старались прийти в дом предполагаемой невесты вечером и никогда не объявляли о цели своего визита сразу, стараясь говорить намёками, загадками:

Сватались в основном вечером, так как всё было под секретом, чтобы потом жениха с невестой не хаяли... [Болдырева 2015г: 4].

Г. Е. Верещагин сообщает о том, что во многих населённых пунктах первоначальной «кодовой» фразой сватовщиков было выражение: «Скок через порог, едва ноги переволок» [Верещагин 2001: 50]. В большинстве диалектных традиций Камско-Вятского региона *сватовщики* не переходили матицу. Они начинали диалог только после приглашения присесть. Тематика приговорок сватов – скупка товаров, соединение цветка и сада, барана и ярочки, курочки и петушки,

⁶⁸ ЛПА-1997. Запись Стародубцевой С. В. в г. Ижевске Удмуртской Республики от Липиной Галины Степановны, 1935 г. р., уроженки совхоза «Удмуртский» Сарапульского р-на.

золотого и наливного яблочек, женишка и невесты⁶⁹, кукольных жениха и невесты [Болдырева 2018а: 203].

Во время разговора сватов девушка пряталась. В д. Липовка Кизнерского р-на, если сваты и родители невесты понравились друг другу, то заводили разговор «<...> о кальме: сколь, какого, подарков ли, вина ли сколь купить, деньгам сколь. Договорятся и сразу зажигают свечу, и молятся» [Болдырева 2018а: 212]. Как уже упоминалось, в ряде локальных традиций совместное чаепитие сватов и невесты с родителями означало согласие на брак. В большинстве населённых пунктов мнение парня и девушки о возможном супружестве окружающие узнавали по церемонии чаепития – обращали внимание на количество выпиваемых чашек и манипуляции с посудой (переворачивание чашек):

Сначала сваха приходит: «Можно мы к вам придём – посватаем? У нас есть жених, у вас – невеста». И вот так приходят. Приходит обычно мать и жених. Вот, жениха ведут, мать и сваха. Может, в троём-четвером. Приходят – посмотрят <...>. Невеста сразу самовар ставит, значит. Ставят чашки, садятся все за стол. Если жениху невеста понравилась – он две-три чашки пьёт. Невеста тоже – 2-3 чашки. Если невеста не понравилась – он одну чашку выпил, опрокинул вверх дном, шапку берёт – и пошёл! И всё! Вот!

Или немножечко посоветуется там это, сколько, значит, тоже эта. Выходят на улицу, поговорят, поговорят в сенки и приходят: «Мы придём к вам с пропивышами». Ну, вот, через недельку пропивиш⁷⁰.

1.4.6. Рукобитьё / Руки подавали отцы

Акт рукопожатия отцов будущих жениха и невесты в знак взаимного окончательного согласия на свадьбу зафиксирован повсеместно:

Потом договоряца, когда свадьба. Руки подавали отцы⁷¹.

В то же время термин рукобитьё зафиксирован только в д. Липовка Кизнерского р-на. Причём, как и везде, в этой локальной традиции рукобитьё совмещалось с другими свадебными эпизодами – пропоем и смотринами:

Дней через семь рукобитьё-пропой – смотрины – смотры. Девки в чулане (кухне). В рукобитьё приедут от жениха, и сразу, ежли вино выряжено, за стол садятся. Женихов отец отдаёт вино и деньги. Потом чай, вино. Пироги с рыбой, сладки пироги. Как разлили вино, – девки поют отцу и матери невесты⁷².

1.4.7. Смотреть место

В некоторых населённых пунктах после сватовства отец невесты ездил к жениху смотреть его дом. Если ему нравилось хозяйство будущего зятя, он приглашал его и его родителей к себе на пропивки:

– Да, сперва у невесты побудут. Потом жениховы родители приглашают к себе вроде опять как место смотреть.

– Только вот не в тот вечер.

<– Всю родню приглашают?>

⁶⁹ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в д. Кульшево Каракулинского р-на от Дулесовой Марии Ильиничны, 1920 г. р.

⁷⁰ ЛПА-1997. Запись Стародубцевой С. В. в г. Ижевске Удмуртской Республики от Липиной Галины Степановны, 1935 г. р., уроженки совхоза «Удмуртский» Сарапульского р-на.

⁷¹ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в д. Котово Каракулинского р-на от Быковой Зои Яковлевны, 1911 г. р.

⁷² ЛПА. Запись Ухановой Л. Г. в д. Липовка Кизнерского р-на [Болдырева 2018а: 212, 213].

— Да не всю! Это вот своих деревенских <...> вот у кого своя есть родня, и вот того созовём мы и идём к жениху.

<— Это как называлось? >

— Ак вот так и называли — место смотреть.

— У жениха место смотрят, а у невесты — пропивушки бывали⁷³.

В Сюмсинском р-не родители невесты смотрели место уже после пропившей [Тамаркина 1995: 106].

1.4.8. Пропивушки / Пропивши / Пропивушки / Пропой / Пропивки / Сосват / Пропили

1.4.8.1. Церемония угощения алкогольными напитками⁷⁴

Пропивушки — церемония официального, принародного объявления о предстоящей свадьбе. Иногда про пропивки сообщалось, что они включали в себя рукобитье — пожимание рук отцами жениха и невесты как знак окончательного принятия решения о свадьбе. Отцы жениха и невесты договаривались о том, когда будет свадьба, кого на неё приглашать, обсуждали состав приданого, количество подарков.

На пропивки жених с родителями и родственниками обязательно привозили вино / пиво / водку. Ритуал угощения вином Г. Е. Верещагин описывает следующим образом: «Жених наливает в стакан водки и подносит невесте, которая, отведав водки, передает стакан отцу. Отец выпивает, и жених опять наливает и подносит матери невесты и прочим семейным...» [Верещагин 2001: 51].

1.4.8.2. Вывод невесты к столу

По словам некоторых информантов, пропивки были своеобразной мини-«репетицией» застолья первого дня свадьбы. Сходство между данными эпизодами можно отметить в таких обычаях, как вывод отцом невесты к столу и передача её жениху через платок, величание всех гостей, первое исполнение невестой причитаний, дарение даров и т. д.:

На пропивках отец невесты как бы передает дочь жениху. Отец приводит дочь за платочек: за один конец держится отец, а за другой — невеста. Отец отдает свой конец жениху, и он ведет невесту за стол. Жених идет чуть впереди ее... [Шуклина 2012: 10].

1.4.8.3. Дарение даров

Обязательным элементом пропивок было одаривание невестой родителей жениха и его крёстных полотенцами и скатертями. Иногда дарение даров открывало пропивки, но чаще проходило перед застольем или во время него:

После первых песен гости садятся за стол, и невеста начинает дарить свои дары — полотенца вышитые самотканые. Жениху — обязательно. Его матери, отцу, и может ещё золовкам, деверьям — если капитал позволяет⁷⁵ [Болдырева 2018а: 204].

⁷³ ФЭ УИИЯЛ-2000. Запись Стародубцевой С. В. в д. Патраки Якшур-Бодынского р-на от Ивониной Елизаветы Михайловны, 1933 г. р., Михалевой Ксении Яковлевны, 1920 г. р., Михалевой Нины Валентиновны, 1950 г. р.

⁷⁴ Подробнее об угощении спиртными напитками см. в разделе «1.2.2.4.1. Спиртные напитки».

⁷⁵ ЛПА. Запись Роготневой М. Н. в с. Кварса Воткинского р-на от Сентяковой Елизаветы Николаевны, 1928 г. р.

1.4.8.4. Первые причитания невесты на пропивках. Невеста зорю отбивает

В ряде источников упоминается о том, что невеста впервые причитала / *голосила на пропивках*. По сведениям И. К. Травиной, далее невеста причитала уже каждый день по утрам [Травина 1978: 6]. В очерках Г. Е. Верещагина указывается, что она могла причитать и по вечерам. Слово «причитания», по экспедиционным наблюдениям, народные исполнители трактуют безотносительно к свадебному обряду и, в большинстве случаев, их наличие в составе свадебного музыкального фольклора отрицают. Исходя из большинства полевых записей свадебных обрядов на территории южной и центральной части Удмуртии, в народной терминологии вместо слова «причитание» применялись такие термины, как *голосить, выть, плакать, реветь* [Толкачева 2014б: 108–110].

И. К. Травина сообщает о распространении в народной среде термина *голосить* как эквивалента термину «причитание»: «До самого дня свадьбы невеста “голосила”, то есть причитала, оплакивая свою русую косу и девичью красоту» [Травина 1978: 6].

В современных публикациях русского фольклора южных и центральных р-нов Удмуртии высказывания участников свадьбы о причитаниях невесты очень редки. Один из подобных репортажей, записанный в с. Шаркан в 1984 г., размещён исследователем русского фольклора Удмуртии, фольклористом, литературоведом А. Г. Татаринцевым в книге «Русский фольклор Удмуртии»:

<...> Уж я тогда поревела! <...> На девишинке иные невестушки так просто причитают, а я-то от сердца. Все говорила:

Отказался от меня родимый батюшка,

Отказалась от меня родима матушка... [Татаринцев 1990: 46].

В этом фрагменте наглядно прослеживается близость к русскому традиционному свадебному фольклору Удмуртии терминов *реветь, причитать и говорить*.

Опираясь на опубликованные материалы и личные экспедиционные полевые наблюдения, предположительно можно выделить три вида бытования плачей и причитаний невесты в русской традиционной культуре Удмуртии. Во-первых, плач без пения как эмоциональный выплеск с «натуральными» слезами. Во-вторых, невеста сольно *выла-голосила-ревела* «на мотив». И в-третьих, невеста плакала и/или пела, в то время как подруги причитали и / или пели. Иногда плач невесты поддерживался ее родственниками. Многие участники традиционных свадеб свидетельствуют, что реальными слезами плакали именно невеста и её родня [Толкачева 2016а; 2016в]. Подруги невесты (*швеи*) в большинстве свадебных эпизодов, как подчеркивают информанты, не плакали, а пели:

Песни поют, эта, невеста ревёт. Всяки песни поют, невеста всё ревёт, ревёт, ревёт. Это долго. Потом уж, жених когда приедет за её, невеста не ревёт, за стол посадят. И эта, там все уж пируют, все...⁷⁶

В с. Арзамасцево Каракулинского р-на обычай гоношения невесты под пение подруг назывался *невеста зорю отбивает*. Невеста *отбивала зорю* с пением и плачем каждый день после просвата *один или два раза в день*: на рассвете и / или на закате. Подруги в это время пели, помогали невесте дошивать приданое:

<Невеста> зорю отбивает, песни поёт, ревёт. Утром или вечёрошнью. Как просватают – каждый день невеста ревёт. Невеста в сенцах плачет. Когда просватают, подруги приходят, шлются, всякие поют песни <...>. Невеста ревёт, голосит на лавке <...>. Как просватают – девки, подруги песни <поют>. Невеста голосит, сидит на лавочке, девки песни поют⁷⁷.

⁷⁶ ФЭ УИИЯЛ-1998. Запись Стародубцевой С. В. в д. Котья Вавожского р-на от Зориной Любовь Ивановны, 1927 г. р.

⁷⁷ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Арзамасцево Каракулинского р-на от Тепляковой Ольги Ивановны, 1907 г. р.

1.4.8.5. Завершение пропивушек

После застолья молодёжь шла гулять по деревне, девушек катали на лошадях⁷⁸:

Посидят за столом, потом идут с гармоны по деревне (вместе с женихом и невестой) и шумят побольше, чтобы все знали, что пропили девку [Болдырева 2018а: 204].

По свидетельству Г. Е. Верещагина, после возвращения домой с прогулки, девушки с песней «<...> обращаются к своей подруге-невесте, чтобы, она, пропитая отцом, помирилась уже с судьбой, обручившей её с женихом, и она, в знак своего решения или согласия, дарит жениху небольшой носовой платок, причём, которая обладает смелостью, ступает жениху на ногу, чтобы, по поверью, быть больше мужа. Получив подарок, жених запечатлевает на губах своей невесты поцелуй и в довершение этого дарит ей какую-нибудь серебряную монету, что составляет собственный его капитал <...>. Гости уезжают» [Верещагин 2001: 60].

1.4.8.6. Развешивание лент на окна после пропивушек

В некоторых населённых пунктах после пропоя к окнам в знак того, что здесь находится невеста, прикреплялись разноцветные ленты (д. Сепыч Завьяловского р-на⁷⁹, с. Чеганда Каракулинского р-на⁸⁰):

— Ленточки вот навешают — тут невеста, значит.

<— Ленточки долго висят?>

— Как вот посватают, сколь до свадьбы — ходят девочки, «шьются». Там рубахи шьют там, юбки, вышивали, полотенца да чё вот такое всё, готовили. И это, девки спеваются, песни поют. И это, ленточки висят.

<— Там, снаружи, да?>

— Нет, в комнате⁸¹.

В с. Кварса Воткинского р-на 4 ленточки, которые загодя привозил жених, развешивались на окна в утро свадебного дня [Болдырева 2018а: 206].

1.4.9. Девки шьются / Девок собирали шить

1.4.9.1. Девок собирали шить: девки спеваются

Каждый день к невесте приходили её подруги, называемые *швеями* или *шитницами*. Они помогали дошить приданое, подготовить подарки к свадьбе, разучивали величания и исполняли их для всех посетителей невесты:

<...> Девок, которые у невесты в родстве, шить зазывают. Все три недели девки шьют невесте и жениху. В это время девки спеваются, чтоб одинаковые слова в песнях были [Татаринцев 1990: 38].

По вечерам швеи нарядно одевались⁸². В Граховском р-не девушки надевали на себя изготовленную одежду для невесты и проходили по улице, демонстрируя приданое. В Можгинском

⁷⁸ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в д. Котово Каракулинского р-на от Шавкуновой Марии Григорьевны, 1923 г. р., уроженки д. Зaborье.

⁷⁹ ФЭ УИИЯЛ-1999. Запись Стародубцевой С. В. в д. Сепыч Завьяловского р-на от Мартыновой Серафимы Николаевны, 1928 г. р.

⁸⁰ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Чеганда Каракулинского р-на от Банниковой Александры Кузьмовны, 1918 г. р.

⁸¹ ЛПА-1999. Запись Поповой Е. В., Стародубцевой С. В. в д. Черепановка Воткинского р-на от Соколовой Галины Михайловны, 1928 г. р.

⁸² См. также раздел «1.2.3.1. Демонстрация приданого».

р-не накануне свадьбы девушки наряжали невесту в изготовленный наряд и водили по улице. За ними шествовали односельчане [Болдырева 2008б: 78].

1.4.9.2. Подготовка подарков, курника

Накануне свадьбы *швеи* готовили *курник*⁸³. Подарки для гостей к свадьбе *швеи* подготавливали не только из ткани, но и из ветоши, бумаги, льна, соломы, прутьев. Для повозника мастерили шляпу и рукавицы с бахромой, для тысяцкого – часы «на грудь», для бояр – рукавицы, для крёстной (свахи) – муфту или запон (передник), для дружек – плётки и цветки:

*Тысяцкому – часы из бумаги: кардонка, махнушками (бумагой, тряпками) обделяют. Боярам – рукавицы из бумаги. Повознику – шапочка, цилиндр. Крёстне – муфту. Сидит, бодрится*⁸⁴.

*Невеста готовит повознику шляпу, [дарит], как взвеличают, из бумаги, натычут ленточек. Свахе – муфту из золотистой бумаги, светов навырезывают. Плётку и цветки на грудь дружкам. Тысяцкому часы весили на верёвке*⁸⁵.

Одаривание «бутафорскими» подарками на традиционных свадьбах в сопредельных с юго-восточными районами Удмуртии населённых пунктах юго-западного Прикамья описано профессором А. В. Черных. Так, в п. Куеда, в с. Верх-Сава и в д. Нижний Тымбай Куединского р-на Пермской области «<...> дружка, а иногда и тысяцкий на свадьбе надевали украшенные бумажные или соломенные шапки, которые приготовили им девушки на девишинке...» [Черных 2001: 121]:

Шапочки сошьют. Из кардонки. Бумага нарезана, бумагу красили. Тысяцкому, дружкам, повозничкам. Плётки тоже из соломы, сверху эдак же бумагой наделают...

1.4.9.3. Величания

Помимо жениха и его друзей, невесту и *швеи* посещали родственники, односельчане. Для жениха, невесты и для каждого пришедшего гостя *швеи* исполняли подходящее им по статусу величание – свадебную песню, восхваляющую какой-либо свадебный чин и его семью. Очень редко в величаниях подчёркивались негативные качества свадебного чина. Отрицательная эмоция могла возникнуть лишь в величании свахи жениха. Постоянно величая гостей, посещавших дом невесты, девушки спевались, тренировались в исполнении величаний перед свадьбой:

Величальные вот всё учат. Как бы готовятся, чтобы нигде не запинаться [Болдырева 2018а: 50].

Перед началом величаний *швеи* закрывали лежащие на столе гостины платком. Гость, для которого прозвучало величание, считался об величенным. Ему преподносилась чарочка. В ответ гость одаривал девушек деньгами. Деньги за величание он мог положить, в зависимости от локальной традиции, в стакан, на тарелку или на поднос:

*А специально девки шьюца, человек пять-четыре. Вот оне и поют. Потом пойдут с кружками. Всем будут подавать браги. Оне имя станут денег класть в стаканы. Антересно это,шибко антересно, девки, было. А сейчас нечё ведь нету-ка...*⁸⁶

⁸³ См. также раздел «1.2.2.2. Курник / Столовой пирог».

⁸⁴ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в д. Котово Каракулинского р-на от Котовой Александры Петровны, 1934 г. р., уроженки д. Куюки.

⁸⁵ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в д. Кульшево Каракулинского р-на от Ощепковой Раисы Лаврентьевны, 1929 г. р., уроженки д. Кирьяново.

⁸⁶ ЛПА-1999. Запись Поповой Е. В., Стародубцевой С. В. в д. Дремино Воткинского р-на от Кузнецовой Александры Демидовны, 1905 г. р., уроженки д. Черепановка, Молковой Нины Александровны, 1914 г. р., уроженки д. Черепановка.

После того, как всем гостям пропевались величания, *швеи* открывали платок с угощением. Начиналось небольшое чаепитие и веселье. После величания всех гостей, каждая *швея* величала уже сама себя:

Пока шьют, жених приезжает с товарищами и с пряниками к этим девкам <...>. Когда жених с товарищами и с пряниками приедет, девки пряники на стол положут, закроют, песни поют. Когда песни отпойут, тогда пряники кушают [Татаринцев 1990: 38];

Потом поют песню <<Ой, перед тобой>>, и каждая из девушек себя величает и пляшет [Болдырева 2018а: 206].

В описании эпизода *с гостинцами* Г. Е. Верещагиным сообщён факт, не зафиксированный в опубликованных и рукописных полевых материалах исследователей русского фольклора Удмуртии – право «перецеловать» всех *швей* за пожертвование в общую кружку для сбора денег:

Гости накрывают гостинцы подаренными невестой платками в знак того, что они без песен девушек не желают угостить, а этого ждут и сами девушки, чтобы за песни получить ещё денежной подачки <...>.

Когда тарелки будут накрыты, девушки поют отдельно каждому гостю, начиная с жениха, величание <...>.

Кто подарит в общую кружку девиц за величание (от 5 до 20 к.), тот вправе перечеловать всех девушек. Когда таким образом кончилось величанье, гости приглашают девушек садиться за стол. Открывает каждый свою тарелку и угощает девушек... [Верещагин 2001: 61–63].

В очерке М. И. Осокина «Сельская свадьба в Малмыжском уезде» также зафиксированы сведения о том, что гости могли целовать как подруг невесты, так и саму невесту за исполнение величания: «Гость, которому пропето величание, должен развязать свой кошелёк, вынуть гривну-другую, отправиться за занавеску, отдать деньги какой-нибудь девушке и перечеловать всех ее подруг, начиная с невесты»⁸⁷ [Осокин 1857: 58].

От Галины Степановны Липиной, уроженки Сарапульского р-на, записана информация о том, что после величания тысяцкого в первый свадебный день его должны были поцеловать все *швеи*⁸⁸.

1.5.9.4. С гостинцами / С пряниками / День гостинцев / На песни

В традиционной свадьбе южного этнокультурного ареала Удмуртии было принято, чтобы после пропоя и до свадебного дня жених несколько раз приходил к невесте и к *швеям* в гости – *с пряниками, на песни*. Подобные визиты назывались также *днём гостинцев, с гостинцами* [Болдырева 2018а: 199; Тамаркина 1995: 106].

В публикации этномузиколога В. Г. Болдыревой отмечено, что в результате посещения жениха и его друзей дома невесты «завязывались и новые знакомства» [Болдырева 2015г: 7]:

Приедут первый вечер, посмотрят, которые девки песни свадебные поют, заметят. Понравится парню девчонка, то на следующий вечер едут, так уж положено, парень девке набирает гостинца: конфеты, печенье, пряники, орехи, семечки, и обязательно головной платок [Болдырева 2018а: 205].

В эпизоде *с гостинцами* прослеживается органичное сочетание нескольких свадебных обычаяев: чаепитие жениха и невесты; *одаривание*; моление; общая трапеза присутствующих; величание; вознаграждение *швей* деньгами и гостинцами; покрытие тарелок или всех гостинцев платком и последующее их открытие; танцы, катание по деревне, исполнение песен.

⁸⁷ Цитата приводится в современной орфографии.

⁸⁸ См. раздел «1.3. Кинетический код».

1.4.9.5. Столы мерить ходили / К жениху окна мерить / Воротники мерить

Швеи посещали дом жениха несколько раз. Один из их визитов преследовал прежде всего хозяйственную цель. *Швеям* требовалось измерить столы, окна, саму избу для того, чтобы расчитать требуемый размер скатерей, занавесок, половиков при дошивании приданого. После бытовых забот жених угощал *швей* и устраивал небольшую вечеринку для них и своих друзей [Толкачева 2011: 107].

По данным В. Г. Болдыревой, в д. Юрино Сарапульского р-на окошки мерять и двери в доме жениха могли и дружки:

<...> чтобы не ошибиться сделать швеям, мерили они в ширину, в длину, сколько окошек, мерили они. Вот заборки раньше были, тут вешали занавески. Все здесь смеряют, везут они всё швеям» [Болдырева 2018а: 199].

1.4.10. Девишиник / Девичник / Обрученье / Вести столы / Баня для невесты

1.4.10.1. Терминология

Термином *девишиник* / *девичник* обозначалась часть свадебного обряда, начиная с приготовления к традиционной бане для невесты и до следующего утра. Иногда *девишиником* называли несколько предсвадебных вечеров. Таким образом, традиционное посещение невестой бани накануне свадебного дня было частью *девишиника*. *Девишиником* могли называть также утро свадебного дня.

Практически все информанты, упоминающие об обрученье, свидетельствуют о том, что обрученье являлось или частью обряда *девишиник* – его вечера, или обручением называли *девишиник* / утро свадебного дня:

*Обрученье делают накануне свадьбы. Собирают всех, много народа, родню жениха и невесты. Девишиник делают*⁸⁹.

1.4.10.2. Выряжают мыло и веник / По веники ездили

Накануне *девишиника* *швеи* ездили к жениху на лошадях, и выряжали веник и мыло для невесты⁹⁰. Жених заранее подготавливал берёзовый веник, изукрашенный цветными лентами, нитками. Вручив веник *швеям*, он приглашал их пить чай и устраивал для них и своих друзей небольшие посиделки с плясками.

Таким образом, в этом эпизоде веник символизировал род жениха, а также исполнял роль посредника между представителями рода жениха и невесты:

*По виник ездили, от невесты к жениху за виником, невесту парить. На лошаде, человек пять. Веник делали берёзовой, и ленточек навязали. Чай пили, говорили: «На девишиник поехали!». Девки моют невесту — как по виники приехали*⁹¹.

⁸⁹ ФЭ УИИЯЛ-1999 г. Запись Стародубцевой С. В. в с. Советско-Никольское Завьяловского р-на от Кузнецовой Анны Васильевны, 1918 г. р., уроженки д. Сепыч, Стерховой Юлии Фёдоровны, 1928 г. р.

⁹⁰ См. также разделы «1.2.2.2.3. Пряники», «1.2.2.4.2. Чаепития», «1.2.4. Веник».

⁹¹ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в д. Кулюшево Каракулинского р-на от Ощепковой Раисы Лаврентьевны, 1929 г. р., уроженки д. Кирьяново.

1.4.10.3. Баня для невесты

Баня для невесты накануне свадебного дня была обязательным свадебным эпизодом. Растилили баню сестры и мать невесты после приезда *швей* от жениха. В баню невесту вели *швеи*. По сведениям В. Г. Болдыревой, в бане с невестой могли присутствовать и специальные женщины. В баню *швеи* брали привезённый от жениха украшенный лоскутками и нитками берёзовый веник.

В этот день бытовали несколько поверий и гаданий, выполнение которых способствовало будущему семейному благополучию невесты и скорейшему выходу замуж её подруг. Так, в Граховском р-не считалось, что если стучать по головёшкам во время растопки печи, то муж будет драчливым [Болдырева 2015г: 9].

1.4.10.4. По ленточки бегают

В Завьяловском и Киясовском р-нах во время *девишика* на окна навешивались ленты таким образом, чтобы их было видно с улицы⁹². Возле бани (или в предбаннике) невеста дарила подругам и девочкам ленточки, красивые тряпочки. В Каракулинском р-не эта часть обряда называлась *по ленточки бегают*:

Невесту в баню сводят, ленточки дарят. Необязательно швеи ходят «по ленточку», <все девочки> тоже ходят⁹³.

1.4.10.5. Исполнение причитаний на девишинке.

Невесту хвилят / подтыкают реветь

Практически повсеместно на *девишинке*, в том числе и во время ритуальной бани для невесты, невеста и её подруги плакали, а в ряде локальных традиций исполняли специальные песни или причитания. В русской традиционной культуре Удмуртии бытовали термины, которые обозначали действие окружающих, заставляющее невесту плакать – *хвилють, подтыкать*: «*Моется с сестрой или подругой, которые «подтыкают» реветь*» (с. Перевозное Воткинского р-на) [Болдырева 2018а: 36]. В с. Вятское Каракулинского р-на в рассказе информантов о бане для невесты зафиксирован термин *отывать невесту*: «*Баню истопили <...>. Тоже там писни пели, так я не знаю. Говорили, что “отывают” невесту*»⁹⁴.

Совместное *вытьё / плач шитниц* и невесты происходило, когда невеста мылась в (довенечной) бане и в момент ее отъезда с поездками в дом жениха: «...А девки песню жалобную, сами ревут. А невеста так уж ревёт, воет. Пока песню не споют, в баню не зайдут...» [Татаринцев 1990: 39].

В локальной традиции Воткинского р-на вместо слёз «под причитания» или пения жалобных песен зафиксирован факт плача при исполнении величаний (*препевания девок*):

– *А ленточки подружкам дарили. Какие подружки вот у ей? Препевали девок, и <...> девки приходили, поревили с невестой, и ленточку дадут...*⁹⁵.

⁹² См. также раздел «1.2.3.3. Ленты».

⁹³ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в д. Котово Каракулинского р-на от Шавкуновой Марии Григорьевны, 1923 г. р., уроженки д. Зaborье.

⁹⁴ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Вятское Каракулинского р-на от Калабиной Зинаиды Григорьевны, 1937 г. р., уроженки д. Обухи, Шумковой Веры Егоровны, 1929 г. р., уроженки д. Обухи.

⁹⁵ ЛПА-1999. Запись Поповой Е. В., Стародубцевой С. В. в д. Дремино Воткинского р-на от Кузнецовой Александры Демидовны, 1905 г. р., уроженки д. Черепановка, Молковой Нины Александровны, 1914 г. р., уроженки д. Черепановка.

1.4.10.6. Вечер девишика / Девишинский вечер / Вести столы.

Обручальное вино. Заплетение косы. Дарение даров.

Название невестой родителей жениха «мамой» и «папой»

После обрядовой бани в доме невесты собирались родня жениха и невесты, начинали *вести столы*⁹⁶. Родители жениха и невесты ставили на стол две бутылки обручального вина, и, пока шло застолье, вино это никто не трогал. Жених дарил девушкам подарки: гребёнки, брошки, ленточки. За стол жених и невеста садились вместе. Величали всех – жениха и невесту, собравшихся гостей. Далее невесте заплетали косу.

По завершении застолья жених с невестой открывали *обручальное вино* и подавали его гостям, «*а гости же за это денежки ложат*» [Болдырева 2018а: 207].

При выходе из-за стола невеста *дарила дары* родным жениха. При этом она называла членов семьи жениха родной для неё терминологией. Свёкра – «папой», свекровь – «мамой», других родственников – «тётями», «дядями», «братьями», «сёстрами».

1.4.11. Первый день свадьбы

1.4.11.1. Отъезд жениха и свадебного поезда за невестой

Утром в доме жениха собирались поезжане. Количество поезжан варьировалось в зависимости от достатка жениха. Обычно это было девять или тринадцать человек. Но иногда число гостей могло доходить до девятнадцати. Важно было соблюсти чётность и нечётность. Число гостей на свадьбе должно было быть нечётным.

Наиболее полные сведения о сборе жениха в поездку за невестой опубликованы Г. Е. Верещагиным. Собравшись, поезжане садились *столовать*. За столом их обслуживал жених. Далее возле стола стелили войлок, и все молились. Родители жениха (или его крёстные, уважаемые родственники) благословляли жениха иконой и / или караваем. Икона с хлебом заворачивались в платок и вручались старшему дружке. Помолчав несколько минут, тысяцкий и все присутствующие кланялись иконам. Тысяцкий просил благословения у родителей жениха. Получив благословение, все, кроме родителей жениха, выходили во двор и рассаживались в сани. Сбрую украшали лентами, бумажными цветами, колокольчиками. К дуге добавляли несколько звонких колокольчиков. Старший дружка трижды обходил поезд, потряхивая дугами, чтобы колокольцы звенели. Тысяцкий просил благословения у Господа и окружающих. После получения благословения поезд выезжал со двора [Верещагин 2001: 73–74].

В поездке играли на гармони, стреляли из ружья, стучали в металлические предметы. Все встретившие на своем пути свадебный поезд должны были уступать ему дорогу. Неподалёку от дома невесты поезд останавливался.

1.4.11.2. Приезд дружек

Дружки верхом на конях несколько раз подъезжали к дому невесты и узнавали о «готовности невесты» к брачному ритуалу. Швеи прикалывали дружкам бумажные цветы, дарили изготовленные ими из соломы, бумаги и лент плети, величали дружек. Дружки катали девушек по деревне на подводах, после чего все возвращались в дом невесты. Согласно материалам Э. А. Тамаркиной, в с. Сюмси «<...> за свадебным столом кто-нибудь должен был сидеть с бичем. После шуточного обращения дружки: «*Ну-ка, голопузые ребята, вылезайте-ка из-за стола*», – сидящий за столом вытаскивал бич и отвечал: «*Вот вам, откупайтесь стол*». После этого дружка давал деньги, и тот уходил» [Тамаркина 1995: 109].

⁹⁶ См. также разделы «1.2.2.4.1. Спиртные напитки», «1.2.3.2. Дарение даров».

1.4.11.3. Девишик / Расплетают косу невесте / Невеста сидит за занавесой / Выкуп косы

Переплетение косы невесты и прощание её с родными происходило «за занавесой» – на кухне, отгороженной от комнаты занавеской. Косу могли расплетать подруги, мать невесты или сваха (жениха или невесты). В Сарапульском р-не пока невесте расчёсывали косу, она сидела на сундуке со своим приданым. После расплетения косы на невесту надевали платок таким образом, чтобы его кисти свисали на лицо. В Каракулинском р-не после расплетения косы на голову невесты надевали косынку – *вуаль, уваль*. Цветки, расположенные по краю косынки, должны были покрывать лоб невесты.

Делить расплетённую косу и переплеть её на две могли сразу, ещё до вывода невесты к жениху, а также после её вывода к жениху, в церкви или в доме супруга после венчания⁹⁷:

– *После свадьбы как бы разделяли на две косы. На две части волосы. Одна – твоя, другая – мужская, как бы, это. На две косы. А девушка – она плела одну косу, с одной косой ходила.*

< – А где ей две косы заплетали? >

– *Это делал священник на венчании. Ну, если венчание есть в церкви. Значит, он как бы, вот, проводит вот так вот черту как бы, ей делал на две. Вот уже после венца уже она должна две косы*⁹⁸.

В Воткинском р-не было принято держаться за косу невесты и выкупать её. Крестная или младшие сёстры, соседские девочки держались за косу невесты до тех пор, пока не получали от свахи деньги:

*Девчоночка держит косу: «Не отдам косу – до хай ни-ка денег не даишь!» Маленька девчоночка когда сидит. Она денег ей даст: «На!». Косу отдаст <...>. А девчонка чужая может прийтёшь вовсё – заставят. А нету-то ребяташек: «Давай косичку, девка, держите косу! Не отдавай косу близ динёг свахе». Она сидит: «Не отдам!». Да как денег не даишь! Ха-ха! Научат её, и!...*⁹⁹

В д. Черепановка косу выкупала сваха жениха у подруг невесты. Это была своеобразная игра. Подруги невесты пели плясовые песни, как бы заставляя сваху жениха *плясать*¹⁰⁰. Присутствующие здесь дружки, прибывшие, чтобы разузнать готовности невесты для выхода к гостям, выкупали сваху – так как она была представителем их партии, то есть партии жениха [Толкачева 2015б: 169].

Переключение внимания присутствующих с разрушения девичьей причёски невесты на пляску свахи жениха и её выкуп демонстрировало символическую «победу», превосходство партии жениха в данном эпизоде. Акцентирование в данном эпизоде игрового начала также свидетельствует об определённом нивелировании в нём линии инициации невесты (терминология Б. Б. Ефименковой) [Ефименкова 2008].

Ленту и тряпочки из расплетённой косы невеста дарила подругам. После расплетения косы невеста сидела за занавесой в ожидании ее вывода к свадебному столу. Выплетенную ленту невеста бросала через себя, «<...> кто из подружек поймает – та и будет следующей невестой» [Болдырева 2015г: 10].

1.4.11.4. Выкуп позжанами и женихом дороги к дому невесты

Жених и поезжане выкупали ворота, крыльца дома невесты вином и деньгами, одаривали девушек лентами, сладостями.

⁹⁷ См. также раздел «1.4.11.17. Переплетение волос невесты».

⁹⁸ ЛПА-1997. Запись Стародубцевой С. В. в г. Ижевске Удмуртской Республики от Липиной Галины Степановны, 1935 г. р., уроженки совхоза «Удмуртский» Сарапульского р-на.

⁹⁹ ЛПА-1999. Запись Поповой Е. В., Стародубцевой С. В. в д. Дремино Воткинского р-на от Кузнецовой Александры Демидовны, 1905 г. р., уроженки д. Черепановка, Молковой Нины Александровны, 1914 г. р., уроженки д. Черепановка.

¹⁰⁰ ЛПА-1999. Запись Поповой Е. В., Стародубцевой С. В. в д. Черепановка Воткинского р-на от Вострокнутовой Анисьи Николаевны, 1923 г. р.

1.4.11.5. Встреча свах

Повсеместно, после выкупа ворот, у входа во двор, встречались сваха жениха и сваха невесты:

Ак вот тоже свадьба-то приезжает. Свадьба приедет – в те поры – встречают свалебшан, девки выходят на улицу. Сваху встречают, сваха выходит навестина и сваха женихова. И вот девки поют песню с имя. Сваха со свахой поздоровалися, почеканилися. У обоих брага, ле бро вино ли, у обоих. Они почеканятся и попьют, обе свахи. Имя песни поют тоже, девки-те. Потом и свадьба заходит в ограду, в избу. Как уж девки песню спели, в избу пошли и жених заходит тут¹⁰¹.

1.4.11.6. Приезд свадебного поезда, вход поезжан в дом

Когда поезжане заходили в сени и в избу, их величали подруги невесты. Швеи и родня невесты одаривали поезжан полотенцами и другими подарками:

Когда приезжает свадьба, невеста сидит на кухне и ревёт. Глаза прикроет платком, никому не покажет [Татаринцев 1990: 39].

1.4.11.7. Прячут невесту / Жених угадывает невесту среди её подруг

В с. Арзамасцево зафиксирован редко встречающийся в русской фольклорной традиции Удмуртии свадебный обычай, когда подруги прячут невесту от жениха [Толкачева 2017б: 193]:

Ворота закрывали, выкупал жених невесту, в дом зайдут, подруги невесту спрячут. Жених найдёт невесту, берёт за руку¹⁰².

Сходные обычай – прятанье невесты от жениха в Граховском р-не и игровое укрывание её за свадебным столом в Сарапульском р-не. В Граховском р-не невесту прятали, а вместо неё к жениху подводили пожилую женщину, покрытую шалью («подсаженную невесту») [Тамаркина 1995: 110]. В Сарапульском р-не «бытовала другая игровая форма укрывания невесты: когда жених уже занял свое место за столом, ему трудно узнать невесту, т. к. её, как и девушек-подружек, накрывают полотенцами, покрывают. Жених должен угадать её. Данный момент сопровождается песней:

*Ой, да где моё
Суженое-ряженое...» [Тамаркина 1995: 110].*

В экспедиционных архивах автора имеются сведения о том, что в первый день свадьбы во время выкупа прятали невесту в Вавожском р-не¹⁰³, а выбирали невесту среди ее подруг в Каракулинском р-не. В д. Ендовка Каракулинского р-на к жениху выходили две накрытые полотенцами девушки. Жених должен был угадать среди них свою невесту:

*Утром невесту прятают. Садились двое – которая твоя невеста?*¹⁰⁴.

В материалах Т. А. Шуклиной указан факт поиска женихом спрятанной невесты в Кезском р-не (северный этнокультурный ареал современной Удмуртии) [Шуклина 2012: 51–52].

¹⁰¹ ЛПА-1999. Запись Поповой Е. В., Стародубцевой С. В. в д. Дремино Воткинского р-на от Кузнецовой Александры Демидовны, 1905 г. р., уроженки д. Черепановка, Молковой Нины Александровны, 1914 г. р., уроженки д. Черепановка.

¹⁰² ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Арзамасцево Каракулинского р-на от Писчиковой Анны Семёновны, 1908 г. р.

¹⁰³ ФЭ УИИЯЛ-1998. Запись Стародубцевой С. В. в пос. Какмож Вавожского р-на от Загребиной Раисы Сазононы, 1932 г. р., уроженки д. Рябово Можгинского р-на.

¹⁰⁴ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в д. Ендовка Каракулинского р-на от Тепляковой Таисии Константиновны, 1925 г. р., уроженки починка Крикмас, Юшковой Галины Егоровны, 1924 г. р., уроженки д. Котово.

1.4.11.8. Дружки откупают свадебный стол у детей

Дружки откупали накрытый свадебный стол у ребятишек или старушек печеньем, конфетами, пряниками, деньгами. Дружки выкупали стол у детей дважды. Первый раз – когда заходили узнать, готова ли невеста к церемонии выхода к жениху и гостям:

Ребятишки за столом, дружки откупают стол – конфетом, печенешки, прянички, деньгами. Спрашивают: «Можно свадьбу приезжать?»¹⁰⁵.

Во второй раз – когда уже все поезжане заходили в избу. За свадебным столом вместе с ребятишками кто-то сидел с бичом. После щуточного обращения дружки к детям, гость вытаскивал бич, отвечая: «*Вот вам, откупайте стол*». Дружка давал деньги и ему.

Потом дружки забегают в избу, ребятишек полно застольё сидят! Дружки выганивают их! А ребятишки говорят: «Вот, денег дадите – продадим стол! А не дадите денег – не выйдем из-за стола!» Чё, они опять дают имя денег. Ребятишка уходят¹⁰⁶.

1.4.11.9. Вывод невесты к столу

Отец выводил невесту за платок к столу¹⁰⁷. Они трижды обходили стол – по солнышку. Отец передавал невесту жениху опять же через носовой платок. В Камбарском р-не дружка окручивал руки жениха и невесты полотенцем и снова трижды обводил их вокруг стола [Болдырева 2008б: 84–85]:

Отец выводил за платочек невесту с середи. Перед тем, как вывести, одевали чёрнуювязаную косынку, благословляют иконой, хлебом, обводят три раз по солнышку¹⁰⁸;

Теперь, значит, жених зашёл, и садятся за стол <...>. Значит, отец выводит невесту, вот, за платок, за руку выводит. И даёт – как бы выдаёт – жениху:

– Вот тебе невеста, ты её хорони-береги¹⁰⁹.

К столу невеста подходила первая, за ней следовали жених и весь свадебный поезд. За стол жених с невестой усаживались на подушки. Все гости рассаживались в соответствии с чинами.

В Киясовском р-не «невеста с женихом сколь за столом сидят, от носовика не отпускаются (чтоб не расходились молодые)» [Татаринцев 1990: 40].

Считалось, что если невеста дёргала за край скатерти, то одна из её подруг вскоре должна была выйти замуж:

– Раньше были только такие приметы. Если вот, невеста пошла – дёрнула скатёрку – значит подружок в замуж за собой уведёт.

< – Это куда пошла?>

– Из-за стола. Вот эта примета была, раньше говорили...¹¹⁰

¹⁰⁵ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в д. Котово Каракулинского р-на от Котовой Александры Петровны, 1934 г. р., уроженки д. Куюки.

¹⁰⁶ ЛПА-1999. Запись Поповой Е. В., Стародубцевой С. В. в д. Дремино Воткинского р-на от Кузнецовой Александры Демидовны, 1905 г. р., уроженки д. Черепановка, Молковой Нины Александровны, 1914 г. р., уроженки д. Черепановка.

¹⁰⁷ См. также разделы «1.2.3.4. Скатерть. Платок», «1.3. Кинетический код», «1.4.8.2. Вывод невесты к столу».

¹⁰⁸ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в д. Котово Каракулинского р-на от Котовой Александры Петровны, 1934 г. р., уроженки д. Куюки.

¹⁰⁹ ЛПА-1997. Запись Стародубцевой С. В. в г. Ижевске Удмуртской Республики от Липиной Галины Степановны, 1935 г. р., уроженки совхоза «Удмуртский» Сарапульского р-на.

¹¹⁰ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Вятское Каракулинского р-на от Калабиной Зинаиды Григорьевны, 1937 г. р., уроженки д. Обухи, Шумковой Веры Егоровны, 1929 г. р., уроженки д. Обухи.

По свидетельству Г. Е. Верещагина, церемония стягивания невестой края скатерти, происходила по окончании застолья, перед отъездом невесты на венчание [Верещагин 2001: 79]. Данный обычай имеет отдалённое сходство с бесермянским ритуалом выхода из-за стола: «После завершения трапезы, перед выходом следовало прикоснуться к углу или краю стола. Жест означает завершение застолья, выражает благодарность духу-покровителю достатка, обитающему, как считают, на углу / в углах стола. Обычай называют «прикоснуться к столу», «пошатнуть стол», «поклониться духу-покровителю» [Попова 2015: 141].

1.4.11.10. Величания гостей

Процесс величания гостей проходил аналогично величаниям до свадьбы. Швеи пели величания сначала жениху и невесте, потом тысяцкому, далее всем гостям. В Сарапульском р-не существовал обычай целования тысяцкого всеми швеями. В с. Чеганда Каракулинского р-на парни целовали девушек за величания. Об этом действии там бытовало присловье:

Заставляли целовать парней невесты. «Зимой денежски пристыли»¹¹¹.

1.4.11.11. Дары дарят

За столом дарили подарки. Свахи дарили друг другу полотенца, платья. Швеи или родня невесты дарили подарки поезжанам, изготовленные накануне из бумаги, прутьев, махнушек (ветхой материи). Всем гостям дарили платки и полотенца.

По сведениям А. Г. Татаринцева, в некоторых локальных традициях данные предметы выкупались гостями. Включение элементов выкупа в акт дарения активизировало локус жениха: «Повозник должен выкупить у девок шапку, рукавицы, плётку. Всё повозник должен сам выкупить. Дружки тоже должны выкупить по цветку, который сошьют девки. Всё это с плясками, с песнями» [Татаринцев 1990: 45]. Таким образом, предметы из соломы, прутьев, бумажных ленточек, старых лоскутков в сопоставлении с ткаными вещами применялись преимущественно в эпизодах шуточного характера, оформляя линию контактов двух родов.

1.4.11.12. Вынос курника / Выкуп невесты

Перед отъездом к венцу девушки выносили курник, которым выкупали невесту¹¹². Испечённый накануне курник, украшенный цветами, конфетами (длинными, наподобие свеч), с пританцовыванием, под пение песни «Кума к куме выходила», выносила самая бойкая девушка. Швея приговорками набивала курнику цену. Поезжана выкупали курник, тысяцкий забирал его себе. Вырученные за курник деньги девушки делили между собой.

Курник откупали два раза. Во второй раз выкуп курника происходил после венчания в доме жениха [Татаринцев 1990: 45]. На второй день по цветку, которыми был украшен курник, получали все присутствующие¹¹³.

В Камбарском р-не проверяли блюдо, на котором выносили курник, и искали на блюде зацепинки, дырочки. Если находили, то по подозрению на честность невесты могли от невесты и отказаться. В Киясовском р-не курник называли садиком: «Этот курник берёт самая бойкая

¹¹¹ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Чеганда Каракулинского р-на от Банниковой Александры Кузьмовны, 1918 г. р.

¹¹² См. также раздел «1.2.2.2. Курник / Столовой пирог».

¹¹³ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в д. Котово Каракулинского р-на от Котовой Александры Петровны, 1934 г. р., уроженки д. Куюки.

девка, выйдет к сватовьям, держит его в руках да приговаривает: «Вот, сватовья любезные, садик этот выкупите. Неужто вы нашу девку да без садику повезете? У нас уж садик-то больно хороши» [Татаринцев 1990: 44].

1.4.11.13. Отъезд невесты из дома. Благословление жениха и невесты

Церемония отъезда на венчание подробно освещена Г. Е. Верещагиным [Верещагин 2001: 79]. Отец невесты отдавал распоряжения относительно отъезда гостей и зажигал перед образами свечи. Женщины наливали дружкам пиво во фляги, которое они брали с собой. После зажжения свечей старший дружка обращался к родителям невесты с просьбой о благословении «<...> к златой церкви приехать, под злат венец стать и святой Закон принять» [Верещагин 2001: 79]. Невеста с плачем и причитаниями кланялась отцу. Таким же образом она просила благословения у матери, братьев, сестёр и других членов семьи. Сёстры стелили войлок у стола, на котором благословляли невесту или невесту с женихом иконой и / или хлебом. Чтобы сёстры и подруги поскорее выходили замуж, невеста тянула со стола скатерть.

Икону и зажжённую свечу впереди процессии нёс старший дружка. Когда невеста выходила на крыльце, жених хватал её в охапку и нёс до свадебного поезда. Усаживал невесту в сани рядом со свахой.

Выход жениха и невесты из дома сопровождался специальными песнями и плачем невесты, её родных. Обычно в каждом населённом пункте для этой ситуации бытоваля одна песня. Она исполнялась и при выходе из дома невесты, и при прохождении ворот, и за воротами, уже непосредственно при отъезде свадебного поезда.

Жених и невеста ехали к венцу в разных санях:

*Жаних уведёт, она седет со свахой на другую лошадь. Потом жаних седет тоже на лошадь. И дружки ходят, колокол побрякают, молодым дают иконушку поцеловать. Вот три раза обойдут всех коней, тогда поедут венчаца. Это всё вот было. А нонче – ой, ой!*¹¹⁴

В с. Малая Пурга, «когда жених с невестой выезжали за ворота, громко стреляли из ружей. Лошадь пугалась, двигалась назад и опрокидывала тарантас. В какую сторону тарантас упадет: в сторону жених – он будет хозяин в доме, в сторону невесты – она» [Тамаркина 1995: 112–113].

В традиционной удмуртской свадьбе бытовали сходные и, в чём-то усиленные, более выпуклые, по сравнению с русской свадебной обрядностью, обычай. Перед отъездом из родительского дома невеста, прося у родителей благословения, причитала и плакала. После выхода из дома невеста обходила двор, все надворные постройки и прощалась с ними. Когда свадебный поезд подъезжал к дому жениха, «<...> кто-то стрелял из ружья в воздух, чтобы нечистая сила не вошла в избу...» [Назмутдинова 2017: 71–72].

1.4.11.14. Пуховые / Пух возить

Приданое невесты в южном этнокультурном ареале Удмуртии называлось *пух* или *пуховые*, поскольку в его состав входили постельные принадлежности:

< – А вот девке-то в приданое что давали, как сундук собирали?>

– Ак чево-же. Богатые дак шибко собирали много добра-то. А победняе – дак бедныё. А потом уж дают скотину каку-нибудь: овечек дают ле, корову ле, лошадь ли – приданое дают.

< – А вот в сундук-то что ей кладут обычно?>

¹¹⁴ ЛПА-1999. Запись Поповой Е. В., Стародубцевой С. В. в д. Дремино Воткинского р-на от Кузнецовой Александры Демидовны, 1905 г. р., уроженки д. Черепановка, Молковой Нины Александровны, 1914 г. р., уроженки д. Черепановка.

– В сундук-от? А лапати-то [лапти], девки-то, напасут дак. Раньше ведь припасали всё навесте...

< – А Вы выходили замуж – что у Вас было?>

– А всё было: постеля была, подушки были, одеяло было, всё, матрас был, всё было¹¹⁵.

Невесте «среднего состояния» в приданое выделялось большое и разнообразное количество шитых вещей, полотенец, тканей, постель, шуба, приблизительно на 195 рублей. Подробный список приданого с ценами см. в очерке Г. Е. Верещагина [Верещагин 2001: 52–53]. В приданое давали и животных – свиней, овец, коров, лошадей.

Родня невесты привозила приданое в дом жениха и усаживалась на него, требуя выкупа. В с. Арзамасцево Каракулинского р-на зафиксировано единичное сообщение о катании, краже и выкупе постели из приданого невесты. Данные действия с постелью параллельны манипуляциям с курником в этом же селе:

Крестный покупал курник у девушек и продавал на второй день. Он постель выкупал на первый день. На постеле невестиной, укрыли постель, прокатали по деревне, потом к жениху привезли, жоников крестный. В это время девушка угождала женихова родня в первый день. Крали постель¹¹⁶.

1.4.11.15. Венчание

Венчание на исследуемой территории, если его предполагала традиция, происходило вплоть до 50-х годов XX в.:

– А не знай, кака-то мода была. Жаних с навестой. У навесты посидят за столом, потом под венец поедут, в церковь. Священник будет, спрашивать будет у их:

– Люба идёшь? – вот эдак заплетёт навесту. – Люба берёшь?

– Люба.

– А ты любя идёшь?

– Люба.

– Ну, венчать будём.

Это всё вот¹¹⁷.

В с. Камское Воткинского р-на по факту венчания различали свадьбу *праскую* (т. е. «с венчанием», настоящую, хорошую) и не *праскую*:

<– Свадьба это что такое «праская»? Почему так говорят?>

– Ну, это «праской» – уж они венчаюца, брак регистрируют. Всё это праская свадьба. А не праская – чё они!?¹¹⁸

Подробно изложен процесс венчания в рассказе Ивана Алексеевича Копотева из с. Мазунино Сарапульского р-на, опубликованного Т. А. Шуклиной:

В церкви сначала батюшка записывает имена жениха и невесты в книгу, а потом ведет их к алтарю и к аналою, на котором лежит Евангелие. Зажигают свечи, паникадило. Священник спрашивает молодых: «Вольно или невольно выходишь замуж?». Невеста говорит:

¹¹⁵ ЛПА-1999. Запись Поповой Е. В., Стародубцевой С. В. в д. Дремино Воткинского р-на от Кузнецовой Александры Демидовны, 1905 г. р., уроженки д. Черепановка, Молковой Нины Александровны, 1914 г. р., уроженки д. Черепановка.

¹¹⁶ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Арзамасцево Каракулинского р-на от Якимовой Валентины Васильевны, 1936 г. р., Якимовой Татьяны Алексеевны, 1913 г. р.

¹¹⁷ ЛПА-1999. Запись Поповой Е. В., Стародубцевой С. В. в д. Дремино Воткинского р-на от Кузнецовой Александры Демидовны, 1905 г. р., уроженки д. Черепановка, Молковой Нины Александровны, 1914 г. р., уроженки д. Черепановка.

¹¹⁸ ЛПА-1999. Запись Поповой Е. В., Стародубцевой С. В. в с. Камское Воткинского р-на от Дурновцева Алексея Николаевича, 1930 г. р., уроженца д. Шараши Пермской области, Дурновцевой Прасковьи Васильевны, 1920 г. р., уроженки с. Лисья Пермской области.

«По своей воле!». Так и жених отвечает: «По своей воле!». Тогда священник берет кольца, и женихово кольцо надевает невесте на палец, а невестино кольцо – жениху. Так происходит обручение. Затем на головы молодым надевают венцы и обводят вокруг аналоя... [Шуклина 2012: 45–46].

Всё, что происходило на венчании, оказывало, по мнению информантов, большое влияние на дальнейшую судьбу молодых, и особенно невесты. Об этом уже упоминалось, когда речь шла о символике скатерти, лент, церковных свечей, венца. Ещё об одной примете на венчании рассказала Клавдия Михайловна Вотинцева из с. Селты [Шуклина 2012: 8]:

Вот едут и подъезжают к церкви. Там венчают, венцы золотые и кольца надевают. И вот замечают: если невеста под венцом побледнеет, то, значит, не будет долго жить. Тут уж поп заставляет поцеловаться.

1.4.11.16. Встреча молодых родителями жениха

После венчания молодых встречали родители жениха. Они постилали перед молодыми ковёр, благословляли их иконой и хлебом-солью, совершая троекратный оборот иконами вокруг их голов. По рассказу Ивана Алексеевича Копотова из с. Мазунино Сарапульского р-на, прежде родительского благословения на супружескую жизнь молодые трижды кланялись родителям земным поклоном:

Но прежде чем встать под родительское благословение, молодые подходят к родителям, которые стоят с образами, и совершают троекратный земной поклон, касаясь самого пола лбом и осеняя себя крестным знамением. Дружки им помогают, подхватывают под руки, чтобы легче было встать одновременно после каждого поклона [Шуклина 2012: 46].

Молодые откусывали от каравая по кусочку. Считалось, что кто откусит больший кусочек – того и верх будет в дальнейшей супружеской жизни:

<...> Это из-под венца-то приедут, да? Отец с матерью отцовски ё встречают с короваем, с хлебом, с солью – встречают их. Кто пущие, большё откусит булку? Навеста в руку <прячет кусок каравая>. Потом чё-то ешё ведь. Ишё она под винец брала ишё шерсти, кудельки под пазуху – винчалася. Это пойдёт первый раз по воду у жениха – в ричку бросает, эту штуку¹¹⁹.

1.4.11.17. Переплетение волос невесты

После прибытия в дом мужа, расплетала волосы молодой и завивала их в женскую прическу – куфкой – свекровь¹²⁰:

А уж тогда, как привезут – свекровка <снимает платок>. За стол посадят, тамо-ка. Свекровь эту шаль снимат и волосы невесте завьёт куфкой. Вот это в обычae было¹²¹.

В д. Котловка Граховского р-на переплетать волосы в женскую прическу могли и в церкви:
В церкви заплетут невесту в две косы [Болдырева 2018а: 37].

¹¹⁹ ЛПА-1999. Запись Поповой Е. В., Стародубцевой С. В. в д. Дремино Воткинского р-на от Кузнецовой Александры Демидовны, 1905 г. р., уроженки д. Черепановка, Молковой Нины Александровны, 1914 г. р., уроженки д. Черепановка.

¹²⁰ См. также раздел «1.4.11.3. Девишик / Расплетают косу невесте / Невеста сидит за занавесой / Выкуп косы».

¹²¹ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Вятское Каракулинского р-на от Калабиной Зинаиды Григорьевны, 1937 г. р., уроженки д. Обухи, Шумковой Веры Егоровны, 1929 г. р., уроженки д. Обухи.

1.4.11.18. Угощение гостей после венчания

После оформления свекровью новой, женской причёски у молодой гости садились за стол. В Каракулинском р-не считалось, что если привезённое от невесты пиво вкусное, значит и молодая будет хорошей женой:

Придёт народ. Дожидают, когда приедут молодые, их пивом угощают. Хорошее пиво – хорошая будет невеста. К жениху сразу заходят, ковёрчик стелют. Возле невесты садится крёстная невесты, возле жениха – крёстный невесты. Тут народу много¹²².

Согласно рассказу Ивана Алексеевича Копотева из с. Мазунино Сарапульского р-на, опубликованного Т. А. Шуклиной, угощение в доме после венчания называлось *подавай* [Шуклина 2012: 46]. В других локальных традициях южного этнокультурного ареала Удмуртии *подавай* – это обычай вождения молодой к ближайшему водному источнику.

1.4.11.19. Спать уводят молодых

Постель новобрачным готовила крёстная невесты. Это происходило тайно от всех, чтобы не было сглаза. Под постель молодым накладывались поленья, вёдра, кирпичи. Будили молодых дружки на следующий день:

Крёстна невесты делает, готовит постель. Её никто не должен знать, чтобы порчи не было <...>. Находила место, расстилала постель. У неё были ключи, чтобы никто не видел¹²³;

<...> Девки в постель накладут разных кукол, что придумат. Кто-то ляжет на постель, выкупать надо. Жених вина припасай, постель выкупай. Молодые спать лягут, их запрут. А утром идут молодых будить [Татаринцев 1990: 45–46];

Ну, это, приезжают туда <в дом молодого>. Тогда уже там садятся за стол. Ну, там уже без всяких певчих. Всё, садятся. Потом посидели за столом, поплясали. Молодых, вечер уже, к вечеру где-то это уже, и спать укладывать. Вот им там всё накладут: и полено под постель-то, и всё! Боже мой! Вот, поиздеваются¹²⁴;

Накладут под постель всякой ерунды. Кто поленья. Шутили гости¹²⁵.

1.4.12.Обряды второго и третьего дней свадьбы

1.4.12.1. Проверка честности молодой

О честности молодой гостям объявлялось несколько раз посредством следующих, в ряде локальных традиций символических, действий:

1. После первой брачной ночи смотрели простынь;

¹²² ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в д. Котово Каракулинского р-на от Шавкуновой Марии Григорьевны, 1923 г. р., уроженки д. Зaborье.

¹²³ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Чеганда Каракулинского р-на от Банниковой Александры Кузьмовны, 1918 г. р.

¹²⁴ ЛПА-1997. Запись Стародубцевой С. В. в г. Ижевске Удмуртской Республики от Липиной Галины Степановны, 1935 г. р., уроженки совхоза «Удмуртский» Сарапульского р-на.

¹²⁵ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в д. Котово Каракулинского р-на от Быковой Зои Яковлевны, 1911 г. р.

2. Выбор алкогольного напитка, который употреблял молодой на второй день свадьбы, свидетельствовал о нравственности его жены (красное вино – честная, водка – нечестная);

3. Молодой мог прокусывать середину лепёшки на второй день свадьбы, которую испекла его жена, в знак её *нечестности*;

4. Через некоторое время после свадьбы, чаще всего в Масленицу, согласно обычаю к *тёще на блины, молодые* посещали родителей невесты. Если невеста была *доброй*, то *молодой* переворачивал тарелку, которая закрывала стопку блинов, подносимых *тёщей*. Если нет – швырял тарелку под порог или ломал её:

*А смотрят ещё утром. В первую ночь переспали – какая простынь там! Если девчонка честная – то жених красное вино пьёт утром! Если нечестная – значит он водку хлещет. И с горя, и то, что <...>. Это такой обычай был у нас, вот так. Ну, всё! Свадьба закончилась. И живут!*¹²⁶

Как уже упоминалось, ещё до первой брачной ночи, в д. Нижний Армязь Камбарского р-на, поезжане старались предугадать нравственность невесты по внешнему виду курника и тарелки, на которой он выносился¹²⁷ [Болдырева 2018а: 197].

1.4.12.2. Большой стол / Большой обед / Дары дарят / Отвальный обед / На сыры собирать

Потчевание гостей в доме молодого на второй день свадьбы называлось *большой стол*. Молодых выводили и сажали за стол. Выкупали за столами ложки и вилки. В некоторых населённых пунктах родители молодого угождали после испытаний молодых.

На второй день свадьбы молодая одаривала гостей. В ряде населённых пунктов гости дарили молодым подарки¹²⁸:

*Подарки на свадьбу – кто курицу, кто гуся наряжали, уток. Цветочки на пёрышки привяжут. На большой обед тёлку дают*¹²⁹.

В д. Липовка Кизнерского р-на ритуал преподнесения молодым подарков назывался *на сыры собирать*:

*<...> А на свадьбе кладут – кто денег, кто ситцу. Называется на сыры собирать <...>. А вечером собираются у жениха. Жених с невестой каждому подносят вино и кланяются. Им за это дают подарки. Называется «на сыры собирать». Потом горных провожают...*¹³⁰ [Болдырева 2018а: 213, 217].

Сходное выражение – сыр метать – в значении дарить подарки на свадьбу молодым было в русских говорах Мордовской Республики [Труньякина, Ершова 2016: 6].

1.4.12.3. Испытания молодой. Молодая печёт лепёшки / Блины

Второй и третий дни свадьбы изобиловал посвятительными и испытательными обрядами, в которых проверялись хозяйствственные способности молодой и которые способствовали закреплению за молодыми «новых социальных и семейно-родственных связей: с сообществом

¹²⁶ ЛПА-1997. Запись Стародубцевой С. В. в г. Ижевске Удмуртской Республики от Липиной Галины Степановны, 1935 г. р., уроженки совхоза «Удмуртский» Сарапульского р-на.

¹²⁷ Описание обычая см. в разделе «1.2.2.2. Курник / Столовой пирог».

¹²⁸ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в д. Кулюшево Каракулинского р-на от Ощепковой Раисы Лаврентьевны, 1929 г. р., уроженки д. Кирьяново.

¹²⁹ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Арзамасцево Каракулинского р-на от Писчиковой Анны Семёновны, 1908 г. р.

¹³⁰ ЛПА. Запись Ухановой Л. Г. в д. Липовка Кизнерского р-на [Болдырева 2018а: 213, 217].

замужних и женатых односельчан, с прежним кругом холостой молодежи, с новыми родственниками» [Гура 2012: 532]. «Важную роль в этих сценках и актах играл смех, не только создававший особую эмоциональную атмосферу происходящего, но и являвшийся средством испытания молодой» [Матлин 2016: 59–60].

Испытания молодой и молодого, в зависимости от обычая в конкретных населённых пунктах, могли проводиться как во второй, так и в третий свадебные дни. Одно из первых испытаний, устраивавшееся для *молодой* в доме мужа – возможность испечь лепёшки / блины и угостить ими всех присутствующих. Ей помогала в этом свекровь, поскольку у *молодой* просто не было возможности самой испечь угощение. Гости старались утащить сковородку, ухват, квашню, затыкали печную трубу. Чтобы её трубу вновь открыли, нужно было дать выкуп – вино. Испечённые лепёшки гости выкупали деньгами:

– А потом утром опять лепёшки бывают. У жениха уж там опять. И за лепёшки денежки дают, даром не дают.

< – А лепёшки молодая печёт?>

– Да молодая – где тут! Сама хозяйка, мама, свекровка это печёт. Ак вот, потом подносят там это, берут. Блины там пекут, и денежки ложат за это все¹³¹.

1.4.12.4. Молодые сор метут. Гости дарят молодым подарки и деньги

Обычай выметания сора *молодыми* являлся составной частью многочисленных испытаний *молодых* на второй (третий) дни свадьбы и их шествия за водой [Матлин 2016: 60]¹³².

Гости били глиняную посуду, натаскивали соломы, дров, кидали деньги, а молодую заставляли мести пол. В солому гости бросали деньги, подарки¹³³. Молодые подметали пол. Сор из избы выносить было нельзя:

< – А сор метут?>

– Да, потом вот лепёшки эти отойдут – и невесту заставляют мести! И кто чего несёт – хто солому! хто угли! хто чего! всё кидают! А сами деньги туда кидают! Вот, а это, невеста метёт и денежки собирает! А то ещё тюльку принесут – давай пилить! А то бывает, что трубу ещё там закроют – лепёшки-то пекчи! дым! вот опять! Опять надо догадываться – где там чего, опять подавать, денежку подавать! Вот так!¹³⁴

После бани – приносят сору невесте в дом. Невеста метёт. Туда деньги бросают, жених и невеста должны в угол деньги замести. Смотрят, чтобы сор из избы не выносила. Садятся родители невесты и жениха, потом остальные гости¹³⁵.

В Сюмсинском р-не «иногда в избу приводят лошадь и пьют её пивом» [Тамаркина 1995: 113]. По мнению Э. А. Тамаркиной, «этот обычай заимствован скорее всего у удмуртов. В удмуртской свадьбе есть эпизод, восходящий, видимо, к древней традиции: «Заводили в дом лошадь, делая вид, что хотят её зарезать, чтобы пить лошадиную кровь <...>. Хозяева «откупали» лошадь красным вином» [Тамаркина 1995: 113].

¹³¹ ФЭ УИИЯЛ-1999. Запись Стародубцевой С. В. в д. Сепыч Завьяловского р-на от Мартыновой Серафимы Николаевны, 1928 г. р.

¹³² См. также раздел «1.2.4. Веник».

¹³³ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в д. Котово Каракулинского р-на от Шавкуновой Марии Григорьевны, 1923 г. р., уроженки д. Зaborье.

¹³⁴ ФЭ УИИЯЛ-1999. Запись Стародубцевой С. В. в д. Сепыч Завьяловского р-на от Мартыновой Серафимы Николаевны, 1928 г. р.

¹³⁵ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Чеганда Каракулинского р-на от Банниковой Александры Кузьмовны, 1918 г. р.

1.4.12.5. В баню ходят молодые

На второй (третий) день свадьбы *молодые* должны были посетить баню. Это действие также было своеобразным испытанием молодых, поскольку гости закрывали трубу, и *молодые* должны были откупаться у гостей деньгами и вином:

< – А для молодых баню топили на второй день?>

– Топили, и в баню их запирали, в дым-от, чтобы выпечки свалебшанам выташиши оне! Вытаскивают, оллашки пекут, трубу закроют! Дружки залезут на крышу! Да, дурачились, всё было. Весело было, весело всё было¹³⁶.

1.4.12.6. Испытания молодого

На второй (третий) день свадьбы *молодой*, аналогично супруге, должен был пройти ряд испытаний, демонстрируя сообразительность, ловкость, силу:

– Жениху стопочку поднесут, и это, блюдчиком закроют. И чтоб это не открывать, а чтоб суметь выпить. И он как-то берёт так вот, так вот наклонивает рюмочку на блюдчико, ой!.. как-то он сумеет, рюмочка не прольётся, и блюдчико не изломается. А потом уж пьёт!

< – А, так ему надо на голову, на лоб поставить?!>

– Ну! Так он сам как-то, он сам умеет...¹³⁷

1.4.12.7. По воду идут / Подавай

Одним из самых ярких событий второго (третьего) свадебных дней было шествие молодых в сопровождении гостей *по воду*. Гости преображались, становясь *ряжеными / наряжончики / снаряжончики / свалебшанчики*. Они надевали подаренные накануне *швеями* шуточные подарки, переодевались цыганами, солдатами, брали с собой дуги и изображали наряженную тройку лошадей, мазались сажей, мазали сажей веник, гремели вёдрами, катками (которыми катают одежду), играли железными предметами по заслонке. Всех встречных *ряженые* уговаривали вином. В д. Чеганда Каракулинского р-на *ряженые* воровали куриц¹³⁸. В некоторых локальных традициях, например, с. Арзамасцево, д. Котово Каракулинского р-на, как уже упоминалось, *ряженые* могли надеть на себя приданое невесты.

Обычай *подавай* служил испытанием для молодых, поскольку набирать воду и нести её домой мешали сопровождающие их *ряженые / снаряжончики* [Матлин 2013; Матлин 2016: 61, 65]. Одной из целей обычая хождения по воду было своеобразное принесение жертвы *молодой* водному источнику, находившемуся «на территории» её мужа. Когда молодая набирала воду в вёдра, она обязательно бросала в водный источник – родник, ручей, реку – выкуп. Это могли быть монета, откусенный во время встречи родителей мужа кусочек от каравая, кудель и т. д. [Стародубцева 1999б: 50–51; Шуклина 2012: 13]. В традиционной удмуртской свадьбе бытовал аналогичный обычай. *Молодая*, «прежде чем почерпнуть воды, <...> должна была бросить в прорубь монету – дар водяному» [Христолюбова 1975: 46].

¹³⁶ ЛПА-1999. Запись Поповой Е. В., Стародубцевой С. В. в д. Дремино Воткинского р-на от Кузнецовой Александры Демидовны, 1905 г. р., уроженки д. Черепановка, Молковой Нины Александровны, 1914 г. р., уроженки д. Черепановка.

¹³⁷ ФЭ УИИЯЛ-1999. Запись Стародубцевой С. В. в д. Сепыч Завьяловского р-на от Мартыновой Серафимы Николаевны, 1928 г. р.

¹³⁸ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Чеганда Каракулинского р-на от Банниковой Александры Кузьмовны, 1918 г.р.

На водный источник (родник, колодец) ряженые могли набросать крупный мусор – доски и сесть на них, требуя выкупа. В д. Котово Каракулинского р-на этот обычай назывался закрывать колодец¹³⁹. Помогали отвояживать, откупать воду молодой её супруг и дружки:

Соберутся, посидят, поведут по воду. Водили на Шапошников ключ. Кто как средится – кто шубу выворотит, кто чё. Коромысло изокрашивали. Молодая несёт, жоних рядом, несут. На ключ накладут досок, на доски сядут – подать надо. Молодая воду продаёт – наливает в стопку, <ей> платят деньги. Продают воду на крыльце¹⁴⁰.

В ряде локальных традиций зафиксирована своеобразная реверсия обычая бросания денег молодой в воду. Когда молодая приносила домой полные вёдра, гостей не пускали в дом до тех пор, пока они не бросали в воду деньги [Толкачева 2011: 109].

Воду с реки молодая несла на украшенном коромысле. На крыльце дома она продавала принесённую воду гостям: наливалась воду в стопку. Одно ведро воды шло на чай, в другое ведро гости бросали деньги. Считалось, что если молодая донесёт полные вёдра, то и жизнь у неё будет полной, т. е. в достатке [Тамаркина 1995: 113]:

Сначала идёт невеста по воду с женихом. Им не дают воду набирать. Должны они полные вёдра принести. Принесут они полные вёдра, никого не пускают гостей, пока деньги не положат. Ряженые – шубу выворотят на левую сторону, солдатиком – штору накинут. Ряженые когда идут – курицу воруют с саком <с сачком>¹⁴¹;

– Да, невесту по воду водят ещё. Как же вот, это, в другой дом уж переходит она дак – молодушку за водой водят.

< – Это на свадьбе?>

– Вот, в подавай-то! в подавай. И тоже там обливаются, и всё. Летом – дак ладно, а зимой не очень обольёша! И вот она денежку туда. Я на колодец ходила дак – мамаша дала денежку: «Туда, – говорит, – спусти!».

< – А когда за водой ходят – одеваются в особые одежды?>

– Ну, кто как оденутся, всяко. По смешному, кто как оденется...¹⁴²;

< – Невестино приданое у жениха не смотрели?>

– Нет, нет, нет. Ак на большие столы невеста вытаскиват – полотенца, рукотёры – снаряженчики бегают. Свалебшана нарядяца и бегают по деревне.

< – Вот в этом, что она привезла?>

– Да, да, что вот она привезла добра.

< – А свалебшанчики – это женихова сторона?>

– Ага, ага, с жениховой, жениховой¹⁴³;

На колодец, на речку ходили. Идут – тысяцкий часы, повозник – шапочку надевают. «Сряду» сколько есть, надевают. Всё, что вышило, всё надевают. Шубу выворачивали, дугу сделают, люди идут – как «тройка», повожают их. Кто навстречу – подавали, называли «подавай».

¹³⁹ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в д. Котово Каракулинского р-на от Шавкуновой Марии Григорьевны, 1923 г. р., уроженки д. Зaborье.

¹⁴⁰ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в д. Кульшево Каракулинского р-на от Дулесовой Марии Ильиничны, 1920 г. р.

¹⁴¹ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Чеганда Каракулинского р-на от Банниковой Александры Кузьмовны, 1918 г. р.

¹⁴² ФЭ УИИЯЛ-1999. Запись Стародубцевой С. В. в д. Сепыч Завьяловского р-на от Мартыновой Серафимы Николаевны, 1928 г. р.

¹⁴³ ЛПА-1999. Запись Поповой Е. В., Стародубцевой С. В. в д. Дремино Воткинского р-на от Кузнецовой Александры Демидовны, 1905 г. р., уроженки д. Черепановка, Молковой Нины Александровны, 1914 г. р., уроженки д. Черепановка.

С реки несли <воду> невеста: полно несёшь – богато жить будешь. Если чистая вода – в избу заносили¹⁴⁴;

Пироги пекут рыбные, отсидают за столом, поведут невесту по воду. Гости сряжаются – кто сажей маражутся, веник сажей намажут, встречных нахлопают, подают выпивку, полотенца, скатёрку на себя наденут, ведро с катком (одёжу катали). Ведро на руке, шыркают катком, кто в заслонку шпарит железякой. Бабы в заслонку играют¹⁴⁵;

– На второй день! Коромысло украшают! Вышитое полотенце сперва, ленточку делали!...

< – А кто несёт коромысло?>

– А оба! Жених и невеста! Вот я ходила по воду <...>. Всё, с жилки до Обух несли. До своего дома несли по Обухам. С коньса ведь на конес!!! И кто-то подошёл, одно ведро выплеснул! Ну выплеснули! А мы вот сделали свадьбу брату младшему. Только вот в ворота зашли – раз! Выхлестнули! Бились, бились, и разошлись. Вот это уж действительно примета наша.

< – А ходили ряженые по воду? А как рядились?>

– Ой, да всяко. У меня до час поры сарафан целый.

< – А шубу выворачивали?>

– Обязательно!

– Да всё делали! Делали! Платки большой оденут, цыганкой я дак ворожила – всё. Столько знаю ворожений – так только так делаю.

< – А на второй день что ещё делали? >

– А в первую очередь стол изнарядят, посидят за столом, выходят, идут по воду. С водой приходят – самовар уже готовый, чай. Садятся за стол. Молодые угошают отца, мать¹⁴⁶;

Теперь по воду надо вести невесту! Вот, это уже на третий день как бы получается. На третий день, или на второй – у кого как свадьба. Вот, и ведут. Наряжаются все! кто во что оденется, и...! Невесту и ведут к дальнему колодцу, или куда! На речку вот ведут, в соседнюю деревню! Вот невеста почернёт только – у неё выплеснут, только почернёт – и выплеснут! Так вот надо, чтоб жених и дружки охраняли!¹⁴⁷.

1.4.13. Обряды четвёртого и последующих дней свадьбы

1.4.13.1. К тёще на блины

На третий (четвёртый) день свадьбы, или в течение недели, а иногда и месяца после свадьбы, молодые посещали родителей невесты вместе с родной жениха. Данный обычай могли присвоить к Масленице.

У тёщи в доме, если невеста была доброй, то молодой переворачивал тарелку, закрывавшую стопку блинов, подносимых тёщей. Если нет – швырял тарелку под порог или ломал её. Тёща мазала голову молодого маслом, произнося при этом специальные приговорки:

¹⁴⁴ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в д. Котово Каракулинского р-на от Котовой Александры Петровны, 1934 г. р., уроженки д. Куюки.

¹⁴⁵ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в д. Котово Каракулинского р-на от Шавкуновой Марии Григорьевны, 1923 г. р., уроженки д. Зaborье.

¹⁴⁶ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Вятское Каракулинского р-на от Калабиной Зинаиды Григорьевны, 1937 г. р., уроженки д. Обухи, Шумковой Веры Егоровны, 1929 г. р., уроженки д. Обухи.

¹⁴⁷ ЛПА-1997. Запись Стародубцевой С. В. в г. Ижевске Удмуртской Республики от Липиной Галины Степановны, 1935 г. р., уроженки совхоза «Удмуртский» Сарапульского р-на.

Специально ездят к тёще, к тестю на блины. Тёща блины печёт, ставит на стол, закрывает тарелкой. Жених переворачивает тарелку, если девушка добрая. Если нет – под порог кидает, ломает¹⁴⁸;

Отдельно – через месяц – у невесты. Тёща стряпает для жениха. Тёща подносит блины жениху, он должен дать оценку дочери: «Спасибо за дочь!», – деньги тёще. «Не благодарен!. Тёща маслом мажет голову жениху с определёнными словами¹⁴⁹.

1.4.13.2. Свадебные обычаи, приуроченные к Масленице

К Масленице приурочивалось несколько обычаяев, которыми завершался цикл свадебных обрядов. Молодые вместе с родителями молодого могли прийти к тёще на блины. Также молодые посещали всех гостей, которые приходили к ним на свадьбу:

Теперь доживают до Масленицы! Это – обычно осенью, а Масленица – весной. Едут по гостям. Все должны – кто был на свадьбе, должны пригласить молодых! Ну, должны угостить. Каждый должен угостить! Каждая семья. И вот они едут. И ходят всю Масленку! Масленка-то – неделя, они лепёшки едят и выпивают – вот всё веселье у них! Вот так свадьба проходила раньше! Ну, чё, раньше хлеб-то – это не беда была, а лепёшки-то наедятся! Коровы есть у каждого в семье, хлеб!¹⁵⁰

Во время Широкой Масленицы вся сельская молодежь каталась с гор. В эти дни особо следили за парами, поженившимися за прошедший год. Они в обязательном порядке принимали участие в катании с гор, их «закидывали» снежками. Считалось, что молодые супруги должны были непременно кататься и на лошадях:

В пятницу, субботу – широкая Масленка, молодые на лошадях катаются. Беседка – лоток, сверху ещё доска, как скамейка. Оседлают и едут! Особено катались на лошадях¹⁵¹;

На конях катались в Масленицу. Лошадь изокрасят, на дровнях катались. Молодых в колючке катали. Снегом, камнями палят молодых на улице. Лошадь срежали – шлею надевают, цветы, ленточки на дугу¹⁵².

1.4.13.3. Сборно

После Масленицы, в Сборную (первую) неделю Великого поста – Сборно, – молодые ездили к родителям молодой за приданым:

А вот уж после свадьбы-то это да – приезжают гости-те, ну, хоть когда приезжают. А это же издаят опять в Сборно. Это Масленка-то прошла неделя, а там неделя Сборноё. Молодые в гости поезжают, и там приданно родители имя дают. А так-то – хоть когда приезжают...¹⁵³

¹⁴⁸ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в д. Котово Каракулинского р-на от Шавкуновой Марии Григорьевны, 1923 г. р., уроженки д. Зaborье.

¹⁴⁹ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в с. Чеганда Каракулинского р-на от Банниковой Александры Кузьмовны, 1918 г. р.

¹⁵⁰ ЛПА-1997. Запись Стародубцевой С. В. в г. Ижевске Удмуртской Республики от Липиной Галины Степановны, 1935 г. р., уроженки совхоза «Удмуртский» Сарапульского р-на.

¹⁵¹ ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в д. Котово Каракулинского р-на от Шавкуновой Марии Григорьевны, 1923 г. р., уроженки д. Зaborье.

¹⁵² ФЭ УИИЯЛ-1994. Запись Стародубцевой С. В. в д. Кульшево Каракулинского р-на от Дулесовой Марии Ильиничны, 1920 г. р.

¹⁵³ ЛПА-1999. Запись Поповой Е. В., Стародубцевой С. В. в д. Дремино Воткинского р-на от Кузнецовой Александры Демидовны, 1905 г. р., уроженки д. Черепановка, Молковой Нины Александровны, 1914 г. р., уроженки д. Черепановка.

1.5. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Итак, рассмотрение фольклорно-этнографических полевых материалов и исследований XIX–XXI вв. по русской свадьбе южного этнокультурного ареала современной Удмуртии выявило целостность и системность фольклорной традиции. Традиционная свадебная обрядность русских жителей южной Удмуртии представляет собой исторически сложившийся феномен, органично сочетающий различные локальные традиции.

Наибольшую монолитность продемонстрировала локальная традиция Сарапульского р-на, которая в рамках исследуемого ареала выполняла системообразующую роль и, фактически, представляла собой ядро свадебной обрядности в исследуемом регионе (**сарапульская традиция**).

По структуре свадебного обряда, его этнографическому, вербальному и музыкальному наполнению диалектные традиции Воткинского, Каракулинского, Камбарского р-нов оказались сходными с сарапульской свадьбой. Таким образом, фольклорные традиции населённых пунктов территории Воткинского, Камбарского, Каракулинского, Сарапульского р-нов Удмуртии, переселенцев из Воткинского р-на в д. Патраки Якшур-Бодьинском р-на, непосредственно расположенных в **среднем течении реки Камы – в Среднем Прикамье**, составляли ядро свадебного фольклора русского населения южной Удмуртии.

Изучение русской свадебной обрядности в других р-нах южного этнокультурного ареала современной Удмуртии, земли которых расположены в отдалении от р. Камы – Завьяловского, Граховского, Киясовского, Малопургинского, Можгинского, Селтинского, Сюмсинского, Шарканского – продемонстрировало уже значительную степень вариативности свадебного ритуала, его «отдалённость» от ядра, то есть периферию традиции Среднего Прикамья.

Крестьянская свадьба русского населения Вавожского и Кизнерского р-нов, территория которых примыкает к западным границам современной Удмуртии и соседствует с Кировской областью, характеризуется специфическими чертами, обусловленными политическими, этническими, географическими, хронологическими и другими факторами. Относительная оригинальность рассмотренных свадебных обрядов Вавожского и Кизнерского р-нов позволила этномузикологу В. Г. Болдыревой обозначить фольклорную традицию этих территорий как «вятскую» [Болдырева 2018а: 46].

Выполненный обзор персонажного, атрибутивного, кинетического, акустического, вербального, музыкального кодов свадебных ритуалов локальных традиций южного этнокультурного ареала Удмуртии обнаружил обилие вариантов их сочетаний. Многочисленные **дублирования** на уровне различных кодов ритуала, важных в обрядовом отношении свадебных ситуаций, усиливали сакральную значимость свадебного обряда, способствовали глубокому погружению всех его участников в особое время и пространство. Семантическая **полифония** кодов ритуала придавала эпизодам свадебного обряда всеохватность, активное взаимодействие «этого» и «иного» миров, помогала ощутить **со-единение** участников свадьбы со своими предками.

Рассмотрение взаимодействия кинетического, персонажного, атрибутивного кодов ритуала в русской традиционной свадьбе южного этнокультурного ареала Удмуртии выявило большое количество **игровых** движений, обусловленных этнографическим контекстом. Весёлые, зачастую «скоморошьи», игровые и плясовые движения, в контексте свадебной обрядности приобретали ритуальное переосмысление.

В ходе анализа фольклорно-этнографического материала по русской свадьбе южного этнокультурного ареала современной Удмуртии были рассмотрены множество свадебных эпизодов, обычаев и спонтанно возникающих ситуаций с ярко выраженным зрелищным, игровым, а иногда смеховым, началом. Среди них:

1. Плач и причитания невесты в сенях своего дома под уличное хороводное шествие её подруг;
2. Шуточные игровые, иногда с эротическим оттенком, ситуации после исполнения величаний;
3. Многочисленные манипуляции с веником;

4. Использование особого материала – бумаги, ярких тряпиц и ветоши, прутьев, ленточек, которые применялись для изготовления бутафорских подарков, в том числе и плетей / бичей. Данный материал позволял ударам дружек быть относительно лёгким. Яркий внешний вид плетей, их лёгкость «переводила» угрозы дружек и их реальные удары в плоскость игры;

5. Детально, подробно разработанные обычаи, связанные с курником, выполняющие сакральную роль;

6. Обилие обычаем, которые могли бытовать одновременно и в «серъёмном», и в весёлом, шуточном вариантах. Например, демонстрация приданого невесты в «шуточном» ключе проводилась снаряжёнчиками на второй день свадьбы. В обычаях дарения даров невестой параллельно использовались предметы, предназначенные для их бытового использования, и предметы бутафорские, исключительно свадебные реквизиты поезжан.

Итак, традиционные свадебные обряды южной Удмуртии органично совмещали, казалось бы, несоединимые явления на самых разных уровнях. Например, в них гармонично сочетались глубокий сакральный смысл, как проявленный, так и «закодированный», и смеховой, игровой настрой участников.

Рассмотренные этнографические реалии, народная терминология, характерные для русской традиционной свадьбы в южных и центральных р-нах Удмуртии, находят аналогии в русской свадьбе северного этнокультурного ареала Удмуртии, в русском календарном обрядовом фольклоре Камско-Вятского междуречья, в русских свадебных обрядах других регионов России – в Архангельской области, во Владимирской губернии, в Ростовском уезде Ярославской губернии, в Нижегородской области, в Свердловской области, в Башкирской Республике, в Мордовии.

Исследование особенностей этнографических реалий свадьбы русского населения южной Удмуртии выявило взаимодействие и возможное влияние на русскую традицию исследуемого региона народной культуры других этносов – удмуртов, бесермян. Например, в русских и удмуртских обрядах использовалась сходная атрибутика – редька (брюква), украшенные ленточками шляпы, плети, веник, монеты. В удмуртской традиционной свадьбе могли присутствовать свадебные обряды, аналогичные русским обычаям – обряд подметания пола; обход невестой двора, её плач и причитания перед отъездом из родительского дома; стрельба из ружей; привод в дом лошади; бросание молодой монеты в прорубь.

С бесермянской традиционной культурой русская свадебная обрядность сближалась в таких эпизодах, как прикосновение к краю стола и обход стола невестой и женихом перед их отъездом.

Согласно выводам, полученным В. Г. Болдыревой в диссертационном исследовании «Русская свадьба Среднего Прикамья: локальные традиции, коды обряда, межэтнические связи», «на исследуемой территории в силу исторических реалий оказались стянуты самые различные его версии, и именно игра стала тем стержнем, который позволил разноликим локальным переселенческим традициям стать тем единым целым, которым представлен русский свадебный обряд Среднего Прикамья» [Болдырева 2018а: 57].

Глава 2

ВЕРБАЛЬНЫЙ КОД СВАДЕБНОГО ОБРЯДА СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ

2.1. СФЕРЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СВАДЕБНЫХ ПЕСЕН

Настоящая глава посвящена верbalному коду свадебного обряда, представленному на территории Среднего Прикамья поэтическими текстами свадебных песен и приговорками дружек.

Самый полный набор песенных текстов свадьбы записан в с. Кварса Воткинского р-на (36 единиц хранения), д. Михайловка Камбарского р-на (26 единиц хранения). В некоторых населенных пунктах нам удалось записать лишь несколько песен обряда. В целом, в каждой локальной традиции фиксируется от восьми до двенадцати песенных текстов свадебных песен.

Корпус текстов свадебных песен Среднего Прикамья косвенно свидетельствует об исторических процессах, происходящих на изучаемой территории. В нем слились воедино несколько традиций: мы встречаем такие распространенные северорусские тексты как «Не было ветров», «Как по сеням, по сенечкам», «Отставала лебедь белая», «Солнышко щло», «Кто у нас хороший». Велика доля текстов средней и южной России: «Во саду ли виноград растет», «На ком кудерцы», «Недолго веночку», «На горе-то стоит ёлочка», «Села-то невестушка» и многие другие.

Целостность текстов свадебных песен проявляется на исследуемой территории по-разному. Наиболее полные их версии записаны в селах, находящихся вдали от магистралей и крупных населенных пунктов. Многое зависит и от степени талантливости исполнителя. Можно выделить таких замечательных песельниц, как Елизавета Николаевна Сентякова 1928 г. р. из с. Кварса Воткинского р-на, Серафима Николаевна Мартынова (Безносова), 1928 г. р. из д. Сепыч Завьяловского р-на, Таисия Григорьевна Мымрина 1924 г. р. из д. Юрино Сарапульского р-на, до сих пор хранящих в своей памяти полные тексты свадебных песен. Примечательно, что при записи песен певицы осознавали, что, исполненные вне обряда, свадебные песни теряют смысл: «*Если песня без действия, то как-то обрывается, не поймешь что*» (с. Первомайское Воткинского р-на).

По утверждению Б. Б. Ефименковой, «обрядовые музыкально-поэтические тексты свадьбы, помимо прямого участия в развертывающемся действии (комментируют ли они обряд, выражают ли эмоциональное состояние его участников и т. п.), выполняют еще функции особого порядка, а именно – маркируют отдельные акты ритуала и тем повышают их в ранге, переводят, по выражению этнографов, в более сильную позицию» [Ефименкова 2008: 11].

В вятской и воткинской традициях песни начинали звучать на пропивыхах: «*Всё сопровождалось песнями. Вобщэ весь процесс свадебный, всё с песнями*». Пение свадебных песен продолжалось вплоть до увоза невесты со двора: «*У жениха – там уже песен у нас нету*» (с. Светлое Воткинского р-на).

В сарапульской традиции песнями маркируются лишь центральные события свадебного обряда. «Звучало», практически без перерыва, обрученье (буквально *все под песни делали*), и, далее, вплоть до увоза невесты. Если же был сокращенный вариант свадьбы, то начало озвучивания приходилось на день венчания. Это встреча свадебного поезда, выкупы, вывод невесты перед столы, столы, благословление жениха и невесты, увоз невесты со двора. После увоза невесты со двора пение обрядовых песен прекращалось: «У жениха песен не поют. Если сами собой – поют» [Болдырева 2018а: 60]. Эти данные подтверждают наметившуюся на основе этнографических данных тенденцию к доминированию в свадьбе сарапульской традиции «центральных» обрядов первого дня свадьбы, осуществляющих территориальный переход невесты.

Весь корпус свадебных песен группируется по двум основным жанрам – прощальные песни (термин Е. Вл. Гиппиуса) с примыкающими к ним причитаниями и величаниями. Кроме оппозиционных групп мы выделяем еще одну, занимающее положение медиатора, – комментирующие песни. Прощальные песни и причитания маркируют инициационную линию свадьбы, а величания и комментирующие песни переводят свадьбу в сферу контактов.

Набор песенных текстов выделенных жанров сформирован на исследуемой территории по-разному.

2.2. ЖАНРЫ СВАДЕБНЫХ ПЕСЕН

2.2.1. Прощальные песни

Песни, маркирующие линию инициации невесты, исполнители обозначают особым образом: *тут плачут*. Специальных слов в традиции для этих песен не существует, в основном обозначается функция – клевить, хвилить невесту или *подтыкают невесту реветь* (Таблица 2).

Прощальные песни

Таблица 2

Этапы обряда	Сарапульская	Воткинская	Вятская
Пропивыши	Ой, тянька, пей	Ой, из бочки в бочку В ком-то я была младешенька Ой, из-под гор	Я мала была, малеханька Ой, тянька, пей
Девки шьют			Не началось солнышко за лесом зайти Пожила бы я у мамоньки родимой
Заплетение (приплетание) косы			Не текуча быстра реченька Ты рябинушка Уж вы кумушки мои
Баня			На море лебёдушка купалася
Расплетение косы		Недолго веночику	Ты взойди, родима мамонька Недолго веночику Не в трубушку трубят

Прощание с родными и подругами		Ты измена, изменушка На горе стоит ёлочка Собирайся, невестушка Зелена наша смородина Раскачалася грушица Разлилась вода вешняя	Не вылетай, сера утиса
Увоз со двора	Отставала лебедь белая На дворе-то было тихое Солетала же утиса Ой, нонче весна	Ишо первы-те росстани Ой, улетела сера утка Как у нашего у батюшки Рядом, рядом дружки ехали Ой, улетела сера утица	Не текуча быстра реченька Ты рябинушка Вервей Уплывала лебедь белая

Сарапульская традиция представлена наименьшим количеством песенных текстов линии инициации. В основном ими озвучивается самый печальный этап свадьбы – увоз невесты со двора. О том, что плакали и в другие моменты свадебного действия исполнители помнят, но воспроизвести не могут.

В воткинской традиции, где существуют различные версии свадебного обряда, прощальные песни могли петь уже на пропивушках, но, в основном, акцентируется ситуация прощания с родными и увоз со двора. Набор песенных текстов достаточно разнообразный, что подтверждает наличие нескольких версий обряда.

Вятская традиция, даже при небольшой доле исследованных версий обряда, показывает значительное число прощальных песен, которыми озвучиваются все этапы перехода невесты. При этом набор текстов каждой исследованной традиции сформирован по-своему, песенные тексты не повторяются.

2.2.2. Причеты

К прощальным песням примыкают сольные **причеты**. Их бытование зафиксировано только в вятской традиции, на границе с Кировской областью. В народной терминологии по отношению к сольным причитаниям употребляются слова-глаголы: *невеста ревела, выла, голосила*. Исполнители отделяют причитания от физиологического плача – *со словами поёт – ревёт, свою судьбу рассказывает*. Некоторые образцы записаны только в текстовом варианте, т.к. традиция причитания оказывается уже утерянной. В д. Липовка Кизнерского р-на (вятская традиция) причеты исполнялись начиная от пропоя вплоть до увоза со двора. Невеста озвучивала все этапы ее расставания с родным домом, поочередно обращаясь к *тятеньке, мамоньке, брателку, сестрице*, в некоторых случаях к подружкам.

Наибольшее распространение на территории Среднего Прикамья получили **групповые причитания (причетные песни**, по терминологии Б. Б. Ефименковой). По отношению к групповым причитаниям используются те же характеристики, что и для прощальных песен – *клевить, хвилить, подтыкать, реветь* (Таблица 3).

По всей территории сарапульской традиции устойчиво фиксируется небольшой по объему (четырех-стиховой) групповой причет, исполняемый при выводе невесты к жениху «Я не выйду, не выступлю».

Воткинская традиция вмещает в себя самое большое число групповых причитаний, которые маркируют наиболее важные для традиции этапы линии инициации невесты.

В вятской традиции групповые причитания имеют меньшее распространение, чем сольные.

Групповые причитания

Этапы обряда	Сарапульская	Воткинская	Вятская
Девки шьют			
Заплетение (приплетание) косы			
Баня			Растопилася банюшка
Расплетение косы		Ой, да приступись-ко, родимоя мамонька	Уж вы кумушки мои, голубушки
Приезд свадебного поезда		Ой, что не ветром-то две- ри отворились	
Вывод невесты	Я не выйду-жо, я не вы- ступлю		
Прощание с родны- ми и подругами		Ой, да приступись, роди- моя мамонька (тятенька, брателко, крестнушка)	Сестрица у братика
Увоз со двора		Не бывала-жо князяя свашенъка	

2.2.3. Величальные песни

Самую большую группу текстов свадебных песен составляют величания. Повеличать песней – значит, по мнению народа, обеспечить величаемому то, о чем поется. Народные исполнители при этом уточняют: «*Только не славят, а величают, славят в Рождество*» [Болдырева 2018а: 65].

В традиции Среднего Прикамья сначала полагалось величать жениха и невесту, вслед за ними их родителей, далее чинов на свадьбе (дружку, тысяцкого, сваху), а также всех гостей. При пении надо было обязательно именовать величаемых по имени-отчеству, поэтому при записи, прежде чем петь свадьбу, исполнители обязательно договариваются (или предлагает запевала), кому свадьба. Это может быть собиратель, родственники поющих (у кого недавно была свадьба), или сами исполнители.

Величальные песни на свадьбе исполняли главным образом девушки-подружки невесты, причем звучала не одна песня, а целый величальный комплекс:

1. Вступление – обращение, во время пения девушки маркировали очередного персонажа:

1. *Перед тобой, перед тобой,¹
Не зелёный сад стоит, не зелёный сад стоит.*
2. *Перед тобой, перед тобой,
Девушки стоят, да, они песни поют, да величают тебя.*

2. Собственно величание:

1. *Иши что старший-то друженёк хорошенёк,
Хорошенёк...*

3. Поздравление – констатация свершившегося акта величания, которое может проговариваться: «*С песенкой! Позолотите тарелочку*», или пропеваться:

1. *Тебя взвеличали, тебе взвеличали
Как боярина, как боярина.*

¹ Здесь и далее цифра в начале строфы обозначает её порядковый номер в тексте песни.

2. Николая-ту, Николая-ту.
Ивановича, Ивановича.
3. Хозяюшку твою, хозяюшку твою
Как бояроню, как бояроню,
4. Екатерину-ту, Екатерину-ту
Николаевну, Николаевну.

4. Требование вознаграждения:

1. Кошелей гривна шевелится,
Шевелится.
2. Серебро на ребро становится,
Становится.
3. Иши девицам норовитца,
Норовитца.
4. Иши девушкам денег надо.
Денег надо.
5. Што на белыё на белила.
На белила.
6. Што на алыё на румяна,
На румяна.
7. Што на семечки, на конфетки,
На конфетки.
8. Што на семечки, на орешки,
На орешки...

5. Дополнительное требование, которое поется в случае несогласия девушек с объемом вознаграждения:

1. Сватушко, не скудайся,
Не скудайся.
2. За шелковый кошель принимайся,
Принимайся.
3. Ты клади-ка нам не по гривне,
Не по гривне.
4. По золоченой по трицатке,
По трицатке...

В полном виде комплекс практически не существует, в каждой локальной традиции один или даже несколько сегментов могут отсутствовать (Таблица 4).

Таблица 4
Величальный комплекс

Сарапульская	Воткинская	Вятская
Перед тобой	Перед тобой (перед ими)	
Величание	Величание	
Тебе взвеличили		
Золотая казна	Чарочка	
Сватушка, не скудайся	Сватушка, не скудайся	Тысяцкой, не скудайся

Каждому гостю на свадьбе предназначалась своя песня (Таблица 5):

Таблица 5

Величальные песни чинам и гостям на свадьбе

чины	сарапульская	воткинская	вятская
жениху	На ком кудерцы	Кто у нас хороший	Как у месяца
невесте	На ком платьице	В огороде маковка	Через море рябина
Невесте с женихом			На лугу было, лужеченьке
отцу жениха	<u>Ой, не разбушуй</u> <u>Богатой богатина</u>	<u>Ой, не разбушуй</u> <u>Богатой богатина</u> Сватушка большой	Чарочка
дружке	Дружка хорошенек	Ой, дружка хорош Ой, чей кадъ	Друженька по горенке
тысяцкому	Что у тысячкого	Тысяцкой воевода	Тысяцкой, догадайся Как у тысячкого головка
свахе	У нас свашенька	Ой, свашенька молодая	Свашенька, догадайс
холостому парню	Месяц по небу Еще кто у нас холост	Олень На диване алым бархате Как от солнца, от месяца Как под яблонью кровать	Кто у нас умен
вдове	По реке, речке Что гора-то высокая	Как по сеням Ой, по лугам вода Что же ты, лебедушка	
женатой паре	Как у чарочки <u>Во горенке во новой</u> Во саду ли виноград	Еще вился хмель <u>Во горенке во новой</u>	Виноград в саду цветет Как у чарочки Не шелкова ниточка ко стенке льнет
боярину	Ишо старший боярин		
уважаемой гостье	В бору сосенка <u>Ты боская, хорошая</u> В огороде маковка Все гости хороши Из горенки в горенку У нас Маня голубка	Уродилось много розы <u>Ты боская, хорошая</u>	
военному	Взошла туча Под городом		
повознику	На повознике шапочка		Повозничек хорошенъкий
другим гостям на свадьбе		Вот искал уж я невесту По полю, полю Ни с-по бережку боченочек Долина долинуша Из-под кусту	Ни с-по бережку Там за Танью Чарочка

Как видно из Таблицы 5, сарапульская традиция представлена большим количеством текстов величальных песен, причем весь корпус величаний повторяется практически без вариантов по всей территории. Более того, следуя народной терминологии, весь корпус свадебных песен исполнителями здесь трактуется как величания. Исследуя этот феномен, мы пришли к выводу, что термин «величать» в сарапульской традиции синонимично понятию «петь свадебные песни».

В воткинской традиции повторяются некоторые тексты сарапульской традиции (в Таблице 5 они подчеркнуты), но адресная приуроченность их может быть разной. Так, величание «В огороде маковка» в сарапульской традиции посвящено уважаемой гостье на свадьбе, в то время как на воткинской территории ею величают невесту; «На ком кудерцы» могут спеть жениху (с. Михайловка Камбарского р-на), холостому парню (д. Подшивалово Завьяловского р-на), и даже невесте (д. Сепыч Завьяловского р-на). Разнообразие локальных версий приводит к боль-

шему числу величаний, количество которых возрастает и за счет вторично приуроченных песен, в основном скорых хороводных. Такое разрастание текстов связано с традицией провеличать не только всю родню жениха и невесты, но и всех гостей на свадьбе: «*И потом всех своих припевают, у кого какие родня, всех поют, припоминают. А остальные там уже, какие попадя песни пели. Даже советскую заказывают*» [Болдырева 2018а: 69].

Вятская традиция дает разнообразные версии величаний. В ряде традиций величания всем чинам на свадьбе поются с одним и тем же текстом:

1. Тысецкой (свахонька, друженька) догадайся, ох, догадайся.
2. За свой карман сухватайся, ох, сухватайся.
3. Серебро на ребро становися. ох, становися.
4. Тысецкой, не скупися, ох, не скупися.

Хотя исполнители говорят об этих песнях как о величаниях, на самом деле основная их функция – выпрашивание денег. Песню могут повторять до тех пор, пока величаемый не раскочелится. В других версиях обряда поют собственно величания, но набор их текстов в каждой традиции не повторяется.

2.2.4. Комментирующие песни

В текстах комментирующих песен подробно описываются те или иные обрядовые ситуации (приезд гостей, отъезд под венец и др.). Если величальные в некотором смысле дублируют персонажный и предметный код обряда, то комментирующие оказываются связанными с акциональным кодом. Рассказывая о происходящем, они почти хронологически повторяют ход свадебного обряда.

Во время проведения фольклорно-этнографических экспедиций мы не раз сталкивались с ситуацией, когда исполнители рассказывали нам про свадебный обряд, воссоздавая его по песенным текстам, в которых на вербальном уровне дублируются происходящие действия.

Набор песенных текстов комментирующих песен проявляется на исследуемой территории по-разному (Таблица 6):

Таблица 6
Комментирующие песни

функция	сарапульская	воткинская	вятская
Встреча свадебного поезда	Ой, не было ветров Ой, выюн над водой	Ой, не было ветров Ой, выюн над водой	
Вывод невесты	Выводил сударь-батюшка	Выводил сударь-батюшка	
За стол пошли	Ой, солнышко шло	Ой, солнышко шло Ой, у нас Надю-то Русые кудри за стол	
Дары	Ой, во поле	На дворе-то снеги Запасала я дарочки Ой, у нас в тереме	
Обряд названия		У нас Машу-то заполонили	

На территории сарапульского куста комментирующие песни маркируют наиболее важную для традиции часть свадьбы. Это время от приезда жениха до увоза невесты со двора. Все это время, практически без перерыва, звучат песни, образующие своеобразный комплекс, устойчиво проявляющийся в большинстве локальных версий сарапульской традиции:

1. «Ой, не было ветров» – жених с поездом к воротам подъехал;
2. «Ой, выюн над водой» – во дворе окупают, в доме;

3. «Выводил сударь батюшкa» – отец невесты отдаёт дочь зятю;
4. «Ой, солнышко шло» – обходят вокруг стола и рассаживаются;
5. «Ишшо сяла наша Людочка» – обряд называния новой родни;
6. «Ой, во поле» – дары дарят.

Важной особенностью текстов свадебных песен сарапульской традиции является изменение трактовки заложенных в них символов, что свидетельствует о смене доминирующей линии свадьбы.

Так, при изучении вариантов текста «Выводил сударь-батюшкa», обнаружилось, что, в ряде локальных традиций он является продолжением текста «Солетала-то утица». Вертикальная ориентация известной мифологемы в большинстве локальных версий сарапульской традиции оказывается утерянной, в результате чего песня приобретает горизонтальную координацию, стабильно проявляясь в корпусе текстов, комментирующих ход свадебного обряда.

Тексты комментирующих песен сарапульской традиции редко представлены целиком, чаще всего народное сознание вычленяет лишь отдельные фрагменты, переосмысливая их, и принимая как руководство к действию. Такое «буквальное» прочтение текста привело к тому, что, комментируя содержание песни «Солнышко шло» нам объяснили, что «<...> невеста должна бросить ключи от дома» [Толкачева 2017в: 289, 293]:

1. *Ой, солнышко шло, ой, солнышко шло
Шло по-за лесу, шло по- за лесу.*
2. *Ой, наша-то <имя>, ой, наша-то <имя>
По застолью шла, по-за дубовому.*
3. *Ой, бросила ключи, ой, бросила ключи
Вдоль по лавице, вдоль по широкой...*

Аналогичная картина может быть прослежена и в других песенных текстах.

В ряде версий этой же традиции в текстах уничтожается горестный возглас «(Ой), не было ветров», «(Ой), во поле» и т. д. При пении исполнители так и комментируют – *тут без оек* (д. Тарасово Сарапульского р-на), что даёт основание к сближению комментирующих песен с величальными.

В воткинской традиции количество текстов комментирующих песен увеличивается, что свидетельствует о наличии нескольких очагов свадебных традиций.

Отсутствие комментирующих песен на территории, примыкающей к Кировской области, можно объяснить следующими причинами. Первая связана с тем, что те немногочисленные песенные тексты, в которых угадывается наличие описания производимых действий («Вервея», «Не было ветров»), не утеряли своего мифологического прочтения и трактованы как прощальные. Кроме того, присутствие в традициях причетов избавляет от необходимости объяснять происходящее, поскольку именно они комментируют все действия. Функцию комментатора брал на себя и дружка со своими приговорками.

2.2.5. Смеховая культура свадебного обряда Среднего Прикамья

Смех является важной составляющей свадебного обряда Среднего Прикамья. Смеховое «поведение» его участников обусловлено обрядовыми нормами², поскольку в обряде ничего не делается просто ради шутки.

² «Смех ритуальный – обрядовое поведение, состоящее в демонстративном выражении положительных эмоций в экспрессивных внешних формах. С. р. – типичный элемент обрядов перехода. В составе обрядов перехода С. р. выступает сопровождением прежде всего обрядов включения индивида в новое состояние или группу (напр., свадебных ритуалов)» [Религиоведение 2006].

Смеховое начало в свадьбе Среднего Прикамья сосредоточено, прежде всего, в приговорках дружки. Они начинали звучать с момента прибытия свадебного поезда, когда дружка заходил в дом с «разведкой». В зависимости от мастерства и знания текстов, дружка мог приговорками прокомментировать все свадебное действие (Приложение 3. №№ 147–150).

Как отмечалось выше, в сарапульской и вятской традициях роль дружки как основного коммуникатора на свадьбе занимает лидирующее положение, и именно на этих территориях нами было записано наибольшее количество приговорок. Наиболее полные тексты приговорок записаны в вятской традиции, где, наряду с распространенными, записана и необычная приговорка дружки. Необычна она в том отношении, что посвящена невесте (Приложение 3. № 150).

*Наша-то невеста – Загромозда Ивановна!
Растворин – ничего, поставит на цело.
Киснет да киснет – да как брызнет, –
Только шары береги!
В печь поставит пироги да пышки,
Из печи достанет на криночки покрышки.
Отрежешь – осечка,
Сожмешь – жмулька,
Отложишь – пичужска,
Сидит, глядит и не летит.*

К смеховой культуре мы относим и широко распространенный на изучаемой территории текст «Кума с кумой выходила».

Песня «Кума к куме» стоит особняком среди корпуса свадебных текстов. Она имеет определенное время и место на свадьбе – ее пели девушки под конец свадебного застолья в доме невесты при выносе курника. Текст записывается на всей территории сарапульской и воткинской традиции, обладая при этом хорошей сохранностью и полнотой.

Пирог, о котором идет речь в песне, должен был получиться весьма внушительных размеров. Считалось хорошим знаком, если для того, чтобы вынуть пирог приходилось разбирать печь, в которой он выпекался. Тем не менее, количество продуктов, заявленных в тексте песни, явно гиперболизировано, что выводит нас на приемы смеховой культуры:

*Ишио этот-жо пирог
Из семидесят сподоб.
Ишио перва та сподоба
Полтора пуда муки,
Полтора ведра сметаны,
Полтора – два фунта масла,
Полтораста бито яис,
Полтора кила конфет,
Полтора пуда изюму.*

Процесс выпекания пирога еще более усиливает скоморошью тематику:

*Пирог в печку мы садили,
Три лопаты подломили,
На четвёртой посадили,
Пирожок-то доставали, –
Тroe возможней изорвали.*

Вариант, записанный в д. Девятово Сарапульского р-на:

*Что безрукой-от месил,
А безногой посадил,
Три лопаты подломил,
На четвёртой посадил.*

«Мы не располагаем архивными данными, подтверждающими пребывание скоморохов на изучаемой территории, но песенный материал «выдаёт» их присутствие. Реликты культуры скоморохов обнаруживаются в фольклоре Среднего Прикамья в самых разнообразных формах – от употребления скоморошьей лексики (скомороший инструментарий, излюбленные персонажи, различные профессиональные термины) до приемов смеховой культуры» [Болдырева, Стародубцева 1997: 66]. Большинство из них обнаруживается в тексте песни «Кума, кума выходила». Усиливают скоморошью тематику всевозможные трюки, выполняемые во время пения песни.

Гиперболизация и даже эротические коллизии проявляются и в следующем мотиве, связанном с «побегом» курника и превращением его в «коня»:

*Пирог в печке-то заржсал,
В чисто полё убежсал,
С чиста поля убежсал,
Пятьдесят кобыл загнал,
Пятьдесят кобыл с кобылкой.
Одна сивая кобыла,
Наперёд хвостом ходила,
Сзади голову носила.*

Постепенно обрядовый смысл смеховых действий в традиции утрачивается, переходит в бытовой план и ведущим в этом процессе является превалирование материально–телесного начала.

Песня «Кума, кума выходила» представляет собой образец обрядового фольклора вторичного формирования, появление и повсеместное распространение которого связано с возникшей потребностью в новых песнях, способных развлечь, наполнить движением и весельем старинный обряд.

2.3. СЕМАНТИКА СВАДЕБНЫХ ПЕСЕН ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ

В поэтических текстах русской свадьбы языком символов отражены основные ритуальные действия, направленные на реализацию двух планов:

1. «Инициационный» переход молодых (в большей степени невесты) в старшую возрастную группу;
2. «Территориальный» переход невесты в другую семью.

Общепринятым является выражение этих линий в пространственной координации: вертикальной (инициация) и горизонтальной (коммуникация). Существующая в поэтических текстах песен свадебного обряда система символов переводит акцент в одну из двух плоскостей (вертикальную или горизонтальную).

Рассмотрим реализацию этих двух планов в текстах свадебных песен Среднего Прикамья. Важным при рассмотрении семантики русской свадьбы становится прием психологического параллелизма. Основу вертикальной ориентации составляет инвариант Мирового Древа, оси мира. В текстах свадебных песен Среднего Прикамья оно выражено различной символикой.

1. На горе-то стоит ёлочка, да,
Под горой стоит светёлочка.
2. Под горой стоит светёлочка, да,
Во светёлке красна девица-душа.

н. Первомайский Воткинского р-на

В тексте вертикальная ориентация мирового древа, выраженного через елочку, усиlena включением еще одной мифологемы – образа **горы**. Образ горы также символизирует переходное пространство:

1. Ой, с корых гор, ой, с корых гор,
Все ключи бегут, все студеныё.

с. Светлое Воткинского р-на

Неслучайно оказывается приподнятой над всеми невеста:

1. У нас Маша-та сидит выше всех,
Выше всех.
2. Она повесила головушку ниже плеч,
Ниже плеч.

д. Чёрная Воткинского р-на

7. Ой, сужено мое, ой, сужено мое,
В высоком терему, за занавескою.

с. Тарасово Сарапульского р-на

Терем своей общей конструкцией оказывается конусом, уходящим вверх, и данный образ, образ терема, нередко используется в текстах песен:

1. Ой, у нас в тереме, ой у нас в тереме,
Громко говорят, громко говорят.

с. Михайловка Камбарского р-на

К следующей вертикально-пространственной характеристике можно отнести **дым**:

1. Ой, во поле, ой во поле,
Дымы дымят, дымы дымят.

д. М. Калмаши Каракулинского р-на

Дым воспринимался как медиатор, связующее звено между небом и землей, земным и потусторонним мирами.

Так, на движение дыма могло влиять направление **ветра**. Присутствие дыма или ветра становится признаком приближения «гостей», то есть представителей иного пространства, мира – один из постоянных мотивов свадебной лирики. Наблюдения над образом ветра позволяют сделать вывод о том, что появление жениха в доме невесты воспринимается как источник нарушения пространства. Ветры могут *надунуть, нагрянуть, навеять, навянутъ*:

1. Ой, не было ветров, ой, не было ветров,
Вдруг надунули, да вдруг надунули.

с. Мазунино Сарапульского р-на

Горизонтальная ориентация символов переводит нас в плоскость территориальных перемещений. Переходное пространство свадебных песен огромное. Это **поля, горы, вода, бор**, но главный ее символ – **дорога**.

Мотив долгой, трудной дороги – излюбленный в свадебных песнях. Дорога символизирует пространство, открытое всем ветрам, стихиям, влияниям. Она заполняется гостями во гляве либо со свахой, либо с женихом, разлучающими невесту с родными. В песне «Зелена наша смородина» присутствует эффект сужающейся перспективы и постепенно организуемого хаоса, затрудняющего перемещение:

1. Зелена наша смородина, да,
Зеленая, призalomанная.
2. Зеленая призalomанная, да,
Во пученечки завязанная.
3. Во пученечки завязанная, да,
Вдоль дороженьки поброшенная.
4. Вдоль дороженьки поброшенная, да,
Еще кто эту дороженьку торил?
5. Еще кто эту дороженьку торил, да,
Что торила ее сватовщица.

с. Никольское Завьяловского р-на

В песне «Не было ветров» так же происходит горизонтальное разворачивание пространства. Возникающий ряд: ограда – двор – сени – изба – середь – застолье, имеет обратную перспективу и является процессом постепенного преодоления пространства между семьями:

3. Полна ограда, полна ограда,
Золотых-то карет, золотых-то карет.
4. Полон двор, полон двор,
Вороных-то коней, вороных-то коней.
5. Ой, полны сени, ой полны сени,
Незваных гостей, незваных гостей,
6. Полна изба, полна изба,
Дорогих-то гостей, дорогих-то гостей.
7. Ой, полна середь, ой, полна середь,
Красных девушок, все подруженёк.
8. Ой, полно застолье, ой, полно застолье,
Все князей да бояр, все князей да бояр.

д. Черная Воткинского р-на

При увозе со двора также разворачивается перспектива, но уже на расширение пространства: горенка (изба) – двор (ограда) – **поле**, где происходит постепенное расставание невесты с родными (*росстани*):

- Начинают выводить невесту из избы <говорком>:
1. Эшо первы-те росстани,
Эшо первы-те росстани.
 2. Посреди горенки новые,
Посреди горенки новые.
 3. Уж вы, гребцы, не гребите,
Уж вы, гребцы, не гребите.

4. Дайте с мамонькой простица, да,
Со родименькой бла словица.

– Это уже в ограду <говорком>:

5. Э́шо вторы-те росстани,
Э́шо вторы-те росстани.

6. Посреди двора широкова,
Посреди двора широкова.

7. Уж вы, гребцы, не гребите,
Уж вы, гребцы не гребите.

8. Дайте с мамонькой простица, да,
Со родименькой бла словица.

– Уже из ограды повезли, всё, уже к жениху <говорком>:

9. Э́шо третьи-те росстани,
Э́шо третьи-те росстани.

10. Посреди поля широкова,
Посреди поля широкова.

11. Уж вы, гребцы, не гребите,
Уж вы, гребцы не гребите.

– Полем к жениху уже повезли <говорком>:

12. Дайте с мамонькой простица, да,
Со родименькой бла словица.

д. Дуброва Завьяловского р-на

Ещё одна разновидность мифологического образа дороги – **река**, которая соединяет в себе одновременно и семантику границы и семантику дороги в потусторонний мир. В свадебных текстах иногда появляется универсальное название реки как границы между мирами:

1. Не текучая быстра речен(и)ка, ой, да,
Не плачуя у нас Нинушка.

д. Русский Сюгаил Можгинского р-на

1. Ой, там, за рекой, ой, там, за рекой
На крутом берегу, на крутом берегу.

с. Кварса Воткинского р-на

Мифологема, переводящая нас в плоскость ритуальных действий, связанных с переходом невесты – **вода**. Очищающая функция воды в свадебных ритуалах и упоминание водных источников идёт из глубокой древности. Символика воды представлена в свадебных текстах в многообразном виде:

1. Розлилась вода вёшная,
Розлелэсь – розилэлелась.

2. Розлелэсь – розилэлелась.
Унесла вода вёшняя.

д. Сепыч Завьяловского р-на

1. Ой, нонче весна, ой, нонче весна,
Убылая вода, убылая вода.

с. Михайловка Камбарского р-на

1. Вьюн над водой, ой, вьюн над водой
Извивается, да, извивается.

д. Тарасово Сарапульского р-на

Образ **солнца**, символика которого отражена в некоторых эпизодах свадебного действия, также встречается и в поэтических текстах:

1. Кругом, кругом солнышко обошло, обошло.
2. Ешо рядом, рядом друженьки ехали, ехали.

д. Патраки Якшур-Бодьинского р-на

1. Ой, солнышко шло, ой, солнышко шло,
Шло по-за лесу, шло по-за лесу.
2. Наша-то невеста, наша-то невеста
По застолью шла, по-за дубовому.

п. Первомайский Сарапульского р-на

В традиции Среднего Прикамья существует ряд текстов с мотивом **расплетения косы**, мифологемы девичества:

5. Вечер тебя, косанька, мамонька плела,
Поутру ранёшенько милый расплетал.
6. Поутру ранёшенько милый расплетал,
Расплетавши косаньку, ленту оборвал.
7. Расплетавши косаньку, ленту оборвал,
Оборвавши ленточку, три раз целовал.

д. Котловка Граховского р-на

Сохранились в традиции и тексты, косвенным образом свидетельствующие о некогда существовавшем обряде инициации жениха. Они акцентируют внимание так же, как и у невесты, на **волосах**:

1. На ком кудерцы, на ком русые.
2. Свет на Иване том кудри русые.
3. Кудри русые по плечам лежат.
4. По плечам лежат, словно жар горят.
5. Словно жар горят, жениться (развиться) хотят.

п. Первомайский Сарапульского р-на

3. Ой, как у добрава молодца,
Хорошо кудри завиты.

с. Кварса Воткинского р-на

1. Русые кудри за стол пошли, за стол пошли, да,
2. Ишио русую косу за собой повели, за собой повели.

д. Черная Воткинского р-на

Подчеркивание их сияния, русый цвет восходят к уподоблению волос жениха и невесты солнцу.

1. Как от солнца, от месяца,
Хорошо лучи веяли.
2. Ой, хорошо лучи веяли.

д. Светлое Воткинского р-на

В песнях для жениха и невесты обязательно присутствуют свадебные символы, выражающие единство молодых: **лебеди, селезень и утица, два яблочка, яхонт и жемчужинка** и т. д.

Большое количество текстов свадебных песен посвящено характеристике главных действующих лиц свадьбы, выраженный через прием психологического параллелизма. Символы, с которыми сопоставляются персонажи, можно разделить на три группы:

1. Фитонимические;
2. Орнитоморфные;
3. Зооморфные.

1. К фитонимическим символам относится **зелёный садок, ёлочка** как общепризнанные мифологемы девичества:

5. Ты, матушка, пей, ты, матушка, пей,
Меня не пропей, меня не пропей.

6. Свой зелёный сад, свой зелёный сад
Ты его выручиши, ты его выручиши.

д. Русский Куюк Граховского р-на

1. На горе-то стоит ёлочка, да
Под горой стоит светёлочка.

2. Под горой стоит светёлочка, да
Во светёлке красна девица-душа.

д. Светлое Воткинского р-на

В корпусе свадебных песен невесте неизменно сопутствуют **грушица, рябинушка, смородина, черёмушка, берёзка, ёлочка**. Выявление семантики этих символов затрудняется их амбивалентностью, двойственностью. Поэтому символика тех или иных фитонимов может быть установлена лишь в контексте:

1. Край дороженьки черёмушка стоит,
Она стоит вся призапоманная.

с. Перевозное Воткинского р-на

1. Раскачалася грушица,
Раскачалася зелёная.

д. Сепыч Завьяловского р-на

1. Ты, рябинушка, ты, кудрявая,
2. Ты когда взошла, летом выросла.
3. – Я весной взошла, летом выросла.
4. Не сама собой пошатнулася, –
5. Пошатили меня ветры буйные.

д. Колногорово Вавожского р-на

4. Что у белой берёзаньки ветку сломели, ветку сломели.
5. Ты расти, расти, берёзонька без верху, без верху.

д. Патраки Якшур-Бодьинского р-на

Нарушение целостности деревьев в текстах свадебных песен символизирует процесс подчинения невесты новому миру, миру жениха: *рябинушка – пошатнулася, грушица – раскачалась, смородина – призломанная, черёмуха – разбросанная*.

В тексте «Ты расти, расти, берёзонька, без верьху» появляется еще один символ – сломленная верхушка дерева.

Наблюдения за растениями, за особенностями их произрастания определило употребление в качестве символа свивания, единения, т. е. создания пары, следующие выющиеся растения – **хмель, виноград, выюн**:

1. Въётся, въётся хмель к огороду, к огороду.
2. Ко высокому ко заплоту, ко заплоту.
3. Ишио ищот хмель себе свишио, себе свишио.
д. Черепановка Воткинского р-на

2. Орнитоморфные символы.

На территории сарапульской традиции оказываются более распространенными сравнения невесты с водоплавающими птицами – **утица, лебедь**:

1. Солетала-жса утиса,
Со теплого со гнёздышка.
с. Мазунино Сарапульского р-на
1. Отставала лебедь белая, да,
Что от стада лебединого.
3. Приставала лебедь белая,
Что ко стаду, ко серым гусям.
с. Михайловка, Камбарского р-на

Перемещение белой лебеди в стаю серых гусей в тексте означает совершение брака и утрату невинности.

Лебедь может являться символом чистоты и может применяться как к невесте, так и к вдове:

1. – Ой, что же ты, лебёдушка, на море одна,
На море одна?
2. – Ой, нет, не одна, един Бог, не одна,
Бог, не одна.
3. Ещё много со мною гусей-лебедей,
Гусей-лебедей.
4. Ещё нету со мной гуся серого,
Гуся серого.
с. Кварса Воткинского р-на

Примечательно, что в припевке, которая пелась после адресного величания, «всех незамужних девушки, дочерей называют лебёдушками, с упоминанием имени. А если она вдова или замужем пожилого возраста, то это уже боярыня» (д. Черная Воткинского р-на) [Болдырева 2018а: 84]:

1. Перед тобой, перед тобой, да,
Не зелёный сад стоит, да, не соловушки свистят.
2. Перед тобой, перед тобой,
Красны девицы стоят, да они песни поют.

3. Песни поют, песни поют, да,
Величают тебя, величают тебя.

4. Тебя величают, тебя величают,
Как лебёдышку, как лебёдышку.

д. Черная Воткинского р-на

Поэтические сравнения в песнях получает и жених:

Сокол – образ быстрой, как свет, птицы. В народных сказках и песен сокола так и величают: свет ясён сокол. В народных песнях сокол – постоянный эпитет молодца:

6. Приголубь-ко ясна сокола к себе, да
Яснова сокола приезжева.

д. Патраки Якшур-Бодынского р-на

3. Зооморфные символы.

Конь, с точки зрения символики, – олицетворение мощи и жизненной силы, эмблема движения во всех его проявлениях, скорости, устремления:

1. Ой, грива у коня, грива у коня,
Из кольца в кольца велась, из кольца в кольцо велась.

2. Ой, дух-от у коня, дух-от у коня
Как буйные ветера, как буйные ветера.

3. Ой, хвост-от у коня, хвост-от у коня
Всю долинушку метёт, всю широкую метёт.

4. Ой, топот у коня, топот у коня
Как лесного у зверя, как лесного у зверя.

д. Верхние Юри Можгинского района.

1. Ой, дружка, хорош, ой, дружка пригож,
Дружка в Москву ступил, себе коня купил.

с. Кварса Воткинского р-на

О коне упоминается ещё в одной свадебной песне – «Вьюн над водой», где его за повод выводят к зятю, выпрашивающему своё сужено – невесту. В этой песне, по нашему мнению, кроме всех тех свойств, описанных выше, коню приписывается ещё функция амулета – оберега для молодых, отвращающего от них сглаз и несчастье. Ведь именно для того, чтобы оградить свой дом от бед и несчастий, раньше вешали на фронтоны черепа лошадей.

Олень – универсальный благоприятный символ, ассоциирующийся с восходом, светом, чистотой, обновлением, возрождением, созиданием и духовностью. Из-за сходства оленевых рогов с ветвями образ оленя связан с Древом Жизни. Кроме того, рога оленя символизируют солнечные лучи, плодородие. В свадебных песнях образ оленя связан с мотивом пособничества в женитьбе:

1. Ой, там по лугам, ой, там, по лугам,
Там ходил-гулял олень – золотые рога.

2. – Ой, я тебя олень, ой, я тебя, олень,
Я застрелить хочу, я застрелить хочу.

3. – Ой, нет, не стреляй, ой, нет, не стреляй,
Я тебе пригожусь, я тебе пригожусь.

4. Ой, будешь ты жениться, будешь ты жениться, –
Я на свадьбу прибегу, я на свадьбу прибегу.

5. Золотыми-то рогам, золотыми-то рогам
Всех гостей взвеселю, всех гостей взвеселю.
6. Ой, пуще всего, ой, пуще всего,
Я невесту упою, я невесту упою.

с. Кварса Воткинского р-на

Обращает на себя внимание возможность оленя петь: *невесту упою* (вариант – *звонким голосом гостей взвеселю*). Описание звуковой картины свадебного обряда встречается во многих песнях – *ой, у нас в тереме громко говорят, ой, не разбушуй звонки колокола, не зелёный сад стоит, не соловушки свистят*.

Следует отметить, что символические образы, мотивы постоянно подменяют, дублируют друг друга, создавая при этом многозначные символические картины, являющиеся отражением мифопоэтической картины мира.

«Являясь важным механизмом памяти культуры, символы переносят тексты, сюжетные схемы и другие семиотические образования из одного её пласта в другой. Пронизывающие диахронию культуры константные наборы символов в значительной мере берут на себя функцию механизмов единства: осуществляя память культуры о себе, они не дают ей распасться на изолированные хронологические пласти. Единство основного набора доминирующих символов и длительность их культурной жизни в значительной мере определяют национальные и ареальные границы культур» [Лотман 2000: 240–242]. Проведенный анализ символики поэтических текстов свадебных песен Среднего Прикамья показал, что в них сохранились глубинные представления о свадебном обряде, о его функциях, восходящих ко времени мифологических представлений и верований.

Однако поэтика свадебных песен Среднего Прикамья не ограничена символами мифологического порядка, в них появляются и другие тексты. «Всякий текст культуры принципиально неоднороден. Даже в строго синхронном срезе гетерогенность языков культуры образует сложное многоголосие. <...> Колёса различных механизмов культуры движутся с разной скоростью. Темп развития естественного языка не сопоставим с темпом, например, моды, сакральная сфера всегда консервативнее профанической. Этим увеличивается то внутреннее разнообразие, которое является законом существования культуры» [Лотман 2000: 240–242].

Это определение в полной мере можно отнести к корпусу свадебных песен Среднего Прикамья, где в ходе исторического развития содержание текстов значительно расширилось. Включались образы христианской религии:

*Во собор зайду, там Богу помолюсь,
На все стороны четыре поклонюсь.*

Появляются новые слова – приметы своего времени:

*Ой, только шёл-прошёл,
Да един гражданин.*

При пении этой песни исполнительница пояснила, что *раньше пели – господин, а в советское время стали – гражданин* (с. Перевозное Воткинского р-на).

В большей степени нововведения коснулись величальных песен где, наряду с мифологическими, появились вполне реальные описания действующих персонажей. Особенно отчетливо это можно проследить в сарапульской традиции, где в текстах величаний свадебных чинов присутствуют отличительные знаки-предметы:

*На повозничке шапочка,
На нём шапочка бархатная.*

с. Тарасово Сарапульского р-на

*Как у тысяцкого да бородка, да
Бородка.
д. Соколовка Сарапульского р-на*

В величаниях женских персонажей подчеркивается богатство, роскошь – жемчуг, бриллианты, золото, зеркала, дорогие меха и т. д.:

*На руках она носила
Два бральянта, два яшманта.
Две алмазных булавицы.
н. Первомайский Сарапульского р-на*

Интересно, что сами исполнители плохо представляют те дорогие предметы, о которых поют, поэтому бриллианты могут превратиться в *правьянца*, *бральянта*, два яхонта – в *ясанта*, в *ясмантав*, *яхонца*, алмазные булавочки – в *урезные*.

Упоминаются в текстах величаний и разные города. В зависимости от контекста, крупные, в основном столичные города подчеркивают важность персонажей:

Дружска в Москву ступил, сибе чин получил.

Или:

Был я, был я в Петербурге и Москве.

Также они могут быть трактованы и в свете мифологических представлений о « дальности» чужой семьи:

*Ты откуль, сваха, приехала,
Из Москвы ли ты, из Астрахани.*

Список городов, используемых в величальных песнях, может служить косвенным свидетельством географии контактов жителей Среднего Прикамья:

*Под городом, под самою под Уфой.
с. Михайловка Камбарского р-на*

*Под городом, под Новым городом.
д. Соколовка Сарапульского р-на*

*Не нашёл уж я невесту по себе.
Воротюся я во Воткинский завод.
с. Перевозное Воткинский р-он*

Таким образом, анализ верbalного кода в свадебных песнях Среднего Прикамья выявил ряд особенностей, подтверждающих тенденции, наметившиеся в Главе 1, посвященной этнографии свадебного обряда.

Анализ семантики поэтических текстов свадебных песен подтвердил основные тенденции в дифференциации локальных стилей свадьбы Среднего Прикамья. В сарапульской традиции тексты становятся наполненнее по горизонтальному переходу, а воткинская и вятская традиции выдвигает на первый план линию инициации, т. е. вертикального перехода невесты.

В свадебных текстах сарапульской традиции Среднего Прикамья происходит смещение акцента на величание, под которым могут подразумевать весь корпус свадебных песен, что подтверждает доминирование контактно-коммуникативной линии свадьбы.

Величальные в сарапульской и воткинской традициях – разросшийся жанр за счет привлечения скорых хороводных песен.

Сарапульская традиция имеет набор песенных текстов, устойчиво повторяющийся в выявленных границах, что подтверждает гипотезу существования ядра Среднего Прикамья.

Воткинская традиция дает более пеструю картину. В ней существуют тексты как ядра традиции, так и другие, причем разнообразие является следствием существования нескольких кустов, имеющих свой корпус песен.

Вятская традиция, в которой оказались законсервированными различные версии свадебного обряда, имеет корпус текстов, сформированных в каждой традиции по-своему, песенные тексты не повторяются.

Некоторые тексты линии инициации оказались переориентированными на акциональность, руководствуясь действию, что свидетельствует об изменении мышления исполнителей с мифологического на рациональный, что характерно для позднепереселенческих традиций.

Свадьба Среднего Прикамья вобрала в себя свадебные песни разных областей России, что подтверждают некоторые найденные тексты песен из зон предполагаемого переселения.

2.4. СТРУКТУРА ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ СВАДЕБНЫХ ПЕСЕН

В текстах свадебных песен Среднего Прикамья представлены три основных формы народного стихосложения:

1. Силлабические стихи;
2. Сегментированные силлабические стихи;
3. Тонические стихи.

2.4.1. Тонический тип стиховой организации

Данный тип стиховой организации представлен 89 текстами, что составляет 29% от общего количества песенных образцов.

Тонический тип организации в изучаемой традиции представлен в **прощальных** песнях и свадебных **причетах**.

Структура тонического стиха: Тонический стих представлен двумя видами:

1. Двухударный стих 8-слоговой нормы;
2. Двухударный стих 9-слоговой нормы.

Двухударный стих 8-слоговой нормы: Тексты 8-слоговой нормы имеют достаточно стабильную структуру с незначительными отклонениями от нормы, в целом не нарушающими ритмический строй поэтического текста.

Таблица 7
Тексты песен 8-слоговой нормы

Сарапульская	Воткинская	Вятская
А изюмная ягодка	Изюмная ягодка	
Солетела-то утиса	Уж ты утица, утица	
Что гора-то высокая	Как по сеням	
Хорошо сваха ступила	Ой, ты сваха, ты свашенька	

	Как от ясного месяца	
	Удалой добрый молодец	
	Богатой-богатина	
	Раскачалася грушица	
	Разлилась вода вешняя	
	Ишо первы-те росстани	
Я не выйду, не выступлю		
Выводил сударь-батюшка		
В огороде-то маковка		
На повозничке шапочка		

Необходимо отметить тяготение к большей стабильности структуры 8-сложного стиха (2.2.2) в сарапульской традиции и проявление тенденции к смене ритма в песенных текстах сел воткинской традиции (Таблица 8).

Таблица 8

Поэтические тексты 8-слоговой нормы стабильной и нестабильной структур

воткинская	сарапульская
Стабильная организация	
13 текстов	
4 текста	9 текстов
Нестабильная организация	
14 текстов	
9 текстов	5 текстов

Изменения в организации стиха бывают нескольких видов:

1. *Изменение количества слогов*, когда в тексте возникает увеличение (реже уменьшение) безударных слогов в стихе.

Чаще всего это происходит за счет переключения (как кратковременного, так и более пространного) восьмисложника на классический девярисложник типа 2.3.2.

4. – [Ох], вы, дети, мои, детушки,	2.2.2	2
Вы растите, торопитесь.	2.3.2	9
5. Вы растите, торопитесь,	2.3.2	9
Добрым людям на похвальбу.	2.2.2	8

Изменениям может подвергаться и клаузула:

– Уж ты, тятаенька, тятаенька, [да],	2.2.2	8
Уж ты, тятаенька, отец родной.	2.3.2	9
Уж бы, тятаенька, отец родной, [да],	2.3.2	9
У нас дело-то сделанное.	2.2.3	9
У нас дело-то сделанное.	2.2.3	9
Дороги дары раздаренные.	2.3.3	10

2. *Утяжеление последнего слога*, в результате чего стих расширяется до десяти-одиннадцати слогов:

3. Молодой, избалуешься,	2.2.2	8
Молодой, избалуешься.	2.2.2	8
4. – Ох, уж рад бы жениться я,	2.2.2	8
Ох, уж рад бы жениться я	2.2.2	8

5. У крестьянина дочь молода,	2.2.3	9
У крестьянина дочь молода.	2.2.3	9

3. *Подвижность цезуры*. Цезура, разделяющая заложенные в тоническом стихе слоговые группы, смещается:

1. Что из горница в горницу, Из холодной во тёплую.	2.2.2	5+3
2. Из холодной во тёплую, Тут ходила, гуляла.	2.2.2	4+4
3. Тут ходила, гуляла Молодая боярыня.	2.1.2	4+3
	2.1.2	4+3
	2.2.2	4+4

Двухударный стих 9-слоговой нормы: Проявляется главным образом в поэтических текстах воткинской традиции. Необходимо отметить, что набор песенных текстов в разных зонах практически не повторяется (Таблица 9).

Двухударный стих 9-слоговой нормы

Сарапульская	Воткинская	Вятская
		Вервея наша вервеюшка
Как при первом было вечере	Как при первом было вечере	
	Что у нашего у батюшки	
	На диване алым бархате	
	У Ивана мать покрестила	
	Край дороженьки	
	Ты измена, ты изменушка	
	В колыбели я качалась	
	На горе стоит елочка	
	Зелена наша смородина	
Отставала лебедь белая		
Ты береза-то белая		
Ой, ты, сваха		

Представленные для анализа тексты имеют как стабильную, так и нестабильную организацию (Таблица 10).

Поэтические тексты 9-слоговой нормы стабильной и нестабильной структур

Сарапульская	Воткинская	Вятская
Стабильная организация		
14 текстов		
2 текста	3 текста	4 текста
Нестабильная организация		
32 текста		
8 текстов	15 текстов	8 текстов

Подавляющее большинство текстов имеют нестабильную организацию, изменения в которой, подобно рассмотренному выше стилю с восьмислоговой организацией, связаны:

1. *С утяжелением последнего слога*. Такие отклонения могут быть кратковременными (2-4 стиха), но существует целый ряд текстов, где эти изменения более значительны по времени:

5. – Вон мой тяте́нька идёт, да идёт, [да]	2.3.2.	10
Меня девицу с собою зовёт.	2.3.2	9
6. Меня девицу с собою зовёт, [да]	2.3.2	9
Я не иду, не иду, не слушаю его.	2.3.3.	11
1. Уродилось много розы во саду,	2.3.3.	11
Много розы, много розовых цветов.	2.3.3.	11
2. Много розы, много розовых цветов, да	2.3.3.	11
Один цветичек ал, да румян.	2.2.2.	9
3. Один цветичек мал, да румян, да	2.2.2.	9
Я же молодец холост, не женат.	2.2.3.	10
4. Был я, был я в Петербурге и в Москве, да	2.3.3.	11
Я не мог найти невесту по себе.	2.3.3.	11

2. С подвижностью цезуры:

1. Зелена наша смородина, [да],	2.3.2	5+4
Зеленая призalomаная.	2.3.3	4+6
2. Зеленая призalomаная, [да]	2.3.3	4+6
Вдоль дороженьки набросанная.	2.3.3	5+5

Кроме того, в с. Кварса зафиксирован поэтический текст, в котором можно проследить изменения ритма стиха с силлабики на тонику:

1. Ой, улетела, ой, улетела.	5+5
2. Сера утка со двора, сера утка со двора.	7+7
3 [Ой], ко чужому, к лебединому,	2.3.2
[Ой], ко чужому, к лебединому	2.3.2
4. От своего, лебединого,	2.3.2
От своего, лебединого.	2.3.2

Причеты: Коллекция свадебных причетов территории Среднего Прикамья невелика по количеству (двадцать текстов) и их распределение по зонам неравномерно:

сарапульская – 6 текстов,
воткинская – 12 текстов,
вятская – 2 текста.

При анализе стиха выявились две группы текстов: стабильной и нестабильной структуры (Таблица 11).

В основе всех причетных текстов стабильной структуры лежит тонический стих 8-слоговой нормы, имеющий форму (2.2.2) или 9-слоговой нормы (2.3.2).

Таблица 11

Тексты причетов стабильной и нестабильной структур

Сарапульская	Воткинская	Вятская
Стабильная организация		
11 текстов		
6 текстов	3 текста	2 текста
Нестабильная организация		
12 текстов		
	12 текстов	

8-слоговая норма стабильно проявляется в сарапульской традиции с единственным текстом:

Я не выйду, [я]не выступлю, Без родимого [я] без тятеньки.	8	2.2.2
	8	2.2.2

9-слоговая норма представлена единичными текстами вятской традиции:

Что не золото катается, Что не жемчуг расступается,	9	2.3.2
	9	2.3.2

Самое большое количество причетных текстов 9-слоговой нормы зафиксировано в воткинской традиции, где все они имеют нестабильную структуру (от восьми-девяти до четырнадцати-пятнадцати). Увеличение числа слогов в стихе свыше одиннадцати возникает в результате:

1. Огласовок смежных согласных звуков:

K[о] мой; с[ы] твоим;

2. Вставных слогов, междометий, гласных:

Приступись-[ко]; посмотри-[кося]; бывала-[жо]; за, [за да] занавесу; роди... (и)мая;

3. Словообрывов:

Роди... [ди]мая ма... [ма]моночка; бласло... [бласло]вле... [вле]ние;

4. Расширения анакрозы с двух до четырех слогов возгласом:

[Ой, да] приступись; [ой, да] не бывала.

При увеличении числа слогов в стихе свыше одиннадцати в нем постоянно возникает помимо двух главных ударений (на третьем или пятом от начала и третьем от конца стиха) третье – в промежутке между двумя крайними:

Ой, да не бывала-жо 'кня ...князя сва́шенька.	14	4.2.2.2
Ой, да у ...[у] ме'ня горькой 'за, [за] да, занáвесу.	13	4.2.2.2

Появление дополнительного ударения приводит к возникновению постоянной цезуры, что придает стиху также и черты силлабики (5+5):

[Ой, да] не бывала[-жо] кня ... [кня]зя сва́шенька.	10	5+5	2.4.2
[Ой, да у] ...у меня горькой за, [за да], занáвесу.	10	5+5	2.4.2
Не ветр'ом двери отвор'илися,		5+5	
На пят' у двери станов'илися.		5+5	

В поэтических текстах местных свадебных обрядов русский тонический стих выступает со всей определенностью, как духовное состояние общины. Устойчивые принципы ритмо-акцентной организации как важные стилевые показатели проявляются в моделях слогового ритма – в устойчивой конфигурации слогоритмического периода, восьми- и девятисложной (как вариант – одинадцатисложной) организации. Такие структуры имеют широкое распространение на Русском Севере и характерны для песен, выполняющих функцию опевания невесты, припевания жениха и невесты, молодых, гостей, в некоторых случаях – величания, но преимущественно инициации. В нашем случае тонический стих является своеобразным маркером линии инициации невесты, поскольку характерен для прощальных песен, причетов, а также величальных песен для чинов, акционально осуществляющих переход невесты в другой статус.

Отметим некоторые особенности поэтических текстов песен Среднего Прикамья:

1. Если в северорусских и южнорусских текстах разного рода восклициания и вставки появляются как средство сохранения ритмической структуры стиха, то в приводимых нами примерах вставки нарушают этот ритм;

2. Необходимо отметить стабильность структуры стиха сарапульской и вятской традиций и проявление тенденции к смене ритма в песенных текстах сел воткинской традиции;

2.4.2. Силлабический тип организации стиха

Силлабический тип организации стиха является преобладающим в изучаемой традиции.

Структура стиха: Основной единицей ритмической структуры поэтического силлабического текста является слоговая группа. Анализ стихов поэтических текстов выявил несколько типов их организации:

1. 4+4:

Ой, тысячка – воевода;

2. 4+3+3:

Во горенке во новой, во новой;

3. 4+4+3:

Вот искал уж я невесту – не нашел;

4. 5+5:

Ой, солнышко шло, ой, солнышко шло;

5. 5+4:

Ишио вьется хмель к огороду;

6. 5+3:

Нас огневщики поймали;

7. 6+4:

Ещё старший дружска хорошенёк;

8. 6+6:

Кто у нас хороший, кто у нас пригожий?

9. 7+7:

Долина-долинуша, раздольё широкоё;

10. 8+8:

По реке, речке быстрою.

Анализ слоговых норм поэтических текстов силлабической организации выявил два их типа: **цезурированные силлабические стихи и сегментированные силлабические стихи.**

2.4.2.1. Цезурированные стихи

Строфовая организация А(5+5) Б(5+5):

Эта группа текстов наиболее показательна для традиции, поскольку обслуживает корпус песен, определяющий ход свадьбы (Таблица 12).

Таблица 12

Тексты строфовой организации А(5+5) Б(5+5)

Сарапульская	Воткинская	Вятская
Все гости хороши		Все гости хороши
На ком кудри		
На ком платье		
Месяц по небу		
		На лугу было, на лужеченьке

Необходимо отметить ее стабильное присутствие как в сарапульской, так и в воткинской и вятской традициях.

Отклонения от слоговой нормы в этой группе оказываются незначительными и связаны с появлением в тексте имен, либо вставных междометий и слов, не входящих в структуру стиха.

Стиховая норма 5+5 является ведущей в изучаемой традиции, поскольку она не только встречается в качестве своего же повторения, но и является обязательной в комбинации со стихами других структур, тексты которых на изучаемой территории единичны. Далее в Таблице 13 приведены структурные организации текстов, представленных несколькими образцами.

Таблица 13

Единичные образцы структурных организаций

Сарапульская	Воткинская	Вятская
	Из-под кусту невода (1 текст) 4+4; 7+7	
	Кто у нас хороший (6 текстов) 6+6; 5+6	
	Ой, дружка хорош (2 текста) 5+5; 6+6	
	Долина-долинуша (4 текста) 7+7; 5+7	
	Недолго веночику (2 текста) 7+5; 7+5	Недолго веночку (2 текста) 7+5; 7+5
		Чей конь наперед (1 текст) 5+5; 7+7

Строфовая организация 5+4; 4: Незначительный по объему пласт строфической структуры с повторяемым отсечением: 5+4; 4 (Таблица 14).

Таблица 14

Тексты песен строфовой организации 5+4; 4

Сарапульская	Воткинская	Вятская
В бору сосенка		
	Вьется хмель к огороду	

Строфовая организация АБ (4+3+3) (4+3+3): Строфовая организация со стихом из трех слоговых групп встречается исследуемой территории с единичным песенным текстом «Во горенке во новой, во новой», имеющий распространение во всех трех ареалах.

2.4.2.2. Сегментированная силлабика

Сегментированная силлабика представляет собой ритмически упорядоченное деление текста на отрывки равной длины с примерно равным числом ударений, образующиеся под влиянием ритмики напевов.

Группа текстов с сегментированной силлабикой занимает доминирующее положение в исследуемом ареале. Встречается четыре основных вида сегментированного силлабического стиха:

1. Стих с формулой 5+4; 4: Одной из ярких черт традиции Среднего Прикамья является наличие значительного по объему пласта строфовой организации с повторяемым отсечением, большая часть которых имеет структуру 5+4; 4, первая слоговая группа которой может быть расширена до восьми слогов 5₍₆₋₈₎ +4; 4:

1. Старший боярин хорошенё, Хорошенё.	5+4 4	9 4
2. [Да] хорошо его маменька срядила, да Срядила.	8+3 4	11 4
3. Гребешком голову учесала, Учесала.	6+4 4	10 4
4. К Олександру-то в поезд наряжала, Наряжала.	7+4 4	11 4

В случае, если вторая слоговая группа оказывается меньше по количеству слогов (3 слога), при повторе происходит дополнение частицей *да*, что стабилизирует ритм отсекаемой слоговой группы.

Аналогичные процессы наблюдаются и в стихе с формулой $7_{(6)} + 5; 5$, имеющей распространение только в воткинской традиции:

1. – [<i>Ишо</i>] <i>что же ты, лебёдушка, на море одна,</i> <i>На море одна.</i>	7+5 5	17
2. – <i>Ишо нет, не одна, не единая,</i> <i>Не единая</i>	6+5 5	14
3. <i>Ишо много со мною гусей-лебедей,</i> <i>Гусей-лебедей.</i>	7+5 5	15
4. <i>Ишо нету со мною гуся милого,</i> <i>Гуся милого.</i>	7+5 5	14
5. – [<i>Ишо</i>] <i>что же ты, сватышка во пиру одна,</i> <i>Во пиру одна.</i>	6+5 5	16

2. **Стих с формулой $4_{(3-6)} + 5_{(6)}$:** Начальная слоговая группа имеет четырехслоговую нормативную величину с тенденцией к разрастанию. Чаще всего она открывается акцентом, второй акцент появляется на предпоследнем или последнем слоге первой слоговой группы. Вторая слоговая группа – пятисложник, практически не имеющий отклонений:

1. [<i>Ox</i>], чарочка новая, [<i>да</i>], серебряная, <i>На золотом блюдечке поднесенная.</i>	6+5 7+5	11 12
2. [<i>Oй</i>], кому чару пить, [<i>да</i>], кому брагу пить. <i>Пить чару, выпивать чару.</i>	5+5 3+5	10 8
4. Свет Светлану-то, [<i>да</i>] Вячеславовне.	5+5	10

Сегментированная форма здесь возникает в результате слияния клаузулы первой слоговой группы и анакрузы второй в один сегмент:

[*Ox*], чарочка новая, [*да*], серебряная.

Анализ текстов показывает, что в сарапульской традиции наблюдается тенденция к уменьшению количества слогов в данной структуре, в воткинской – к увеличению.

3. **Стих с формулой $(5-8) + 4_{(3)}$** встречается в песенных текстах воткинской традиции.

1. У нас Маня-то да голубка,	5+4	9
2. Ивановна да сизая,	4+4	7
3. Посадили голубку в темницу,	7+3	10
4. Накормили голубку пшеницей,	7+3	10

5. Напоили голубку водицей,	7+3	10
6. Иши тою водой медовою.	6+4	10

Анакруза первой стиховой группы постоянна, изменениям подвергается следующая ее сегмент, количество слогов в котором колеблется: 3-4-5 слогов.

У нас |Маня-то |да го|лубка,
И|вановна |да си|зая,
Поса|дили голубку |в тем|ницу,
Накор|мили голубку |пишети|ницей,
Напо|шили голубку|во|дицей,
Иши |тою водой|медо|вою.

Вторая слоговая группа достаточно стабильна, изменениям подвергается лишь первая ее часть (в сторону уменьшения количества слогов).

С увеличением количества слогов первая слоговая группа приобретает еще одно ударение и может разделиться на две – каждая со своим ударением.

[Ой], рядом, рядом друженьки ехали,	7+3	10
Не у белой-то бер ёzonьки верх сломали,	5+4+4	13
Рас ти же ты, бе рёzonька, без верху,	4+4+3	11
И жи ви же-то, Ма руsenька, без тяменьки,	4+4+4	12
Без родимой-то, [да] без мамоньки.	5+4	9

4. Стих с формулой (5-8) + (5-7_g) проявляется в большой группе текстов нестабильной структуры, в которой мы видим признаки структуры 5+5.

У нас Машу-ту заполо нили,	5+5	10
За ду бовый стол посадили,	5+4	9
У нас Маша-та сидит выше всех,	7+3	10
Она по весила го ловушку ниже плеч,	6+4+3	13
Она за думала думушку крепче всех.	6+3+3	12

Обе слоговые группы оказываются мобильными за счет клаузулы, начальнаяアナクルーザ, как правило, стабильна, серединная подвержена изменениям. Сжатие серединной клаузулы приводит к разрастанию первой слоговой группы, в результате чего возникает дополнительное ударение.

Подытоживая анализ силлабических текстов на территории Среднего Прикамья, можно выделить ряд особенностей:

1. Ведущей стиховой нормой традиции является стих 5+5, стабильно проявляющийся на всей территории Среднего Прикамья;
2. Практически по всей территории наблюдаются видимые изменения в структуре стиха, приводящие к его нестабильности. Количество слогов в стихе может изменяться с 8 до 16 слогов;
3. Большинству песенных текстов присуща сегментированная силлабика;
4. Песенные тексты воткинской традиции отличают большее разнообразие структур;
5. В воткинской традиции к собственно величальным песням присоединяются хороводные и плясовые.

2.5. ФОРМЫ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

2.5.1. Формы поэтических текстов тонического стихосложения

Анализ стихов поэтических текстов тонического типа выявил следующие виды их организации:

1. Тирадная организация:

*Что не золото катается,
Что не жемчуг расступается,
Тут и Нина благославляется,
Ой, во ногах она валяется.*

*Она просит благославленница
У родимого у тятюшки,
У родимой-то у матушки.*

2. Стrophicная организация, представленная следующими песенными типами:

АА:

1. *Как при первом было вечере,
Как при первом было вечере.*
2. *Прилетал же ясный сиз сокол,
Прилетал же ясный сиз сокол.*

АБ:

1. *Как от солнца, от месяца,
Хорошо лучи веяли [ой].*

Стrophicеские формы в своем большинстве имеют цепное строение: АБ; БВ; ВГ:

1. *На диване, алом бархате, [да]
На ковре, на чистом серебре.*
2. *На ковре, на чистом серебре, [да]
Перед чистым светлым зеркальцем.*
3. *Перед чистым светлым зеркальцем, [да]
Тут стоял же добрый молодец.*

2.5.2. Формы поэтических текстов силлабического стихосложения

Перечисленные выше стиховые тексты представлены всеми известными нам общерусскими формами и образуют следующие структуры:

1. Стиховой организации типа *аа* с двумя слоговыми группами:

1. *Наш друженька хорошенёк.*
2. *Его мамонька породила.*
3. *Гребешком голову учесала.*

4. Серебром кудри уивала.
5. Геннадия во поезд снаряжала.
6. В такое во место во дружки.

2. Стиховую композицию дополняет структура стиха с двумя слоговыми группами с повторяемым отсечением:

a+b; b (5+4; 4):

1. У нас друженька хорошена,
Хорошена.

a+b; b (7+5; 5):

1. Что же ты, лебедушка, на море одна,
На море одна?

3. Стrophicной организацией, представленной следующими песенными типами:

АА:

1. Как при первом было вечере,
Как при первом было вечере.
2. Прилетал же ясный сиз сокол,
Прилетал же ясный сиз сокол.

Данная форма чаще всего встречается в воткинской традиции:

АБ:

1. Ой, не разбушуй, ой, не разбушуй
Холодён ветер, холодён ветер.

ААББ:

1. Красна девка выходила,
Красна девка выходила,
Люли-люли, выходила,
Люли-люли, выходила.

4. Стrophicной организацией с рефреном:

РА:

1. Ой, дружка хорош, ой, дружка пригож,
Дружка в Москву ступил, сибе чин получил.
2. Ой, дружка хорош, ой, дружка пригож,
Дружка в Москву ступил, сибе коня купил.

АР:

1. Платье белое, шаль атласная,
Ай, люли, люли, шаль атласная.
2. Шаль атласная, кисти шёлковы,
Ай, люли, люли, кисти шёлковы.

5. Стrophicовая организация АБВ:

3. Ой, бросила ключи, ой, бросила ключи,
Вдоль по лавице, вдоль по лавице.
Вдоль по широкой, вдоль по широкой.

6. Строфовая организация А(а+в)А(а+в)Б(с+с):

4. Выйди, выйди, выйди, жона,
Выйди, выйди, выйди, жона,
Выйди молодая, выйди молодая.

В строфических формах встречается цепное строение: АБ; БВ; ВГ:

1. Зелена наша смородина, да,
Зеленая призalomаная.
2. Зеленая призalomанная, да
Вдоль дороженьки набросанная.
3. Вдоль дороженьки набросанная, да
Ишо хто ету нашу дороженьку торил.

В строфовых текстах существуют следующие комбинации слоговых норм:

1. Повторного строения:

А (5+5) Б (5+5):

1. На ком платье, да, на ком цветное,
Ай, люли, люли, на ком цветное.

А (4+4) Б (4+4):

1. Кума с кумой выходила,
Кума с кумой выходила,
Люли-люли выходила,
Люли-люли выходила.

А (6+6) Б (6+6):

1. Брошу я колечко, брошу я золотое,
Во быструю речку, во быструю речку.

А (7+7) Б (r+7):

1. Долина-долинуша, роздольё широкое,
Ой, ли, ой, люли, роздольё широкое.

2. Неповторного строения:

А (5+5) Б (6+6):

1. Ой, дружска хорош, ой, дружска пригож,
Дружска в Москву ступил, себе чин получил.

А (5+5) Б (7+7):

1. Все гости хороши, все гости хороши, –
Одна гостья лучше всех, одна гостья лучше всех.

А (5+5) Б (8+8):

1. По реке-речке, по реке, реке
По реке-речке быстрою, по реке-речке быстрою.

А (4+4) Б (7+7):

1. Из-под кусту, из-под кусту,
Из - под кусту невода, из-под кусту невода.

Подводя итоги анализа верbalного кода обряда, можно сделать следующие выводы.

Следуя наметившейся в Главе 1 исследования тенденции к обнаружению разных локальных типов свадебного обряда, можно констатировать ее продолжение и на уровне текстов свадебных песен. В сарапульской традиции тексты становятся более наполненными по горизонтальному переходу и наоборот, воткинская и вятская традиции выдвигает на первый план линию инициации, т. е. вертикального перехода невесты.

В корпусе свадебных песен Среднего Прикамья обнаруживаются тексты разных областей России. Подавляющее их большинство указывает на связь с Русским Севером, но присутствует доля и южно- и среднерусских текстов.

В традиции Среднего Прикамья присутствует принятие разделение жанров свадебных песен на две группы – прощальные песни с примыкающими к ним причетами, величания и комментирующие песни.

Анализ поэтических текстов свадебных песен выявил доминирование жанра величальных песен, под которыми могут подразумевать весь корпус свадебных песен, что подтверждает гла-венствующую роль контактно-коммуникативной линии свадьбы. Некоторые тексты линии инициации оказались переориентированными на акциональность, руководству к действию, что свидетельствует об изменении типа мышления исполнителей с мифологического на рациональный, что характерно для позднепереселенческих традиций.

В текстах свадебных песен Среднего Прикамья представлены три основных формы народного стихосложения: силлабического; сегментированного силлабического и тонического. Пре-обладающим является сегментировано-силлабический тип с большой зоной варьирования слоговой нормы. Также необходимо отметить тенденцию к большей стабильности структуры стиха в сарапульской и вятской традициях и часто повторяющейся смене ритма в песенных текстах сел воткинской традиции.

Глава 3

НАПЕВЫ СВАДЕБНЫХ ОБРЯДОВ СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ

3.1. МУЗЫКАЛЬНЫЙ КОД ОБРЯДА

Символическое значение в свадебном ритуале имеет *музыкальный код*, выраженный на территории Среднего Прикамья песенными жанрами с эпизодическими вкраплениями причетов, чаще в их ансамблевой версии. Инструментальные наигрыши практически отсутствуют, если не считать появление гармошки во время проведения больших столов в доме жениха, где уже пели *какие угодно песни*. «Набор актов, выделенных музыкальным рядом, образует в свадьбе особый субтекст, который определенным образом интерпретирует ритуал, выявляет его доминантные тенденции» [Ефименкова 2008: 13].

Музыкальный код традиционной свадьбы выстраивается на оппозиции *тишина / звук*, являющейся основополагающей для традиционной культуры как противостояние жизни и смерти. Создание абсолютной тишины, т. е. признака мира мертвых, куда уходит невеста, в мире живых невозможно и, тем не менее, ее звуковое поведение приближено к нему: она не разговаривает, не поет, не смеется. Единственной формой проявления звука для невесты становится плач, причет. На территории Среднего Прикамья зафиксировано несколько сольных причетов, в том числе банный причет, причет на расплетение косы и т. д. Групповые причеты, к сожалению, нам удалось записать лишь в одноголосных версиях, но И. К. Травина, в 70-е годы осуществлявшая запись русских песен на нашей территории, записала и опубликовала в сборнике «Русские народные песни родины П. И. Чайковского» несколько многоголосных вариантов групповой причети [Травина 1978: 94–100, 105–106, 108–110]. Расширяют сферу тишины прощальные песни, исполняемые подружками невесты. Определяя их основную функцию, исполнители говорят: *расклевить, разжалобить надо невесту*.

Оппозицией тишине выступает звук, важность появления которого на свадьбе осознается исполнителями: «*Не покойника провожают, создают шум...*» [Болдырева 2018а: 112].

По нашим представлениям, узловые, наиболее значимые этапы свадьбы оказываются «покрытыми» своеобразным звуковым полотном, «сотканным» из разных звуков: стуков, свиста, гиканья, ритуальных выкриков, смеха, плача, песен, инструментальных наигрышней и т. д.

Битье, хлопанье, стук. На исследованной территории зафиксированы сведения об использовании в обряде кнута, воспроизводящего характерный хлопающий звук. Исходя из мифологических представлений, любой удар можно трактовать либо как помочь в преумножении жизненных сил, либо как передачу знаний, но большей частью он выполняет отгонную функцию.

Участники свадьбы дополняют этот звуковой процесс **приплясами, притопываниями, хлопанием в ладоши**.

Своеобразной «защитой» свадьбы выступает и колоколец (его особая, свадебная разновидность): «*На дугу колокольчики обязательно. Это я не знаю, что за сигнал был*». Слушание звука приближающихся колокольчиков является обрядовым действием при встрече свадебного поезда: «*Девчонки выбегают слушать колокола – едет ли жених?*» [Болдырева 2018а: 208].

Обязательным звуковым поведением участников свадьбы является **смех**. Включаясь в ритуал как акт продуцирующего характера, смех на свадьбе имеет особый, нарочитый звук, возникающий за счет повышения тесситуры и форсированной громкости¹.

Ритуальные выкрики могут быть краткими, но могут носить и более просторный, уже ритмически организованный характер, например, в приговорках дружки. Повсеместно записанные, они устами дружки также переводят в иную звуковую реальность, отличаясь определенной экспрессией, но главное – специфическим тембром.

В результате взаимодействия перечисленных звуковых «нитей», накладывающихся друг на друга, создается **гул** (непрерывный, не вполне ясно различимый шум), усиливающийся в наиболее значимые моменты свадьбы. Главное в этой ситуации – находиться в гуле, быть в сообществе, в массе, т. е. там, где из хаоса рождается Новое время, Новый Мир.

Свадебные песни, в отличие от гула, – это структурированный музыкальный звук, обладающий четко выраженным смыслом, неразрывно связанным с творимым действием: «*Если песня без действия, то как-то обрывается, не поймёшь что*» [Болдырева 2018а: 113].

Жанровым разделителем исполняемых на свадьбе песен является исполнительская манера, особенности тембровых оттенков голосов: матово, мягко, напевно – песни инициационных обрядов невесты; зычно, крикливо, резко, гортанно – песни контактов.

Сами исполнители не склонны обозначать способ воспроизведения свадебных текстов термином «петь». Чаще всего они используют такие выражения как *играть, величать, припевать* (для песен контактов) и *клевить* (для прощальных песен). Народная терминология тем самым следует за особыми способами фонации, порождаемыми особенностями звукового поведения поющих².

3.2. МУЗЫКАЛЬНО-РИТМИЧЕСКИЕ ТИПЫ СВАДЕБНЫХ ПЕСЕН СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ

Песенный репертуар свадьбы Среднего Прикамья представлен определенным количеством музыкально-ритмических форм с достаточно ограниченным их набором в каждой традиции.

При анализе песен используются следующие структурные обозначения: слоговая музыкально-ритмическая форма (СМРФ), композиционная единица (КЕ), ритмический период, ритмоформула, сегмент.

Композиционные единицы (КЕ) координируются со строфой поэтического текста и охватывают два-три ритмических периода, каждый из которых, в свою очередь, соотносится с одним стихом поэтического текста.

¹ См. также Главу 2, раздел «2.2.5. Смеховая культура свадебного обряда Среднего Прикамья».

² Под звуковым поведением мы понимаем весь физиологический комплекс, порождающий звук. В него включается положение корпуса, жестикуляция, приплясывания, мимика и, конечно, энергичность звуковой подачи.

Ритмический период складывается из одной-двух ритмоформул. Сегменты, из которых составлены ритмоформулы, соотносятся с частью слоговой группы, границы которых совпадают либо с ударением (тонический стих), либо со словоразделом (силлабический стих).

По месту в свадебном обряде песни подразделяются на две основные группы. Первую группу составляют песни, реализующие основную функцию обряда, а вторую – песни, роль которых в свадебном обряде менее значительна. Это напевы, характерные для отдельно взятых традиций.

По способу координации ритма стиха и ритма напева в свадебных песнях первой группы выделяются формы трех классов: **неравномерно сегментированные, равномерно сегментированные и цезурированные**.

3.2.1. Класс неравномерно сегментированных форм

Класс неравномерно сегментированных форм в традиции Среднего Прикамья представлен тремя ритмическими типами.

РТ 1 (Приложение 3. №№ 24–42). Координируется со стихами тонического типа и основывается на двух музыкально-ритмических периодах повторного строения АА. Девятивременной ритмический период с неравномерной акцентной организацией (акцент на третьей и седьмой единицах счетного времени) соотносится в основном с восьмисложной основой стиха (2.2₃.2). КЕ_{СМРФ} АВ.

Музыкально-ритмическая форма состоит из трех сегментов. Самый распространенный вариант, фиксируемый в сарапульской, и в воткинской традициях (Схема 3.1):

Стабильно проявляясь на всей исследованной территории, в воткинской традиции форма может приобретать следующий вид (Схема 3.2):

Последняя единица времени конечного сегмента строфы оказывается вдвое увеличенной.

РТ 2 (Приложение 3. №№ 43–61). КЕ основывается на двух музыкально-ритмических периодах неповторного строения АВ. Восьмивременной ритмический период с неравномерной акцентной организацией (акцент на третьей и седьмой единицах счетного времени) соотносится, как правило, с девятисложной основой стиха (2.3.2-4).

Музыкально-ритмическая форма состоит из трех сегментов (Схема 3.3):

Схема 3.3

От- ста- ва- ла ле- бедь бе- ла- я
Что от ста- да ле- бе- ди- но- го.

Первый сегмент состоит из двух времен, которые в ряде напевов могут быть динамизированы $\text{♪} \text{♪}$. Второй сегмент содержит три времени, последнее из которых стабильно дробится $\text{♪} \text{♪} \text{♪}$. Заключительный сегмент в первом и во втором ритмическом периоде формы неодинаков: трибрахий в первом периоде и анапест во втором. Также возможны дробления первого и второго времени сегмента $\text{♪} \text{♪} \text{♪}$, возникающие вслед за расширением поэтического текста (Схема 3.4):

Схема 3.4

Как при пер- вом бы- ло ве- че- ре,
При Ма- ри- и- ном об- ру- чень- е.

В результате расширения слогового объема заключительного сегмента до 3-4 слогов классический девятисложник в воткинской традиции может приобретать черты одиннадцатислогового стиха типа «камаринская» (Схема 3.5):

Схема 3.5

Под го- рой сто- ит све- те- лоч- ка,
Во све- тел- ке крас- на де- ви- ца ду- ша.

РТ 3 (Приложение 3. № 135). KE_{СМРФ} AB. Так же координируется с девятисложным стихом тонического типа, однако в вятской и воткинской традициях форма приобретает следующие черты (схема 3.6):

Схема 3.6

Вот ис- кал уж я не- вес- ту= не на- шел.
Вот ис- кал уж я не- вес- ту= не на- шел.

Характерная для большинства территорий динамизация серединного сегмента сглаживается, а в заключительном сегменте происходит аугментация и KE приобретает облик «камаринской», обнаруживая ее типовые признаки.

3.2.2. Класс равномерно сегментированных форм

Этот класс представлен четырьмя моделями четырехвременной и трехвременной организации сегментов.

Четырехвременная организация:

РТ 4.1 (Приложение 3. №№ 68–81). КЕ основывается на двух музыкально-ритмических периодах неповторного строения АВ, где А – равносегментный ритмический период в координации с сегментированным силлабическим стихом, В – повторяемое отсечение второй слоговой группы: Aab, Bb (5+4, 4). Слоговой объём первой слоговой группы первого периода подвижен – от 5 до 7 слогов. KE_{CMPF} ав; в (Схема 3.7):

Схема 3.7

$\text{♪} = 128$

Как у ты- сяц- ко- го да бо- род - ка

//

да бо- род - ка.

Шесть образованных сегментов имеют четырехвременное наполнение. Устойчивым признаком формы является переритмизация 3–4 и 5–6 сегментов.

РТ 4.2 (Приложение 3. №№ 65–67). Данный ритмический тип является измененной версией РТ 4.1, в котором происходит разрастание слогового объема первой слоговой группы до 8–9 слогов, что приводит к увеличению количества сегментов до семи. KE_{CMPF} ав; в (Схема 3.8).

Ритмический тип 4.2 встречается только в воткинской традиции:

Схема 3.8

Е- ще ся- ла на- ша Лю- доч- ка вы- ше в-сех,

//

вы- ше в-сех.

РТ 5 (Приложение 3. № 122–126). Основывается на двух музыкально-ритмических периодах повторного строения АА. Равносегментный музыкально-ритмический период координируется с сегментированным силлабическим стихом. KE_{CMPF} ав; а₁в (Схема 3.9):

Схема 3.9

Ча- роч- ка но- ва- я се- реб- ре- на- я,

||

На зо- ло- то блю- деч- ко пос- тав- лен- на- я.

||

РТ 6 (Приложение 3. №№ 115–119). Имеет особую организацию, типичную для изучаемого региона. Чаще всего она встречается в скорых хороводных песнях, доминирующих среди традиционных песен в большинстве изучаемых традиций. КЕ основывается на двух музыкально-

ритмических периодах неповторного строения АВ. Ритмический период, координирующихя со стихом силлабического типа (5+5) состоит из четырех сегментов четырехвременной организации. Граница первого стиха приходится на середину четвертого сегмента, где происходит плавный переход во второй ритмический период. KE_{СМРФ} aa₁; вв (Схема 3.10):

Схема 3.10

Не было ло ветров,
не было ло вет- ров, = вдруг на- ве- я- ли,
вдруг на ве- я- ли.

РТ 7 Ритмическая форма типа «Не было ветров» трехвременной организации.

Существенным признаком этой равномерно сегментированной формы является сохранение в той или иной степени членения на слоговые группы, что находит выражение в композиции напева. Форма может иметь разные композиции.

РТ 7.1 (Приложение 3. №№ 102–104). Ритмический тип, где при сохранении границ слоговой группы стиха трехвременная организация сегментов выражена наиболее четко. Однако граница между разделами стихов оказывается нивелированной, подчиняясь равномерной трехвременной пульсации. KE_{СМРФ} aa₁; вв (Схема 3.11):

Схема 3.11

1. Вьюн над во- дой, ой,
вьюн над во- дой, из- ви- ва- е- ца, из- ви- ва- е- ца.

РТ 7.2 (Приложение 3. №№ 82–101). Наиболее распространенная версия, в которой первая сильная доля слоговых групп первого стиха оказывается раздробленной. KE_{СМРФ} aa₁; вв (Схема 3.12):

Схема 3.12

Ой, не бы- ло вет- ров,
Ой, не бы- ло вет- ров, вдруг на- ве- я- ли,
вдруг на- ве- я- ли.

РТ 7.3 (Приложение 3. № 113). Ритмический тип, где слоговые группы не просто сохраняют свои позиции, но и нарушают равномерность движения. Первая слоговая группа, выполняющая роль своеобразного зачина, воспринимается единым сегментом. Три последующие слоговые группы ритмически единообразны и также имеют тенденцию к объединению в единый сегмент, что обнаруживает в них признаки цезурированной формы. KE_{СМРФ} ав; вв (Схема 3.13):

Схема 3.13

Не бы- ло вет- ров,
не бы- ло вет- ров,
вдруг на- е- ха- ли,
вдруг на- е- ха- ли.

3.2.3. Класс цезурированных форм

Класс цезурированных форм по территории Среднего Прикамья представлен неравномерно. В сарапульской традиции устойчивое закрепление в обряде имеет преимущественно один тип:

РТ 8 (Приложение 3. №№ 127–129). Цезурированный ритмический период в координации со стихом силлабического типа 5+5 стабильной структуры. KE_{СМРФ} аа; аа (Схема 3.14):

Схема 3.14

На ком пла - тье, да, на ком цвет - но - е,
Ай лю - ли на ком цвет - но - е.

Строфическая форма напева (АВ) основана на варьированном повторении музыкально-ритмического периода, состоящего из двух повторяющихся построений, границы которых совпадают с границами слоговых групп. Третий слог оказывается выделенным долгим звуком, в результате чего в периоде возникают два акцента (третий слог с начала и третий слог с конца). При этом в стихе оказывается подчеркнутой его тоническая основа.

Другие модели цезурированных форм составляют периферию традиции. В основном они представлены цезурированными ритмическими типами стабильной структуры и цезурированными временниками.

3.3. ПЕСЕННЫЕ ПРИЧЕТЫ

Песенные причеты выражены двумя ритмическими типами.

РТ 1 KE_{СМРФ} АА. Переходная форма, в которой сочетаются признаки как сегментированной, так и цезурированной систем. В основе лежит двухударный тонический стих девятислоговой

нормы, иногда расширенный до одиннадцати слогов, однако возникающая после пятого слога цезура обнаруживает черты силлабической структуры (Схема 3.19):

Схема 3.19

Не ог- не- вай- ся, ми- ла- я сест- ри- ца,
Не ог- не- вай- ся, ми- ла- я сест- ри- ца.

РТ 2 КЕ_{СМРФ} А. Ритмический тип, в котором признаки цезурированной формы выражены очень устойчиво. Тонический девятисложник преобразуется в силлабический стих (5+5) за счет дополнительных слогов. На месте цезуры в большинстве напевов образуется словообрыв, обозначающий границу первой слоговой группы (Схема 3.20):

Схема 3.20

Прис- ту- пись= ко ро- ди... (и)- ма- я ма- монь- ка

В ритмических характеристиках свадебных песен Среднего Прикамья можно отметить следующие закономерности:

1. Преобладание сегментированных форм (Приложение 1. Карты №№ 4–8), большую долю которых составляют равномерно сегментированные формы (Приложение 1. Карты №№ 5–8);
2. Цезурированные формы составляют периферию традиции и выражены единичными музыкально-поэтическими текстами (Приложение 1. Карты №№ 9–11);
3. Амбивалентный характер значительного количества песен, выражаящийся в совмещении признаков сегментированных и цезурированных форм;
4. Сарапульская зона демонстрирует повторяющийся набор основных ритмических типов при минимальной доле периферийных;
5. В воткинской зоне основные песенные типы представлены в виде многочисленных версий, вкрапления периферийных типов здесь заметно увеличено;
6. Анализ немногочисленных материалов вятской традиции показал существование ритмических типов, не характерных для сарапульской и воткинской зон.

3.4. ЗВУКОВЫСОТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАПЕВОВ СВАДЕБНЫХ ПЕСЕН СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ

Для анализа звуковысотных характеристик напевов свадебных песен нами была разработана методика, которая, с одной стороны, опирается на достижения отечественных фольклористов, с другой – учитывает специфику местного песенного материала.

«Звуковысотная модель песенных напевов восточных славян формируется параметрами трех взаимосвязанных уровней звуковысотной организации: лада, мелодической композиции (музыкального синтаксиса), многоголосия» [Енговатова, Ефименкова 1991: 51].

В качестве обобщающей модели, концентрирующей в себе устойчивые признаки звуковысотной организации песенного мелоса, выступает мелодический тип (МТ), ведущая роль

в котором отводится **ладу**, понимаемому как «система структурных функций звуков» [Енговатова, Ефименкова 1991: 52].

С целью выявления структурных закономерностей ладовой организации свадебных напевов исследуемой территории, все составляющие их звуки были сгруппированы нами в определенные множества или комплексы по принципу подобия и контраста³. В результате были выявлены звуки, наделенные системообразующими свойствами, определяющими развертывание напева по горизонтали и по вертикали, т.е. опорные звуки.

Согласно определению М. А. Енговатовой, «в русской народной музыке существует два типа систем: *центрированная*, в которой основной опорный тон доминирует над остальными и *нецентрированная*, в которых все опорные тоны являются равноправными» [Енговатова, Ефименкова 1991: 52]. В традиции Среднего Прикамья присутствуют обе эти системы.

Важным инструментом при рассмотрении особенностей звуковысотной системы является обнаружение закономерностей чередования двух разных по составу и ладовой функциональности звуковых комплексов. Один включает в себя терцовый ряд звуков, построенный на первой ступени: III-1-3-5, другой – терцовый ряд второй ступени: II-2-4-6 (2). Последовательность звуков, таким образом, может быть выражена в бинарной системе: 1; 2.

Для понимания закономерностей их чередований мы исходим из руководства Е. В. Гиппиуса о рассмотрении звуковысотных характеристик напева в опосредованности их ритмической формы.

«Мелодия представляет собой не случайное, хаотическое чередование тонов различной высоты, а организованную ритмом последовательность звуков, и в этом смысле ее можно рассматривать как пространственное воплощение ритма. В ансамблевом пении ритм координирует между собой все исполнительские версии напева, упорядочивая многоголосную фактуру, определяя и линейное, горизонтальное развертывание звуковой ткани, и вертикальные связи ее звуков. Именно ритм обуславливает функции звуков напева, выделяя в нем конструктивно значимые тоны, которые создают его мелодический каркас. При этом одни звуки оказываются более значимыми при линейном развертывании напева, а другие играют ведущую роль в образовании созвучий» [Дорохова, Пашина 2005: 501].

Проанализированные в параграфе 3.2 ритмические типы дают установки на границы малых ритмических форм, звуковысотная организация которых образует мелодические ячейки. Особенности чередования опорных тонов, наполнение мелодических ячеек, способы их комбинации и положены в основу настоящего описания.

3.4.1. Звуковысотная организация напевов неравномерно сегментированных форм

В традиции Среднего Прикамья обнаружено три ритмических типа неравномерно сегментированных напевов. В ладомелодическом плане они имеют общие черты, проявляющиеся на разных уровнях.

Форма ритмического периода всегда повторного строения: АА, при этом строение мелодического периода может быть различным:

1. Мелострофа, построенная на простом повторе мелодического периода (Пример 3.1):

³ В цифровом обозначении звуков мы следуем «традиции Коллера-Гиппиуса: ступени нумеруются одинаково в обе стороны от точки отсчета, и цифровой индекс показывает расстояние от 1 ступени. При этом вышележащие звуки обозначаются арабскими, а нижележащие – римскими цифрами» [Енговатова, Ефименкова 1991: 54].

Пример 3.1

$\text{♩} = 90$

2. Мелострофа с заменой звуков одного терцового ряда во втором ритмическом периоде (Пример 3.2):

Пример 3.2

$\text{♩} = 90$

3. Мелострофа, где на иктовые слоговые времена двух периодов происходит смена терцовых комплексов (Пример 3.3, 3.4):

Пример 3.3

$\text{♩} = 90$

Пример 3.4

$\text{♩} = 148$

Музыкальная ткань напевов, звукорядная основа которых разворачивается в пределах гемитонной секстовой шкалы с субтоном, образуется путем нанизывания мелодических ячеек различных контуров, по большей части охватывающих весь ритмический период. В последовательности соединения мелодических ячеек можно выявить следующие принципы:

1. Пара периодичностей (симметрия подобия), основанная на повторе двух сцепленных звеньев, различающихся либо опорными тонами, либо мелодической конфигурацией, либо и тем и другим одновременно (Пример 3.4, Схема 3.21):

Схема 3.21

Как при пер- вом бы- ло ве- че- ре,
3 2 1 2 3 2 3 2 1 //

При Ма- ри- и- ном об- ру- чень- е.
3 2 3 II 1 II 1 2 1 //

2. Мелодическая композиция вопросно-ответного строения (зеркальная симметрия по горизонтальной оси), когда первый мелодический период заканчивается на мелодической вершине, а второй на главном опорном тоне (Пример 3.3, Схема 3.22):

Схема 3.22

Вы- во- дил су- дарь ба- тюш- ка,
1 2 3 1 1 3 5 4 //

За- пра- ву- ю за ру- чень- ку.
3 3 4 3 3 1 3 1 //

Для выявления закономерностей мелодического развертывания напевов все звуки были переведены в бинарную систему (1 – терцовый ряд звуков, построенный на первой ступени: III-1-3-5, 2 – терцовый ряд второй ступени: II-2-4-6).

В результате сарапульская традиция продемонстрировала достаточно однородную картину вариантов (Таблица 3.1):

Таблица 3.1

Название нас. пункта	Первый период			Второй период		
	1 сегмент	2 сегмент	3 сегмент	1 сегмент	2 сегмент	3 сегмент
Михайловка	1-2	1-1-1	2-1-1	2-2	2-2-1	1-2-1
Тарасово	1-2	1-1-1	2-1-1	1-1	2-1-1	2-2-1
Мазунино	1-2	1-1-1	2-1-1	2-1	2-1-1	2-2-1
Ершовка	1-2	1-1-1	2-1-1	1-1	2-1-1	1-1-1
Ершовка	1-1	1-1-1	2-2-1	1-1	2-2-1	2-1-1
Юрино	1-1	1-1-1	2-1-1	1-1	2-2-1	2-2-1
Дубровка	1-2	1-1-1	1-1-1	1-1	2-1-1	2-2-1
Ильнеж	1-1	1-1-1	1-1-1	1-1	1-1-1	2-2-1
М. Калмashi	1-2	1-1-1	2-1-1	2-1	2-1-1	2-2-1
Пестрево	1-2	1-2-1	2-2-1	1-2	1-2-1	1-2-1
Никольское	1-2	1-1-1	2-2-2	1-2	1-1-1	2-1-2
Никольское	1-2	1-1-1	2-1-1	2-2	1-1-2	2-2-1
Сепыч	1-1	1-1-2	1-2-1	2-1	2-1-2	1-2-1
Сепыч	1-1	2-1-2	1-2-1	2-2	2-1-1	1-1-1
Сепыч	2-2	1-1-1	2-1-1	1-2	2-2-1	2-2-1
Подшивалово	1-1	1-1-1	2-1-2	2-1	1-1-1	2-1-2

В большинстве напевов наблюдается следующее чередование терцовых комплексов:

1 период: 1 сегмент – 1-2; второй сегмент – 1; 3 сегмент – 2-1-1;

2 период отличается разнообразием вариантов.

В первом периоде терцовый комплекс второй ступени стабильно появляется на главный акцент – второй икт, что обеспечивает цельность периода.

В напеве д. Ильнек терцовый комплекс второй ступени появляется только в последнем сегменте второго периода, что способствует объединению двух периодов в одно целое.

На достаточно стабильном фоне сарапульской традиции выделяется куст Никольское – Сепич – Подшивалово, который демонстрирует иное распределение терцовых комплексов. Стоит сказать, что территориально этот куст значительно удален от побережья и имеет тенденцию к обособлению традиций.

Если в сарапульской традиции под общую типологию попадают оба ритмических типа, то в воткинская традиции они выражаются по-разному.

РТ 1 восьмислоговой структуры (Таблица 3.2):

Таблица 3.2

Название нас. пункта	Первый период			Второй период		
	1 сегмент	2 сегмент	3 сегмент	1 сегмент	2 сегмент	3 сегмент
Мишкино	1-1	2-2-2	1-2-1	1-2	1-2-2	1-2-1
Кварса	1-1	2-2-2	1-2-1	1-1	2-2-1	1-2-1
Кварса	1-1	2-2-2	1-2-1	2-2	1-1-1	2-2-1
Перевозное	1-1	2-2-2	1-2-1	2-2	1-1-1	2-2-1
Дуброва	1-1	1-1-1	1-2-1	2-1	2-1-2	2-1-1
Дуброва	1-2	1-1-1	1-1-1	1-2	2-2-1	2-1-1
Черное	2-1	2-2-2	1-2-1	2-1	2-2-2	1-2-1
Патраки	1-1	2-2-2	1-1-1	2-1	2-2-2	1-2-1

РТ 2 девяносталоговой структуры (Таблица 3.3):

Таблица 3.3

Название нас. пункта	Первый период			Второй период		
	1 сегмент	2 сегмент	3 сегмент	1 сегмент	2 сегмент	3 сегмент
Кварса	2-2	1-1-1-1	2-2-1	2-2	1-1-1-1	2-1-1
Кварса	2-2	1-2-2-1	2-1-1	2-2	1-2-2-1	1-1-1
Кварса	2-2	1-1-1-2	2-2-2	2-2	1-1-1-2	2-2-2
Кварса	2-2	1-1-1-1	2-1-2	2-2	1-1-1-2	2-2-2
Перевозное	1-2	1-2-1-2	1-2-1	2-2	1-2-1-2	1-2-1
Перевозное	2-2	1-1-1-1	1-2-1	2-2	1-1-1-1	1-2-1
Перевозное	1-1	1-1-1-1	1-2-1-2	2-2	1-2-1-1	1-2-1
Светлое	2-2	1-2-1-2	1-2-1-2	2-2	1-2-1-1	1-2-1
Июльское	1-1	1-2-1-1-	1-2-1-1	2-2	1-1-1-1	2-2-1
Черное	1-2	1-1-1-1	2-1-1-2	2-2	1-1-1-1	2-2-1
Патраки	1-1	1-1-1-1	2-2-1-2	1-2	1-2-1-1	2-2-1

Импульс смены терцовых комплексов в ритмических типах неравномерно сегментированных периодов воткинской традиции имеет тенденцию к учащению и отличается разнообразием вариантов.

«В ладомелодическом строении неравномерно сегментированных напевов важную конструктивную роль играют иктоевые слоговые времена и финалис каждого из периодов мелострофы. На них приходятся опорные тоны, создающие интоационный каркас напева» [Дорохова, Пашина 2005: 508].

Система оппозиций реализуется как в горизонтальном аспекте (синтагматика напева), так и в вертикальном (парадигматика).

В вертикальной координации опоры, выраженные оппозицией двух терцовых комплексов, формируют динамику развертывания напевов.

В сарапульской традиции их парадигматика, выраженная через сочетания опорных тонов, приходящихся на икты и финалис, представляет набор следующих вариантов (Таблица 3.4):

Таблица 3.4

	Первый период	Второй период
1	1-2-1	1-2-1
2	1-1-1	2-1-1
3	1-2-1	2-2-1
4	1-1-1	2-2-1
5	1-1-1	1-2-1
6	1-2-1	2-1-1
7	1-2-1	1-1-1

В воткинской традиции (Таблица 3.5):

Таблица 3.5

	Первый период	Второй период
1	2-1-1	1-1-1
2	2-1-1	2-1-1
3	2-1-1	1-2-1
4	1-1-1	2-2-1
5	1-2-1	1-2-1
6	1-2-2	1-2-2
7	1-1-1	1-1-1
8	1-1-1	1-2-1
9	1-2-2	1-1-1
10	1-2-2	1-2-1

Все полученные варианты были суммированы по принципу однородности исходящих импульсов, в результате чего в напевах неравномерно сегментированных ритмических форм сложились следующие мелодические типы (МТ) (Таблица 3.6):

Таблица 3.6

МТ 1	МТ 2	МТ 3	МТ 4	МТ 5
1-2-1'	1-2-1'	2-1-1'	2-1-1'	2-1-1'
1-2-1''	2-2-1''	1-1-1''	2-1-1''	2-2-1''
KE: AA				

3.4.2. Звуковысотная организация напевов равномерно сегментированных форм

Равномерно сегментированные формы напевов в свадебной песенной традиции Среднего Прикамья представлены наибольшим количеством образцов.

Большая часть напевов равномерно сегментированных форм опирается на силлабический стих, слоговые группы которого сохраняют свои границы, совпадая с контурами мелодических ячеек. Ритмические формы, выделяемые по принципу временного наполнения сегментов, а также композиционным особенностям, имеют отличия и на уровне звуковысотной организации.

Отличительной особенностью звуковысотной организации напевов, ориентированных на равномерно сегментированный тип трехвременного наполнения особой композиции является

ярко выраженная ориентация мелодических ячеек на границы слоговых групп силлабического стиха (Пример 3.5):

Пример 3.5

$\text{♩} = 152$

1. Ой, сол- ныш- ко шло,

Ой, сол- ныш- ко шло, шло по за- лесь- ю, //

шло по за- лесь- ю.

Мелострофа в большинстве вариантов напевов строится на сопоставлении двух периодов, контраст между которыми достигается заменой звуков одного терцового ряда во втором ритмическом периоде (Пример 3.6):

Пример 3.6

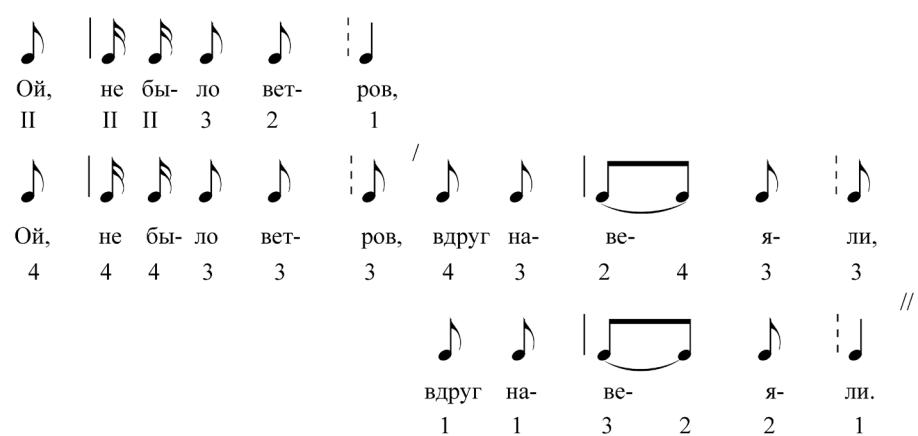
Ой, не бы- ло вет- ров,
II 1 /

Ой, не бы- ло вет- ров, вдруг на- ве- я- ли,
4 3 2 3 //

вдруг на- ве- я- ли.
2 1

«В последовательности соединения мелодических ячеек возникает композиция с обрамлением (зеркальная симметрия по вертикальной оси), когда сходные мелодические звенья открывают и завершают напев, а центральное звено (звенья) контрастно им по своему мелодическому строению и часто связано со сменой опорного тона» [Дорохова, Пашина 2005: 507] (Пример 3.6, Схема 3.23):

Схема 3.23

Последовательность опор в напевах рассматриваемого типа может быть выражена следующими сочетаниями:

1. Сарапульская традиция (Таблица 3.7):

Таблица 3.7

Населенный пункт	1 мелодическая ячейка	2 мелодическая ячейка	3 мелодическая ячейка	4 мелодическая ячейка
Михайловка	2-1	2-1	2-1	2-1
Удмуртский	2-1	1-1	2-1	2-1
Первомайский	1-1	1-1	2-1	2-1
Ершовка	2-1	1-1	2-1	2-1
Яган-Докъя	2-1	1-1	2-1	2-1
Соколовка	1-1	2-1	2-1	1-1
Ильнек	2-1	1-1	2-1	2-1
М. Калмаши	2-1	1-1	2-1	1-1
Киясово	2-1	1-1	2-1	2-1
Подшивалово	2-1	1-1	2-1	2-1
Никольское	2-1	2-1	2-1	2-1
Сепыч	2-1	1-1	2-1	2-1
Юрино	2-1	1-1	2-1	2-1
Тарасово	2-1	1-1	2-1	2-1
Мазунино	2-1	2-1	2-1	2-1
Фертики	2-1	1-1	2-1	2-1
Дубровка	2-1	1-1	2-1	2-1

2. Воткинская традиция (Таблица 3.8):

Таблица 3.8

Населенный пункт	1 мелодическая ячейка	2 мелодическая ячейка	3 мелодическая ячейка	4 мелодическая ячейка
Черное	1-1	1-1	2-1	2-1
Патраки	2-1	1-1	2-1	2-1
Мишкино	1-2	2-1	1-1	1-1
Кварса	2-1	1-1	1-1	1-1
Кварса	2-1	1-1	1-1	1-1
Кварса	2-2	2-2	2-1	2-1
Кварса	2-1	2-1	2-1	2-1
Светлое	2-1	1-1	2-1	2-1
Июльское	2-1	1-1	2-1	2-1
Ольхово	1-1	1-1	2-1	2-1
Дуброва	2-1	1-1	2-1	2-1
Дуброва	2-1	2-1	2-1	2-1

Следующее сочетание опорных тонов: 2-1; 2-1; 2-1; 2-1 является наиболее часто встречающимся как в сарапульской (11 из 17), так и в воткинской (7 из 12) традициях. Обращает на себя внимание 3 и 4 мелодические ячейки, имеющие наименьшее количество вариантов, по большей части связанных с воткинской традицией.

Обобщив полученные результаты, в напевах равномерно сегментированного типа трехвременного наполнения особой композиции получаем следующие мелодические типы (Таблица 3.9):

Таблица 3.9

МТ 6	МТ 7	МТ 8	МТ 9	МТ 10	МТ 11	МТ 12
2-1	2-1	1-1	1-1	1-2	2-1	2-2
1-1 2-1	2-1 2-1	1-1 2-1	2-1 2-1	2-1 1-1	1-1 1-1	2-2 2-1
2-1	2-1	2-1	2-1	1-1	1-1	2-1
КЕ: АВ						

Контраст между периодами в ритмической форме четырехвременной организации сегментов с повторяемым отсечением А (а+в); В (в) достигается путем смены терцовых комплексов на иктовые слоговые времена (Пример 3.7):

Пример 3.7

Как у ты- сяц- ко- го да бо- род - ка
4 3 3 //

да бо- род - ка. 1 /

В последовательности соединения мелодических ячеек реализуется принцип вопросно-ответного строения (зеркальная симметрия по горизонтальной оси), когда первый мелодический период заканчивается на мелодической вершине, а второй на главном опорном тоне (Пример 3.7):

Опорные тоны мелодических ячеек сарапульской традиции выражены следующим образом (Таблица 3.10):

Таблица 3.10

Населенный пункт	1 мелодическая ячейка	2 мелодическая ячейка	3 мелодическая ячейка
Михайловка	2-2	2-1	1-1
Удмуртский	2-1	2-1	1-1
Ершовка	2-2	2-1	1-1
Яган-Докья	2-2	2-1	1-1
Юрино	2-1	2-1	1-1
Тарасово	2-2	2-1	1-1
Мазунино	2-1	2-1	1-1
Дубровка	2-1	2-1	1-1
Сепыч	2-1	2-1	1-1
Ильнеж	2-1	2-1	1-1
М. Калмаши	2-1	2-1	1-1

Практически все населенные пункты демонстрируют единый принцип чередования терцовых комплексов. Исключения составляют несколько населенных пунктов, в которых опорный тон второго терцового комплекса (2-2-2-1) оказывается выдержаным, в результате чего границы слоговых групп размываются, и 1 мелодическая ячейка охватывает весь период (Пример 3.8):

Пример 3.8

1. Как у ты- сяц- ко- го да бо- род - ка,
2 2 //

да бо- род - ка. 1 1 /

Появление в первой мелодической ячейке опорного тона первого терцового комплекса, что характерно для большинства записанных образцов, отменяет тенденцию к объединению всего мелодического периода (Пример 3.7). Однако появление комплекса 1 ступени на второй икт формы всегда возникает за счет своеобразного неприготовленного задержания, что позволяет предположить генетическую связь двух типов (Схема 3.24):

Схема 3.24 $\text{♩} = 128$

Как у ты- сяц- ко- го да бо- род - ка
 1 1 4 1 1 3 2 3 2 II 3 2 //
 да бо- род - ка.
 1 1 3 2 1

Стоит также отметить, что в данном мелодическом типе часто происходят изменения в зукоядной основе напевов: гемитонная секстовая шкала расширяется вниз не только за счет субтона, но уже все чаще появляется субкварт. Эта тенденция, по нашему мнению, свидетельствует о проявлении тенденции к гармонически опосредованному мышлению.

Воткинская традиция демонстрирует иной набор опорных тонов (Таблица 3.11):

Таблица 3.11

Населенный пункт	1 мелодическая ячейка	2 мелодическая ячейка	3 мелодическая ячейка
Кварса	2-1	2-2	2-1
Светлое	2-1	2-2	2-1
Черное	2-1	2-2	2-1
Черное	2-1	2-2	2-1
Патраки	2-2	2-1	2-1
Патраки	2-2	2-1	1-1

Кроме того, только в воткинской традиции существует форма, первый период которой состоит из трех слоговых групп, что расширяет количество вариантов данного мелодического типа (Пример 3.9):

Пример 3.9

1.3а - чем же ты, ле - бё - душ - ка, на мо - ре од - на,
 на мо - ре од - на.

Система опорных тонов первого мелодического периода выражена повторяющимся терцовым комплексом 2 ступени, что способствует его объединению в единую мелодическую ячейку. Кроме того, окончание мелодического периода на 2 ступени выражает тенденцию к объединению его с повторяемым отсечением, где впервые основной опорный тон проявляется в положении икта.

Таким образом, к существующим, добавляются еще несколько мелодических типов, типичных для форм четырехвременной организации сегментов (Таблица 26):

Таблица 3.12

МТ 13	МТ 14	МТ 15
2-1; 2-1	2-2; 2-2	2-1; 2-2
1-1	2-1	2-2
КЕ: аб; в	КЕ: аб; в	КЕ: аб; в

В равносегментном музикально-ритмическом периоде (АВ), координирующемся с силлабическим стихом с варьированным количеством слогов, мелодические ячейки совпадают с границами слоговых групп (Примеры 3.10, 3.11).

В последовательности соединения мелодических ячеек можно выявить следующие принципы:

1. Пара периодичностей (симметрия подобия), основанная на повторе двух сцепленных звеньев, различающихся либо опорными тонами, либо мелодической конфигурацией, либо и тем и другим одновременно (Пример 3.10):

Пример 3.10

Ча- роч- ка но- вав- я,
На зо- ло- то блю- III деч- ко пос- тав- лен- на- я.

2. Композиция с обрамлением (зеркальная симметрия по вертикальной оси):

Пример 3.11

Сто- я- ла си- ла,
Сто- я- ла си- ла = не ве- ли- ка, II не ма- ла,
не ве- ли- ка, не ма- ла.

Звуковая шкала напевов мелодических типов, связанных с равномерно сегментированными формами четырехвременного наполнения значительно расширяется. Ниже опорного тона могут появиться звуки II, IV, и даже III ступени (Пример 3.10), что может свидетельствовать о появлении уже тональных взаимоотношений.

Парадигматика напевов сарапульской традиции выражена следующим образом:

Таблица 3.13

Населенный пункт	1 мелодическая ячейка	2 мелодическая ячейка	3 мелодическая ячейка	4 мелодическая ячейка
Мазунино	2-1	2-1	1-1	1-1
Удмуртский	2-1	2-1	2-1	2-1
Яган-Докъя	2-1	2-1	1-1	1-1
Михайловка	2-1	2-1	2-1	2-1
Сепыч	2-2	2-1	2-1	2-1

Характерные особенности воткинской традиции отражены в Таблице 3.14:

Таблица 3.14

Населенный пункт	1 мелодическая ячейка	2 мелодическая ячейка	3 мелодическая ячейка	4 мелодическая ячейка
Перевозное	2-1	2-1	1-1	1-1
Июльское	2-1	1-2	1-1	1-1
Дуброва	1-1	1-2	1-1	1-1
Черное	2-1	2-1	2-1	2-1
Кивара	2-1	2-1	1-1	1-1
Ольхово	2-1	2-1	2-1	2-1
Светлое	2-1	2-1	2-1	2-1
Кварса	2-1	2-1	2-2	1-1

Представленные таблицы дают представление о разнообразии вариантов динамического наполнения напевов воткинской традиции и достаточно стабильную картину равномерного чередования терцовых комплексов в напевах сарапульской зоны.

Обобщенная модель данного мелодического типа может быть представлена следующим образом (Таблица 3.15):

Таблица 3.15

МТ 16
2-1; 2-1
2-1; 2-1
КЕ: АВ

3.4.3. Звуковысотная организация напевов цезурированных форм

Мелодические построения цезурированных напевов ориентированы на границы их ритмической формы.

Они могут охватывать как одно построение (Пример 3.12):

Пример 3.12

так и несколько построений (Пример 3.13):

Пример 3.13

Bo sa - du li vi - nog- rad ras - tet, da
Bo sa - du li vi - nog - rad ras - tet,
A - li ja - go - da ma - li - na po go - ram zve - tet,
A - li ja - go - da ma - li - na svet Il - lya gos - po - din,
A - li ja - go - da ma - li - na svet Va - sиль - e - vich.

Напевы строятся на соединении контрастных мелодических ячеек, при этом в большинстве образцов образуется мелодическая композиция, основанная на повторе двух сцепленных звеньев, различающихся мелодической конфигурацией (Пример 3.14):

Пример 3.14

Do - li - na, do - li - nu - sha, raz - dоль - e shi - ro - ko - e,
Ai, lyu - li, ai, lyu - li, raz - dоль - e shi - ro - ko - e.

Опорные тоны, выраженные долгим временем, могут располагаться внутри построений (Пример 3.12, Схема 3.25):

Схема 3.25

На ком пла - тье, да, на ком цвет - но - е,
4 3 2 1 1 4 3 2 4 3
Ай лю - ли, лю - ли, на ком цвет - но - е.
1 1 II 3 2 1 1 II 1 1

Во всех образцах как сарапульской, так и воткинской традиций, это терцовый комплекс второй ступени, который создает оппозицию финалису, выраженному терцовым комплексом первой ступени.

Долгий звук может приходить и на конец построений (Пример 3.14, Схема 3.26):

Схема 3.26

До- ли- на, до- ли- ну- ша, раз- доль- е ши- ро- ко - е,
4 4 4 5 4 3 2 1 1 1 4 3 1

Ай, лю- ли, ай, лю- ли, раз- доль- е ши- ро- ко - е.
4 4 5 4 3 2 1 1 1 4 3 1

В этом случае динамическое развертывание напева достигается за счет оппозиции двух построений: первое заканчивается на терцовом комплексе второй ступени, а второе – на первом.

Звукорядной основой напевов выступает гемитонная секстовая шкала, расширенная за счет субтона и субкварты.

Мелодические типы цезурированных напевов (Таблица 3.16):

Таблица 3.16

МТ 17	МТ18
2-1; 2-1	2; 1
КЕ: АВ	КЕ: АВ

3.4.4. Звуковысотная организация песенных причетов

Песенные причеты в традиции Среднего Прикамья представлены двумя ритмическими типами.

Первый ритмический тип (Приложение 3. №№ 37–42), в котором сочетаются черты как силлабики, так и тоники, в мелодическом отношении имеет тенденцию к подчеркиванию силлабических черт стиха, и, соответственно, цезурированного типа построения напева. Это проявляется, прежде всего, на уровне мелодических ячеек, границы которых совпадают с границами слоговых групп (Пример 3.15):

Пример 3.15

Я не вый-ду же, да я не выс-туп-лю,
1 3 1

без ро-ди-мо-го, да я без тя-тень-ки.
1 3 5 1

Опорные тоны, обрамляющие мелодическую ячейку, принадлежат к терцовому комплексу первой ступени. Оппозиция, выраженная терзовым комплексом второй ступени, возникает на акцент, продиктованный тоническими признаками стиха (Пример 3.15, Схема 3.27).

Схема 3.27

Я не вый-ду же, я не выс-уплю, /
1 1 4 3 1 3 2 1 5 1
//
Без роп-то дымо-го я без тя-ть-ки.
1 1 4 3 1 5 4 4 5 1

Второй ритмический тип (Приложение 3. №№ 43–49) еще больше усиливает признаки цезурированного построения, что явственно проявляется на мелодическом уровне (Пример 3.16):

Пример 3.16

1. Ой, да приступь-ко, роди... (и)-ма-я ма... (а) монь-ка, ой, да
//
2. По... смотри=ко-ся де... де-вью кра-со-ту.

Оппозиция терцовых комплексов первой и второй ступеней выступает в роли оформления границ мелодических ячеек, подчеркивая кадансовое построение (Пример 3.16, Схема 3.28):

Схема 3.28

Прис- ту- пись = ко ро- ди... (и)- ма- я ма- монь- ка.
1 4 2 1 II 1 1 2 4 1 2 1

Обращает на себя внимание большое количество распевов. При море напева, равной четверти, некоторые слоги оказываются вчетверо увеличенными. Распев чаще всего носит орнаментальный характер.

3.4.5. Многоголосный склад свадебных песен

Многоголосный склад свадебных песен Среднего Прикамья выражен вариантной гетерофонией. Она существует в следующих видах:

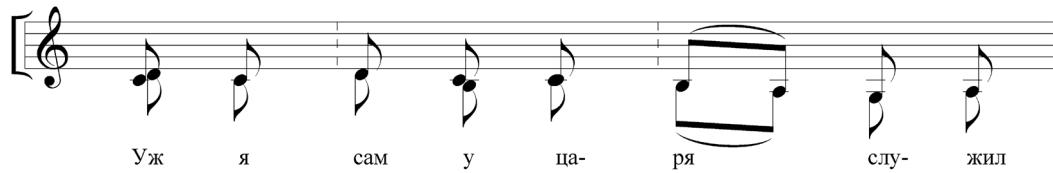
1. Вариантная гетерофония, где в рамках одной голосовой партии существуют разные версии напева (Пример 3.17):

Пример 3.17

2 строфа:

Е-щекто-тебя-шап-кой-да-рил.

3 строфа:

2. Вариантная гетерофония терцово-квинтовой основы (Пример 3.18):

Пример 3.18

2. Что во э - том пи - ро - ге, что во - э - том пи - ро - ге?
А - ли я - го - да ма - ли - на по го - рам цве - тет,

3. Вариантная гетерофония с элементами бурдонирования:

а) нижнего голоса. В большинстве случаев это выдержаный субтон лада (Примеры 3.19, 3.20):

Пример 3.19

Пример 3.20

б) верхнего голоса. Чаще всего это V ступень лада (Пример 3.21):

Пример 3.21

ой, вьюн над во- дой из- ви - ва - ет- ся,
Из- ви- ва- ет- ся

4. Вариантная гетерофония с элементами аккордово-гармонического мышления. Чаще всего это выражается в появлении ярко выраженного движения от IV ступени к I (Пример 3.13).

Расхождение по голосам в основном не осознается исполнителями:

Мы песни свадебные ни вторым, ни первым голосом не пели. Кто как мог пели. Но надо всё равно подтягивались друг к другу ведь, чтоб голоса-то подходили [д. Светлее Воткинского р-на];

У нас никаких голосов, ниче там не делали. Нас же много было – кто каким мог, таким и пел [с. Тарасово Сарапульского р-на].

Таким образом, в звуковысотных характеристиках свадебных песен Среднего Прикамья можно отметить следующие закономерности:

1. Звукорядную основу свадебных песен Среднего Прикамья составляют гемитонные шести-семиступенные шкалы с субтоном, эпизодически – с субквартой и субтерцией;
2. Доминирующее положение занимают напевы, основанные на сегментированных ритмических моделях;
3. Напевы цезурированной организации занимают периферийное положение;
4. Большая часть напевов равномерно сегментированных форм опирается на силлабический стих, и, если с точки зрения ритмики типовые признаки силлабики оказываются размытыми в результате равномерной периодичности акцентов, то на уровне мелодических ячеек ориентированность на границы слоговых групп проявляется очень четко;
5. В многоголосной фактуре преобладающим видом является вариантная гетерофония.

3.5. НАПЕВЫ С ГРУППОВОЙ ПРИУРОЧЕННОСТЬЮ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (политекстовые напевы)

Для понимания функциональных особенностей музыкального текста свадебного обряда среднего Прикамья необходимо выявить иерархию политекстовых напевов (термин Е. В. Гипиуса) традиции.

«И теоретически, и практически двух политекстовых напевов достаточно для функционирования ритуала – пишет исследователь, – один будет маркировать обрядовые акты инициационной линии, другой – контактно-коммуникативной» [Ефименкова 2008: 15].

Интересно, что в удмуртской свадьбе до сих пор сохраняются подобные представления. «Свадебная песенная традиция удмуртов <...> представлена двумя группами напевов, образующих ядро данной песенной системы. Это – *сюан гур* (напев пира *сюан* в доме невесты), который исполняет родня жениха – *сюанчи*, и *бёрысь гур* (напев пира *бёрысь* в доме жениха), исполняемый родней невесты – *бёрысьес* или *бёрысьчи*. <...> в этнографической и этномузикологической литературе по удмуртской свадьбе определения *сюан* и *бёрысь гур* исследователи переводят и именуют как «напев рода жениха» и «напев рода невесты». Эти родовые напевы маркируют время пребывания поездан на территории чужого рода: *сюан гур* – пребывание родни жениха на территории рода невесты, *бёрысь гур* – пребывание родни невесты на землях рода жениха. В обоих случаях напевы выполняют одну из доминирующих функций удмуртской свадьбы – коммуникативную [Иванова 2004: 64].

Интересен факт осознания народными исполнителями сходства напевов: «*Ну, мотив везде одинаков, почти у всех одинаков. Смотря по песне – где-то она побыстрее, где-то попротяжней. Почти все песни на один мотив, каждое предложение повторяется дважды*

 [с. Кварса Воткинского р-на].

В песенном фольклоре русской свадьбы Среднего Прикамья было выявлено шесть политекстовых напевов (групп структурных типов – СТ), организованных на основе структурных моделей – СМ. Понятие структурных моделей знакомо нам по работе Татьяны Ивановны Калужниковой, посвященной исследованию традиционной уральской свадьбы [Калужникова 2013].

1 группа структурных типов (Таблица 3.17) СТ 1:

Таблица 3.17

СМ 1	СМ 2	СМ 3
PT 1	PT 1	PT 1
MT 3	MT 4	MT 5

СМ 1, СМ 2, СМ 3 координируются с группами поэтических текстов как инициационной, так и контактно-коммуникативной линии (Таблица 3.18).

Таблица 3.18

Сарапульская традиция	Воткинская традиция
Выvodил сударь-батюшка	Выvodил сударь-батюшка
Ой, ты сваха ли, свахонька	Ой, ты сваха ли, свахонька
В огороде-то маковка	В огороде-то маковка
Богата богатина	Богата богатина
Солетала-то утиса	Солетала же утиса
На повозничке шапочка	Собирайся, невестушка
Я не выйду, не выступлю	Ты боская, хорошая
Из горницы во горницу	Раскачалася грушица
	Разлилась вода вешняя
	Как по сеничкам, сеничкам
	Как от солнца, от месяца
	Удалой добрый молодец
	Как от солнца, от месяца

2 группа структурных типов (Таблица 3.19) СТ 2:

Таблица 3.19

СМ 4	СМ 5
PT 2	PT 2
MT 1	MT 2

СМ 4, СМ 5 маркируют линию инициации невесты (Таблица 3.20).

Таблица 3.20

Сарапульская традиция	Воткинская традиция
Как при первом было вечере	Как при нашем-ту вечере
Отлетала же лебедушка	Уж ты свахонька, свахонька
	Вервея, наша вервеюшка
	Край дороженьки
	Зелена наша смородина
	Ты измена, изменушка
	В колыбели я качалась
	На горе-то стоит ёлочка
	Что у нашего у батюшки
	На диване алым бархате
	Уродилось много розы
	Со восточкою сторонушки

3 группа структурных типов (Таблица 3.21) СТ 3:

Таблица 3.21

СМ 6	СМ 7	СМ 8	СМ 9	СМ 10	СМ 11	СМ 12
PT 7	PT 7	PT 7				
MT 6	MT 7	MT 8	MT 9	MT 10	MT 11	MT 12

Группа этих структурных типов координируется в основном с корпусом поэтических текстов, комментирующих происходящие на свадьбе действия (15 текстов), но могут быть использованы и для величаний (Таблица 3.22). В сарапульской традиции этот политестовый напев выделяется в качестве центрального, сопровождая наиболее значимые для данного типа свадьбы этапы, а именно – действия, происходящие во время выкупа невесты и последующего свадебного пира. Именно его первым вспоминают исполнители, а коррелирующие с ним тексты помнят наиболее полно и четко.

Таблица 3.22

Сарапульская традиция	Воткинская традиция
Ой, не было ветров	Ой, не было ветров
Ой, вьюн над водой	Ой, вьюн над водой
Ой, солнышко шло	Ой, солнышко шло
Ой, тятенька, пей	Ой, на горе, горе
	Ой, там, по лугам
	Ой, там, за рекой
	Ой, во поле снега
	Ой, из горки в гор
	Сватушка большой
	Ой, у нас в тереме
	Ой, не разбушуй
	На дворе-то снеги
	Ой, сваха со свахой
	На диване алом бархате

4 группа содержит один структурный тип (Таблица 3.23) СТ 4:

Таблица 3.23

СМ 13
РТ 6
МТ 16

Поэтические тексты этого структурного типа обслуживают линию контактов (Таблица 3.24):

Таблица 3.24

Сарапульская традиция	Воткинская традиция
Перед тобой	Перед тобой
Тебе взвеличали	Мамоньку твою
Стояла сила	Все гости хороши
Под городом	
Не было ветров	

5 группа структурных типов (Таблица 3.25) СТ 5:

Таблица 3.25

СМ 14	СМ 15	СМ 16
РТ 4.1	РТ 4.2	РТ 4.1
МТ 13	МТ 14	МТ 15

СМ 13, СМ 14, СМ 15, СМ 16 обслуживают как контактно-коммуникационную линию, так и линию инициации (Таблица 3.26):

Таблица 3.26

Сарапульская традиция	Воткинская традиция
Как у тысяцкого да бородка	Ой, тысячка неумоя
У нас друженька хорошенек	Золотая казна шевелится
У нас свахонька молодая	Уж ты свахонька молодая
Ой, сватушка, недорода	У нас Машу-то заполонили
Ишшо старший боярин хорошена	Вьется, вьется хмель к огороду
	Через море рябина лежала

Структурная модель, проявляющаяся на территории воткинского куста (Таблица 3.27) координируется с текстами линии инициации (Таблица 3.28):

Таблица 3.27

СМ 17
РТ 4.2
МТ 14

Таблица 3.28

Воткинская традиция
Ишшо сяла наша Людочка выше всех
Ой, что же ты, лебедушка, на море одна
Кругом, кругом солнышко обошло
Русые кудри за стол пошли

6 группа структурных типов (Таблица 3.29):

Таблица 3.29

СМ 18	СМ 19
РТ 8	РТ 8
МТ 17	МТ 18

Встречается только на территории сарапульской традиции и координируется с небольшим количеством поэтических текстов величальных песен (Таблица 3.30).

Таблица 3.30

Сарапульская традиция
На ком кудерцы
На ком платьице
Месяц по небу

Кроме того, существует политечстовый напев локального значения (для песенных причетов).

В целом, говоря о политечстовых напевах свадебных песен территории Среднего Прикамья, можно выделить следующие положения:

1. Корреляция музыкального и верbalного рядов не всегда синхронна. Часто на один напев исполняются величальные, корильные и комментирующие обрядовые песни;
2. Напевы, маркирующие линию инициации невесты и примыкающие к ним комментирующие песни, оказываются представленными большим количеством структурных типов. Можно говорить о ярко выраженной тенденции к их локализации;
3. Песни коммуникативно-обменной функции, напротив, «конгломеративны и характерны для очень больших территорий» [Ефименкова 2008: 20];
4. Набор песенных текстов политечстовых напевов сарапульской традиции четко сформирован и стабильно проявляется во всех локальных версиях;
5. Воткинская традиция тяготеет к узколокальным наборам поэтических текстов.

3.6. ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЕ ТРАДИЦИИ

Исполнительские традиции играют существенную роль в формировании облика песенной традиции того или иного региона. «Музыкальное содержание фольклорного текста складывается из множества стилевых особенностей: ритма, многоголосия, лада и т. д., находящихся в прямой зависимости от характеристик звуковых – громкости, артикуляции, дыхания, тембра, энергетики звучания, интонации, тесситуры, темпа» [Гилярова 2004: 6]. Анализ песенных текстов не может быть полным без учета всего комплекса исполнительских средств.

«Поется эта пясня «извилисто-жалобным» напевом. Эти остановки среди слова (ма-тушка, подыну-тися) производят такое впечатление, будто рыданье перехватывает голос «писельницы». Трогательный обряд благословлении, «кручинные» слова и «голос» песни действуют и на постороннюю публику. Жалостливые бабы-зрительницы, бывшие соседки невесты, подперев щеку рукой, участливо поглядывают на невесту; иные из них, «широкая носом», утирают глаза концами головных платков» [Серебренников 1911: 55]. На сегодняшний день существующие на изучаемой территории исполнительские традиции лишь отчасти транслируют некогда существовавшую картину. И связано это не только с объективными факторами (религиозным, этническим, историческим, хозяйственно-экономическим), но и с изменением личности самого исполнителя: «за символами, формулами непременно скрывается человек, с его душой и внутренним пульсом. Глубине внутреннего мира человека творящего сопутствует разветленность нитей, связывающих его с окружающей жизнью» [Ромодин 2009: 218]

Необходимо принять во внимание и возрастной диапазон наших информантов: от 70 до 90 лет. В этом возрасте голосовые возможности уже существенно снижаются и лишь отчасти могут дать представление о некогда бытавшей певческой традиции. В результате, мы можем проследить только основные тенденции исполнительских характеристик изучаемой территории.

Общеизвестно, что звука без какой-либо окраски (темперы) не существует. При выполнении свадебных песен жителями побережья улавливается сходство тембровых характеристик⁴. Во многом это продиктовано особым складом этих людей – весёлых, неунывающих, очень шустрых, много и интересно рассказывающих. В их красочных рассказах ожидают целые картины, мелькают различные приговорки. Говорят очень быстро, суетливо и громко.

Звучание песен напористое, очень сильное, звук вольный, широкий, посыл идет в даль. Если находится рядом с исполнителями, то звук можно ощутить почти физически. Такая манера характерна для русской певческой традиции во многих местностях, особенно на юге и западе России. Сформированная на территории Среднего Прикамья манера пения, безусловно, отличается, от южно- и западнорусской, но, по нашим предположениям, камские просторы, характер взаимодействия людей, живущих на реке, «диктуют» свои условия.

На периферии традиции исполнительская манера не представляет единого целого, особенно в тембровом отношении. Общим можно выделить тенденцию к иному звукоизвлечению, определяемого нами как более узкое, мягкое и аккуратное. Звучание менее насыщенное, слабое, но плавное и мелодичное. Именно эти характеристики присутствуют и в певческой традиции удмуртского этноса, что выводит нас на процессы межэтнического порядка.

Вопросы, рассматривающие влияние русского начала на удмуртское этническое пространство занимают определенное место в работах исследователей удмуртской традиционной культуры, тогда как воздействие удмуртской среды на русскую культуру до сих пор привлекало к себе внимания только исследователей-филологов. На наш взгляд это связано с недостаточной степенью выраженности происходящих изменений, неуловимостью самого процесса, что, в конце

⁴ Исходя из положения о том, что «исследование тембров чрезвычайно затруднено: в это области нет никаких научных критериев, и характеристика тембра не идет дальше субъективных оценок» [Сисаури 2008: 31], данное утверждение исходит из личного слухового опыта автора работы.

концов, приводит к трудности его фиксации⁵. На примере сформированности единого способа звукоизвлечения становится ясно, что межэтническое взаимодействие есть процесс обоюдный, требующий специального изучения. Важно отметить и тот факт, что в состав русских певческих ансамблей нередко входят удмурты, с удовольствием поющие русские песни, в том числе свадебные. Удивительно песенные по своей природе, они при воспроизведении русских песен сохраняют мельчайшие детали, все тонкости воспринятых песен, вплоть до диалектных особенностей.

Обращаясь к вопросу темповых характеристик исполнения свадебных песен, необходимо подчеркнуть их важность для определения функциональной принадлежности исполняемых песен.

Как уже было подчеркнуто ранее, в сарапульской традиции прослеживается тенденция осознания всего корпуса свадебных песен как величания. Это подтверждается анализом метронома исполняемых песен. В большинстве случаев его показатели колеблются от 120 до 160 ударов в минуту (у/м), и лишь единичные образцы имеют иные характеристики: 90–100 у/м. Это прощальные песни невесты, исполняемые при увозе ее со двора. Таким образом, в сарапульской версии свадьбы линия инициации выражена только одной песней. Остальные песни, даже прощальные по тексту, осознаются исполнителями как величальные.

В воткинской традиции показатели метронома создают иную картину. Здесь четко разведены по темповым характеристикам два оппозиционных комплекса: прощальные и причеты – 60–90 у/м и величальные, разброс которых в локальных версиях весьма внушителен: 110–180 у/м.

Выделяется по темповым характеристикам и группа песен с очень быстрым темпом – 250–280 у/м. Жанр этих песен исследователь русского фольклора в Удмуртии С. В. Толкачева (Стародубцева) определяет как *специальные свадебные плясовые* [Стародубцева 2001: 121].

Таким образом, анализ комплекса исполнительских характеристик песенной традиции подтвердил основные положения, вытекающие из других текстов свадебного обряда. Степень единства на уровне музыкального кода обряда в трех выделенных зонах проявляется по-разному: корпус напевов сарапульской традиции четко сформирован и стабильно проявляется во всех локальных версиях; воткинская традиция тяготеет к узколокальным наборам напевов, отличается разнообразием версий; вятская традиция демонстрирует тяготение к причетному типу и лирике. Преобладание равномерно сегментированной ритмики напрямую связано с моторикой хороводного и плясового движений – «под ногу». При пении свадебных песен практически всех жанров сарапульской традиции исполнители или притопывают, или, даже приплясывают, что свидетельствует об изменении смысловых доминант обряда, поглощением его стихией игры. Проявление межэтнических контактов в музыкальной сфере можно наблюдать на уровне исполнительства: в зоне чересполосного русско-удмуртского проживания сформирован единый способ звукоизвлечения.

⁵ Важные данные могут дать наблюдения ученых, изучающих антропологические типы населения Среднего Прикамья, поскольку их можно спроектировать на особенности звуковой подачи и качестве звука.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русская свадьба Среднего Прикамья представляет собой позднее по времени формирования и вторичное по генезису и структуре явление. Как показало проведенное исследование, обряд складывался на основе форм, привнесенных на данную территорию выходцами из северных, центральных уездов России, Среднего Поволжья, Верхнего Прикамья. Пролеживаются отчетливые параллели со свадебным ритуалом Нижегородской области, Поморья, Нижней Вычегды. Их компоненты, являющиеся интегрирующими, константными признаками изучаемого свадебного обряда, варьируются по масштабу и имеют разный удельный вес в разных ареалах.

В процессе исследования выделились три локальные традиции, являющиеся катализаторами этнокультурных процессов на сопредельных территориях. Локализуется часть Среднего Прикамья с центром в г. Сарапуле (Каракулинский, Камбарский, Сарапульский, Киясовский, отчасти Завьяловский и Воткинский р-ны) и воткинский куст с примыкающими к нему Завьяловским и Шарканским р-нами. Привлечение материалов вятской традиции в определенной мере позволило обозначить границу распространения свадебной традиции Среднего Прикамья в западном направлении. Граница между зонами размыта и часто не совпадает с современным административно-хозяйственным делением. Будучи родственными во многих отношениях, сарапульский и воткинский кусты дают представление о характере связей и различий между близкородственными переселенческими традициями.

В сарапульском локусе, который является ядром традиции, оказался сформированным единый вариант свадьбы, стойко проявляющийся на всей территории проживания русских старожилов. Он представляет собой самостоятельный тип – своеобразный синтез причетно-похоронной северной и южной свадьбы-веселья. Доминирующей при этом оказывается контактно-коммуникативная линия, что подтверждает анализ акционального кода обряда. Стоит отметить, что на этой территории раньше других была потеряна линия инициации. Соответственно, редуцированными оказываются обряды, реализующие эту линию.

Определенное единство можно отметить на уровне содержания вербальных текстов свадебных песен, их поэтики и структуры и корпуса обрядовых напевов. Важной особенностью текстов свадебных песен сарапульской традиции является изменение трактовки заложенных в них символов, что свидетельствует о смене доминирующей линии свадьбы.

Анализ поэтических текстов свадебных песен показал достаточно стабильную картину с точки зрения ритмической организации, представленную тремя основными формами народного стихосложения: силлабического, сегментированного силлабического и тонического. Преобладающим является сегментировано-силлабический тип с большой зоной варьирования слововой нормы.

Необходимо отметить некоторые особенности ритмической организации поэтики:

1. Если в текстах и северорусских и южнорусских песенных текстах разного рода воскличания и вставки появляются как средство сохранения ритмической структуры стиха, то в приводимых нами примерах эти вставки нарушают этот ритм;

2. В целом ряде поэтических текстов в ритмических структурах отчетливо проявляются следы силлабической организации;

3. Подавляющее большинство текстов имеют нестабильную организацию. Изменения в них связаны с увеличением количества слогов с девяти до десяти-одиннадцати, в результате чего появляется дополнительное ударение, стабильно проявляющееся на последнем слоге стиха. В итоге проявляется известный ритмический тип «камаринской». Такие отклонения могут быть кратковременными (2-4 стиха), но существует целый ряд текстов, где эти изменения занимают более значительную часть.

Сарапульская традиция оказалась ареалом существования достаточно небольшого корпуса политеческих и монотекстовых напевов, устойчиво проявляющейся на всей территории. Ее центральный компонент составляют напевы с групповой приуроченностью текстов, а периферию, процент содержания которых в разных песенных традициях колеблется, – монотекстовые напевы.

Прослеживая распространение ритмических типов, нужно отметить, что сарапульская зона демонстрирует повторяющийся набор основных ритмических типов, большую долю которых составляют равномерно сегментированные формы. Цезурированные формы составляют периферию традиции и выражены единичными музыкально-поэтическими текстами. Звукорядную основу напевов составляют гемитонные шести-семиступенные шкалы с субтоном, эпизодически – с субквартой и субтерцией. В многоголосной фактуре преобладающим видом является варианная гетерофония.

Корпус основных напевов оказывается расширенным за счет привлечения вторично приуроченных песен других жанров, выполняющих в рамках свадьбы роль величаний. Их основу составляют песни с ярко выраженной кинетической направленностью, исходя из чего можно предположить, что в формировании цельного ядра традиции участвовала южно- и среднерусская традиция. Подобный факт подтверждает мощное развитие жанра скорых хороводных песен в традиции Среднего Прикамья. В своей работе, посвященной ареальному исследованию русско-белорусского пограничья Е. В. Гиппиус писал: «<...> Централизующим компонентом жанровой системы в этом виде традиций являются хороводные песни, в них определяющее значение приобретает синхронная форма связи музыкального ритма с ритмом пляски и одним из определяющих жанровых признаков являются типы плясок. Жанровые напевы свадебных песен типологически родственны в этом ареале не календарным, а напевам хороводных песен» [Гиппиус 1982]. Согласно исследованиям С. В. Толкачевой (Стародубцевой), касающимся хороводной традиции Камско-Вятского междуречья, именно песни кинетической направленности составляют ядро традиции, что мы также можем трактовать с точки зрения межэтнических контактов. Потребность в общении с другим этносом реализовалась в основном на игрицах и вечерках: «Раньше в деревнях кипела жизнь, собирались люди из разных починок на «вечорку» (нередко приходили и удмурты, и татары...), где постепенно находили общий язык» [Болдырева 2018а: 164]. Именно этим фактом можно объяснить и необычайно развитую Троицкую обрядность региона. Интересен факт того, что русские всегда принимали удмуртов в свое пространство, а удмурты – нет. Такая тенденция сохраняется до сих пор.

Ко времени окончательного формирования обряда на изучаемой территории в нем наметились тенденции к постепенному разрастанию стихии игры с ретушированием его ритуальных норм. Во всех перечисленных выше кодах обнаруживается, что их доминантным началом является зрелищность, игра во всех ее проявлениях. Можно предположить, что игра явилась тем механизмом примирения, который позволил в несколько измененном, трансформированном виде продолжить традицию.

Проведя комплексный анализ всех кодов обряда, четко сформированных и устойчиво повторяющихся во всех локальных версиях, мы приходим к выводу, что свадебный обряд территории сарапульской зоны оказался сформированным во вторичную традицию. При этом наблюдаются те же признаки, которые сформулированы Е. Е. Левкиевской по отношению к островным говорам: «В результате смешения нескольких диалектов в островных говорах возникает идиом, содержащий новые, ранее не свойственные этим диалектам качества и свойства; этот идиом обладает способностью самостоятельного развития, отдельного от материнской традиции.

При смешении диалектов действует закон отмирания резких диалектных признаков и сохранение вторичных. При образовании междиалектных идиомов фактором, определяющим направление смешения, являются признаки, общие для диалектов» [Левкиевская].

Полученная картина напрямую связана с миграционными процессами, происходящими на исследуемой территории. Начало освоения русскими побережья реки Кама, на котором впоследствии оказалась сформированной сарапульская традиция, относится к XVI в. За более чем четырехсотлетний промежуток времени на этой территории прошли определенные процессы, приведшие к формированию новой этнокультурной общности, обладающей единством традиций, в том числе и традиции проведения свадебного обряда.

На изучаемой территории существуют локальные стили, составляющие оппозицию центру.

На территории воткинской зоны, заселенной русскими почти на два века позднее, стилевое единство проявляется лишь на уровне микро-локусов. В районах, граничащих с Пермским краем, ядро традиции не только «размывается», но и фиксирует преобладание северорусского компонента.

Территории, которые были освоены в конце XVIII – начале XIX вв. (вятская традиция), мы наблюдаем существование узколокальных песенных типов, свидетельствующих о консервации традиции. В основном это районы с преобладанием других этносов (в основном удмуртов). Можно предположить, что финно-угорская среда явилась стабилизирующим фактором, благодаря чему традиция не только лучше сохраняется в пограничье проживания, но, кроме того, иногда некоторые фольклорные явления, исчезнув у русских, продолжают жить в удмуртской среде.

Вопросы, рассматривающие влияние русского начала на удмуртское этническое пространство занимают определенное место в работах исследователей удмуртской традиционной культуры, тогда как воздействие удмуртской среды на русскую культуру до сих пор привлекало к себе внимания только исследователей-филологов. На наш взгляд это связано с недостаточной степенью выраженности происходящих изменений, неуловимостью самого процесса, что, в конце концов, приводит к трудности его фиксации. На примере сформированности единого способа звукоизвлечения становится ясно, что межэтническое взаимодействие есть процесс обоюдный, требующий специального изучения. Важно отметить и тот факт, что в состав русских певческих ансамблей нередко входят удмурты, с удовольствием поющие русские песни, в том числе свадебные. Удивительно музыкальные по своей природе, они при воспроизведении русских песен сохраняют мельчайшие детали, все тонкости воспринятых песен, вплоть до диалектных особенностей.

Продолжая вопрос межэтнического взаимодействия можно предположить, что ярко выраженная коммуникативная линия обряда могла сформироваться непосредственно под влиянием финно-угорских (пермских) культур. Многое, что мы наблюдаем в местном русском свадебном обряде, присутствует в удмуртской традиции – многократные перемещения родственников двух сторон, проведение совместных пироров.

Однако более тесных связей (на уровне музыкального языка) обнаружены не были. Очевидно, как пишут удмуртские фольклористы, «обрядовая сфера, обладающая особой сакральной сущностью, в отличие от внеобрядовой, с трудом поддается процессу заимствования как из русской, так и удмуртской культуры» [Нуриева 2004: 156].

Перспектива дальнейшего изучения русского свадебного обряда видится в расширении границ ареала и последующей возможности сравнительных исследований. К настоящему времени уже опубликован ряд работ по русской свадьбе Пермского края [Вершинина 2001; Вершинина, Черных: 2007], Республики Татарстан [Смирнов 2002]. Изучение русского свадебного обряда на сопредельных землях, включая территории Марий Эл, Республики Башкортостан, Кировской области, позволит составить более полную картину его бытования и открыть перспективу для исследования типологии русских переселенческих традиций в полигэтническом массиве традиционной культуры Поволжья и Предуралья.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеева О. И. Народная хореография как составная компонента музыкального фольклорного наследия // Наука. Искусство. Культура. 2014. Вып. 3. С. 34–41.
- Ананичева Т. М., Суханова Л. Ф. Песенные традиции Поволжья : монография. Москва : Музыка, 1991. 176 с.
- Атаманов М. Г. История Удмуртии в географических названиях : монография. Ижевск : Удмуртия, 1997. 245 с.
- Байбурин А. К. К ареальному изучению русского свадебного обряда // Ареальные исследования в языкоznании и этнографии : сборник статей. Ленинград : Наука, 1977. С. 92–96.
- Байбурин А. К. Коды обряда и их взаимодействие // Фольклор : проблемы сохранения, изучения и пропаганды : тезисы докладов научно-практической конференции в 2 ч. Москва : Государственный музыкально-педагогический институт им. Гнесиных, 1988. Ч. 1. С. 139–145.
- Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре : Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. Санкт-Петербург : Наука, 1993. 240 с.
- Байбурин А. К., Левинтон Г. К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе // Русский народный свадебный обряд : исследования и материалы / под ред. К. В. Чистова, Т. А. Бернштам. Ленинград : 1978. С. 89–105.
- Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета : этнографические очерки. Ленинград : Наука, 1990. 165 с.
- Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба : Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтуоге (Тарногский район Вологодской области) / ред.-сост. муз. части А. М. Мехнецов. Москва : Современник, 1985. 390 с.
- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва : Художественная литература, 1990. 543 с.
- Бернштам Т. А. Девушка-невеста и предбрачная обрядность в Поморье в XIX – начале XX вв. // Русский народный свадебный обряд : исследования и материалы. Ленинград : Наука, 1978. С. 48–71.
- Бернштам Т. А. Обряд «расставания с красотой» : к семантике некоторых элементов материальной культуры в восточнославянском свадебном обряде // Памятники культуры народов Европы и европейской части СССР. Ленинград : Наука, 1982. С. 43–66.
- Бернштам Т. А. К реконструкции некоторых русских переходных обрядов совершенолетия // Советская этнография. 1986а. № 6. С. 24–35.
- Бернштам Т. А. Свадебный плач в обрядовой культуре восточных славян (XIX – начало XX века) // Русский Север : проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Ленинград : Наука, 1986б. С. 82–100.
- Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX вв. : половозрастной аспект традиционной культуры. Ленинград : Наука, 1988. 276 с.
- Бехтерева Л. Н., Васильева О. И. , Лигенко Н. П., Пислегин Н. В., Родионов Н. А. Общество и власть. Российская провинция. Конец XVIII – первая половина XX в. (по документам архивов Удмуртской Республики) / сост. Л. Н. Бехтерева, О. И. Васильева, Н. П. Лигенко, Н. В. Пислегин, Н. А. Родионов. Ижевск : Шелест, 2017. 740 с.
- Богаева А. Н. Лексема плечо в русских паремиях : описание тезаурусного типа [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.econf.rae.ru/fpdf/article204.pdf> (дата обращения: 01.06.2017).

Болдырева В. Г. Русская свадьба в Удмуртии : к проблеме типологии // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного фольклорного диалога : материалы I Межрегиональной конференции и VIII Международной школы молодого фольклориста, 23 – 26 октября 2005 г., г. Ижевск. Ижевск : АНК, 2006. С. 231–233.

Болдырева В. Г. Политечевые напевы русских свадебных песен Камско-Вятского междуречья // Материалы II международной научно-практической конференции «Памяти Л. Л. Христиансена». Саратов : СГК им. Л. В. Собинова, 2007. С. 350–363.

Болдырева В. Г. Звуковое поле – моделирование социокультурных контекстов свадебного обряда // Онтология художественной культуры Западного Приуралья / сост. В. Б. Кошаев. Ижевск : Удмуртский университет, 2008а. С. 153–161.

Болдырева В. Г. Русская свадьба Сарапульского уезда Вятской губернии // Вятский родник : сборник материалов девятой научно-практической конференции. Киров : Областной дом народного творчества, 2008б. Вып. 9. С. 73–87.

Болдырева В. Г. Межэтнические связи в русском свадебном обряде на территории Среднего Прикамья // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015а. № 2. Ч. 1. С. 40–43.

Болдырева В. Г. Опыт исследования свадебных традиций позднепереселенческих групп русского населения на территории Среднего Прикамья [Электронный ресурс] // Universum : Филология и искусствоведение. 2015б. № 1. Режим доступа : <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/handle/123456789/13052> (дата обращения: 01.08.2017).

Болдырева В. Г. Песня «Кума, кума выходила» в свадебной традиции Среднего Прикамья // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015в. № 11. Ч. 2. С. 49–52.

Болдырева В. Г. Русская свадьба на территории Удмуртии. Ижевск : Удмуртский Издательский Дом, 2015г. 48 с.

Болдырева В. Г. Об особенностях северорусской песенной традиции на территории Камско-Вятского междуречья // Фольклорные традиции Севера и Северо-запада России: ареальные исследования в контексте этнокультурных взаимосвязей : сборник научных статей по материалам Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2016а. С. 391–399.

Болдырева В. Г. Проявление межэтнических контактов в русской песенной традиции Удмуртии (на примере свадебного обряда) // Межэтнические связи в фольклоре: материалы V Международной школы молодых фольклористов / сост. Н. Н. Глазунова. Санкт-Петербург : РИИИ, 2016б. С. 172–178.

Болдырева В. Г. Русская свадьба Среднего Прикамья : локальные традиции, коды обряда, межэтнические связи : диссертация ... кандидата искусствоведения : 17.00.02. Казань, 2018а. 276 с.

Болдырева В. Г. Русская свадьба Среднего Прикамья : локальные традиции, коды обряда, межэтнические связи : автореферат диссертации ... кандидата искусствоведения : 17.00.02. Казань, 2018б. 23 с.

Болдырева В. Г., Стародубцева С. В. Традиции скоморохов в Удмуртии // Скоморошина : материалы IV региональной научно-практической конференции. Киров : Областной дом народного творчества, 1997. С. 66–70.

Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка : Издание Губернского Статистического комитета, 1908. 357 с.

Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края // Верещагин Г. Е: собрание сочинений : в 6 т. Т. 1 : Вотяки Сосновского края. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1995. 260 с.

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений : в 6 т. / под ред. В. М. Ванюшева. Т. 3 : Очерки русских Вятско-Прикамского края. Кн. 2. Вып. 2 / отв. за выпуск Г. К. Шкляев, предисл. В. М. Ванюшева. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 256 с.

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений : в 6 т. / под ред. В. М. Ванюшева. Т. 4 : Фольклор. Кн. 2 : Русский фольклор : Сказки. Анекдоты. Песни. Детский фольклор. Пословицы и поговорки / отв. за выпуск и авт. предисл. Т. Г. Владыкина. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2002. 440 с.

Вершинина Е. Б., Черных А. В. Куединская свадьба : традиционный свадебный музыкальный фольклор русских с. Урталга Куединского района Пермского края в конце XIX – первой половине XX в. Пермь : ПОНИЦАА, 2007. 189 с.

Винарчик Л. М. Мелogeография Смоленского региона и проблемы реконструкции этномузикального ландшафта : диссертация ... кандидата искусствоведения : 17.00.02. Москва : РАМ им. Гнесиных, 2000. 213 с.

Винарчик Л. М., Никитина И. А. Полевое исследование региональных музыкальных традиций и задачи современной этномузыкологии // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Москва : Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2003. Т. 2. С. 71–77.

Виноградова Г. Н., Толстая С. М. Символический язык вещей : веник (метла) в славянских обрядах и верованиях // Символический язык традиционной культуры. Балканские чтения-II. Москва : Институт славяноведения и балканистики РАН, 1993. С. 3–36.

Владыкина Т. Г. Удмуртские поверья в системе этносоциальной регламентации // Традиционное поведение и общение удмуртов : сборник статей. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1992. С. 126–170.

Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор : проблемы жанровой эволюции и систематики: монография. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 356 с.

Владыкина Т. Г. Атрибутивные и вербальные параллели в удмуртском и русском свадебном ритуалах // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного фольклорного диалога : Материалы I Межрегиональной конференции и VII Международной школы молодого фольклориста. Ижевск, 23–26 октября 2005 г. / отв. ред. В. М. Гацак, Т. Г. Владыкина. Ижевск : АНК, 2006. С. 50–57.

Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Ар-год-берган : обряды и праздники удмуртского календаря : [коллективная монография]. Ижевск, 2011. 320 с. (Удмуртская обрядовая азбука).

Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Половозрастная стратификация деревенского общества в удмуртском народном календаре // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. Вып. 3. С. 64–77.

Владыкина Т. Г., Толкачева С. В. Межэтнические связи в хороводной традиции удмуртского календаря // Традиционная культура. Научный альманах. 2015. № 4. С. 18–24.

ГАСУР – Государственная архивная служба Удмуртской Республики. Православные храмы Удмуртии. Село Арзамасцево (Ягуты) Сарапульского уезда. Воскресенская кладбищенская церковь (1836 г. – не уст.). Покровская церковь (1840–1940 гг.) [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://gasur.ru/databases/orthodox-churches-udmurtii>.

Геннеп, Арнольд ван. Обряды перехода : систематическое изучение обрядов / пер. с фр. Ю. В. Ивановой, Л. В. Покровской; послесл. Ю. В. Ивановой. Москва : Восточная литература РАН, 1999. 198 с. (Этнографическая библиотека).

Гилярова Н. Н. К вопросу типологии свадебных песен Рязанской Мещеры // Проблемы стиля в народной музыке : сборник трудов МГК. Москва : МГК, 1986. С. 55–73.

Гилярова Н. Н. К истории и методике исследования звука в традиционной культуре // Звук в традиционной народной культуре : сборник научных статей / сост. Н. Н. Гилярова. Москва : Научтехлитиздат, 2004. С. 3–21.

Гиппиус Е. В. Общетеоретический взгляд на проблему каталогизации народных мелодий // Актуальные проблемы современной фольклористики : сборник статей и материалов / отв. ред. В. Е. Гусев. Ленинград : Музыка, 1980. С. 23–36.

Гиппиус Е. В. Проблемы ареального исследования традиционной русской песни в областях украинского и белорусского пограничья // Традиционное народное музыкальное искусство и современность : Вопросы типологии : сборник трудов / отв. ред. Енговатова М. А. Москва : ГМПИ им. Гнесиных, 1982. Вып. 60. С. 5–13.

Голдина Р. Г. Археологическая карта Каракулинского района Удмуртской Республики : материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск : Удмуртский университет, 2011. Т. 18. 168 с.

Голос и ритуал : материалы конференции / ред. Е. А. Дорохова, Н. И. Жулanova, О. А. Пашина. Москва : Государственный институт искусствознания, 1995. 188 с.

Голубева М. С. Свадебный обряд, песни и причитания русских старожилов Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.culture.ru/objects/480/svadebniy-obryad-pesni-i-prichitaniya-russkihstarozhilov-respublikibashkortostan> (дата обращения: 01.01.2017).

Гошовский В. Л. У истоков народной музыки славян : Очерки по музыкальному славяноведению : монография. Москва : Советский композитор, 1971. 304 с.

Гришкина М. В., Берестова Е. М. Колонизационные процессы и расселение этнических групп в Вятско-Камском междуречье в XVI – первой половине XVIII века. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2006. 86 с.

Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре : семантика и символика. Москва : Индрик, 2012. 936 с. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. Москва : ТЕПРА, 1994а. Т. 1 (А – З). 800 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Москва : ТЕРРА, 1994б. Т. 4 (Р – В). 688 с.

Даль В. И. Слѣпой / В. И. Даль // Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Москва : ТЕРРА, 1994в. Т. 4 : (Р – В). С. 228–229.

Даль В. И. Ягутки / В. И. Даль // Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – Москва : ТЕРРА, 1994г. Т. 4 : (Р – В). С. 673.

Данченкова Н. Ю. Традиционные причитания Владимирской области : автореферат диссертации ... кандидата искусствоведения : 17.00.02. Москва, 1997. 25 с.

Данченкова Н. Ю. Традиционная свадьба в междуречье Клязьмы и Оки (Владимирская область) [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.culture.ru/objects/2102/traditsionnaya-svadba-v-mezhdureche-klyazmi-ioki-vladimirskaya-oblast> (дата обращения: 01.01.2017).

Долганова Л. Н. Хороводно-игровые и плясовые песни / сост. Л. Н. Долганова. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2000. 120 с. (Удмуртский фольклор)

Дорохова Е. А. О специфике интонирования обрядовых напевов в связи с их формой // Фольклор : проблемы сохранения, изучения и пропаганды : тезисы Всесоюзной научно-практической конференции : в 2 ч. Москва : ГМПИ, 1988. Ч. 1. С. 100–103.

Дорохова Е. А. Этнокультурные «острова» : пути музыкальной эволюции: автореферат диссертации ... кандидата искусствоведения : 17.00.02. Москва : 2008. 30 с.

Дорохова Е. А., Пашина О. А. Звуковысотная организация произведений музыкального фольклора // Народное музыкальное творчество : учебник / отв. ред. О. А. Пашина. Санкт-Петербург : Композитор, 2005. С. 494–519.

Енговатова М. А. Закамские протяжные песни и проблемы типологии жанра: диссертация ... кандидата искусствоведения : 17.00.02. Москва : ГМПИ им. Гнесиных, 1988.

Енговатова М. А. Особые формы совместного пения // Живая старина, 1997. № 2. С. 50–54.

Енговатова М. А., Ефименкова Б.Б. Звуковысотная организация русских народных песен в свете структурно-типологических исследований // Звуковысотное строение народных мелодий (принципы анализа). Материалы научно-практической этномузикологической конференции. Москва : КМиФ СК РСФСР, 1991. С. 49–89.

Еремина В. И. Ритуал и фольклор / отв. ред. А. А. Горелов. Санкт-Петербург : Наука, 1991. 207 с.

Ефименкова Б. Б. Ритмика русских традиционных песен : учебное пособие по курсу «Народное музыкальное творчество». Москва : МГИК, 1993. 152 с.

Ефименкова Б. Б. Севернорусская причеть. Междуречье Сухоны и Юга и верховьев Кокшеньги (Вологодская область). Москва : Советский композитор, 1980. 392 с.

Ефименкова Б. Б. Восточнославянская свадьба и ее музыкальное наполнение: введение в проблематику // Музыка русской свадьбы. Москва : РАМ им. Гнесиных, 2008. 64 с.

Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание / отв. ред. А. В. Десницкая, М. М. Гухман, С. Д. Кацнельсон. Ленинград : Наука, 1976. 695 с.

Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901 – 1913 гг. / вступ. статья А. Л. Топоркова; подгот. текста Т. А. Агапкиной. Т. 1. Москва : Индрик, 1994. 400 с. (Традиционная духовная культура славян / Из истории изучения).

Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии : Умершие неестественною смертью и русалки / вступ. ст. Н. И. Толстого; подготовка текста, коммент., указат. Е. Е. Левкиевской. Москва : Индрик, 1995. 432 с. (Традиционная духовная культура славян / Из истории изучения).

Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1917 – 1934 / вступ. статья А. Л. Топоркова; подгот. текста Т. А. Агапкиной. Москва : Индрик, 1999. Т. 3. 352 с.

Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1934 – 1954 / вступ. ст., сост. и коммент. Т. Г. Ивановой. Москва : Индрик, 2004. Т. 4. 368 с.

Земцовский И. И. К проблеме взаимосвязи календарной и свадебной обрядности славян // Фольклор и этнография: обряды и обрядовый фольклор. Ленинград : Наука, 1974. С. 147–154.

Зубец И. З. Нематериальное культурное наследие. Ростовский пряник [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www1.rostmuseum.ru/publication/srmt/017/zubets01.html> (дата обращения: 01.01.2017).

Зырянов И. В. Сюжетно-тематический указатель свадебной лирики Прикамья: учебное пособие. Пермь : Пермский гос. пед. ин-т, 1975. 183 с.

Иванова Н. Свадебная традиция удмуртов бассейна реки Вала : автореферат диссертации ... кандидата искусствоведения : 17.00.02. Москва : РАМ им. Гнесиных, 2004. 24 с.

Ивлева Л. М. Дотеатрально-игровой язык русского фольклора. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1998. 193 с.

Ивонин Ю. М. Старообрядцы и старообрядчество в Удмуртии. Ижевск : Удмуртия, 1973. 24 с.

Калужникова Т. И. Песенная традиция русского населения Среднего Урала : учеб. пособие для студентов муз. вузов. Екатеринбург : ИРА УТК, 2005. 200 с.

Калужникова Т. И. Причтания и песни традиционной уральской свадьбы. Екатеринбург: Уральское изд-во, 2013. 762 с.

Калужникова Т. И. Музыка традиционной свадьбы в русских говорах Среднего Урала // Уральский филологический вестник. Серия «Язык. Система. Личность: лингвистика креатива». 2014. В. 1. С. 141–148.

Калужникова Т. И. Свадебный обряд русского населения Свердловской области и его музыкальное наполнение [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.culture.ru/objects/524/svadebniy-obryad-russkogonaseleniya-sverdlovskoy-oblasti-i-ego-muzikalnoe-napolnenie> (дата обращения: 01.01.2017).

Калюжная (Широкова) В. П. Ангемитонные и диатонические напевы в южнославянской свадьбе (опыт сравнения) // Фольклор : современность и традиция : материалы третьей международной конференции памяти А. В. Рудневой. Москва : МГК, 2004. С. 373–383.

Калюжная В. П. Звукоискусственная организация свадебных обрядовых напевов как отличительная черта локальной традиции // Мир традиционной музыкальной культуры : сборник трудов РАМ. Москва : РАМ им. Гнесиных, 2008. Вып. 174. С. 228–241.

Карпухин И. Е. Взаимодействие русской и удмуртской свадеб в Башкирии // Фольклор народов РСФСР : Межвузовский научный сборник / отв. ред. Т. М. Акимова, Л. Г. Бараг. Уфа : Башкирский государственный университет, 1980. С. 36–45.

Картографирование и ареальные исследования в музыкальной фольклористике : сборник трудов РАМ им. Гнесиных / отв. ред. О.А. Пашина. Москва : РАМ им. Гнесиных, 1999. Вып. 154. 220 с.

Квитка К. В. Избранные труды : Т. 1. / сост. и comment. В.Л. Гошовского. Москва : Советский композитор, 1971. 384 с.

Квитка К. В. Избранные труды : Т. 2. / сост. и comment. В.Л. Гошовского. Москва : Советский композитор, 1973. 423 с.

Колпакова Н. П. Старинный свадебный обряд // Фольклор Карело-Финской ССР. Петрозаводск : Госиздат К-Ф ССР, 1941. Вып. 1. 166 с.

Костина А. В., Миронихина Л. Ф. От составителей // Традиционное русское застолье. Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. С. 7–14.

Кошаев В. Б. Художественно-образные процессы в Западно-Приуральском регионе II тыс. н.э. (типология образного моделирования) // Онтология художественной культуры Западно Приуральского региона II тыс. н. э. Ижевск : Удмуртский государственный университет, 2008. С. 26–38.

Краснопольская Т. В. О напевах карельских причтаний // Традиционное народное искусство и современность (вопросы типологии) : сборник трудов / отв. ред. М. А. Енговатова. Москва : ГМПИ им. Гнесиных, 1982. Вып. 60. С. 130–145.

Краснопольская Т. В. Межэтнические взаимосвязи в певческом фольклоре: исследовательская практика и теория исследования // Фольклорная культура и ее межэтнические связи в комплексном освещении: межвузовский сборник научных статей. Петрозаводск : Петрозаводская гос. конс. им. Глазунова, 1997. С. 111–130.

Краснопольская Т. В. Ареалы мелодических типов пудожской певческой традиции // Картографирование и ареальные исследования в фольклористике : сборник трудов / сост. О. А. Пашина. Москва : РАМ им. Гнесиных, 1999. Вып. 154. С. 115–146.

Краснопольская Т. В. Певческая культура народов Карелии : очерки и статьи. Петрозаводск : Петрозаводский гос. университет, 2007. 266 с.

Курочкин М. В. Каракулинский посад. Зодчество Прикамья. Историческая застройка и планировка населенных мест Каракулинского района Удмуртии. Ижевск : Удмуртский государственный университет, 2011. 85 с.

Лапин В. А. «Холостые» и «женатые кружки» в Терско-Кандалакшской свадебной традиции // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы / под ред. К. В. Чистова, Т. А. Бернштам. Ленинград : Наука, 1978. С. 72–88.

Лапин В. А. Русский музыкальный фольклор и история (к феноменологии локальных традиций): очерки и этюды. Москва : РИИИ, 1995. 200 с.

Левинтон Г. А. К проблеме изучения корпуса свадебных песен // Народная песня. Проблемы изучения: сборник научных трудов / сост. и отв. ред. В. Е. Гусев. Ленинград : ЛГИТМиК, 1983. С. 143–153.

Левинтон Г. А. Понятие «кода» в исследовании обряда // Фольклор : проблемы сохранения, изучения и пропаганды: тезисы. Ч. 1. Москва : РАМ им. Гнесиных, 1988. С. 136–138.

Левинтон Г. А. Мужской и женский текст в свадебном обряде (свадьба как диалог) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. Санкт-Петербург : Наука, 1991. С. 210–234.

Левкиевская Е. Е. «Живая старина» в актуальных верованиях украинского анклава и механизмы воспроизводства анклавной традиции [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://syg.ma/@sasha-sierbina/ieliena-lievkiiievskaia-zhivaia-starina-v-aktualnykh-vierovaniakh-ukrainskogho-anklava-i-miekhanizmy-vospriyvoda-anklavnoi-traditsii> (дата обращения: 01.08.2017).

Лигенко Н. П. Крестьянская промышленность Удмуртии в период капитализма (60–90-е гг. XIX в.) : монография. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1991. 176 с.

Лигенко Н. П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX века : монография. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 432 с.

Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / предисл. С. М. Даниэля, сост. Р. Г. Григорьева. Санкт-Петербург : Академический проект, 2002. 543 с.

Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста : Избранные статьи. Таллинн : Александра, 1992. Т. 1. С. 129–132.

Лотман Ю. М. История и типология русской культуры: монография. Санкт-Петербург : Искусство, 2002. 768 с.

Лотман Ю. М. Семиосфера: монография. Санкт-Петербург : Искусство, 2000. 704 с.

Макаров Л. Д., Иванов А. Г. Из истории Карсовайского края // Стародубцева С. В. Ох, роспечальное моё сердечко (песни из репертуара Натальи Власовой). Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1999. Вып. 1. С. 206–223. (Русский фольклор Удмуртии).

Макаров Л. Д. К истории вопроса о заселении русскими Вятского края // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 306–314.

Макаров Л. Д. Древнерусское население Прикамья в X – XV веках : автореферат докторской ... доктора исторических наук : 07.00.06. Ижевск, 2006. 55 с.

Макарова Е. В. Русские свадебные песни села Сергино Балезинского района (по материалам фольклорного фонда ГГПИ и записей Макаровой Е. В. в 2003–2006 гг.). Дипломная работа / науч. руководитель: к.ф.н., доцент Шуклина Т. А. Глазов : Глазовский ГГПИ им. В. Г. Короленко. 2006. Рукопись.

Матлин М. Г. Структура и семантика обряда послесвадебного цикла – посещения молодой / молодыми водного источника // Научный диалог. 2013. № 6 (18) : История. Социология. Этнография. С. 88–110.

Матлин М. Г. «Пахать пол» : своеобразие семантики свадебного термина // Научный диалог. 2016. № 1 (49). С. 59–69.

Мехнечев А. М. Свадебные песни Томского Приобья : Народные песни, записанные в Томской области: Для пения (соло, ансамбль, хор) без сопровождения / Запись, сост., примеч. А. Мехнечева; Предисл. А. Мехнечева и Е. Валевской. Ленинград ; Москва : Советский композитор, 1977. 63 с.

Мороз А. Б. Стол в северорусских поверьях и обрядах // Традиционное русское застолье. Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. С. 36–43.

Морозов И. А. Женитьба добра молодца : Происхождение и типология традиционных молодежных развлечений с символикой «свадьбы» / «женитьбы»: монография. Москва : ГРЦРФ Лабиринт, 1998. 351 с.

Морозов И. А. Обычаи, верования, магия, связанные с началом и завершением трапезы // Традиционное русское застолье. Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. С. 16–35.

Морозов И. А., И. А. Слепцова И.С. Круг игры. Праздник и игра в жизни северорусского крестьянина (XIX – XX вв.): монография. Москва : Индрик, 2004. 920 с.

Музыкально-поэтический фольклор Нижней Вычегды (материалы к своду русского фольклора) / сост. А. Н. Власов, Е. А. Дорохова, Т. С. Канева, З. Н. Мехреньгина. Санкт-Петербург : Пушкинский дом, 2014. 932 с.

Назмутдинова И. К. Семейный этикет в системе традиционной культуры удмуртов : монография. Ижевск: Шелест, 2017. 224 с.

Народное музыкальное творчество: учебник для ВУЗов / отв. ред. О. А. Пашина. Санкт-Петербург : Композитор, 2005. 568 с.

Нижегородская свадьба : Пушкинские места. Нижегородское Поволжье. Ветлужский край : Обряды, притчания, песни, приговоры / изд. подг. М. А. Лобанов, К. Е. Корепова, А. Ф. Некрылова. [Вступ. ст. М. А. Лобанова, К. Е. Кореповой, с. 5-24]. Санкт-Петербург : Культ-Информ-Пресс РИИ, 1998. 312 с.

Нуриева И. М. Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов : проблемы культурного контекста и традиционного мышления : монография. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1999. 272 с.

Нуриева И. М. Труды Г. Е. Верещагина как источник этномузыкальных исследований // Г. Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья : сборник статей / сост. В. М. Ванюшев, Г. С. Зыкина. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 154–161.

Нуриева И. М. Удмуртская музыкально-песенная традиция : специфика жанрообразования и функционирования : диссертация ... доктора искусствоведения : 17.00.02. Санкт-Петербург, 2014. 415 с.

Объект культурного явления «Свадьба шошминских удмуртов» [Электронный ресурс] / Объект культурного явления. Режим доступа : <http://gnmc-rme.ru/nkn/prazdnichno-obryadovaya-kultura/doc/1.pdf> (дата обращения: 01.01.2017).

Окунева Т. В. Уровни информативности удмуртского свадебного текста // Ежегодник финно-угорских исследований. 2012. Вып. 4. С. 31–38.

Окунева Т. В., Пчеловодова И. В. Современные экспедиционные исследования свадебной традиции удмуртов (по материалам Можгинского и Киясовского районов Удмуртской Республики) [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал) / Modern Research of Social Problems. 2015. № 2 (46). С. 426–434. Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremenennye-ekspeditsionnye-issledovaniya-svadebnoy-traditsii-udmurtov-po-materialam-mozhginskogo-i-kiyasovskogo-rayonov-udmurtskoy> (дата обращения: 01.01.2016).

Осокин М. И. Народный быт в северо-восточной России. Записки о Малмыжском уезде (в Вятской губернии) // Современник, 1856. № 9. С. 57–83; № 11. С. 29–40; № 12; С. 179–214.

Осокин М. И. Сельская свадьба в Малмыжском уезде // Современник, 1857. Т. 61. № 1. С. 54–87.

Пальчиков Н. Е. Крестьянские песни, записанные в с. Николаевке Мензелинского уезда Уфимской губернии. Санкт-Петербург : Типография А. Н. Лебедева, 1888. 280 с.

Пашина О. А. Мир живых и мир мертвых в музыкальных звуках // Голос и ритуал : материалы конференции. Москва : ГИИ, 1995. С. 76.

Пашина О. А. Ареальный аспект соотношения функции и структуры музыкально-фольклорных текстов // Славянские этюды. Москва : Индрик, 1999. С. 331–339.

Пашина О. А. Картографирование и ареальные исследования в этномузыкаологии // Картографирование и ареальные исследования в фольклористике: сборник трудов РАМ им. Гнесиных / сост. О. А. Пашина. Москва : 1999. Вып. 154. С. 6–22.

Пашина О. А. О критериях выделения видов и версий свадьбы-веселья (на примере смоленской свадьбы) // Славянский и балканский фольклор. Вып. 11: «Виноградье». Москва : Индрик, 2011. С. 237–242.

Персональный сайт. Михайло-Архангельская церковь в селе Черепановка [Электронный ресурс] / Персональный сайт. Режим доступа : <http://nickolay-lap.narod.ru/index/0-23> (дата обращения: 01.01.2017).

Пислегин Н. В. Еще раз об ассимилирующем потенциале русского народа // Евразийское культурное пространство в исторической ретроспективе: сборник статей. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2013. С. 192–197.

Пислегин Н. В., Чураков В. С. Освоение края русским населением // Удмуртская Республика : историко-этнографические очерки. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2012. С. 127–131.

Поздеев В. А. Фольклор как маркер в Вятских этнокультурных зонах / В. А. Поздеев // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 5. С. 101–106.

Потапов А. А. Истоки сарапульского родословия. Поколенная книга сарапульских родов. Село Вознесенское – село Сарапул, на основе документов 1621 – 1780 гг. / авт. вступ. ст. и сост. слов сарап. фамилий Т. Б. Пеганова; ист. comment. Н. Л. Решетников. Сарапул : 2013. 200 с.

Попова Е. В. Стол как сакральный центр дома у бесермян // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. Вып. 3. С. 138–145.

Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Москва : Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910 – 1914. Т. 1 (А – О). 716 с.

Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Москва : Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910 – 1914. Т. 2 (П – С). 420 с.

Пропп В. Я. Фольклор и действительность : монография / сост., ред., пред. и прим. Б. П. Путилова. Москва : Наука, 1976. 464 с.

Пьянкова С. В. Напевы-формулы русской свадьбы // Славянский музыкальный фольклор : статьи и материалы. Москва : Музыка, 1979. С. 205–226.

Путилов Б. Н. О процессе жанрообразования в фольклоре // Актуальные проблемы современной фольклористики. Ленинград : Музыка, 1980. С. 197–199.

- Пюрийнен Д. М. Население уездного города Сарапула во второй половине XIX – начале XX в. : автотефтерат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.06. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2009. 34 с.
- Религиоведение / Энциклопедический словарь. Москва : Академический проект, 2006. 1256 с.
- Резниченко Е. Б. Свадебная причеть Поморья как система локальных традиций : диссертация ... кандидата искусствоведения : 17.00.02. Москва : Государственный институт искусствознания, 2014. 245 с.
- Родная Вятка [Электронный ресурс] : краеведческий портал. Режим доступа : <https://rodnaya-vyatka.ru/places/90161> (дата обращения: 01.01.2017).
- Ромодин А. В. Человек творящий. Музыкант в традиционной культуре : монография. Санкт-Петербург : ГИИИ, 2009. 288 с.
- Руднева А. В. Курские танки и карагоды. Москва : Советский композитор, 1975. 310 с.
- Русская свадьба : в 2 т. / сост. А. В. Кулагина, А. Н. Иванов; под ред. А. С. Каргина. Москва : ГРЦРФ, 2000. Т. 1. 512 с.
- Русская свадьба Карельского Поморья (в селах Колежме и Нюхче) / изд. подгот. : А. П. Разумова, Т. А. Кошки ; под общ. ред. Е. В. Гиппиуса. Петрозаводск : Карелия, 2005. 221 с.
- Савельева Н. М. Истоки : календарные и свадебные песни с. Верещаки Брянской области в многомикрофонной записи. Брянск : Изд-во обл. науч-метод. центра, 1993. Вып. 1. 71 с.
- Семенов Ю. В. Этническое и конфессиональное как проблема исследования // Известия РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. № 101. С. 91 –97.
- Серебренников В. Н. Свадебные обычаи и песни крестьян Андреевской волости Оханского уезда, Пермской губернии (со вступительной статьей А. Д. Городцова и 8-ю стр. нот) // Материалы по изучению Пермского края. Вып. IV. Пермь : Электро-Типография «Труд», 1911. С. 5–68.
- Сисаури В. И. Церемониальная музыка Китая и Японии : монография. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2008. 292 с.
- Склярова Е. А. Музикальный фольклор в календарных обрядах русских старожилов Удмуртской Республики : диссертация ... кандидата искусствоведения : 17.00.02. Санкт-Петербург, 2015а. Т. 1. 240 с.
- Склярова Е. А. Музикальный фольклор в календарных обрядах русских старожилов Удмуртской Республики : автореферат диссертации ... кандидата искусствоведения : 17.00.02. Санкт-Петербург, 2015б. 25 с.
- Стародубцева С. В. Ох, роспечальное моё сердечко (песни из репертуара Н. Е. Власовой) / науч. ред. Т. Г. Владыкина. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999а. Вып. 1. (Русский фольклор Удмуртии). 226 с.
- Стародубцева С. В. Русские свадебные обряды // Вестник удмуртского университета. УдГУ, 1999б. № 3. С. 42–62.
- Стародубцева С. В. Русская хороводная традиция Камско-Вятского междуречья : монография / отв. ред. Т. Г. Владыкина. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 421 с.
- Тамаркина Э. А. О русско-удмуртском взаимодействии в свадебной обрядности УАССР // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XX вв. Устинов : УдГУ, 1985. С. 106–115.
- Тамаркина Э. А. Реконструкция русского свадебного обряда южной части Удмуртии по современным записям // Вестник Удмуртского университета. 1995. № 5. С. 103–114.
- Татаринцев А. Г. Русский фольклор Удмуртии. Песни. Сказки. Частушки / сост., вступ. статья, «Памятка собирателю фольклора» и примечания А. Г. Татаринцева. Ижевск : Удмуртия, 1977. 221 с.
- Татаринцев А. Г. Русский фольклор Удмуртии / сост., предисл., вступит. ст. к разделам, примечания А. Г. Татаринцева. Ижевск : Удмуртия, 1990. 368 с.
- Терехина Н. Н. Свадебные песни Перми Великой / под общ. ред. А. В. Черных. Пермь : От и До, 2011. 134 с.
- Толкачева С. В. Организация пространства в русских свадебных обрядах северных районов Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. Серия 5. История и филология. 2010. Вып. 4. С. 119–123.
- Толкачева С. В. Гендерная специфика обычаем одаривания в русских свадебных обрядах Удмуртии // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. № 4. С. 99–112.
- Толкачева С. В. Имманентные качества поэтического образа невесты в русских свадебных песнях и причитаниях Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. Серия 5. История и филология. 2012. Вып. 4. С. 87–94.
- Толкачева С. В. Аутентичная музыкальная традиция русского населения Удмуртии // Удмуртская Республика : историко-этнографические очерки. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2012. С. 169–172.

Толкачева С. В. Аутентичная музыкальная традиция русского населения Удмуртии // Удмуртия : историко-культурное наследие [Электронный ресурс] : электронная информационная база и аудиоматериалы. Диск «Наследие». Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2012.

Толкачева С. В. Русский музыкальный свадебный фольклор Удмуртии : учебно-методическое пособие. Ижевск: Удмуртский университет, 2013а. 60 с.

Толкачева С. В. Зоо- и орнитоморфная символика в русском свадебном песенном фольклоре Удмуртии на примере поэтического образа жениха и его партии // Наука, просвещение, искусство провинции в социокультурном пространстве: материалы девятых короленковских чтений, международной научно-практической конференции, посвященной 160-летнему юбилею В. Г. Короленко. Глазов : 2013б. С. 193–199.

Толкачева С. В. Символика ритуального перехода невесты в русском свадебном песенном фольклоре Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. Серия 5. История и филология. 2013в. Вып. 4. С. 135–141.

Толкачева С. В. Номинации локуса жениха в русском свадебном фольклоре Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. Серия 5. История и филология. Вып. 4. 2014а. С. 91–96.

Толкачева С. В. Труды Г. Е. Верещагина как источник исследования русского свадебного фольклора Удмуртии // Г. Е. Верещагин, традиционная культура и просветительство народов Урало-Поволжья : сборник статей / сост. и отв. ред. В. М. Ванюшев. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2014б. С. 103–118.

Толкачева С. В. Терминология чинов партии жениха в свадебных обрядах русских жителей Удмуртии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015а. № 3. Ч. 3. С. 162–167.

Толкачева С. В. Специфика функционирования чина дружки в свадебных обрядах русских жителей Удмуртии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015б. № 11 (53). Ч. 2. С. 166–172.

Толкачева С. В. Русские традиционные свадебные песни и причитания южных районов Удмуртии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016а. № 8. Ч. 2. С. 29–36.

Толкачева С. В. Особенности бытования русской свадебной обрядности в Удмуртской Республике: хореография, кинетика, атрибутика // Научный диалог. 2016б. № 11 (59). С. 134–146.

Толкачева С. В. Акциональные и акустические параллели в русских и удмуртских свадебных обрядах // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016в. Т. 10. Вып. 4. С. 38–41.

Толкачева С. В. Веник как атрибут традиционной русской свадьбы в Удмуртской Республике // Научный диалог. 2017а. № 6. С. 83–95.

Толкачева С. В. Фольклор русских переселенцев в контексте местной традиционной культуры: феномен свадебного обряда села Арзамасцево Удмуртской Республики // Научный диалог. 2017б. № 10. С. 188–199.

Толкачева С. В. Русские свадебные песни Удмуртской Республики : кинетический аспект // Научный диалог. 2017в. № 11. С. 285–297.

Толкачева С. В. Ритуальные угощения в русских свадебных обрядах Удмуртии // Научный диалог. 2018. № 6. С. 91–102.

Толстая С. М. О семантическом единстве обряда // Фольклор : Проблемы сохранения, изучения и пропаганды : тезисы всесоюзной научно-практической конференции. Москва : ГМПИ, 1988. Ч. 2. С. 146–148.

Толстая С. М. Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах // Славянский и балканский фольклор : Верования. Текст. Ритуал. Москва : Наука, 1994. С. 111–129.

Толстая С. М. Зеркало // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / ред. Н. И. Толстая. Москва : Институт славяноведения РАН, 1999. Т. 2 : Д (Давать) – К (Крошки). С. 321–324.

Толстая С. М. Лента // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). Москва : Международные отношения, 2004. С. 96–97.

Толстая С. М. Семантические категории языка культуры : Очерки по славянской этнолингвистике. Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 368 с.

Толстой Н. И. Вербальный текст как ключ к семантике обряда // Структура текста – 81 : Тезисы симпозиума. Москва : Наука, 1981. С. 46–47.

Толстой Н. И. Язык и народная культура : Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Москва : Индрик, 1995. 512 с.

Топорков А. Л. Стол // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. Москва : Международные отношения, 2002. С. 450–451.

Топоров В. Н. Мифopoэтическая картина мира // Миры народов мира. Энциклопедия : в 2 т. Т. 2: К – Я / гл. ред. С. А. Токарев. Изд. 2-е. Москва : Советская энциклопедия, 1992. 719 с.

Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст. Семиотика и структура. Москва : Наука, 1983. С. 227–284.

Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках / отв. ред. Е. С. Новак. Москва : Наука, 1988. С. 7–60.

Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ : Исследование в области мифопоэтического : Избранное. Москва : Прогресс – Культура. 1995. 624 с.

Травина И. К. Русские народные песни родины П. И. Чайковского. Москва : Советский композитор, 1978. 186 с.

Трунькина А. В., Ершова Н. И. Тематический анализ лексики свадебного обряда в русских говорах Мордовии // Огарёв-Online : <https://cyberleninka.ru/journal/n/ogaryov-online>, 2016, № 9. <https://cyberleninka.ru/article/n/tematicheskii-analiz-leksiki-svadebnogo-obryada-v-russkih-govorah-mordovii> (дата обращения: 01.01.2017).

Удмуртская Республика : Энциклопедия / гл. ред. В. В. Туганаев. Ижевск : Удмуртия, 2000. 797 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. и дополнения члена-корреспондента РАН О. Н. Трубачёва. 2-е изд., стер. Москва : Прогресс, 1987. Т. 3 (Муза – Сят). 832 с.

Фертиков П. П. Починок Патраковский – деревня Патраки Якшур-Бодынского района Удмуртской Республики. 1863–2008 : Страницы истории. Ижевск : Удмуртия, 2008. 168 с.

Христолюбова Л. С. Удмуртская свадьба (опыт количественной характеристики) // Археология и этнография Удмуртии : Современные этнические и социальные процессы в Удмуртии. Ижевск : УдНИИ, 1975. Вып. 1. С. 36–83.

Христолюбова Л. С. Семейные обряды удмуртов: традиции и процессы обновления. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1984. 172 с.

Хрущева М. Г. Песенно-обрядовая традиция удмуртов в контексте этнической культуры : музыкально-этнографические очерки. Астрахань : Астраханский университет, 2008. С. 195–203.

Хрущева М. Г. Типовые свадебные напевы удмуртов-калмезов // Традиционное народное искусство и современность (вопросы типологии) : сборник трудов / отв. ред. М. А. Енговатова. Москва : ГМПИ им. Гнесиных, 1982. Вып. 60. С. 47–56.

Черных А. В. Этнокультурная история Южного Прикамья по материалам традиционной календарной обрядности в конце XIX – нач. XX вв. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.07. Ижевск : Удмуртский университет, 1999. 231 с.

Черных А. В. Куединская свадьба : сборник фольклорно-этнографических материалов / вст. статья, комм., сост. А. В. Черных. Пермь : 2001. 145 с.

Чуракова Р. А. Удмуртские свадебные песни: монография. Устинов : Удмуртия, 1986. 147 с.

Шепталин А. А. Сарапул. Сарапуль : Историко-краеведческие очерки. Ижевск : Удмуртия, 2007. 376 с.

Шуклина Т. А. Христианские мотивы в русском фольклоре Удмуртии // Духовная культура финно-угорских народов : история и проблемы развития : материалы международной научной конференции. Глазов : ГГПИ, 1997. Ч. 1. С. 48–51.

Шуклина Т. А. Сказки : по материалам фольклорного фонда ГГПИ имени В. Г. Короленко. Ижевск : Удмуртия, 1999. 105 с. (Русский фольклор Удмуртии).

Шуклина Т. А. Свадьба : учебное пособие / науч. ред. Шуклина. Глазов : Глазовский государственный педагогический институт, 2012. 96 с. (Русский фольклор Удмуртии).

Шутова Н. И., Панина Т. И. Монета в лечебно-охранительных обрядах удмуртов // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2016. Т. 26. Вып. 4. С. 112–117.

Щуров В. М. Южнорусская песенная традиция. Москва : Советский композитор, 1987. 320 с.

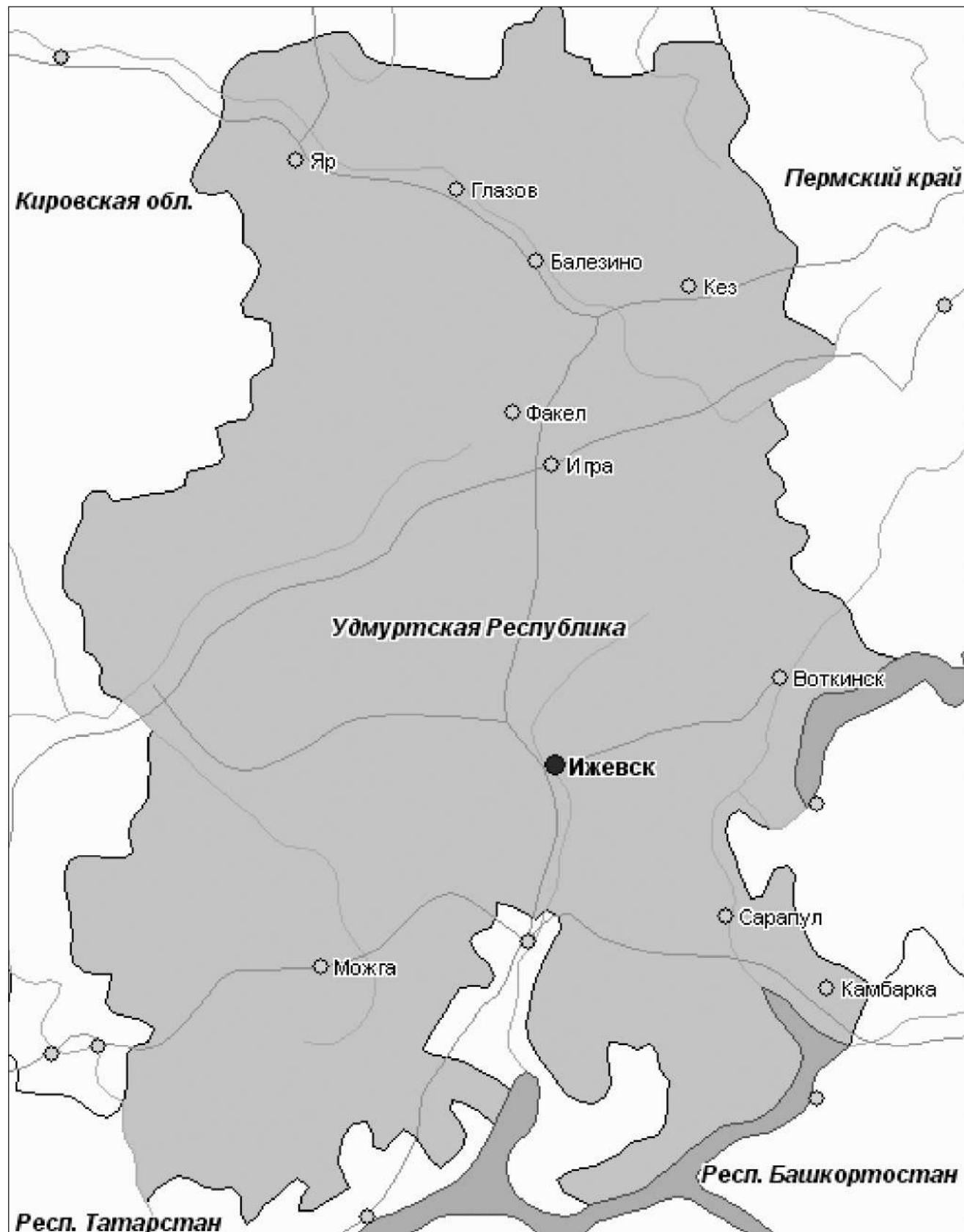
Щуров В. М. Русская песня вчера, сегодня и завтра (к вопросу о диалектике стабильного и мобильного в русском песенном фольклоре) // Музыка устной традиции: материалы международной научной конференции памяти А. В. Рудневой / науч. ред. Н. Н. Гилярова. Москва : МГК им. П. И. Чайковского, 1999. С. 36–45.

Якимов А. Сарапульская старина [Электронный ресурс] / А. Якимов. Режим доступа : <https://ok.ru/sarapulskastarina/topic/66005560991759> (дата обращения: 01.01.2017).

Ярешко А. С. Песни астраханских липован. Москва : Музыка, 2007. 60 с.

Ярешко А. С. Русские народные песни Астраханской области. Москва : Композитор, 2008. 137 с.

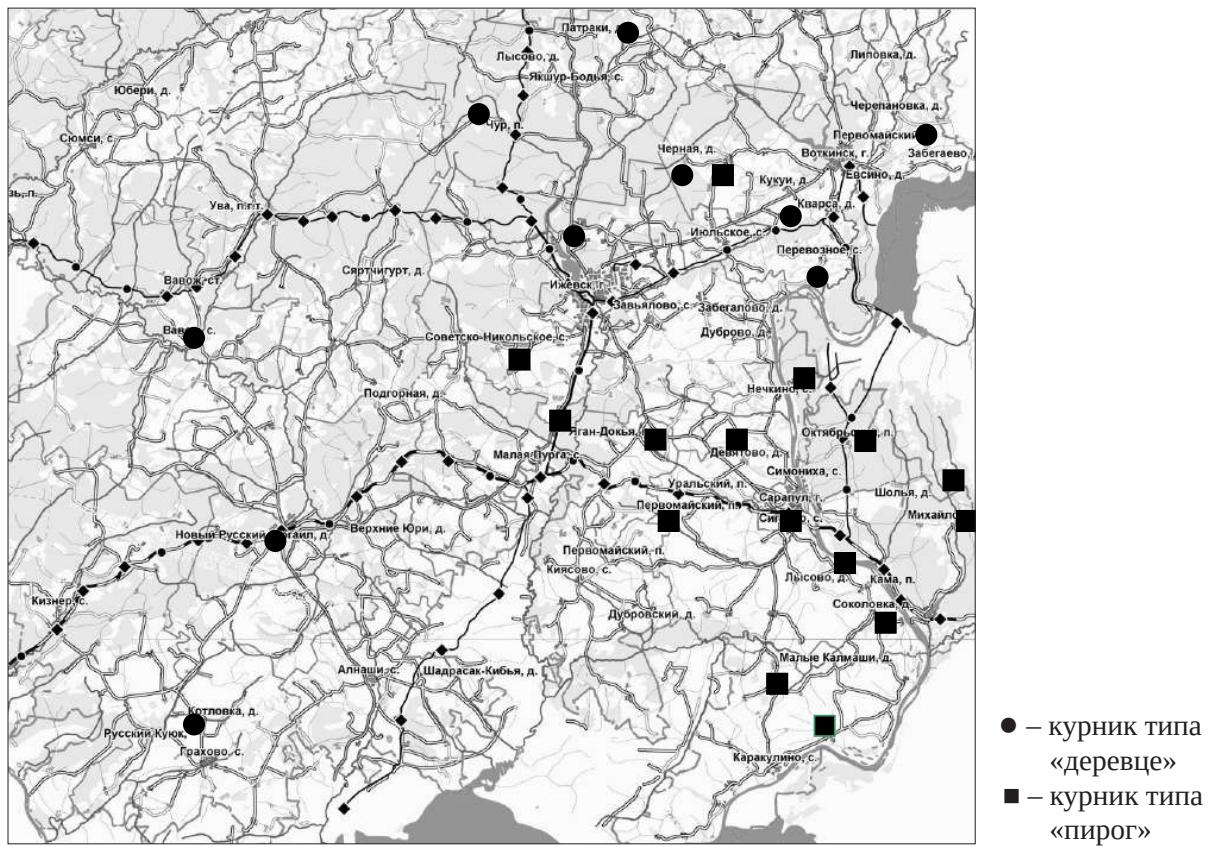
1. Карта Удмуртской Республики

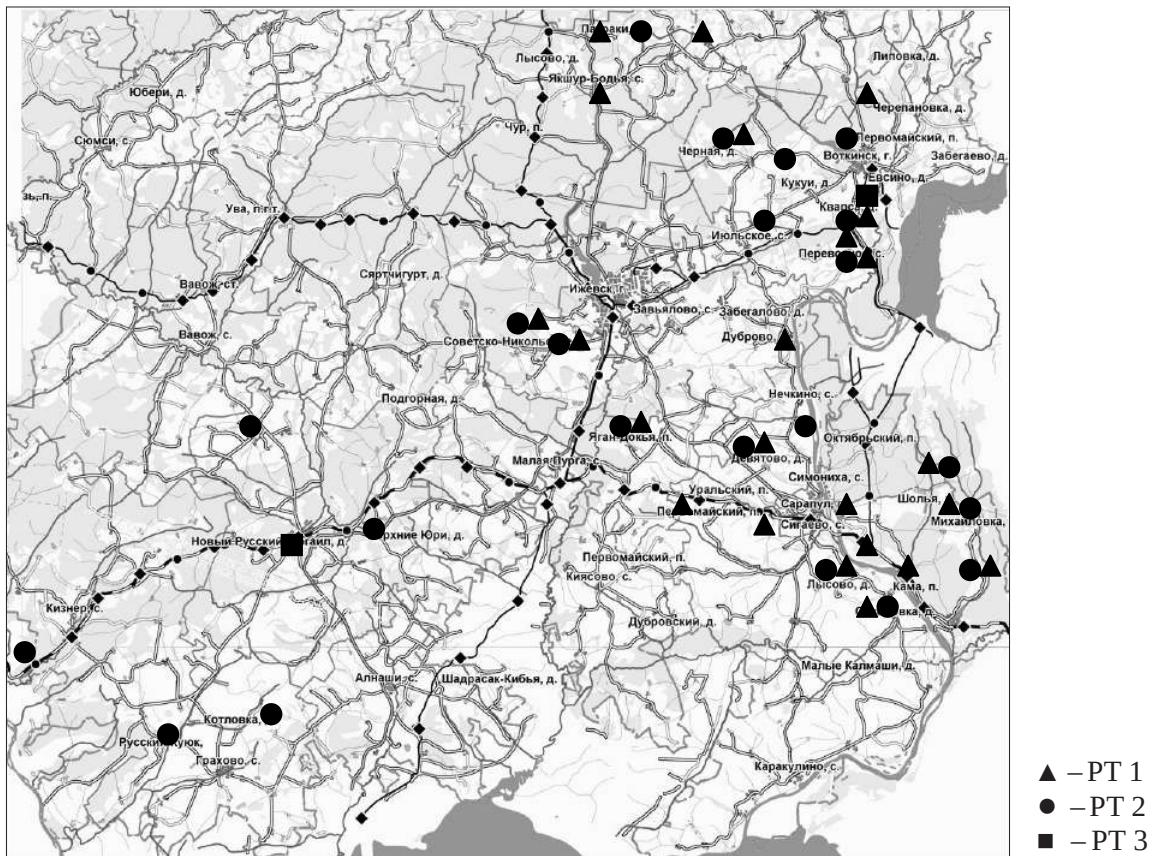
2. Карта Среднего Прикамья

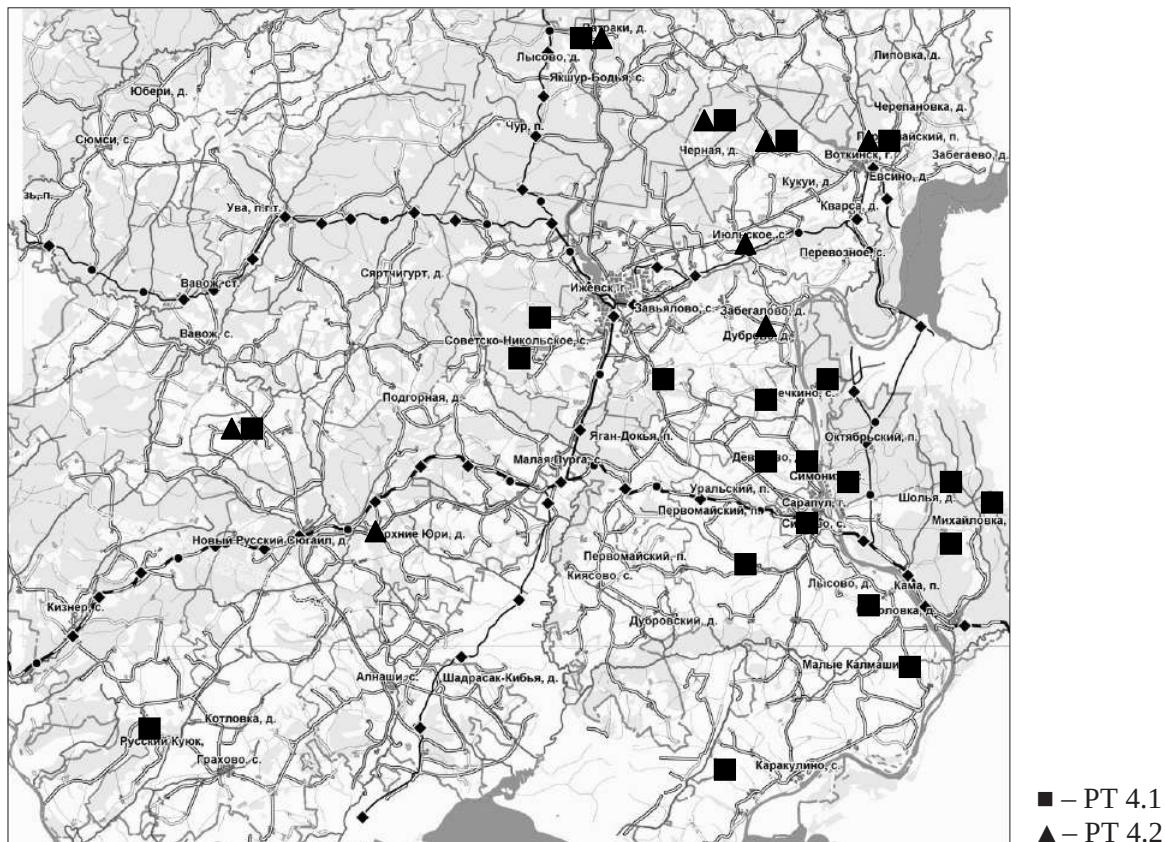
3. Карта распространения термина «курник»

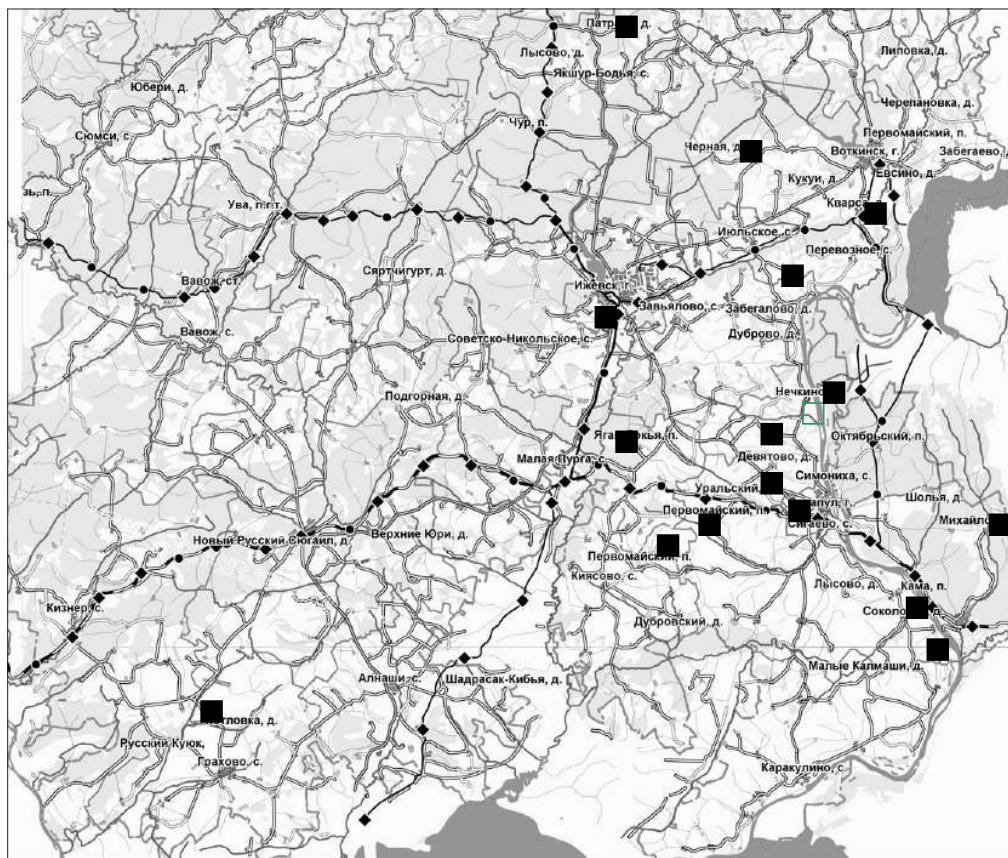
4. Карта распространения неравномерно сегментированных форм (РТ 1-3)

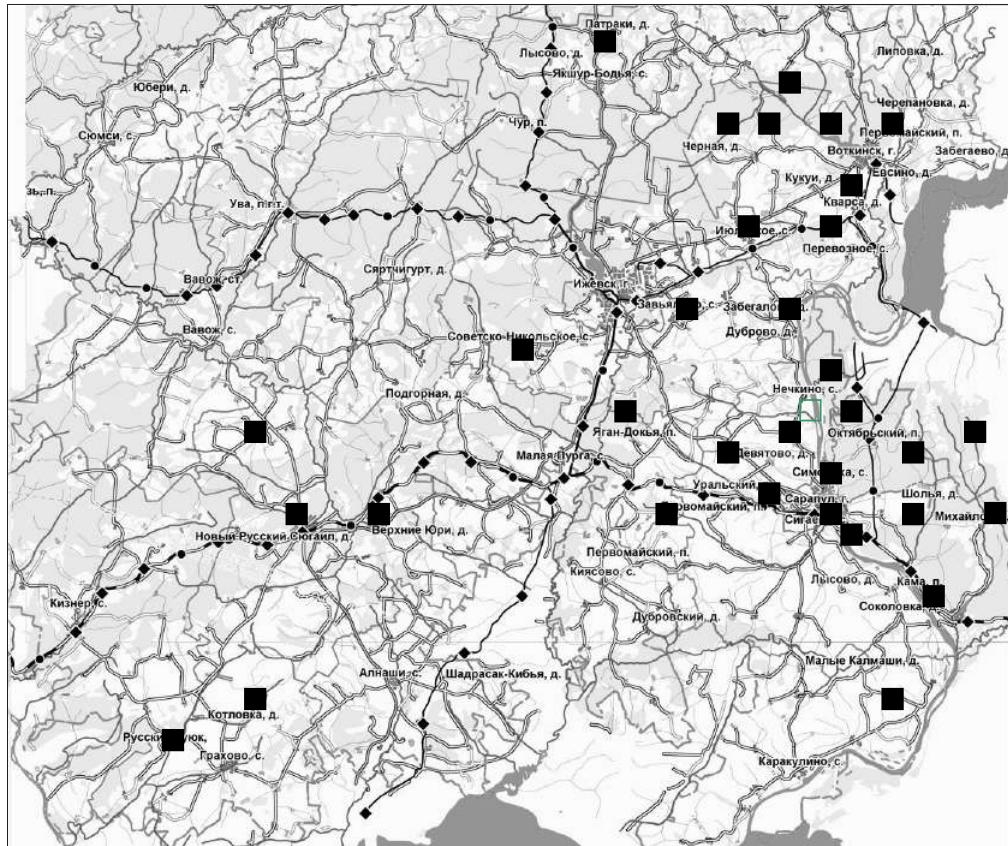
5. Карта распространения равномерно сегментированных форм (РТ 4.1 и РТ 4.2)

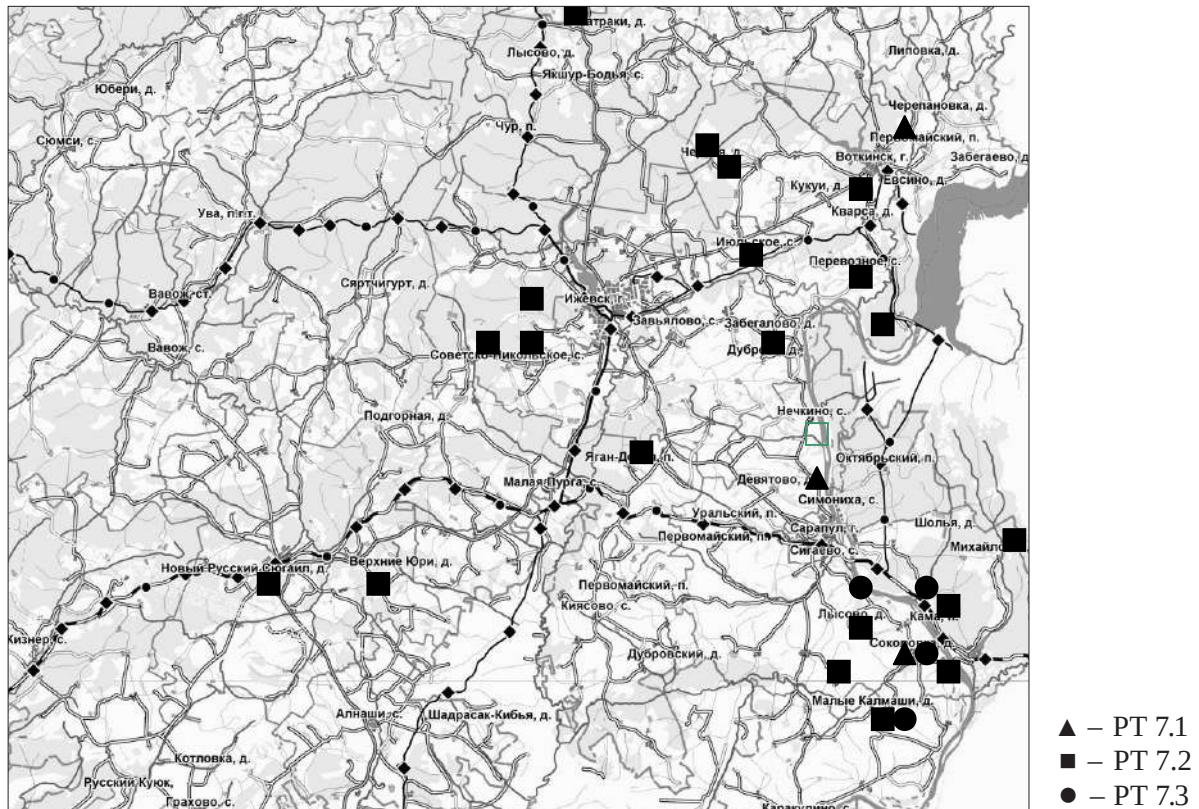
6. Карта распространения равномерно сегментированной формы (РТ 5)

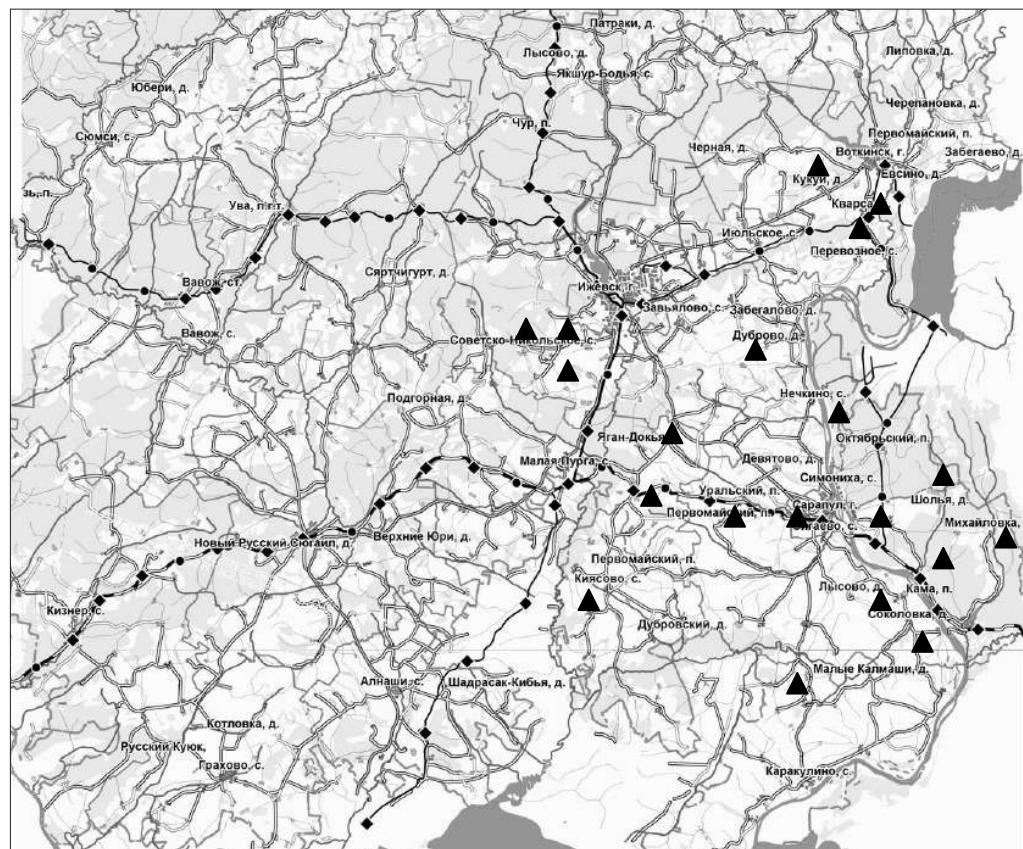
7. Карта распространения равномерно сегментированной формы (РТ 6)

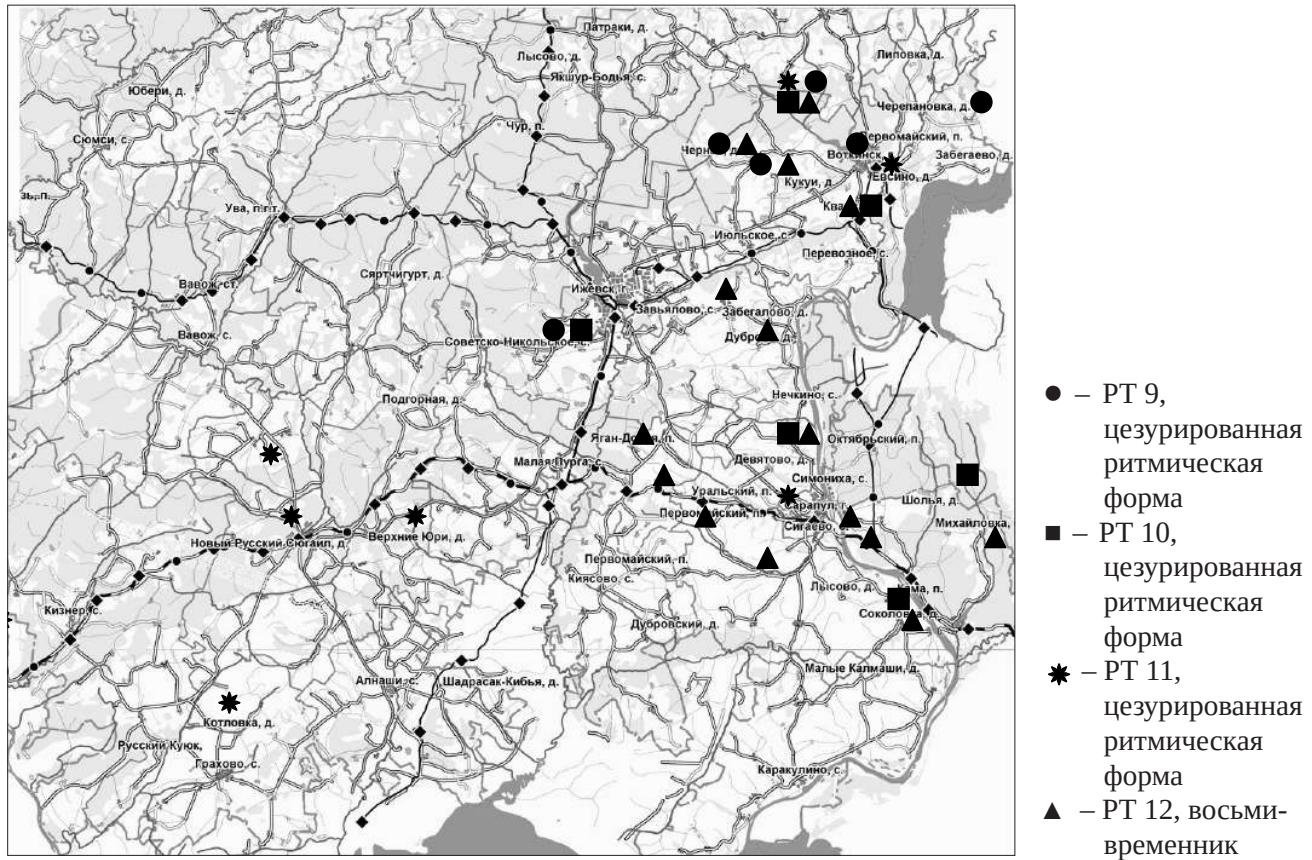
8. Карта распространения равномерно сегментированных форм (ПТ 7.1, ПТ 7.2, ПТ 7.3)

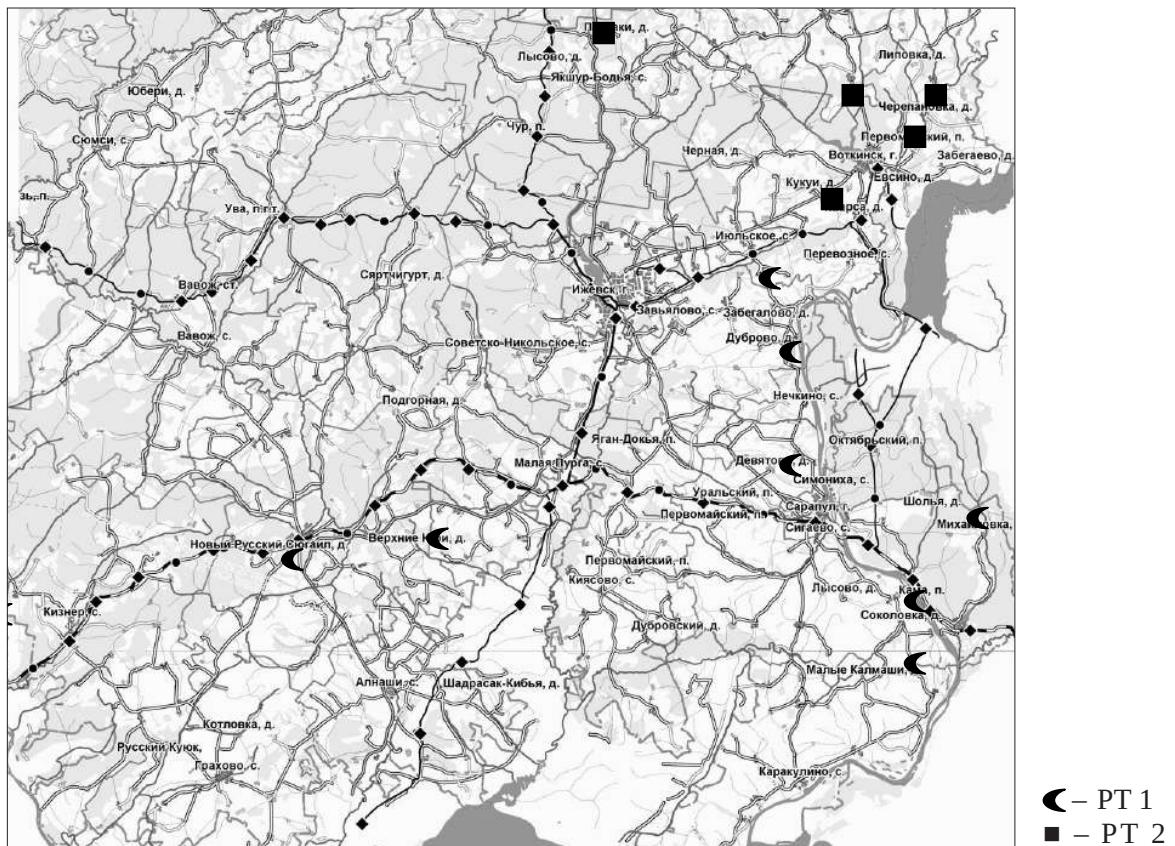
9. Карта распространения цезурированной формы (РТ 8)

10. Карта распространения периферийных ритмических типов

11. Карта распространения ритмических типов песенных причетов

1. Свадебный обряд д. Нижний Армязь Камбарского р-на¹

На **сватовство** родители, жених, сваха идут. Свахой может быть любая, даже чужая, женщина, может быть посторонняя. Иногда даже так делают: украдут, а потом сватовство. Заходят и говорят:

– У нас есть садок,

У вас есть цветок.

Нельзя ли в ваш садок посадить наш цветок?

Ну и все, начинают **чай кипятить, договариваются**. Матку еще не переходят, – как бы не отказалась невеста, ну, потом у нас все направляется. Если невеста не согласна – она чай пить не будет, это на сватовстве. Если жених не согласен – он тоже чай пить не будет. Тут договариваются, начинают **пропивыши**.

Ну и все, начинают чай кипятить, договариваются. Матку еще не переходят, – как бы не отказалась невеста, ну, потом у нас все направляется. Если невеста не согласна – она чай пить не будет, это на сватовстве. Если жених не согласен – он тоже чай пить не будет. Тут договариваются, назначают пропивыши, на сватовстве назначают день.

На пропивышах могли только сваха, жених и родители его. С невестиной стороны все свои. Если невеста сопротивляется, ей жених не нравится, ее всякими уговорами. Приходят, сватают, выпьют вино и точно назначают, когда свадьба будет.

– Пойдем посмотрим, как жених живет.

Потом **девиши**, до свадьбы девки ходят, впеваются. Девчонки собирались, и кто что делает: кто на нее, кто плетки, и в это время спеваются. Все вместе спеваются. Обычно шьют, поют, репетируют перед свадьбой.

Когда месяц, когда недели две ходят, **готовят приданое**. Плетки дружкам делают, носки вяжут, повознику надо шляпу сделать и рукавицы с баҳромой, а сваха – муфточку (это когда они приезжали за невестой на свадьбу). Готовят приданое: простыни, платья на нее шили, рубашки ночные, полотенца вышивали, всякие дорожки. Курник делали из бумаги, на палочках делали цветы.

Когда к жениху увозят невесту, и за женихом, и за невестой везут сразу это приданое. Когда приданое привезут к мужу, к жениху туда, они должны сначала **купить это приданое**. Сколько запросят, – столько они и должны отдать:

– Вот я сам возил, как мне вначале подали рожонки, на лопате вынесли, а потом уж вино.

Потом перед свадьбой ее **ведут в баню**. Все девчонки, что шьют, ее потом ведут в баню. Невеста берет мыло и кидает это мыло. Кто поймет это мыло, тот замуж выйдет в тот же год. В бане-то песни не пели. Невеста ревела, все равно ведь не хочется с девичьей жизнью прощаться, швеи ее уговаривают.

Расплетание было косы после бани, частушки пели:

*Не ходите, девки, замуж,
Не ходите, милочки,
Не плетите русу косу
На две половиночки.*

Прямо при расплетании, **это перед столом делали**, как садиться за стол. Когда уже приехали за ней. Когда приготавливали ее к столу, чтобы уже выводить, вот в это уже украшаешь ее, одеваешь и все вот это делаешь.

Заранее оповещали, что едут. Родители не приезжают, приезжают братья, сестры, – это поезд называется, по невесту едут. Если далеко – везут невесту родители, сразу едут. Если недалеко – то позднее.

¹ Запись произведена от фольклорного ансамбля д. Нижний Армязь.

Угощают швей, девок. Швеи дожидают за воротами, стоишь и дожидаешься, чтобы они откупали. Ворота закрывают и стоят. Если откупят – значит зайдут, если не откупят – значит не пускают. И на лесенке платят, и невесту прячут – жених ищет. Когда туфель снимут у нее с ноги, – выкупают, когда чё успеют снять с нее. У нас как еще делается. Гостям накрасят губы и каждый на бумажку сделают, и подставляют жениху: «Которая твоя невеста?». Тоже ищет. Который угадывает с ходу, который нет.

Невеста сидит за занавесой, жених ее ищет, девки караулят. А сваха уж тут никак не мешается, она раз уж сосватала, дело уж кончено, ее поют, когда уж за стол сядут. Косу девки расплачивают, косу плетут, невеста ревет.

Не поревешь за столом – поревешь за столбом. Плохо жить будется (Она спрячется где-нибудь и плачет, это уж когда она будет жить.)

За столом она прощается с девчонками, родителями.

Повозничек – он на второй день, когда к невесте едешь. А дружка – он молодых охраняет. Их должно быть двое: старший и младший. У старшего дружка плетка чуть подлиннее, у молодого покороче, – и они все свадьбу ведут этими плетками. Кто заработает – тот получит. Кто не будет пить за молодых, за невесту – получай. Девчонок гоняют:

Скок-поскок через мосток, через частый лесок,

Через ваш порог да и еле ноги переволок.

На пол ступил – пол гнется, изгибается.

А сказывать-то нет ещё?

– А сказывай.

– А лошадь-то косматы, зашла ко свату,

А у свата-то угощать-то нечем –

Только легкое, да печень.

Да лепешки, да шаньги, да хлеба коровой,

А ты, сват-то попить почаше давай <тот рюмочку должен преподнести>.

– А что, сват да сватышка, здесь ли сегодня свадебка?

– Здесь.

– Вот ведь – спородили, не видели, да в один день угодили.

А ты бы мне сейчас рюмочку винца, и я рассказал бы вам сказочку до самого конца.

– Ну, и потом говорит:

– Князь-то у нас с большим подарком к невесте, а невесту не видать.

– Вот у нас огород-то есть, а у вас цветок.

Можно ль цветок да в наш огород?

Отец выводит невесту за рученьку через платочек. Песня поется, он ведет, отец, через платочек ведет. За столом сидят и всех **величают**. Начинают жениха с невестой бесплатно величать, это уже за столами. А уж дальше пойдут с блюдечком (одна девушка ходит). И каждого величат, блюдечко ставят и деньги кладут.

Одна кума сидит за столом, другая перед ней пляшет: «Дай, – да, – дай посмотреть!»

Если пирог на тарелке вынесут, надо посмотреть, нет ли где зацепинки. Значит девушка нечестная. А если нечестная, – могут не взять, оставить невесту дома, отказаться. Еще ведь так было – если девка честная – вешали на штору-то ленту, если честная – то розовую, если нет – то голубую. Это когда ночуют уже, во время свадьбы.

Невесту со двора выводят родители, с хлебом, иконы выставляют, а мы поем в это время поем.

А когда **обвенчиваются**, – тогда за стол только садятся.

Раньше должна была вместе ехать крестная, она должна была украсить всю горницу, шторы повесить, полотенца, это все половики постелит. Увезли, у жениха проверяют, как она блины умеет печь, по воду отправляют. За водой отправляют, вместе ряженые идут, воду наливают, дружки охраняют, чтобы не выливали воду. Близко-то не стараются за водой отправлять, подальше ведут. **На второй день только дурят**. Самое главное – первый день.

2. Свадебный обряд д. Юрино Сарапульского р-на²

Где **выглядят**, раньше-то **невесту выглядывали** ходили, или по знакомству, где какую, по родству. «Вот, девка у этих хороша, вот, давайте свататься будем». Выбор-то был. Как выглядывают, смотрят, а вот потом у них начинается.

Проводилась свадьба, ну вот с осени, когда отрабатываются на полях, тогда вот и свадьбу делают. Наверно, где-то зимой, да, зимой где-то. С Нового года, вот ножки съедят, примета была, вот режут скотину то, ноги вырезают и сделают холдец, вот где ножки съели, теперь, где **свататься надо ехать**.

Там специально назначалось сватовша, там или из родства кто-то, или знакома с той стороны, невесту-то кто нашла – она и сватает. Высватает её уж, там договорится, отдадут – не отдадут, тогда уж **свататься едут**. А вот **смотрины**-то потом. Она вот высватает, надо же поглядеть на невесту, какая она уж есть – невеста-то. В другую-то деревню сложнее уж, там уж он везет отца, мать, разговорятся. Потом на свиданье собирают жениха и невесту, понравятся, нет ещё друг другу. Придут свататься, через матку не переходят. Примета была, не знай из-за чего, только матери не переходили. Ещё вот примета какая была, самовар вот поставят, посадят пить гостей-то. Если понравилась жениху невеста, – он значит должен пить чай, не отказывает, пьёт чай, она наливает. Невесте если понравился, – она тоже, если не понравился, – сразу перевясту кверху дном чашку: понятно, что не понравился. Раньше очень трудно было человека-то подобрать. Скажут: «Выходить на дорогу, и выбирай кого хочешь».

Пока не припасут, вот свадьбу припасут, тогда вот свадьба. Больше нечё не было, вот только припасают, припасать надо, постель надо. Шить надо было. Эти дружки **окошки меряют** и двери, чтобы не ошибиться сделать швеям, мерили они в ширину, в длину, сколько окошек, мерили они. Вот заборки раньше были, тут вешали занавески. Все здесь смиряют, везут они всё швеям. Вот на девишинке все были, припасали. Надо ведь приготовить ему, вот, ещё рубашка не сшита, жениху-то, подарки ведь надо. Подарки всем как положено, не то, что всё попало.

Все невесте приготавляли, до назначения числа. Швей вот она собирает, **швеи шьют** своё, там вот дан промежуток до свадьбы, все готовят на невесту. Раньше все самодельно было. Вот, смотрели, если богатыё. Надо не меньше 18 платьё вынести, раньше юбки с кофтой, бедные кто – поменьше. Раньше сами все ткали, даже скатерти сами ткали, полотенца ткали, вышивали... Крёстной да крёстному обязательно надо полотенце вышить. Оба конца (полотенца) надо вышить, по канве вышивали, по клеточкам стали – там и канву не надо. Красная нитка, то черная, цветности вот не было.

Поют песни они, величают. Величальные вот все учат. Как бы готовятся, чтобы нигде не запинаться.

Когда готовят, приезжает вот дружка, проверяет, как тут дело делается. Всё проверяет, какое **приданое припасено**. Вот, дружки-то – всё вот это ездили. Передают жениховой стороне. Вот невеста-то все сошьют, приготовят в сундук, хохлушку шьют, хохлушкой да сундук закроют сундуки, которые больше были. Раньше ведь большие были, с внутреннем замком. Со звоном откроют, да, ещё не по одному сундуку.

Парни тоже тут. Девки и парни. Весело было. **Приезжают с гостинцами**, швей-то угожают, конфетами, пряниками. Как же, они ведь работают. Дурь, конечно, была, дурь, веселье. Тоже могут тут же они выглядеть девок-то. Бываю, выглядят тут, понравится девка и всё, пошли свататься. Да, бывает. Хороши девки-то, хорошие, молоденькие ведь все.

Обрученье называласё, накануне свадьбы пировали, приезжали только родственники близкие, не все там, кто позванные. Раньше-то вот было с вечера обрученье, ездили, величали, вот.

Вечером **девишиник**, это и есть, вот. Там вот больше пели – **хвилили**, чтобы невеста плакала. Раньше-то высватают невесту, она слезами изливается – неохота ей замуж. Раньше плакали,

² Рассказывает Мымрина Таисия Григорьевна, 1924 г. р., уроженка д. Пирогово Сарапульского р-на.

даже руки накладывали на себя, неохота было. Да, было дело. Вот теперь **косы**. Когда под венец свозят, косу разделяют надвоё, а когда замуж она выходит с косой – одной. У неё одна коса, заключенная лентой. То всё швеи выхаживают, всё её наряжали. Швеи-то напевают, а она ревёт, ревёт слезами. Заплетали они её. Всё вот пели. Там я уж песен не знаю.

А уж свадьба на второй день. **Поезд** делали, 12 человек в поезде было: тысяцкий, крестный вот, сваха, кресна жениха, 2 боярина, дружки, повозники. Всех это наряжали по-своему – кто какой чин имел. Тысяцкий – это вроде как названный отец. На повозничке – шапочка, шапочка бархатна, рукавицы повознику дарят швеи. Это всё швеи выдумывают, и курник, плётки, и всё-всё. Это всё надо сделать. Плётки шьют – палку вот обошьют тряпкой и как бы навроде кнута она. И вот тряпку-то лентой кругом нашивают. Кругом, кругом. Раньше сами шили, дак тряпья-то полном было, полно было. Я вот хохлушку шила. Хохлушку на сандук ещё шьют, раньше с сундуками выходили. Вот теперь плётку надо было дружкам. Повознику <...> вот плётку дарят и цвяточек. Два дружки-то, – один помладше, другой постарше. Ближе к родству делают. Поближе – за старшего, а подальше – за младшего. Это там по родству.

Раньше были шлеи, надевались на лошадь. Шлея вот, кожаная вот, чтобы не пала, и вот дугу разукрашивали шлеёй, вот цветочки сделают. На чёлку привяжут снаряда. На дугу колокольчики обязательно. Это я не знаю, что за сигнал был.

Поезд со свадьбой едет, до свадьбы они поезд никуда не тронут. Они вот, кто назначен, какое место занять, вот тогда только соберут. Там вот садят по порядку всех, у кого как положено, это уж было четко.

Выкуп. Встречают поезд у ворот. Народу полным-полно, дожидаются свадьбы. Было такое, разрешается на свадьбу заходить. Когда жених приедет, закрывают двери, пока не выкупит невесту, его непускают. Вот раньше-то, до нас-то, столы окупали. А вот при мне-то уж не было. Вот выкупили вином раньше все, вино подают, угощают. Интересно, конечно же, раньше интересно гуляли на свадьбах. Дружки, бывают, всю свадьбу ведут. Надо тут отчаянных, все уж, всю свадьбу они ведут. То дак такие привередливые бывают. Специально людей-то таких, с развязанными языками.

Как выкупят – сразу за стол. **Невеста подарки дарит**. Рубашку обычно дарят – жениху. Сначала крёстной дарят, крёстному и крёстной. В первую очередь полотенце вышитое. Обязательно полотенце, может ещё скатерь подарит. Когда под венец идут, белую скатерь берут – под ноги кладут. Ту скатерь оне бережёт, потом покрывают в гробе. Вот, до какой поры хранит её. Проветривали сундуки-то, а то может тлеть, сундук-то плотно закрывают. Невеста всех одарит, весь поезд, кому положено. А если девки есть приезжие, молодежные платки все дарят, молодежь-то, девочкам.

Как величать начнут <...> перенимали все. **Величают** каждого из поезда. Сначала молодых провеличают, потом тысяцкого, по возрасту. Делали плетки повозникам – им дарили. И, значит, «Позолотите тарелочку». Ставят тарелочку. Чтобы заплатили им. Платили все равно, насобирали. Такой порядок был. А то оскорбят, что нищий приехал по нашу-то невесту, мы и не отдадим ее. Кто сколь может. Я вот, говорю, в кармане шевелится. Дак кто сколь может.

Когда провеличают уже всех, весь поезд, всех сватавьёв, которые попросят провеличить, чтобы положить, всех пройдут, провеличают, тогда уже **с курником выходят**. Швеи делали такой коровай пекли, украшали его цветами. Курник охраняли, а потом крестная выносила его на полотенце, пели: «Кума с кумой выходили». Сколь оценят, столь отдавай. Вот я с курника беру. Вот оценили его, ни в какую не отпускают, а те ведь рядятся, да настырно. Говоря: «Приехала нищета, да у вас курник не на что выкупать». Без курника невесту не отдадут. Вот что, дело-то. Курник-то невеста везёт-то у него, как бы в тот дом-то.

Поезд-то провеличают, **едут к жениху**. У жениха больше-то состоится свадьба-то. Вот если охота попировать с вечера-то, то вот обрученье-то и делают. А утром-то чё делают, провеличали, да и только, всего делов. Величают-то у невесты, у жениха-то не величают. Величают тоже сватовьев, посадят за стол, охота дак содрать деньги-то.

Утром с пьянки вот, опохмелятся, поедят вот. Потом уж **большой стол** открывают, как называется большой стол. Вот они когда до большого-то стола ведут по воду, в то время самовары кипят, вот это все делают, чаем угощает, тогда она уж как женщина себя щитат. Заставляют избу мести молодафью-то, сору натащат, бросают деньги и подарки. Вот она метет, а они бросают всё, нарочно расталкивают сор по сторонам.

3. Свадебный обряд с. Кварса Воткинского р-на³

Сватовство. В старое время было. Приходят сваты, сватывают девушку. Бывало, выходили замуж не по любви – выбирали богатство. Приезжали только родители жениха (редко с женой), вечером. Вначале сидят под порожком. Лишь после того, как родители невесты пригласят в дом, садятся на переднюю лавку, что стоит вдоль половиц. Потом в дом их пригласят. Когда зашли – поздравляются, на образа помолятся, разденутся (гости матери не переходят, т.к. было поверье, что если перейти матери – не быть свадьбе). Сразу сват и сватья спрашивают: «Зачем пришли?» А те говорят так: «У вас есть ярочка, у нас есть барашек, надо их соединить». Или приходят с женихом-куклой и начинают разговор: «У нас есть куколка» («Кукольный жених и куколка»). Поговорят.

Сразу нужно мнение невесты. По другим сведениям, невеста может и не присутствовать. Жених с невестой выходят за дверь на улицу, сами с собой поговорят. Нынче можно получить отказ, а раньше, нравишься, не нравишься, – всё равно отдавали замуж.

Договорились или нет – **ставят самовар**, угощают людей с дорожки. Если договорятся – назначают пропивушки (смотрины). Тут же договариваются, сколько жених привезёт вина и какие гости будут на пропивушках.

Пропивушки. Возили – крестный, кресна, девушек не возили.

А отец невесте говорит: «Давай, слазь с полатей, иди одевайся!» А она говорит: «Я не пойду замуж!» Лежит, значит, через брус-то смотрит на отца <...>. А отец кокнул, а жених сидит, ждет невесту. На пропивушки жених приезжает со своим вином. А отец кокнул, стащил за волосы через брус невесту, отхлестал, обсвистал ремнем. Угощенье готовят родственники невесты, жених везёт вино. Приедут в назначенный день – лошадей ставят у невесты. Приезжали: жених, брат жениха, отец, мать, крёстный и крёстная. Те же гости со стороны невесты. Сестёр невесты – не было, а вот девушки, которые знают и поют все песни, – приходили. Невеста одевала на пропивушки нарядное платье, из того, что было или новое.

Жених и невеста сидят за столом (это как бы свадьба в кругу семьи). Посидят, потом девки начинают петь песни, и первым долгом жениху («В огороде стоит маковка»), затем невесте («Как при первом было вечер»).

После первых песен гости садятся за стол, и невеста начинает **дарить** свои **дары** – полотенца вышитые самотканые. Жениху – обязательно, его матери, отцу, и может ещё золовкам, деверьям, если капитал позволяет.

Во время даров поют песню («На дворе-то снеги»), её могли петь быстрее, могли медленнее. Потом отцу и матери невесты тоже поют песню («Ой, с корых гор»).

Посидят за столом, потом идут с гармонью по деревне (вместе с женихом и невестой) и шумят побольше, чтобы все знали, что пропили девку.

А пока молодёжь ходит по деревне, **сватовья договариваются**, в какой день быть свадьбе, венчанию, сколько гостей с обеих сторон, сколько жених должен привезти выпивки (Венчали же только в среду, пятницу, воскресенье во время «мясоеда» – это период, когда начинают есть мясо после поста. А если свадьба зимой, в Большой мясоед, то венчали только в Крещение –

³ Рассказывает Сентякова Елизавета Николаевна, 1928 г.р.

19 января. Раньше – нельзя было, потому что шёл праздник Рождество (7 января)). Договариваются о свадебном подарке – жених покупает невесте ботинки или материал на платье, а также ленточки и сшитый курник. Потом едут кататься на лошадях, обязательно с колокольцами. На пропиушках слез не было. После пропивушек невеста вроде в гости к тетушке с пряхой. Задание было, чтоб напрясть сколько-то.

Подготовка к свадьбе. С пропивушек до свадьбы девушки готовят приданое. По старому обычаю говорят: «Девок собрали шить, шить девки будут». Покупали только материал, всё шили сами. И в это время пели. Каждый вечер шают и поют, как придут с работы. Управляются по хозяйству и «идут на песни». Шили всё: от венчального платья до утиральников (полотенца для посуды), а также платы, веревки косичкой сплетут (раньше, чтоб стряпать – творили квашни в деревянных квашельниках, а хлеб выпекали в плетёных чашках. Платы нужны были, чтобы тесто не проваливалось. Делали их из портняжных (суровых) ниток, занавески – и всё в двух экземплярах, чтоб переменное было. Девушек невеста потчует. Это как она в последний раз прощается с девушками.

На песни. Если не своей деревни жених, то чужие деревенские и везде это было приезжают в середине недели на песни. Созывали девок, девки песни поют свадебные. Приедут первый вечер, посмотрят, которые девки песни свадебные поют, заметят. Понравится парню девчонка, то на следующий вечер едут, так уж положено, парень девке набирает гостинца: конфеты, печенье, пряники, орехи, семечки, и обязательно гуловой платок. А если которому парню не понравилась никакая девица, он все равно берет с собой гостинца и высыпает их на стол. Потом едят все вместе.

И вот приехали на песни, а невесты дома нету. Будущий тесть, значит, забирает жениха, запрягает свою лошадку и поехали за невестой. Приехал, наругал свояченицу: «Зачем невесту держишь?» А она: «А я почем знаю, она ко мне в гости пришла!» Забрал невесту, приехали домой, отец обсвистал невесту при всех парнях и девках.

Всё это время ездит **жених с гостинцами**, и невеста заранее сообщает об этом девушкам. До приезда жениха приходят сельчане: «А пойдём, повеличаемся, – говорят, – три копейки есть, пойдём, девкам отдадим». За три недели до свадьбы девушки могли на платье себе заработать (около 13 рублей). А песни пели разные – какие сельчане заказывали – девчонкам – девичью, парням – холостую («Как от ясного месяца»). А также всех величают, например: «По имени Марья, по имени Марья, Ивановна, да, Ивановна» или «Ивановна – душа, да Ивановна – душа». Кого провеличили, тому чарочку подносят: выходит девушка, берёт блюдце, чашечку, наливают мёлоду пива или квасу самодельного, она подходит к гостью и поёт («Чарочка новая»), чарочку подносит. Кому спели и поднесли, тот денежки на блюдце кладёт.

Потом поют песню («Ой, перед тобой») и каждая из девушек себя величает и пляшет.

Все уйдут с песен – девки пол моют.

Свадьба. 1 день (обрученье). Жених загодя покупает девкам 4 ленточки, и их вешают в окна, чтобы видели люди – идёт свадьба.

Рано утром все гости начинают собираться у невесты. Лошадей ставят где-нибудь у родственников невесты (об этом заранее договариваются). Жених всем девкам привозит подарки. Девчонкам повзрослей – гребёнки, брошки, поменьше – ленточки, а девкам, которые поют – обязательно гребёнки.

Гости собираются, смотрят – всё ли готово у невесты, накрыты ли столы, а девки их встречают. Какой гость идёт, тому песню поют, величают его, чарочку подносят и приплясывают.

Начинают «вести столы». Родители жениха и невесты ставят 2 бутылки обручального вина. Вино это никто не трогал, пока шло застолье.

Если решает отец невесты, начинают петь песню женихову отцу («Ой, не розбушуй»), пели также свахе («Край дороженьки»), гостью или гостье («Как по сеням, сеничкам»). И обязательно величают молодых – жениха и невесту: «Наши молоды, наши молоды, очень хороши, по имени Иван, по имени Иван, да Кирильч – господин. Боярыня его, боярыня его по имени Анна Александровна».

Если жена закажет провеличать мужа, то говорят: «Тебя величаем, как боярыню белу́, а милого мужа, как боярина», и наоборот, женатому мужчине: «Тебя величаем боярином, а младушку твою, как боярыню белу́». Дальше пели песни: юноши («Как от солнца, от месяца», «Вот искал уж я невесту, не нашёл», «Удалой добрый молодец»), женщинам («Как по сеням, по сеничкам» – 2 варианта), вдове («Ой, что же ты, лебёдышка на море одна»), молодожёнам («Что Ивана мать покрестила»), мужчине («Во горенке во новой», «Плавала чарочка золотая»), замужней сестре («Ой, не гневайся, милая сестрица»).

А девок-то не величали, песен им не пели. Они пели себе песню («Ой, перед тобой») и величали себя сами. Им после этого говорят: «С песенкой!». Они отвечали: «Спасибо».

Вот, времени уже много, пора готовиться ко второму дню, а гости всё не расходятся. Тогда девушки заводят общую песню, более современную («Зачем ты, безумная, губишь» или «У церкви стояла карета»). После этого гости встают и начинают расходиться. Жених с невестой открывают теперь обручальное вино и подают гостям. А гости же за это денежки ложат. Потом невеста провожает жениха до порога.

Всем надо отдохнуть. Мать, отец жениха едут домой, и все остальные – тоже. А жених и четверо дружек, крёстный и крёстная – остаются и ночуют где-нибудь у родственников невесты.

2 день (венчание). До приезда гостей у невесты – **«девишка», невесту ведут в баню**. Жених заранее навезёт девушкам мыла, духов или одеколону, чтобы они невесту вымыли и сами вымылись.

Приведут невесту из бани, одеваются пока, как раньше, но косу расплетают, волосы расчёсывают и оставляют распущенными по плечам. Голову накрывают платком. Невесту садят на сундук за занавеску. Мать подходит, они обнимаются, поплачут. Мать что-то дарит. В это время поют песню («Ой, да приступись-ко» – матушка, тятенка, сестрица, брателко), потом подходят также отец, все братья, сёстры, и все с песней. Идёт **«прощание»**. Каждый деньги положит.

Гости собираются постепенно и тоже прощаются с невестой. Когда всё это закончится, невеста встаёт с сундука.

Мать сундук отпирает и выкладывает приданое: платы – для квашения, для хлебных чашек, для катания караваев, и всё остальное. Гости дивуются, смотрят, много ли подготовлено, затем бросают в сундук денежки. Невеста сама складывает всё обратно и закрывает сундук.

Потом **начинают наряжать невесту**. Всё честь по чести. Надевают фату (раньше называли «уваль»).

Теперь, приехавшие на обрученье девчонки (т. е. – те же, что пели в 1 день), выбегают «слушать колокола» (едет ли жених?). Если слышно, невеста посыпает девчонок: «Одевайте жениха», – и даёт рубаху, сшитую в подготовку к свадьбе. Девушки всё сделают, прибегают и говорят: «Вот, снарядили жениха, скоро приедут». А жених в этой рубахе мог появиться в доме невесты. Вот он идёт. Один. Невеста приготовила ему подарок – полотенце. А невесту прячут. Жених должен найти её и выкупить. В это время поют песню («Ой, не было ветров»). Доберётся жених до невесты и дарит ей подарок, а она как начнёт его нахлёстывать! Мама! Даже ботинками.

Девчонки же бегут опять во двор: «Ой, дружки едут, спроведам». **Дружки приедут**, девки прикалывают им ленты вместе с цветком: старшим дружкам красные ленты, голубые цветы, младшим – наоборот. Но сначала девушки долго рядятся – цену набивают. Потом поют им песню («Ой, дружка хороши»).

В это же время **встречают жениховых гостей**. Они садятся за стол (а невестины гости стоят – они потом за столы сядут. Когда будет пир у жениха – будет наоборот).

Жених выходит. А отец невесты (может и жених) **выводит молодую** из-за занавески за **носовик**, у обоих носовик в правой руке. Жених берёт невесту за руку и «по солнышку» заводит за стол. Все садятся и поют песню («На диване алым бархате»).

Жених с невестой садятся в передний угол. Невеста садится ему по правую руку. У жениха мать садится с невестой рядом, а крестный садится уж с жениховым отцом рядом. Если с жениховой стороны сестры незамужние, значит их на обрученье не брали – не положено. Девки начинают песни петь. Вначале споют отцу – матери. Потом жениху споют песню, невесте, крестному. Крестной. А потом начинают величать всех, но поют на заказ, какую песню закажут, ту и поют. Только не ту, что какая просто нравится. А невесте только все одна песня. Каждого, кого величают, спрашивают: «Кто у тебя есть? Кто у тебя мать? Кто отец? Как величают?» И им поют. Всю родню так и перевеличают. Когда величают, – подносят чарочку. Подавали на разноссе, а не то что, сколько хочешь пей. На разноссе носили 12 стаканов, пьют понемножку, а наливали обручальное вино. Все девки перепляшут под девкину песню. А дружки не садятся – **они ведут столы**. Спрашивают: «В честном дому́, благодатном пирú есть отец и мать?» Невестин отец отвечает: «Есть». И так три раза. Потом снова дружки спрашивают: «Сами яства вскроете или нам дозволите?» Отец говорит: «Бог благословит» – тоже три раза. Как скажут третий раз, так скатерть, которой пища накрыта, снимают. У дружек ложки, вилки – всё с собой. Они спрашивают: «Сами пищу попробуете или нам дозволите?» Отец снова говорит: «Бог благословит» – опять три раза. Тогда каравай из белой муки (крупчаки) разрезают, старший дружка ножик берёт себе и говорит: «Питайтесь, Бог благословит».

На стол подавали холодное и жареное мясо. Гости сначала выкупают гуся или поросся. У невесты мать блины печёт – они тоже выкупаются, а деньги отдаются тёще.

Курник окупают (два раза у невесты, два раза у жениха). Курник – это искусственные цветы купленные. Рядом с курником ставится блюдо, куда бросают деньги и кладут подарки, пока мать не накроет его и не унесёт.

Невеста дарит жениху второе полотенце. В это время невесте поют песню («Брошу ключи», «Ты измена – изменушка»), затем свахе («Край дороженьки») и тысячечке («Вился хмель с огороду») затем «Чарочку».

Благословление. Родители благословляют не выходя из-за стола. Потом молодые падают в ноги отцу, матери, крёстным невесты. Крёстный невесты забирает курник, крестный жениха – иконы. Теперь все выходят, невесту садят в конский поезд, крёстный жениха обходит её с иконами. (Молодых вместе не садили. Жених – на первую лошадь вместе со своим крёстным и иконами, невеста – на вторую лошадь со своим крёстным и курником). Дружки жениховы их везут. Девушки с невестиной стороны не ездили в церковь (с жениховой тоже редко). Итак, невесту посадили, выходят девушки и поют «Ой, улетела».

Венчание. Пока идёт венчание, невестины собирают приданое, отец с матерью сидят на сундуках. Кто за приданым приезжает – выкупает его, и всё увозят в дом жениха.

После венчания невесте нельзя на голый пол ступить – из-за этого пол устилают в доме жениха соломой. После церкви дружки девок покатают. Жених им покупает курник.

Встреча. Посуду раньше не били, верили, что жизнь так же разбиться может. Встречали обвенчанных ещё за воротами и пели песню «Сваха со свахой». Невестина сваха, если побойчай, быстро одевает жениховой [свахе] связку кренделей («кренделей навешала»), молодые подходят, им подают по стопке. Невеста, чтоб все ей в доме подчинились, обливает всех из своей стопки. После этого **волосы невесты** (в доме уже) **заплетают в две косы** и обвивают вокруг головы. На последнем столе невесте поют песню «Милая девица, не хотела во замуж идти». Теперь гуляют день, курник окупают, а вечером отправляют молодых спать. И все гости потешаются: кто поленяя, кто солому натаскает, кто куклу подложит – покоя нет молодым.

З день (свадьба). Утром невеста твóрит лепёшки. Ей мешают (могут заткнуть трубу печную за выкуп). Теперь оба по воду идут – и жених, и невеста. Вся свадьба – за молодыми. Жених может вёдра и коромысло спрятать, и пока не найдут их дружки, по воду не идут. У колодца жених всех обливает водой, если бойкий. А потом они с невестой могут убежать вперёд и встать у ворот. Тогда все остальные могут пройти в ворота, только купи «святую воду» у жениха и невесты. В общем, друг над другом смеялись все.

Теперь **молодых надо вести в баню** – грязные стали (тоже издеваются над ними), тут могли дверь с петель снять, могли дыму напустить и ещё что-нибудь сделать. Жених и невеста берут

с собой в баню вина пол-литра и веник. Веник надо намочить и извалять в саже, чтобы, если дружки в дым потащат, невеста этим веником их исхлестала. Или выкуп невеста отдаёт, чтобы дыму не было. А везут молодых в баню в корыте поганом или на санях – хоть зимой, хоть летом (для смеху). Теперь **невеста полы метёт**. Только всё сделает – опять всего накидают. Деньги кидали тоже.

Большие столы. Собирается застолье. Мать невесты садится уже рядом с ней, отец жениха – рядом с сыном. Второй раз окупают курник. Столы ставили поперёк половиц, а не вдоль, чтобы молодые не разошлись. Невесту заводят за стол по ходу солнца и выводят так же. Порядок захода такой: женихов отец, жених, невеста, мать невесты. Поросёнка окупают, поют, пляшут, веселятся. Пели уже и нанятые девушки и гости, гармошка играла, частушки исполнялись. Подносили вино всем – на разносе и в двенадцати стаканах. Так и веселились до конца дня.

К тещё на блины ездили в Масленку с четверга по воскресенье. А через неделю – «**сборная**» – ехали к матери невесты и забирали остальное приданое – бельё, посуду, куриц нельзя было брать, зато можно – тёлку или барашка.

Вот и свадьба вся.

4. Свадебный обряд д. Липовка Кизнерского р-на⁴

Сватаньё. Сваха приходит: «Можно ли к вам придти с женихом?» Которы не разрешают, а если разрешают, приходит с женихом. За матицу не переходят: за матицу переедешь, девку не сосватаешь. «У вас продаётся, у нас покупается!» Сидят: сватунья, жених, свёкор, свекровь. Невеста наряжается, выходит, здоровается за руку и уходит. Свекор, свекровь и сватунья уходят в сени договариваться. Если невеста не нравится, не входят больше. А если жених не понравился, то, когда они выйдут, им говорят: «Нет, отдавать не будем. Жениха мы не хаем, но нам отдавать ишо не время». Если они понравились друг другу, то начинают говорить о калыме: сколь, какого, подарков ли, вина ли сколь купить, деньгам сколь. Договорятся и сразу зажигают свечу и молятся. Потом ставят самовар, невеста поит чаем. Договариваются, когда смотры – пропой. Сколько человек на пропой, каких подарков надо, скатертей, полотенцов. Мужикам – полотенцы, бабам скатерти, сколько поезжан во свадьбу.

Рукобитьё – пропой. Дней через семь рукобитьё – пропой – смотрины – смотры. Девки в чулане – кухне. В рукобитьё приедут от жениха, и сразу, ежли вино выряжено, за стол садятся. Женихов отец отдаёт вино и деньги. Потом чай, вино. Пироги с рыбой, сладки пироги. Как разлили вино, девки поют отцу и матери невесты.

Невеста с сестрой покажутся. Невеста выносит перчатки, платок и стакан вина – вверх дном. Беспутый жених хватает и проливает. Потом обед – общее блюдо: сначала щи, похлёбку, лапшу жирного мяса, всяки каши, у кого яиц много – яишницу, как омлет, на сковороде. А невеста дарит полотенса и скатерти. Ей за подарки не дают ничего, а на свадьбе кладут кто денег, кто ситцу – называется *на сыры собирать*. Девки пируют отдельно, а танцуют все вместе: польку, краковяк, вальс, польку-бабочку.

С гостинцам. Через неделю жених с сестрой или братом привозят подарки невесте и всяки гостинцы девок угощать: конфеток, пряников, орехи, семечки, печенье. Узол большущий! А ёй подарок: на сарафан с кофтой и полуушалок. Как только жених за скобу, девки поют жениху «Вот сказали, что ведь Коля-то грозён».

Девишиник. Накануне свадьбы собираются девки – моют пол, самовары чистят, в сенях пол скоблят. **Баню топят.** Ежли в свою деревню выходит – веник наряжают в ленточки и идут

⁴ Описание составлено по материалам, собранным и обработанным Людмилой Геньевной Ухановой, уроженки д. Липовка.

к жениху, веник прибивают в первой простенок над зеркалом, там их угошают. Пьяны идут мыться. В бане невеста причитает, а подружки ей поют.

Дома невеста причитает, обращаясь к брату, который открывает ворота, сестре, которая открывает сени, матери, открывающей дверь в избу.

В избе встречает её отец. Невеста кланяется отцу в ноги и тоже причитает. Невесте чешут голову. Подругам невеста даёт по ленточке. Мать заплетает, и обращаясь к ней, невеста вновь причитает.

Угощенье. Подруги невесты вечером шьют последние приготовления и поют.

Свадьба. В утро свадьбы, часа в 3-4 утра невеста голосит, обращаясь к брату, отцу, матери, подружкам, теткам.

В это время едут за невестой поездом. Поезжане заходят в избу.

Дружка:

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас! (3 раза)

*Скок через порог, взглянул на потолок,
Чуть ножки переволок,
Увидал сорок сорок,
Сороки раскаркалися,
Невестушки расплакались.
Сватались дружились,
В одну горенку сходились.
Пивса –винса испили,
Нам, дружкам, не известили.
Ехали мы по полю,
По широкому раздолью,
Видели князя молодого,
Николай Иваныча,
И приказал нам князь молодой,
Чтоб привести ему княгиню
Марью Ивановну.
В одном место свести, за стол посадить.*

Повозник со свахой привозят невесту к жениху. Всё поезжане с полотенцами через плечо – сваха подарила.

Сваха с невестой в чулане. Дружка:

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас! (3 раза)

– В господском дому,
В высоком терему,
На благословенном месте,
Есть ли нашего князя молодого
Батюшка и матушка?

Ему отвечают: – Есть!

– Благословите и прикажите
Нашему князю молодому
С княгиней молодой
За стол посадить,
И в храм Божий свозить.
Как сизой голубь без голубицы
Гнезды не вьёт,

*Так молодой князь без княгини
На место не садится.*

Пошёл в чулан за невестой:

*– Дайте дружске дорожску –
Дойти к окошку.
Кабы не ступить на ножску,
На ножкенъку бы не наступить,
За титечку бы не схватить.
Я иду – дружска, вы меня не бойтесь!
За мной идёт поддружье Феклис,
Он на руку не чист,
За белы груди схватит,
В уголок отпятив,
За бело лисо сохватит.*

Ведёт невесту за стол:

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас! (3 раза)

*– В одно место свести
И за стол посадить,
За столы дубовые,
За столы кленовые,
За скатерти браны,
За ложки точёны,
За вилки золочёны.
Благословляйте, дяди-дядюшки,
Тётки – тётушки,
Кумовья – кумушки,
Гости званы,
Гости жданы,
Гости полюбовны,
Соседи приблежённы,
Старые старички,
Пожилые мужички,
Бородки ваши нижегородки,
Усы ваши макареци,
Старые старушки,
Непромыты ваши станушки,
Молоденьки молодушки,
Лбы ваши золочёны,
Чехолки набок сворочёны,
С печи долой,
Непряхи, домой!*

Когда невесту из чулана ведут, девушки поют: «Не вылетай-кё жо ты, серая утица».

Все садятся за стол. А жениху поют: «Как у месяца у светлого».

Девки величают поезд – часа четыре! Девки не те, что в девицник. Крестному – тысячекому: «Как у тысяцкого головка».

Певцам за себя и невесту платит жених. Тысяцкой – сам за себя. Начинают величать других поезжан. Семейной паре поезжан: «Как у чарочки, у серебряной». Дружкам поют: «Друженька по дворичку похаживаёт».

Свахе: «Свахонька приезжा!» Она идёт и приговаривает:

*Ходила в орешник,
Брала орешки,
Драла прорешки,
Всю юбку изодрала!*

И даёт им узел с орехами и конфетами.

Холостому: «Кто у нас умен». Женатым: «Не шелкова ниточка ко стенке льнёт».

Все **едут в церковь**. Приезжают из церкви, свекор со свекровью встречают хлебом-солью. Молодые кланяются в ноги, целуют икону, потом родителей и съедают по кусочку хлеба с солью. Все заходят в избу, разденутся. Невеста сидит, покрытая шалью. До венца невесту не кажут. Свекровь водит шалью вокруг неё и жениха и обещает: «Вот корова отелится, телёнок твой будет!»

Горные едут – отец, мать и родственники невесты везут сундук с одёжой. Невестка дарит свекру и свекрови подарки. Пирут.

Второй день. Утром сваху парят. Дружки идут во двор. Сваха свекрови говорит:

- Сваха, баня топлена?
- Что ты! Позавчера топили!
- Да я в баню хочу!
- Пусть топят дружки!

Дружки обмолотков среди двора жгут, её водят по ним, веником хлещут. Она им за это платки дарит. Ходят по поезжанам. Пельмени едят. А вечером собираются у жениха. Жених с невестой каждому подносят вино и кланяются. Им за это дают подарки. Называется *на сыры собирать*. Потом горных провожают.

Третий день. Молодая печет лепешки. А у ней кто мутовку утащит, кто квашню, сковороды горячи из печи достают. Жених бегает, не даёт, а невеста выкупает. И опять ходят по поезжанам.

Четвёртый день. С утра собираются, заставляют молодую мести пол, а сами намусорят. Только она сметёт, кто-нибудь идёт, да нарочно запнётся – шувыр! – всё в разны стороны – она снова метёт. Это называется *кабан молотить*. Запинываются до тех пор, пока она не отдаст четверть, которая всю свадьбу стоит наряженная. Ну, а за первой – вторая. 2, 3, 4 день свадьбы – какие угодно песни петь. «Растворила я кисель», – это кому неприглашенный на свадьбе. Бывало так надоест пировать!

Свадебные песни и причитания. Свадебные приговорки

1. Ой, не огневайся, милая сестрица

$\text{♩} = 102$

1. Ой, не ог- не- вай- ся, ми- ла- я сест - ри- ца,
ой, не ог- не- вай- ся, ми- ла- я сест - ри- ца.

2. Что не вы... шла те- бя я не встре- ти- ла,
что не вы... шла те- бя я не встре- ти- ла.

3. Мо- и но- ги под- се- ка- ют- ся,
мо- и но- ги под- се- ка- ют- ся.

Ой, не огневайся, милая сестрица,
Ой, не огневайся, милая сестрица.

Что не вы... шла тебя я не встретила,
Что не вы... шла тебя я не встретила.

Мои ноги подсекаются,
Мои ноги подсекаются.

2. Растопилася банюшка

 $\text{♩} = 110$

1. Рас- то - пи - ла - ся ба - нюш - ка да,
На - ка - ли - ла - ся ка - муш - ка.

2. Бла-сло - ви ме - ня,
Ро - ди - - мо - я ма-МОНЬ-ка,

Что ид - - ти во теп - - лу - ю ба - - нюш - ку.

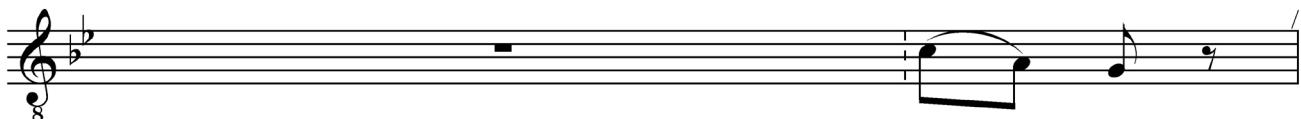
Растопилася банюшка да,
Накалилася камушка.

— Бласлови меня, родимоя мамонька,
Что идти во тёплую банюшку.

Бласлови меня, родимый батюшка,
Что идти во тёплую банюшку.

3. Сестрица у братика в головах сидела

= 96

1. [Сестрица у братика в головах си] - де- ла.

2. Встань= ко, бра- тень- ко, по- рань- ше.

3. Про- во- ди, бра- тец по- даль- ше.

4. Ты при- е- дешь ко мне в гос- ти.

Сестрица у братика в головах сидела¹.

— Встань-ко, братенько, пораньше,
Проводи, братец, подальше.

Ты приедешь ко мне в гости,
Погостишь, братец, подольше.

¹ Здесь и далее курсивом обозначается речевое интонирование исполнителей (говорком).

4. Подруженъки да, мои милые

$\text{♩} = 108$

1. По- дру... (у)- жень- ки,
да, мо- и ми... (и)- лы- е,
Уж- (ы) по- си- ди... (и)- те= ко жо вы,
во крас- ны- е де... (е)- вуш- ках,
Да, по- но - си... (и)- те= ко жо вы,
да, ру- су- ю ко... (о)- со- н(и)- ку.

2. А ми- не... (е)= то, мла- дой,
да мла- дё... (о)- ше- н(и)- ку.
Да не бы- вав... (а)- т(и)= то м(и)- не,
ти-перь с под- ру... (у)- же- ни- кам.

Подру... (у)женъки да, мои ми... (и)лые.
Уж(ы) посиди... (и)те-ко жо вы,
Во красные де... (е)вушках,
Да поноси... (и)те-ко жо вы,
Да, русую ко... (о)сон(и)ку.

А мине... (е)-то, младой,
Да младё... (о)шен(и)ку.
Да не быва... (а)т(и)-то м(и)-не,
Типерь с подру... (у)женникам.

5. Вы, подруженьки, вы, любимые

Вы, подруженьки, вы, любимые,
Вымойте вы почище пол.
Во первой раз, во последней раз,
Не вспоминайте меня злом-горестью,
А вспоминайте меня весельем-радостью.

6. Вы, подруженьки, вы, любимые

Вы, подруженьки, вы, любимые,
Вы помойтесь, покупайтесь,
Во тёплой во банюшке,
Во первой раз, во последней раз,
Проводите меня в чужи люди жить,
Во чужи люди, в незнакомые.

Каково мне жить во чужих людях,
В незнакомых,
Каково мне уноравливать?
Вы, подруженьки, вы, любимые,
Посидите-ко вы во девицах,
Покрасуйтесь девичьей красотой!

7. Ты, родимой мой брателко

Ты, родимой мой брателко,
Открой ты мне воротелки,
Во первой раз, во последней раз,
Не надоем уж тебе ни разу я!

– *Брат откроет вороты, а сени сестра закроет.*

8. Родима моя сестрица

Родима моя сестрица,
Открой-ко мне сенны дверочки.
Во первой раз, во последней раз.
Не надоем тебе уж ни разу я!

– *Двери у избы мать закрывает.*

9. Родима моя мамонька

Родима моя мамонька!
Открой-ко мне дверушку,
Пройти со подруженькам,
Со подруженькам, да со весёльем,
Во первой раз, во последней раз.

10. Родимой мой батюшко

Родимой мой батюшко,
Спасибо за тёплую банюшку!
Родимой мой тятенька,
Попотчуйте моих подруженек,
Во последний раз.
Надоедаю я вам последний раз!

11. Не ветром двери-то отворилися

♩ = 66

Musical notation for the song 'Не ветром двери-то отворилися'. The music consists of three staves of G clef notes. The lyrics are written below each staff.

Не вет- ром две-ри=то от- во- ри- ли- ся, ой, да,

На пя- ту две- ри ста- но - ви- ли- ся, ой, да,

На пя- ту, пя ту ду- бо- во- ю.

Не ветром двери-то отворилися, ой, да,
На пяту двери становились, ой, да,
На пяту, пяту дубовую.
– На пяту да, на пяту, на дубовую,
На кочетки на шелковые.

12. Ой, да, не ветром двери открываются

♩ = 60

Musical notation for the song 'Ой, да, не ветром двери открываются'. The music consists of two staves of G clef notes. The lyrics are written below each staff.

1. Ой, да, не вет- ром две-ри о... //

(о)т - кры... от-кры-ва... (а)- ют- ся, ой, да,

2. На пя- ту две- ри ста... //

sta- no... sta-no- vi... (i)- li- sя, oй, да,

3. При- сту- пись= ко ро- ди... //

(i)- ма- я ма... (a)- монь- ка.

Ой, да, не ветром двери о... (о)ткры... открыв... (а)ются, ой, да,
На пяту двери ста... стано... станови...(и)лися, ой, да,
Приступись-ко, роди... (и)мая ма... (а)монька.

13. Ой, да, не бывала-жо князя свашенька

$\text{♩} = 98$

1. Ой, да, не бы- ва ла= жо кня...кня- зя- я сва... (а) шень- ка, ой, да,

2. У.. у ме- ня, горь-кой, за..за, да, за- на- ве- су.

Ой, да, не бывала-жо кня... князя сва... (а)шенька, ой, да,
У... у меня, горькой, за... за, да, занавесу.

14. Ой, да, приступись-ко, родимая мамонька

$\text{♩} = 98$

1. Ой, да, приступись-ко, роди... (и)- ма- я ма... (а) монь- ка, ой, да,

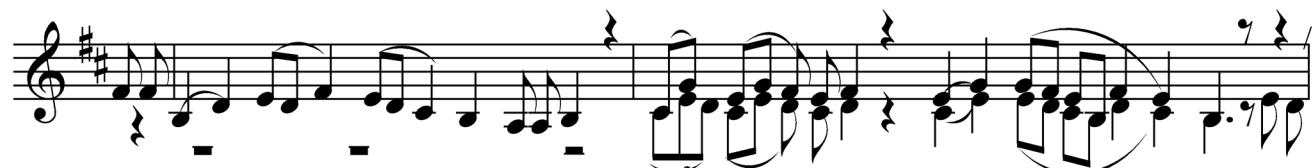

2. По...(о) смот- ри= ко- ся де... де- вью кра- со- ту.

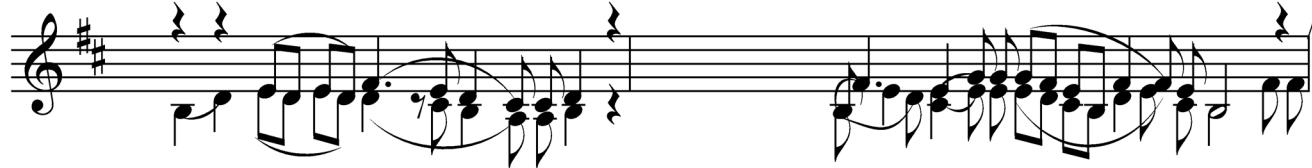
Ой, да, приступись-ко, роди... (и)мая ма... (а)монька, ой, да,
По... (о)смотри-кося де... девью красоту.

15. Ой, да, приступися-ко, родимая крёснушка

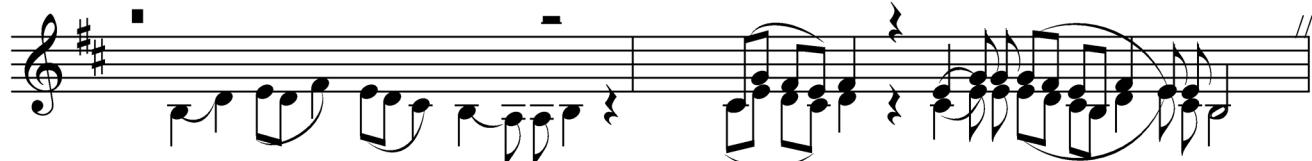
$\text{♩} = 102$

Ой, да, приступися-ко, роди... (и)- ма- я крё... (о)- снуш- ка, ой, да,

Ты от- дай = ко-ся

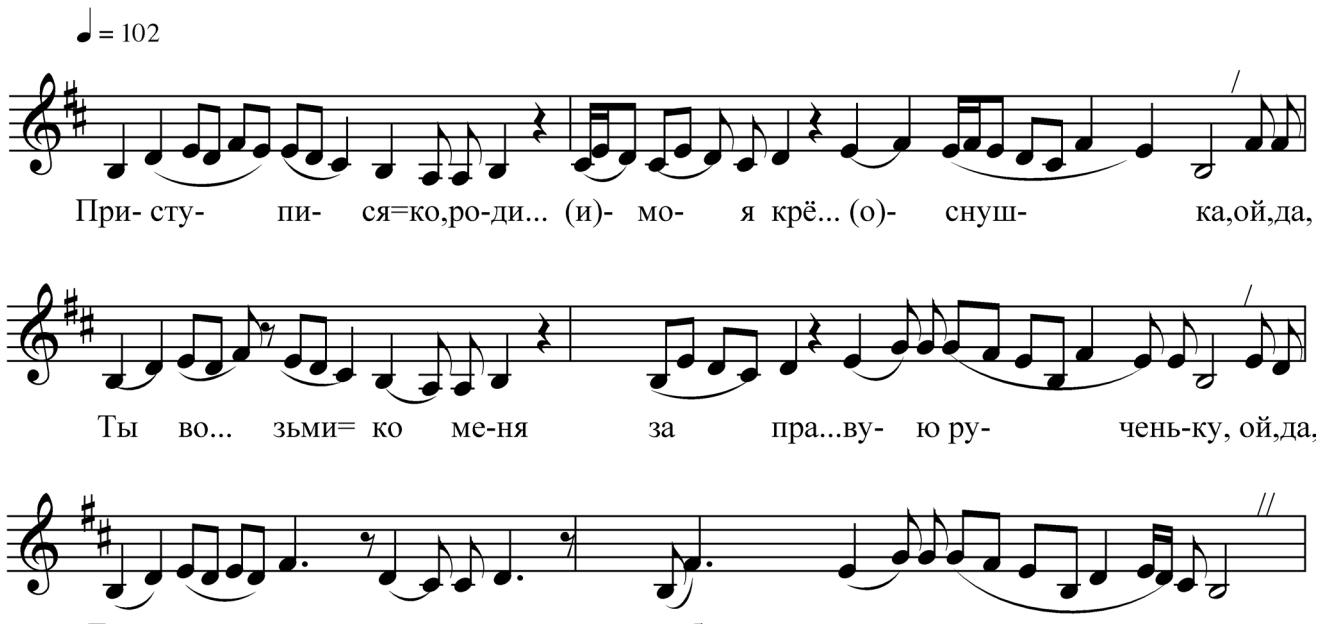
Ты возь- ми= ко ме-ня

за пра... ву- ю ру-

чень-ку.

Ой, да, приступися-ко, роди... (и)мая крё... (о)снуш-ка, ой, да,
Ты отдаи-кося благословленыце, ой, да,
Ты возьми-ко меня за правую рученьку.

16. Приступися-ко, родимоя крёснушка

 A musical score for a folk song. The key signature is one sharp (F#). The tempo is indicated as 102 BPM. The lyrics are written below the notes. The first line of lyrics is: "При- сту- пи- ся=ко,ро-ди... (и)- мо- я крё... (о)- снуш- ка,ой,да,". The second line is: "Ты в... зьми= ко ме-ня за пра...вую ру- чень-ку, ой,да,". The third line is: "Ты от- дай= ко ме-ня доб- ро- му мо- лод-цу." Below these lines, the full lyrics are repeated: "Приступися-ко, роди... (и)моя крё... (о)снушка, ой, да, Ты во... зьми-ко меня за правую рученьку, ой, да, Ты отдай-ко меня добруму молодцу."

17. Ой, да, приступись-ко ты, родимой тятенька

 A musical score for a folk song. The key signature is one sharp (F#). The tempo is indicated as 98 BPM. The lyrics are written below the notes. The first line of lyrics is: "Ой, да при- сту- пись=ко ты,ро-ди... (и)- мой тя (а-э)- те (я-э)нъ- ка, ой,уж,да,". The second line is: "Бла...сло- ви=ко ты,ро-ди... (и)- мой тя (а-э) те (я-э)нъ- ка." Below these lines, the full lyrics are repeated: "Ой, да, приступись-ко ты, роди... (и)мой тя(а-э)те(я-э)нъка, ой, уж, да, Бла... слови-ко ты, роди... (и)мой тя(а-э)те(я-э)нъка."

18. Я не выйду-жо, я не выступлю

$\text{♩} = 122$

Я не вый- ду= жо, я не выс- туп- лю, да,
Без ро- ди- мо- го, да, я без тя- тень- ки.

Я не выйду-жо, я не выступлю, да,
Без родимого, да, я без тятеньки.

19. Уж вы кумушки мои, подруженьки

$\text{♩} = 96$

1. Уж вы ку- муш- ки мо- и... (и), под ру... (у)- жесть- ки, мо-
и под- ру... (у)- жесть- ки.

2. Уж вы спой- ко= тё да, пес- ню жа... (а)- лоб-ну- ю, да,

пес- ню жа- лоб-ну- ю.

3. Рас-кле- ви- ко = тё да, (во) род- но-го ба- тьюш- ко, ро-

ди- му-ю ма... (а)- монь- ку.

Уж вы кумушки мои... (и), подру... (у)женьки,
Мои подру... (у)женьки.

Уж вы спой(ко)-тё да, песню жа... (а)лобную, да,
Песню жа... (а)лобную.

Расклеви-ко-тё да, (во) родного ба... (а)тюшка,
Родимою ма... (а)моньку.

Расчесши-ко-тё да, буйную го... (о)лову да,
Буйную го... (о)лову.

Посреди-то косы да, земчушко... (о)м садила да,
Земчушко... (о)м садила.

По конец-то косы да, алую ле... (е)нточку да,
Алую ле... (е)нточку.

Алую ленточку да, девью кра... (а)соту да,
Девью кра... (а)соту.

20. Что не золото катается

$\text{♩} = 102$

1. Тут и Ни- на bla- гос- лов- ля... ет- ся, ой,

2. Во но- гах о- на ва- ля... ет- ся.

3. У ро- ди- мо - го у ба... тюш- ки,

4. У ро- ди- мой =то у ма... туш- ки.

Что не золото катается.
Что не жемчуг расступается.
Тут и Нина благославля... ется, ой
Во ногах она валя... ется.

Она просит благославленьца.
У родимого у ба... тюшки,
У родимой-то у ма... тушки.

21. Ни текучая наша речинька

$\text{♩} = 64$

1. Ни теку- ча на- ша ре- чи- н(и)- ка да,
Не пла- ку- ча на- ша Та- ниш- ка.

2. Ни пла- ку- ча на- ша Та- ниш- ка да,
Че- рез три= то по- ля е- ха- ла.

3. Че- рез три= та по- ля е- ха- ла да,
Не ту- жи- ла, и не пла- ка- ла.

Ни текучая наша речинька да,
Не плакучая наша Танишка.

Ни пла-кучая наша Танишка да,
Через три-то поля ехала.

Через три-та поля ехала да,
Не тужила и не плакала.

На четвёрта поле взъехала да,
Затужила и заплакала.

– Ой, ты, мати моя, маманька да,
Што нельзя ли дело сделати.

Што нельзя же дело сделати,
Што нельзя ли переделати?

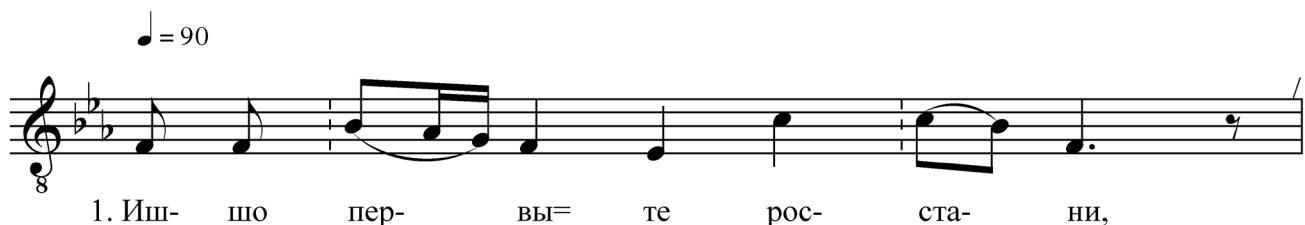
– Ёж ты, дочь ли маё, дитятко да,
Што нельзя уж дело сделати.

Што нельзя ли дело делать да,
Што нельзя же переделати.

Зелено вино всё пропито да,
Шал-то всё раздарёное.

– Вот. Это последняя песня, уж невесту повезли...

22. Уж ты, горюшко-горевати

♩ = 90

1. Иш- шо пер- вы= те рос- ста- ни,
Иш- шо пер- вы= те рос- ста- ни.

2. По- сре- ди го- рен- ки но- вы- е,
По- сре- ди го- рен- ки но- вы- е.

3. - Уж вы, греб- цы не гре- би- те,
Уж вы, греб- цы, не гре- би- те.

Уж ты, горюшко-горевати,
Уж ты, горюшко-горевати.

Ишшо первы-те росстани,
Ишшо первы-те росстани.

– Начинают выводить невесту из избы.

Посреди горенки новые,
Посреди горенки новые.

– Уж вы, гребцы, не гребите,
Уж вы, гребцы, не гребите.

Дайте с мамонькой простица, да,
Со родименькой благовица.

Ишишо вторы-те росстани,
Ишишо вторы-те росстани.
– Это уже в ограду.

Посреди двора широкова,
Посреди двора широкова.

– Уж вы, гребцы, не гребите,
Уж вы, гребцы не гребите.

Дайте с мамонькой простица, да,
Со родименькой бла словица.

Ишишо третьи-те росстани,
Ишишо третьи-те росстани.
– Уже из ограды повезли, все, уже к жениху.

Посреди поля широкова,
Посреди поля широкова.

– Уж вы, гребцы, не гребите,
Уж вы, гребцы не гребите.

Дайте с мамонькой простица, да,
Со родименькой бла словица.
– Полем к жениху уже повезли.

23. Ой да, по лагу, лагу, лагу

$\text{♩} = 84$

1. Ой да, по ла- гу, ла- гу, ла-гу, ло- гу зе- лё- на- му.

2. Ой да, по кру- гу, кру- гу, кру-гу, ой да, кру- гу ве- сё- ла- му.

3. Ой да, тут и те- ши- ла-ся, да, цвет ду- ша Ли- нуш- ка.

4. Ой да, е- ё ба- тюш- ка да, всё до- мой за- вёт.

5.- Ой да, пол-но, ди- тят- ко, иг- рать= те- шить- ся.

Ой да, по лагу, лагу, лагу,
Логу зелёнаму.

– Ой да, это не маё,
Не моё суженоё.

Ой да, по кругу, кругу, кругу,
Ой да, кругу весёламу.

Ой да, не моё
Ряженоё.

Ой да, тут и тешилася,
Да, цвет-душа Линушка.

Ой да, тут и вынесли ей
Карабья белия.

Ой да, её батюшка
Да, всё домой завёт.

– Ой да, это не моё
Суженоё,
Да не моё ряженоё.

– Ой да, полно, дитятко,
Играть-тешиться.

Ой да, тут и вывели ей
Цвет-душу Ванюшку.

Ой да, твоё суженаё,
Да твоё ряженаё.
У варот стоит.

– Вот это моё да суженаё,
Да маё ряженаё.

24. Солетела-то утиса

♩ = 112

1. Со-ле-те-ла = то у-ти-са, со теп-ло-го со гнёз-дыши-ка.

2. Со тёп-ло-го со гнёз-дыши-ка, со ре-ди-лась не вес-туш-ка

3. - Ой, ты, де-вуш-ка, де-вуш-ка, да по-че-му ты за-муж пош-ла?

4. По-че-му ты за-муж пош-ла, да по-че-му по-из-во-ли-ла?

Солетела-то утиса
Со теплого со гнёздышка.

– Отдаёт меня тятенька,
Приневолили мамонькэ.

Отдавал, сам наказывал:
– Не давай, зять, в обидушку.

Со теплого со гнёздышка,
Соредилась невестушка.

Выводил сударь-батюшко,
За правую, за рученьку.

Не давай, зять, в обидушку,
Не свекру, не свекровушке.

– Ой, ты девушка, девушка да,
Почему ты замуж пошла?

Отдавал сударь-батюшко да,
Бояроньке на руки да,

Не свекру, не свекровушке,
Не деверьям-золовушкам.

Почему ты замуж пошла да,
Почему произволила?

Бояроньке на руки,
Леониду-то на веки.

25. Роскачалася грушица

$\text{♩} = 150$

1. Рос- ка- ча- ла- ся гру- ши- ца,

Рос- ка- ча- ла- ся зе- лё- на- я.

2. Рос- ка- ча- ла- ся зе- лё- на- я,

Пе- ред яб- лонь- ю са- до- во- ю.

3. Пе- ред я... (а)б-лонь-ю са- до- ва- ю,

Что рос- пла- ка- лась де- ви- ца.

Роскачалася грушица,
Роскачалася зелёная.

Роскачалася зелёная,
Перед яблонью садовою.

Перед яблонью садовою,
Што росплакалась девица.

Што росплакалась девица,
Перед тятенькой родимым.

Перед тятенькой родимым,
– Уж, ты, тятинька, тятинька.

Уж, ты, тятинька, тятинька,
Уж ты, тятинька, отец родной.

Уж ты, тятинька, отец родной,
Што нельзя ли дело сделать?

Што нельзя ли дело сделать,
Да нельзя ли переделати?

Да нельзя ли переделати?
– Уж ты, милая доченька.

Уж ты, милая дочинька,
У нас дело-то сделанное.

У нас дето-то сделанное,
По рукам оно ударенное.

По рукам оно ударенное,
Зелено вино выпитое.

Зелено вино выпитое,
Дороги дары раздаренные.

26. Розлилась вода вёшная

$\text{♩} = 64$

The musical score consists of three staves of music in G major (two sharps) and common time. The tempo is indicated as $\text{♩} = 64$. The lyrics are written below each staff, corresponding to the musical phrases.

1. Роз- ли- лась во- да вёш- на- я,
Роз- ли- лась, роз- и- ле- ла- ся.

2. Роз- ли- лась, роз- и- ле- ла- ся,
У- нес- ла во- да вёш- ня- я.

3. У- нес- ла во- да вёш- ня- я,
Со дво- ра три ко- раб- лич- ка.

Розлилась вода вёшная,
Розлилась, розилелася.

Розлилась, розилелася,
Унесла вода вёшняя.

Унесла вода вёшняя,
Со двора три корабличка.

Со двора три корабличка,
Ишо первый корабличок.

Што первый корабличек, –
Со атласом, со бархатом.

Со атласом, со бархатом.
Што второй-то корабличек.

Што второй-то корабличек, –
Со князьям, со бояроням.

Со князьям, со бояроням,
Што третий корэбличёк.

Што третий корэбличёк –
С молодой красной девицей.

С молодой красной девицей.
– Уж ты, девица, девица.

Уж ты, девица, девица,
Ты, душа-роскрасавица.

Ты, душа-роскрасавица,
Ты зачем во замуж пошла?

Ты зачем во замуж пошла?
– Не сама я замуж пошла.

– Не сама я замуж пошла,
Отдавал меня тятенька.

Отдавал меня тятенька,
Приневолила маменька.

27. Собирайся, невестушка

$\text{♩} = 146$

1. Со-би-рай-ся, не-вес-туш-ка,
На чу-жу-ю сто-ро - нуш-ку.

2. Что чу-жа=то сто-ро-нуш-ка,
Ме-до-вой со-той по-лё-ва-

на.

3. Ме-до-вой со-той по-лё-ва-на, да,
Горь-кай слё-зой об-ли-та-

я.

Собирайся, невестушка,
На чужую сторонушку.

Что чужа-то сторонушка,
Медовой сотой полёвана.

Медовой сотой полёвана, да,
Горькой слёзой облитая.

28. Там по сеням, по сеничкам

Там по сеням, по сеничкам,
По частым переходичкам.

Там ходила, гуляла,
Молодая боярня.

Там ходила, гуляла,
За собой детей водила.

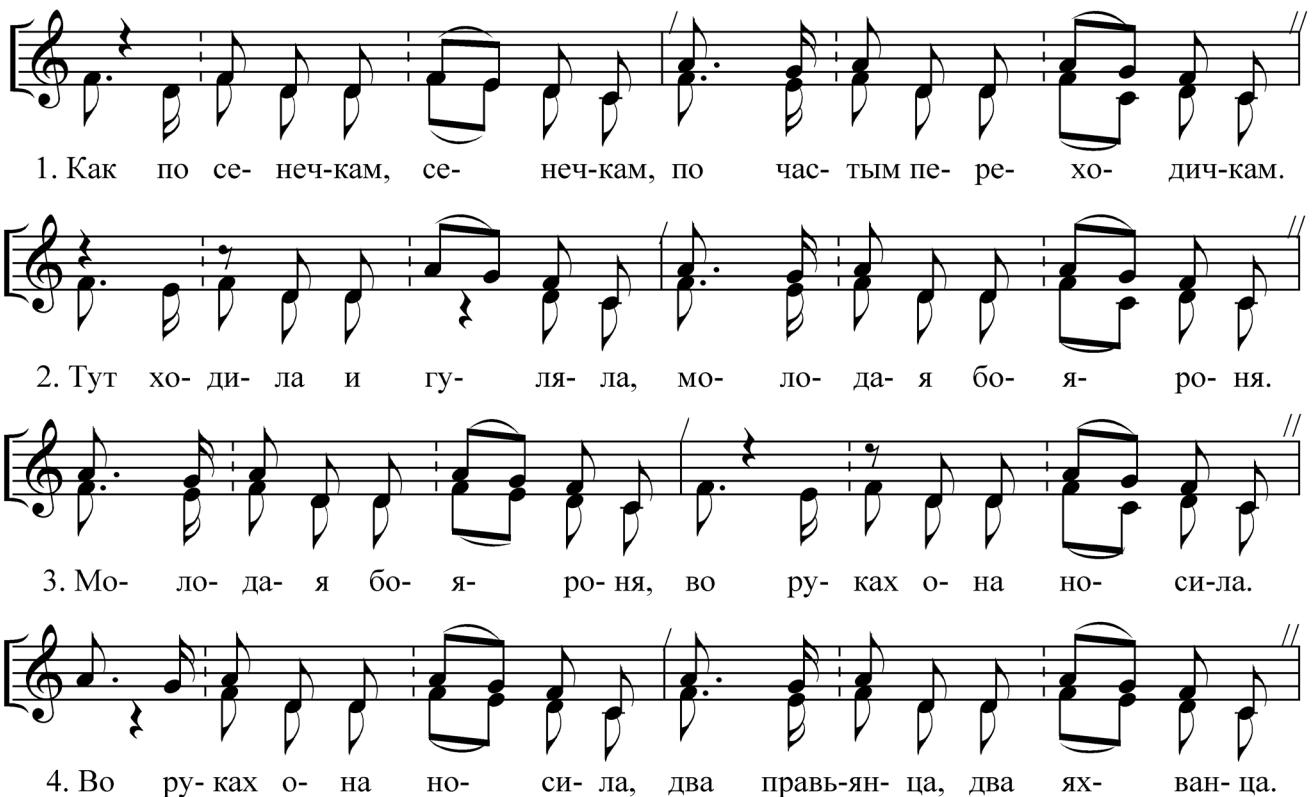
— Ох, вы, дети, мои, детушки,
Вы растите, торопитесь.

Вы растите, торопитесь,
Добрым людям на похвальбу.

Добрым людям на похвальбу,
А лихим-то на завидость.

29. Как по сенечкам, сенечкам

 = 98

1. Как по се- неч-кам, се- неч-кам, по час-тым пе- ре- хо- дич-кам.

2. Тут хо-ди-ла и гу- ля-ла, мо- ло- да- я бо- я- ро- ня.

3. Мо- ло- да- я бо- я- ро- ня, во ру- ках о- на но- си-ла.

4. Во ру- ках о- на но- си-ла, два пра-вь-ян- ца, два ях- ван- ца.

Как по сенечкам, сенечкам,
По частым переходичкам.

По частым переходичкам,
Тут ходила и гуляла.

Тут ходила и гуляла
Молодая боярня.

Молодая боярня,
Своего мужа будила.

Своего мужа будила,
— Ты вставай-ко, мой милый муж.

Ты вставай-ко, мой милый муж,
Оторвался наш добрый конь.

Оторвался наш добрый конь,
От столба, от точеного.

От столба, от точеного.
От кольца, от злачёного.

От кольца, от злачёного,
Он ворвался в зелёный сад,

Он ворвался в зелёный сад,
Растоптал калину с малиной,

Чёрну ягоду смородину.
— Ты не плачь, жёна милая,

Ты не плачь, жёна милая,
Может Бог нас помилует.

Посажу калину с малиной,
Чёрну ягоду смородину.

30. Уж ты, свашенька, свашенька

$\text{♩} = 138$

1. Уж ты, свашенька, свашенька, ой,

Ты ка- ка- я сер- ди- та- я, ой,

2. Ты ка- ка... я сер- ди- та- я,

Из дверь- ми выш- ла= топ- ну- ла, ой,

3. Из дверь- ми выш- ла= топ- ну- ла,

За дверь- ми сло- во мол- ви- ла.

Уж ты, свашенька, свашенька, ой,
Ты какая сердитая, ой,

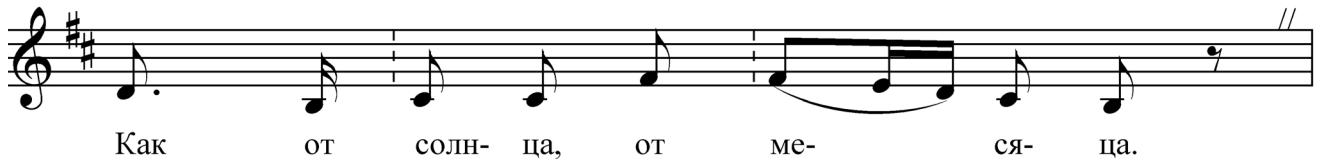
Ты кака... я сердитая,
Из дверьми вышла – топнула, ой,

Из дверьми вышла – топнула,
За дверьми слово молвила.

За дверьми слово молвила:
– На кого ты осердилась?

31. Как от солнца, от месяца

 1. Как от солн- ца, от ме- ся- ца,
 Как от солн- ца, от ме- ся- ца.

 2. Зо- ло- ты лу- чи си- я- ли,
 Зо- ло- ты лу- чи си- я- ли.

 3. Как у доб- ро- го мо- лод- ца,
 Как у доб- ро- го мо- лод- ца.

Как от солнца, от месяца,
 Как от солнца, от месяца.
 Завивала ему сестрица,
 Завивала ему сестрица.
 Во беседе – собеседничком,
 Во беседе – собеседничком.

Золоты лучи сияли,
 Золоты лучи сияли.
 Завивала-приговаривала,
 Завивала-приговаривала.
 При своем доме – барином,
 При своем доме – барином.

Как у доброго молодца,
 Как у доброго молодца.
 – Ишшо быть тебе, милой брат,
 Ишшо быть тебе, милой брат.
 При своей жене – хозяином,
 При своей жене – хозяином.

В три ряда кудри вились,
 В три ряда кудри вились.
 Во торгу быть торговщиком,
 Во торгу быть торговщиком.
 При губернаторе – губернатором,
 При губернаторе – губернатором.

32. Как по сеням, по сеничкам

Как по сеням, по сеничкам,
Как по сеням, по сеничкам.

Тут ходила и гуляла,
Тут ходила и гуляла.

Молодая бояроня,
Молодая бояроня.

За собой детей водила,
За собой детей водила.

По головушке гладила,
По головушке гладила.

– Ой, ростите мои детушки,
Ой, ростите мои детушки.

33. У Ивана мать покрестила

У Ивана мать покрестила,
У Ивана мать покрестила.

Спокрестила, сповыrostила,
Спокрестила, сповыrostила.

Пеленала, приговаривала,
Пеленала, приговаривала.

– Ты рости, люб сын, сповыrostи,
Ты рости, сын, сповыrostи.

Ты сповыrostи, споженишься,
Ты сповыrostи, споженишься.

Ты поедешь к тестю-батюшку,
Ты поедешь к тестю-батюшку.

Ты поедешь к тёще-матушке,
Ты поедешь к тёще-матушке.

34. Ой, уж ты, свашенька, свашенька

– Ой, уж ты, свашенька, свашенька,
Ты на что рассердилася?

Ой, ты на что рассердилася,
Посреди полу топнула?

Ой, посреди полу топнула,
Збы пошла – дверям хлопнула.

Збы пошла – дверям хлопнула,
За дверям слово молвила.

– Собирались красны девицы во замуж,
Во собор-церковь ехати.

Во собор-церковь ехати,
Что закон Божий приняти.

35. Удалой добрый молодец

– Удалой добрый молодец,
Удалой добрый молодец.

Что ты долго не женишься,
Что ты долго не женишься?

Молодой, избалуешься,
Молодой, избалуешься.

– Ох, уж рад бы жениться я,
Ох, уж рад бы жениться я.

У крестьянина дочь молода,
У крестьянина дочь молода.

На ней юбка зелёная,
На ней юбка зелёная.

Кофта тёмная палева,
Кофта тёмная палева.

36. Богата-богатина

$\text{♩} = 120$

The musical score consists of three staves of music in G major, 2/4 time. The first staff starts with a dotted half note followed by eighth notes. The second staff begins with a dotted half note followed by eighth notes. The third staff begins with a dotted half note followed by eighth notes. The lyrics are written below each staff, corresponding to the musical phrases.

1. Богата-та боя-тина,
У-да-лой доб-рый мо-ло-дец.

2. У-да-лой доб-рый мо-ло-дец,
Он из гри-вны на гри-вну сту-пал.

3. Он из гри-вны на гри-вну сту-пал,
Он руб-лем двери отворял.

Богата-богатина,
Удалой добрый молодец.

Из тюрьмы потюремщиков,
Из бесед поседельничков.

Удалой добрый молодец,
Он из гривны на гривны ступал.

Из бесед поседельничков,
За его Богу молились.

Он из гривны на гривну ступал,
Он рублем двери отворял.

За его Богу молились,
За его жену-баронью.

Он рублем двери отворял,
Он полуторью затворял.

За его жену-баронью,
За его сына милова.

Он полуторью затворял,
Он таких гостей выпускал.

За его сына милова,
За его дочь хорошую.

Он таких гостей выпускал,
Из тюрьмы потюремщиков.

37. В огороде-то маковка

$\text{♩} = 144$

1. В о - го - ро - де = то ма - ков - ка, да,

В о - го - ро - де = то а - ла - я.

2. Да ник - то ми - мо ма - ков - ки,

Да ник - то не про - ха - жи - вал.

3. Да ник - то не про - ха - жи - вал, да,

На ко - не не про - ез - жи - вал.

В огороде-то маковка,
В огороде-то алая.

Да никто мимо маковки,
Да никто не прохаживал.

Да никто не прохаживал, да,
На коне не проезжива.

Проезжал добный молодец,
Любовался над маковкой.

Любовался над маковкой да,
Дивовался над алою.

38. Выводил сударь-батюшка

Выводил сударь-батюшка да,
За правую за рученьку.

За правую за рученьку да,
Отдавал сударь-батюшка.

Отдавал сударь-батюшка
Да боярам-то на руки.

Да боярам-то на руки,
Левониду-ту на веки.

Левониду-ту на веки,
Да свашеньке-то на времё.

Да свашеньке-то на времё,
Отдавал-сам наказывал.

Отдавал – сам наказывал:
– Ой ты, зять ли мой, зятюшко.

Уж ты, зять ли мой, зятюшко,
Не давай, зять, в обидушку.

Не давай, зять, в обидушку да,
То не свёкру, ни свекровушке.

Ни свёкру, ни свекровушке,
То ни деверьям, ни золовушкам.

39. По горе, по высокою

 = 144

1. По го- ре, по вы- со- ко- ю да,
По сте- не бе- ло- ка- мен- но- ю.
//

2. По сте- не бе- ло- ка- мен- но- ю,
Тут и хо- ди- ла= гу- ля- ла.
//

3. Тут и хо- ди- ла= гу... ля- ла да,
Мо- ло- да- я бо- я- ро- ня.

По горе, по высокою,
По стене белокаменною.

По стене белокаменною,
Тут и ходила-гуляла.

Тут и ходила-гу... ляла да,
Молодая бояроня.

Молодая бояроня да,
Свет-то Вера Егоровна.

Свет-то Вера Егоровна,
За собой дитей водила.

За собой дитей во... дила да,
По головушке гладила.

По головушке гла... дела да:
– Вы ростите, мои детушки.

Вы ростите, мои де... тушки да,
Добрый людям на похвальбу.

Добрый(ы) людям на по... хвальбу да,
А лихием – на завидось.

40. Из горенки в горенку

$\text{♩} = 148$

The musical score consists of three staves of music in common time (indicated by a 'C') and G clef. The tempo is marked as $\text{♩} = 148$. The first staff begins with a quarter note followed by an eighth note. The lyrics for the first section are: '1. Из гор - рен - ки в гор - рен - ку,' and 'Из хо - лод - ной во теп - лу - ю.' The second staff continues with '2. Из хо - лод - ной во теп - лу - ю,' and 'Там хо - ди - ла и гу - ля - ла.' The third staff concludes with '3. Там хо - ди - ла и гу - ля - ла,' and 'Мо - ло - да - я бо - я - ро - ня.'

Из горенки в горенку,
Из холодной во тёплую.

Из холодной во тёплую,
Там ходила и гуляла.

Там ходила и гуляла,
Молодая баяроня.

Молодая баяроня,
Свет Галина Михайловна.

Свет Галина Михайловна,
На руках она носила.

На руках она носила,
Два бральянта, два яшманта.

Два бральянта, два яшманта,
Две алмазных булавицы.

Две алмазных булавицы,
Палажу я на лавицу.

Палажу я на лавицу:
– Палежите малёханька.

Палежите малёханька,
Пока я маладёхонька

41. Из горницы во горницу

The musical notation consists of three staves of music. The first staff starts with a tempo of $=124$. The lyrics are:

1. Из гор- ни- цы во гор- ни- цу да,
Из теп- лы- ё в хо- лод- ну- ю.

2. Из теп- лы- ё в хо- лод- ну,
Тут и хо- ди- ла, гу- ля- ла.

3. Тут и хо- ди- ла, гу- ля- ла,
Мо- ло- да боль- ша бо- я- ра- ня.

Из горницы во горницу,
Из теплыё в холодную.

Из теплыё в холодную,
Тут и ходила, гуляла.

Тут и ходила, гуляла,
Молода больша бояраня.

Молодая бояраня,
Александра Николаевна.

Александра Николаевна,
Во руках она носила.

Во руках она носила,
Два правъянца, два яхонца.

Два правъянца, два яхонца,
Две алмазны булавочки.

Две алмазны булавочки,
Положу я булавочку.

Положу я булавочку,
Во скатерку на лавочку.

Во скатерку на лавочку:
– Полежите малёхонько.

– Полежите малёхонько
Погляжу я в окошечко.

Погляжу я в окошечко,
Покуль я молодёшенька.

Покуль я молодёшенька,
Не ясен ли светёл месяц.

Не ясен ли светёл месяц,
Не ясно ли красно солнышко.

Не ясно ли красно солнышко,
Ишшо весел ли мой друг.

Ишшо весел ли мой друг,
Во честном пиру сидючи.

Во честном пиру сидючи,
Мной, младой, похваляючи.

Мной, младой, похваляючи:
– У меня жена умная.

У меня жена умная,
Она умна, разумная.

Она умна, разумная,
Мимо пройдет – обрадует.

Мимо пройдет – обрадует,
Бровью дёрнет – рублём подарит.

Бровью дёрнет – рублём подарит,
Другой дёрнет – полуторым.

42. На повозничке шапочка

$\text{♪} = 144$

The musical score consists of two staves of music in common time, treble clef, and A major. The first staff begins with a dotted half note followed by eighth notes. The lyrics for the first section are: "1. На по- воз- нич- ке ша- поч- ка да," followed by a repeat sign. The second staff continues with the same pattern and lyrics: "На нем ша- поч- ка а- ла- я." The music features various rests and eighth-note patterns.

2. На нем ша- поч- ка а- ла- я, ||
 Е- ще кто те- бя шап- кой да- рил?
 3. Е- ще кто те- бя шап- кой да- рил да, ||
 Уж я сам у ца- ря слу- жил.

На повозничке шапочка да,
На нём шапочка алая.

На нём шапочка алая.
– Ещё кто тебя шапкой дарил?

Ещё кто тебя шапкой дарил да?
– Уж я сам у царя служил.

Уж я сам у царя служил да,
Я служил да, верой-правдою.

Я служил да, верой-правдою да,
Верой-правдой неизменною.

43. Што при первым было вечере

$\text{♩} = 204$

1. Што при пер- вым бы- ло ве- че- ре да,
 Што при Ню- ри- ном об- ру- чень- и.

2. Што при Ню- ри- ном об- ру- чень- и да,
 При- ле- тал же яс- ный сол... со- кол.

3. При- ле- тал же яс- ный сол... со- кол да,

Он са- дил- са на о- ко- шеч- ко да,

На хру- сталь- но- ё стеко- лыш- ко да.

Што при первым было вечере да,
 Што при Нюрином обручины.
 Што при Нюрином обручины да,
 Прилетел же ясный со(л)... сокол.
 Прилетел же ясный со(л)... сокол да,
 Он садился на окошечко.
 Он садился на окошечко да,
 На хрустальноё стеколышко.
 На хрустальноё стеколышко да.
 Увидала его мамонька родна.
 Увидала его мамонька родна да,
 Говорила своей милой дочере.

Говорила своей милой дочере да:
 – Приголубь-ко ясна сокола к себе.
 Приголубь-ко ясна сокола к себе да ,
 Яснова сокола заветнёва.
 Яснова сокола заветнёва да,
 Добрая молодца приезжова.
 – Я бы, где, рада, его приголубила,
 Моё сердце не воротится к нему.
 Сердце кровью заплётается,
 Слезами заливается.

44. Вервея, наша вервеюшка

$\text{♩} = 80$

1. Вер- ве- я, на- ша вер- ве- юш- ка, да,

Ве- р(ы)- ве- юш- ка у во- рот рос- ла.

2. Вер- ве- юш- ка у во- рот рос- ла, да,

Вер- ве- юш- ка спо- шат- ну- ла- ся.

3. Вер- ве- юш- ка спо- шат- ну- ла- ся, да,

Во- ро- тел- ки рас- тво- ри- ли- ся.

Вервея, наша вервеюшка, да,
Вер(ы)веюшка у ворот росла.

Боярушки во двор въехали,
Боярушки в новы сенички.

Не хател меня замуж отдать, да,
Ни за князя, ни за барина.

Вервеюшка у ворот росла, да,
Вервеюшка спошатнулася.

Боярушки в новы сенички, да,
Наша Людушка да испугалася.

Ни за князя, ни за барина, да,
Отдаёшь же меня, тятенька.

Вервеюшка спошатнулася, да,
Воротелки растворилися.

Наша Люда испугалася,
Она на тятеньку бросалася.

Отдаёшь же меня, тятенька, да,
За простова за крестьянина

Воротелки растворилися, да,
Подворотня отвалилася.

Она на тятеньку бросалася:
– Уж ты, тятенька, сударь мой.

За простова за крестьянина, да,
За Василия Петровича.

Подворотня отвалилася, да,
Боярушки во двор въехали.

Уж ты, тятенька, сударь мой,
Не хател меня замуж отдать.

45. На горе-то стоит ёлочка

$\text{♩} = 160$

1. На горе-то стоит ёлочка, да,
Под горой стоит светёлка.

2. Под горой стоит светёлка, да,
Во светёлке красна девица душа.

3. Во светёлке красна девица душа, да,
Она белится, румянится.

На горе-то стоит ёлочка, да,
Под горой стоит светёлка.

Под горой стоит светёлка, да,
Во светёлке красна девица душа.

Во светёлке красна девица душа, да,
Она белится, румянится.

Она белится, румянится, да,
В светло платье одевается.

В светло платье одевается, да,
Во замуж-то собирается.

46. Отставала лебедь белая

$\text{♩} = 80$

1. От- ста- ва- ла ле- бедь бе- ла- я,
Как от ста- да ле- бе- ди- но- ва.

2. Как от ста- да ле- бе- ди- но- ва да,
При- та- ва- ла ле- бедь бе- ла- я.

3. При- та- ва- ла ле- бедь бе- ла- я да,
Как ко ста- ду, ко се- рым гу- сям.

4. Как ко ста- ду, ко се- рым гу- сям да,
Ста- ли гу- си ле- бедь щи- па- ти.

Отставала лебедь белая,
Как от стада лебединова.

Как от стада лебединова да,
Приставала лебедь белая.

Приставала лебедь белая да,
Как ко стаду, ко серым гусям.

Как ко стаду, ко серым гусям да,
Стали гуси лебедь шшипали.

Стали гуси лебедь шшипали да,
Лебедь бела стала клыкати.

– Не шшипите, гуси серые, миня да,
Не сама я к вам залётала.

Не сама я к вам залётала да,
Занесла миня погодушка.

Занесла миня погодушка,
Деревенская работушка.

47. Отставала лебедь белая

$\text{♩} = 148$

1. От - ста- ва- ла ле- бедь бе - ла - я, //

От ста - доч- ка ле - бе - ди - но - го.

2. От ста - доч- ка ле - бе - ди - но - го, //

При - ста - ва- ла ле- бедь бе - ла - я,

3. При - ста - ва- ла ле- бедь бе - ла - я, //

Ко ста - доч- ку, ко се - рым гу - сям.

Отставала лебедь белая,
От стадочка лебединого,

От стадочка лебединого,
Приставала лебедь белая.

Приставала лебедь белая,
Ко стадочку, ко серым гусям.

Ко стадочку, ко серым гусям,
Стали гуси лебедь шшипали.

Стали гуси лебедь шшипали,
Стала лебедь бела плакати.

Стала лебедь бела плакати:
– Ох, не шшипите, гуси серые.

Не шшипите, гуси серые,
Не сама я к вам залётала.

Не сама я к вам залётала,
Занесла меня да погодушка.

Занесла меня погодушка,
А погодушка, ой, ненастная.

48. Как при первом было вечере

$\text{♩} = 148$

Как при пер - вом бы - ло ве - че - ре //

При Ма - ри - и - ном об - ру - чень - е.

При Ма - ри - и - ном об - ру - чень - е,

При - ле - тал же я - сен сиз со - кол.

При - ле - тал же я - сен сиз со - кол,

Он са - дил - се на о - ко - шеч - ко.

Как при первом было вечере,
При Мариином обрученье.

При Мариином обрученье,
Прилетал же ясен сиз сокол.

Прилетал же ясен сиз сокол,
Он садился на окошечко.

Он садился на окошечко да,
На хрустальное стекольшко.

На хрустальное стекольшко да,
Он пробил, пробил хрустальное стекло.

Он пробил, пробил хрустальное стекло да,
Увидала ево мамонька родна.

Увидала ево мамонька родна да,
Говорила своёй милой дочерке.

Говорила своёй милой дочерке да:
– Приголубь-ко ясна сокола к себе.

Приголубь-ко ясна сокола к себе да,
Яснова сокола заветнова.

Ясного сокола заветнова,
Милого дружка приветливого.

49. Ты берёзка да, белая

– Ты берёзка да, белая,
Ты бела ли, кудреватая.

Ты бела ли, кудреватая,
До чего ж ты достояла?

До чего ж ты достояла?
Достояла берёзонька.

Достояла берёзонька,
Достояла кудрявая.

Достояла кудрявая,
До души, до красной девисы.

До души, до красной девисы,
До Анюты, до Васильевны.

50. Отставала лебедь белая

Отставала лебедь белая да,
От стадочка лебединого.

От стадочка лебединого да,
Приставала лебедь белая.

Приставала лебедь белая да,
Ко стадочку, ко серым гусям.

Ко стадочку, ко серым гусям да,
Стали гуси её щипати.

Стали гуси её щипати да,
Лебедушка стала крикати.

Лебедушка стала крикати да:
– Не щипите, гуси серые, меня.

– Не щиплите, гуси серые, меня да,
Не сама я к вам залетела.

Не сама я к вам залетела,
Занесла меня погодушка.

Занесла меня погодушка да,
Все ненастная невзгодушка.

51. Край дороженьки черёмушка стоит

1. Край до - ро - жень-ки че - рё - муш - ка сто - ит, да

Край до - рож - ки при-за - ло - ман - на - я.

2. Край до - рож - ки при-за - ло - ман - на - я, да,

Во пу - че - неч - ки за - вя - зан - на - я.

Край дороженьки черёмушка стоит, да,
Край дорожки призalomанная.

Край дорожки призalomанная да,
Во пученечки завязанная.

Во пученечки заязанная да,
Тут ходила злая сватовщица.

Тут ходи... ла злая сватовщица да,
Она сваталась и хвасталася.

Она сва... талась и хвасталася да:
– У меня жених не пьяница.

У меня жених не пьяница да,
Он не пьёт жо пиво пьяноё.

Он не пьёт жо пиво пьяноё да,
Горькое в рот он не берёт.

52. Что при первом было вечере

Что при первом было вечере да,
Что при Олином обрученье.

Что при О... лином обрученье да,
Прилетал же ясный сиз сокол.

Прилетал же ясный сиз сокол да,
Он садился на окошечко.

Он сади... лся на окошечко да,
На хрустальноё стекольшко.

На хруста... льное стекольшко да,
Увидала ево мамонька родна.

Увида... ла ево мамонька родна да,
Говорила своёй милай дочере.

Говори... ла своёй милай дочере да:
– Приголубь-ка ясна сокола к сибе.

Приголу... бъ-ка ясна сокола к сибе да,
Яснова сокола, заветьнева.

Яснова со... кола заветьнева да,
Доб(ы)рава моладца заезжева.

Доб(ы)рава мо... лодца заезжева да:
– Я бы рада приголубила б его.

Я бы ра... да приголубила б его да,
Моё сердце не воротится к нему.

Моё се... рдце не воротится к нему да,
Сердце кровью обливается.

Серце кро... вью обливается да,
Печиною запекается.

53. В колыбели я качалася

В колыбели я качалася,
Меня качал родимой тятенька.

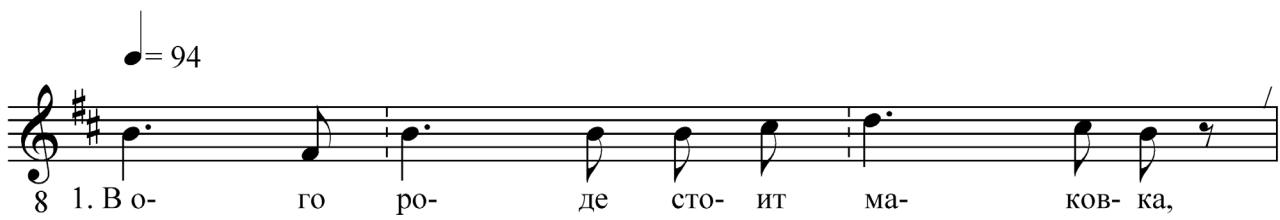
Меня качал родимой тятенька да,
Он качал, всё приговаривал.

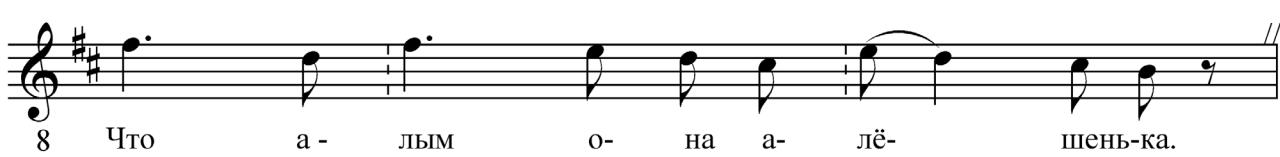
Он качал, всё приговаривал да:
– Ты расти, расти-ко, милая дочь.

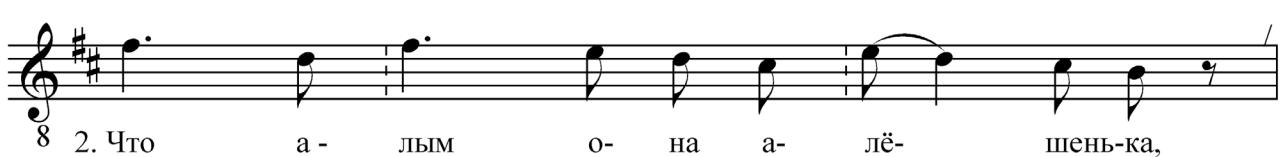
Ты расти, расти-ко, милая дочь да,
Отцу, матере на похвалы.

Отцу, матере на похвалы да,
Добрый людям на завиду.

54. В огороде стоит маковка

 Метр: 8/8. Темп: = 94. Ноты на высокой G-линии. Текст: 1. В о- го ро- де сто- ит ма- ков- ка,

 Текст: Что а - лым о- на а- лё- шень-ка.

 Текст: 2. Что а - лым о- на а- лё- шень-ка,

 Текст: Зе- ле- ным зе- ле- нё- шень-ка.

 Текст: 3. Зе- ле- ным зе- ле- нё- шень-ка,

 Текст: Тут ни- кто не хо- дил ни- ког- да.

В огороде стоит маковка,
Что алым она алёшенька.

Что алым она алёшенька,
Зеленым-зеленёшенька.

Зеленым-зеленёшенька,
Тут никто не ходил никогда.

Тут никто не ходил никогда,
Только шёл-прошёл молодец один.

Увидал он эту маковку,
Этой маковке дивуется.

Этой маковке дивуется,
Красотой ее любуется.

Красотой её любуется,
Он пришёл домой, рассказывает.

– Ой, ты, мамонька, мамонька,
В огороде стоит маковка.

Што алым она алёшенька,
Зеленым-зеленёшенька.

– Это, дитятко, не маковка,
Это, дитятко суженоё.

Это, дитятко, суженоё,
Это, дитятко, ряженоё.

55. Край дороженьки черёмушка стоит

Край дороженьки черёмушка стоит,
Край дороженьки черёмушка стоит.

– У меня сын не пьяница,
У меня сын не пьяница

Она стоит вся призalomанная,
Она стоит вся призalomанная.

У меня сын разумница,
У меня сын разумница

Тут никто не ходил никогда,
Тут никто не ходил никогда.

Он не пьёт пива горького,
Он не пьёт пива горького.

Только ездила сватовица,
Только ездила сватовица.

Не отведат зеленое вина,
Не отведат зелено вина.

Она сватала, хвасталась,
Она сватала, хвасталась.

56. Как при первом было вечере

Как при первом было вечере,
Как при первом было вечере.

Говорила своей милой дочере,
Говорила своей милой дочере.

Прилетал же ясный сиз сокол,
Прилетал же ясный сиз сокол.

– Приголубь ты ясна сокола к себе,
Приголубь ты ясна сокола к себе.

Он садился на окошечко,
Он садился на окошечко.

– Мое сердце не воротится к нему,
Мое сердце не воротится к нему.

На хрустальное стекольшко,
На хрустальное стекольшко.

Сердце кровью заливается,
Сердце кровью заливается.

Увидала его мамонька родна,
Увидала его мамонька родна.

Печиною запекается,
Печиною запекается.

57. Ты, измена, ты, изменушка

– Ты, измена, ты, изменушка,
Изменушка, красна девица-душа.

Ты хотела в монастырь вести,
Ишшио в первую – во прислужницы.

Изменушка, красна девица-душа,
Изменила нам, подруженъкам.

Ишшио в первую – во прислужницы,
А вторую – во клюшницы.

Изменила нам, подруженъкам,
Не хотела во замуж идти.

А вторую – во клюшницы,
Ишшио третью – в подгорничны.

Не хотела во замуж идти,
Ты хотела в монастырь вести.

Ишшио третью – в подгорничны,
А в четверту – во прислужницы.

58. Что у нашего у батюшки

Что у нашего у батюшки,
Чисто улочка сповыметена.

Чисто улочка сповыметена,
Что широкий двор сповычищена.

Что широкий двор сповычищена,
Никому на двор не съехати.

Никому на двор не съехати,
Только съехал же один гражданин.

Только съехал же один гражданин,
Свет Иван-от Митрофанович.

Свет Иван-от Митрофанович,
По душу, по красну девицу.

По душу, по красну девицу,
Что по Люду-то Ивановну.

Что по Люду-то Ивановну,
У нас Люда испугалася.

У нас Люда испугалася,
Из окна в окно кидалася.

Из окна в окно кидалася,
Из горницы во горницу.

Из горницы во горницу,
Из теплыё во холодную.

59. В ком-то я была младёшенька

В ком-то я была младёшенька да,
В колыбельюшке качалася.

В колыбельюшке качалася,
Меня качал родимой тятенька.

Меня качал родимой тятенька да,
Он качал, сам приговаривал.

Он качал, сам приговаривал да,
Своей дочери наказывал.

Своей дочери наказывал:
– Не отдан я тебя, милая дочь.

Не отдан я тебя, милая дочь,
Не за стольник, не за тысячу.

Не за стольник, не за тысячу,
А вот пришло такое времечко-пора.

А вот пришло такое времечко-пора,
Отдаёт родимой тятенька меня.

Отдаёт родимой тятенька меня
За одиною чарочку вина.

За одиною чарочку вина,
За одину виноградного.

60. На диване алым бархате

На диване алым бархате,
Перед чистым было зеркальцем.

Перед чистым было зеркальцем,
Тут сидел же добрый молодец.

Тут сидел же добрый молодец,
Он чесал же кудри русые.

Он чесал же кудри русые,
Он чесал, сам приговаривал.

Он чесал, сам приговаривал,
Своим кудерцам наказывал.

Своим кудерцам наказывал:
– Прилегайте, мои кудерцы.

Прилегайте, мои кудерцы,
Ко моёму лицу белому.

Ко моёму лицу белому,
Ко моей бедной головушке.

Ко моей бедной головушке,
Ко моёму уму-разуму.

Ко моёму уму-разуму
Ко моёму молодецкому.

61. Уродилось много розы во саду

Уродилось много розы во саду,
[Много розы, много розовых цветов.]

Много розы, много розовых цветов да,
Один цветичек ал, да румян.

Один цветичек ал, да румян да,
Я же, молодец, холост, не женат.

А был я в Петербурге и в Москве да,
Я не мог найти невесту по себе.

Я назад во Казань воротюсь да,
Во собор зайду, Богу помолюсь.

Создай, Боже, создай, Господи да,
Мне-ко счастья великого.

Мне-ко счастья великого да,
Мне-ко тестя богатого.

Мне-ко тёщеньку ласковую да,
Мне добру жену приветливую.

62. На дворе-то было тихоё

$\text{♩} = 58$

The musical score consists of three staves of music in G major, common time. The first staff starts with a dotted half note followed by eighth notes. The second staff begins with a quarter note. The third staff starts with a dotted half note. The lyrics are written below each staff, corresponding to the musical phrases.

1. На дво- ре= то бы- ло ти- хо- ё да,
Не вет- ру бы- ло, не ви- хо- рю.

2. Не вет- ру бы- ло, не ви- хо- рю да,
Не час- то- ва= мел- ко- ва дож- дич- ка.

3. Не час- то- ва= мел- ко- ва дож- дич- ка да,
Не яс- но- ва= крас- но- ва сол- ныш- ка.

На дворе-то было тихоё да,
Не ветру было, не вихорю.

Не ветру было, не вихорю да,
Не частова-мелкова дождичка.

Не частова-мелкова дождичка да,
Не яснова-краснова солнышка.

Не яснова-краснова солнышка да.
Не гостит гостья езжалая.

Не гостит гостья езжалая да,
Свет и Анна-та Ивановна.

Свет и Анна-та Ивановна да
Собирается под злат венец.

Собирается под злат венец да,
Надевает платьё цветноё.

Надевает платьё цветноё да,
Надевает шаль отласную.

Надевает шаль отласную,
Она прощаца с отцом.

Она прощаца с отцом-матерью да,
Со родными со сестрицами.

Со родными со сестрицами,
Со красными со девицами.

Со красными со девицами да.
– Ой ты, мамонька родимая.

Ой ты, мамонька родимая да,
Не одну ли дочь в изгон дала?

Не одну ли дочь в изгон дала,
Не одну ле изобидела?

Не одну ле изобидела да?
– Ты не плачь-ко, дочь моя милая.

Ты не плачь-ко, дочь моя милая да,
Я пошлю с тобой провожатова.

Я пошлю с тобой провожатова да,
Провожату крёстну матушку.

Провожату крёстну матушку да.
– Провожаты-то воротятся.

Провожаты-то воротятся да,
Я, младенька, приостануся.

Я, младенька, приостануся да,
Приостанусь, пригорюнюся.

Приостанусь, пригорюнюся да,
Пригорюнюся, притоскуюся.

Пригорюнюся, притоскуюся да,
Со удалым добрым молодцом.

Со удалым добрым молодцом да,
Михаилом-то Ивановичём.

63. Ешио кругом, кругом солнышко обошло

$\text{♩} = 96$

1. Ешио кругом, кругом солнышко о-бошлио, //
О-бошлио.

2. Ешио ря-дом, ря-дом дру-женьки е-ха-ли, //
Е-ха-ли.

3. Что у бе-лой у бе-ре-зоньки верх сло-ми-ли, //
Верх сло-ми-ли.

4. Ты рас-ти, рас-ти, бе-рё- зонь-ка без верь-ху, //

Без верь-ху.

[Ешишо кругом, кругом солнышко] обошло, обошло.
 Ешишо рядом, рядом друженьки ехали, ехали.
 Что у белой берёзоньки верх сломили, верх сломили.
 – Ты расти, расти, берёзонька, без верьху, без верьху.
 Ты живи-ко, доченька да, без мамоньки да, без мамоньки.
 Без родимова да, без тятеньки да, без тятеньки.

64. Скрип, скрип воротелки – мороз на дворе

$\text{♩} = 200$

1. Скрип, скрип воротелки= мороз на дво-ре,

Мо-роз на дво-ре.

2. Дру-жинь-ка по дво-рич-ку по-ха-жи-ва-ёт,

По-ха-жи-ва-ёт.

3. Са-пог об са-пог по-ко-ла-чи-ва-ёт,

По-ко-ла-чи-ва-ёт.

Скрип, скрип воротелки – мороз на дворе,
Мороз на дворе.

Друженька по дворичку похаживаёт,
Похаживаёт.

Сапог об сапог поколачиваёт,
Поколачиваёт.

Есть ли, у друженьки теснёная узда,
Теснёная узда?

Есть ли у друженьки черканской седло, да
Черканской седло?

Есть ли у друженьки вороной конь?
Вороной конь?

Ишшо конь-от стоит да во теплом хлеве,
Во теплом хлеве.

А уздечка-та висит ремённая да,
Ремённая.

Накормила-то коня да жена ласковая,
Жена ласковая.

Проводила она да на свадьбушку да,
На свадьбушку.

65. Ищё сяла наша Людочка

♩ = 120

1. И- щё ся- ла на- ша Лю- доч- ка вы- ше всех,

//
вы- ше всех.

2. О- на по- ве- си- ла го- ло... вуш-ку ни- же плеч,

//
ни- же плеч.

3. О- на за- ду- ма- ла ду- муш-ку креп- че всех,

//
креп- че всех.

Ищё сяла наша Людочка выше всех,
Выше всех.

Она повешала головушку ниже плеч,
Ниже плеч.

Она задумала думушку крепче всех,
Крепче всех.

— Ищё как мне-ко думушку думать и гадать,
Думать и гадать.

Ищё как мне-ко свекора батюшкой назвать,
Батюшкой назвать?

Ищё как мне свекровушку мамонькой назвать,
Мамонькой назвать?

Ищё как мне-ко деверя братчиком назвать,
Братчиком назвать?

Ищё как мне золовушку сестрицей назвать,
Сестрицей назвать?

Я убавлю упрямства и гордости,
Гордости.

Наберусь я смиренства и кротости,
Кротости.

Назову-ко я свекра-то тятенькой,
Тятенькой.

Назову я свекровушку мамонькой,
Мамонькой.

Назову-ко я деверя братчиком,
Братчиком.

Назову-ко золовушку сестрицей,
Сестрицей.

66. Ишишо что же ты, лебёдушка

1. Ишишо что же ты, леб- бе- душ-ка, на море од- на,
На море од- на?

2. Ишишо нет, не од- на, не е- ди- на- я, не е-
ди- на- я.

3. Ишишо много со много- ю гу- сей= ле- бе- дей, гу-
сей ле- бе- дей.

Ишшио что же ты, лебёдушка, на море одна,
На море одна?

— Ишшио нет, не одна, не единая,
Не единая.

Ишшио много со мною гусей-лебедей,
Гусей-лебедей.

Ишшио нету со мной гуся милого,
Гуся милого.

— Ишшио што же ты, сватьюшка, во пиру одна,
Во пиру одна?

— Ишшио нет, не одна, не единая,
Не единая.

Ишшио много со мною князей, да бояр,
Кнезей, да бояр.

Ишшио нету со мной мужа милого,
Мужа милого.

67. Зачем же ты, лебёдушка

$\text{♩} = 176$

The musical score consists of four staves of music in common time, treble clef, and a key signature of one flat. The tempo is indicated as $\text{♩} = 176$. The lyrics are integrated into the musical lines, with some words underlined and others in parentheses. The score is divided into four sections, each starting with a new staff and ending with a double bar line. The first section starts with a single measure of music followed by lyrics: '1. За - чем же ты, ле - бё - душ - ка, на мо - ре од - на,' followed by a repeat sign and 'на мо - ре од - на.' The second section starts with '2. И-шо нет, не од - на,' followed by a repeat sign and 'пра - во, не од - на, // и... не од - на.' The third section starts with '3. Толь-ко не - ту со мной гу - ся се - ро - го,' followed by a repeat sign and 'гу - ся се - ро - го.' The fourth section starts with '4. Толь-ко не - ту со мной му - жа ми - ло - го,' followed by a repeat sign and 'му - жа ми - ло - го.'

– Зачем же ты, лебёдушка, на море одна,
На море одна?

Только нету со мной гуся серова,
Гуся серова.

– Ишо нет не одна, право, не одна,
И... не одна.

Только нету со мной мужа милова,
Мужа милова.

68. Как у тысяцкого, да бородка

♩=128

The musical score consists of three staves of music in G clef, common time, with a key signature of one flat. The first staff begins with a dotted half note followed by eighth notes. The second staff begins with a quarter note followed by eighth notes. The third staff begins with a quarter note followed by eighth notes. The lyrics are written below each staff, aligned with the corresponding musical notes. The first two staves end with a double bar line and repeat dots, indicating a verse. The third staff ends with a single bar line and repeat dots, indicating a chorus. The lyrics are as follows:

1. Как у ты- сяц- ко- го, да бо- род- ка, //
Да бо- род- ка. /

2. Во ме- ду бо- род- ка ку- па- лась, //
Да ку- па- лась. /

3. Те- бя ма- монь- ка спо- ро- ди- ла, //
спо- ро- ди- ла.

Как у тысяцкого, да бородка,
Да бородка.

Во меду бородка купалась,
Да купалась.

Тебя мамонька спородила,
Спородила.

Во большое место становила,
Становила.

Во большое место, во тысяцки,
Да во тысяцки.

69. У нас друженька хорошенъка

У нас друженька хорошенъка,
Хорошенъка.

Во большое место становила,
Становила.

Его маменька да спородила,
Спородила.

Во большое место – во дружки,
Во дружки.

70. У нас тысячкой – воевода

$\text{♩}=120$

1. У нас ты- сяч- кой во- е- во- да //

2. Он во- ю= ет, во- ю- ет го- ро- да- ми, //

3. Го- ро- дов= то бе- рёт те- ре- ма- ми, //

Го- ро- да- ми, да, //

Те- ре- ма- ми, да,

У нас тысячкой – воевода,
Воевода, да.

Теремов–то берет деревнями,
Деревнями, да.

Он воюет, воюет городами,
Городами, да.

Деревень–то берет головами,
Головами.

Городов–то берет теремами,
Теремами, да.

А с голов–то берет красным девкам
Красным девкам.

71. У нас свашенька молодая

У нас свашенька молодая,
Молодая да.

Ровно куколка увитая,
Увитая да.

Ровно ягодка налитая,
Налитая да.

Ровно белый снег на дороге,
На дороге да.

Ровно алый мак в огороде,
В огороде.

Словно сладкий мёд на тарелке,
На тарелке.

72. Как у тысяцкого да бородка

$\text{♩}=128$

Как у ты- сяц- ко- го да бо- род - ка,

/

Да бо- род - ка.

//

2. Во ме- ду бо-

род- ка ку- па - лась,

/

Да ку- па - лась

Как у тысяцкого да бородка,
Да бородка.

Ко Александру-то в поезд собиралась,
Собиралась.

Во меду бородка купалась,
Да купалась.

Свет Георгиевичу сподоблялась,
Сподоблялась.

В винограде бородка сушилась,
Да сушилась.

Во большое его место, да во тысяцкий,
Да во тысяцкий.

Ещё тою тафтою утиралась,
Утиралась.

73. Ой, тысячка, не скудайся

 = 144

1. Ой, ты- сеч- ка, не ску- дай- ся,

 не ску- дай- ся.

2. За шел- ко- вый ко- ше- ле- чек при- ни- май- ся,

 при- ни- май- ся.

3. Что в шел-ко- вом ко- ше- леч- ке де- нег мно- го,

 де-нег мно- го.

Ой, тысячка, не скудайся,
 Не скудайся.
 За шелковый кошёлёчек принимайся,
 Принимайся.
 Что в шелковом кошёлочке денег много,
 Денег много.
 Серебро на ребро становится,
 Становится.

К нам, ко девицам, норовится,
 Норовится.
 А нам, девицам, деньги надо,
 Деньги надо.
 Что на белые на белила,
 На белила.
 Что на алые на румяна,
 На румяна.

74. Ещё вьётся хмель к огороду

Ещё вьётся хмель к огороду,
К огороду.

Словно ягодка налитая,
Налитая.

Ко высокому ко заплоту,
Ко заплоту.

Словно алый мак в огороде,
В огороде.

Ой, ищет хмель себе свище,
Себе свище.

Словно белый снег на дороге,
На дороге.

У кого-то жена молодая,
Молодая.

75. Ой, тысячка – воевода

Ой, тысячка – воевода,
Воевода.

С городов-то берет головами,
Головами.

Он поехал же воевати,
Воевати.

У нас Люду-то в полон взяли,
В полон взяли.

Он воюет же городами,
Городами.

Александровну заполонили,
Заполонили.

76. Ишшо вьётся хмель к огороду

♩=120

1. Иш- шо вьет- ся хмель к о- го- ро- ду,

2. Ко вы- со- ко- му, ко зап- ло- ту,

Ишшо вьётся хмель к огороду,
К огороду.

Ко высокому, ко заплоту,
Ко заплоту.

Ишишо ищет хмель сибе свище,
Сибе свище.

Что у Вани горенка новая,
Да новая.

Что у Вани жена молодая,
Молодая.

Ровно куколка увитая,
Увитая.

Ровно ягодка налитая,
Налитая.

Ровно алый мак в огороде,
В огороде.

77. Ох, сватушка, не скудайся

Ох(ы), сватушка, не скудайся,
Не скудайся.

За шелковый кошелёк принимайся,
Принимайся.

Во шелковом кошеле денег много,
Денех много.

Серебро на ребро становитса.
Становитса.

Всё ко девицам норовитса,
Норовитса.

Ишо девицам деньги надо,
Деньги надо.

Что на прянички, на конфетки,
На конфетки.

Что на белые на белила,
На белила.

Что на алые на румяна,
На румяна.

78. Золотая казна серебрится

$\text{♩} = 170$

1. Зо - ло - та - я каз - на се - реб - рит - ся,

2. Крас-ным де - ви - цам при - го - дит - ся,

3. Крас-ны де - ви - цы слад - ко - еж - ки,

Золотая казна серебрится,
Серебрится.

Красным девицам пригодится,
Пригодится.

Красны девицы сладкоежки,
Сладкоежки.

Им на пряники, на орешки,
На орешки.

79. Ой ты, сватушко, не скудайся

$\text{♩} = 144$

1. Ой ты, сва- туш- ко, не ску- дай- ся, //
Не ску- дай- ся.

2. За шел- ко- вый ко- шель при- ни- май- ся, //
При- ни- май- ся.

3. Се- реб- ро в ко- ше- ле се- реб- рит- ся, //
Се- реб- рит- ся.

4. Се- реб- ро на реб- ро ста- но- вит- ся, //
Становит- ся.

– Ой ты, сватушка, не скудайся,
Не скудайся.

За шелковый кошёлёк принимайся,
Принимайся.

Во шелковом кошеле денег много,
Денег много.

Серебро на ребро становитса.
Становитса.

Всё ко девицам норовитса,
Норовитса.

Ишио девицам деньги надо,
Деньги надо.

Что на прянички, на конфетки,
На конфетки.

Что на белые на белила,
На белила.

Что на алые на румяна,
На румяна.

80. Ой, ты, сватушка-недорода

$\text{♩} = 150$

1. Ой, ты, сва- туш- ка= не- до- ро- да,
Не- до- ро- да.

2. Са- дил- ся с... [смех] с о- го- ро- да... ,

3. Приш- ла свинь- я, да стол- кну- ла,
Да стол- кну- ла.

4. Приш- ла свать-юш- ка да, здох- ну- ла,
Да, здох- ну- ла.

Ой, ты, сватушка-недорода,
Недорода.

Садился с... [смех] с огорода... [общий хохот]

Пришла свинья, да столкнула,
Да столкнула.

Пришла сватьюшка да, здохнула,
Да, здохнула.

81. Через море рябина лежала

$\text{♩} = 160$

1. Че-рез море ря-би-на ле-жа-ла,
Да ле-жа-ла.

2. Что по ней= то ник-то и не хо-дит,
И не хо-дит.

3. Что Ва-си-ли-ю пе-ре-хо-дит,
Пе-ре-хо-дит.

Через море рябина лежала,
Да лежала.

Что за мой-от костюм-то держися,
То держися.

Наша Людочка в плен попала,
Да попала.

Что по ней-то никто и не ходит,
И не ходит.

Что за мой-от костюм за суконный,
За суконный.

Что ко свёкру она со свекровкой да,
Со свекровкой.

Что Василию переходит,
Переходит.

Что за петельки шелковые,
Шелковые.

Что ко деверю она со золовкой,
Со золовкой.

Свою маладу жену переводит,
Переводит.

Что за пуговки золотые,
Золотые.

– Ты иди-ко, жена, да не падай,
Да не падай.

Одна пуговка в море упала,
Да упала.

82. Ой, не было ветров

$\text{♩} = 164$

1. Ой, не было ветров,

Ой, не было ветров, вдруг на-
вя- ну- ли,

Вдруг на- вя- ну- ли.

2. Ой, не было гостей,

Ой, не было гостей, вдруг на-
е- ха- ли,

Вдруг на- е- ха- ли.

3. Ой, полон двор,

Ой, полон двор, всё ко-
ней, да ка- рет,

Всё ко- ней, да ка- рет.

Ой, не было ветров, ой, не было ветров –
Вдруг навянули, вдруг навянули.

Ой, не было гостей, ой, не было гостей –
Вдруг наехали, вдруг наехали.

Ой, полон двор, ой, полон двор,
Всё коней да карет, всё коней да карет.

Ой, полна изба, ой, полна изба,
Званых-незваных, званых-незваных.

Ой, полна середь, ой, полна середь,
Красных девушек, красных девушек.

Ой, садите бояр, ой, садите бояр,
Все ряды-поряды, все ряды-поряды.

Ой, милого зятя, ой, милого зятя,
Во большо место, в самы переды.

Ой, милого зятя, ой, милого зятя,
С милой дочерью, с милой дочерью.

83. Ой, вьюн над водой

Ой, вьюн над водой, ой, вьюн над водой,
Извивается, извивается.

Ой, зять у ворот, ой, зять у ворот,
Унижается, унижается.

Ой, просился зять, ой, просился зять
На дворе постоять, на дворе постоять.

Ой, хоробром ходить, ой, хоробром ходить
Громко говорить, громко говорить.

Ой, выводит зять, ой, выводит зять
Воронова коня, воронова коня.

– Ой, это не моё, ой, это не моё, да
Не суженое, да не ряженое.

Ой, сужено мое, ой, сужено мое
В высоком терему, за занавескою.

Ой, чешет голову, ой, чешет голову,
Рубчату косу плетёт, рубчату косу плетёт.

Ой, вплетает, ой, вплетает,
Алу ленточку, в девью красоту.

84. Ой, солнышко шло

Ой, солнышко шло, ой, солнышко шло,
Шло по-за лесу, шло по-за лесу.

Ой, наша-то Анюта, ой, наша-то Анюта
По застолью шла, по застолью шла.

Ой, бросила ключи, ой, бросила ключи
Вдоль по лавице, вдоль по широкой.

85. Ой, во поле дым столбом

Ой, во поле, ой, во поле,
Ой, во поле дым столбом, в поле дым столбом.

Ой, в тереме, ой, во высоком,
Дары дарят, да и тонкие.

– Ой, кто дары дарил, ой, кто дары дарил?
– Свет Снежана душа, да и Юрьевна.

– Ой, кто дары примат, ой, кто дары примат?
– Свет Сергей-господин, да и Викторович.

Ой, ты дары прими, ой, ты дары прими,
За дары положи, за дары положи.

Ой, наши дары, ой, наши дары
Не готовленые, не постеленные.

Ой, шёлк да бумага, ой, шёлк да бумага
Не родилася, не родилася.

Ой, только родился, ой, только родился,
Один белай лён, один белай лён.

– Ой, из того я льна, ой из того я льна
Я пряла и ткала, я пряла и ткала.

Ой, с этими дарами, ой, с этими дарами
Во замуж пошла, произволила.

86. Ой, тятенька, пей

– Ой, тятенька, пей, ой, тятенька, пей,
Да меня не пропей, да меня не пропей.

О, пей-пропивай, ой, пей-пропивай,
Свой широкой двор, свой широкий двор.

Ой, если ты пропьёшь, ой, если ты пропьёшь –
Его выкупишь, его выручишь.

Ой, а меня пропьёшь, ой, а меня пропьёшь –
Меня не выкупишь, меня не выручишь.

87. Ой, нонче весна

Ой, нонче весна, ой, нонче весна,
Убылая вода, убылая вода.

Ой, ледяшки, ой, ледяшки,
Против бережка, против крутенького.

Ой, наша-то Снежана, ой, наша-то Снежана
Против мамоньки, против родненькой.

88. Ой, взошла туча

Ой, взошла туча, ой, взошла туча,
Над чиим двором, над чиим двором?

Ой, над двором, ой, над двором, да
Сергея-душа, да Ивановича.

Ой, дай ему Бог, ой, дай ему Бог
Хорошенько пожить, у царя послужить.

Ой, у царя служить, ой, у царя служить,
Верой-правдою, неизменною.

89. Ой, не разбушуй

Ой, не разбушуй, ой, не разбушуй,
Звонки колокола, звонки колокола.

Ой, не разбуди, ой, не разбуди,
У Геннадья жену, да у Павловича.

Ой, вечер она, ой, вечер она,
Во пиру была, во беседушке.

Ой, со пиру пришла, ой, со пиру пришла, –
Сына родила, сына родила.

Ой, кум прислал, ой, кум прислал,
Во пятьсот рублей, во всю тысячу.

Ой, кумушка – листу, ой, кумушка – листу,
Золотой парчи пятьдесят аршин.

90. Ой, не было ветру

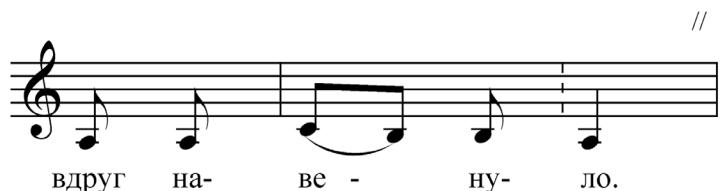
♩=120

1. Ой, не бы- ло вет - ру,

Ой, не бы - ло вет - ру = вдруг на - ве - ну - ло,

вдруг на - ве - ну - ло.

2. Ой, не бы-ло гос- тей,
ой, не бы-ло гос - тей, = вдруг на - е - ха - ли,
вдруг на - е - ха - ли.

Ой, не было ветру, ой, не было ветру –
Вдруг навенуло, вдруг навенуло.

Ой, не было гостей, ой, не было гостей, –
Вдруг наехали, вдруг наехали.

Ой, полон двор, ой, полон двор
Всё коней да карет, всё коней да карет.

Ой, полны сени, ой, полны сени
Званых – незваных, званых – незваных.

Ой, полна середь, ой, полна середь
Красных девушок, красных девушок.

Ой, полно застолье, ой, полно застолье
Всё князей да бояр, всё князей да бояр.

Садите бояр, садите бояр
Всё ряды-поряды, всё ряды-поряды.

Милого зятя, милого зятя
Во большо место, во большо место.

Ой, дарите бояр, ой, дарите бояр
Дорогою тафтой, дорогою тафтой.

Милого зятя, милого зятя
Милой дочерью, милой дочерью.

91. Ой, выюн над водой

Ой, выюн над водой, ой, выюн над водой,
Извивается, извивается.

Зять у ворот, ой, зять у ворот,
Унижается, унижается.

А просился зять, а просился зять,
На дому постоять, на дому постоять.

На дому постоять, на дому постоять,
Коней выкормили, коней выгладили.

Ой, просился, ой, просил зять,
Свое суженое, свое ряженое.

Ой, выводил тесть, ой, выводил тесть,
Вороного коня, мелкоступчатова.

– Ой, это не моё, ой, это не моё
Да не суженое, да не ряженое.

Сужено моё, сужено моё,
На высоком терему, да <имя невесты>.

Голову чёшот, голову чёшот,
Рубчату косу плетёт, рубчату косу плетёт.

Ой, вплетает, ой, вплетает,
Алу ленточку, дивью красоту.

92. Ой, кто дары дарит

– Ой, кто дары дарит, ой, кто дары дарит?
– Свет Марина-душа Леонидовна.

Ой, за дары ложи, ой, за дары ложи,
Не жалей казны, не жалей казны.

– Ой, кто дары примат, ой, кто дары примат?
– Господин Владимир Леонидович.

Казна не твоя, казна не твоя,
Казна матушкина, казна батюшкина.

– Ой, ты дары прими, ой, ты дары прими,
За дары положи, за дары положи.

93. Ой, у нас Надю-ту

$\text{♩} = 152$

1. Ой, у нас Надю= ту,
Ой, у нас Надю= ту, да, круг зас- толь- я ве- дут,
Круг ду- бо- во- го.

2. Ох, ро- ни- ла сле- зу,
Ох, ро- ни- ла сле- зу, да, в бе- лы ска- тер- ти, да,
В бе- лы ска- тер- ти.

3. Ох, бро- си- ла клю- чи,
Ох, бро- си- ла клю- чи, да, вдоль по ла- воч- ке,
Вдоль по ши- ро- кой.

– Отец выводит невесту за носовик к столу:

Ой, у нас Надю-ту, ой, у нас Надю-ту, да,
Круг застолья ведут, круг дубового.

Ой, ронила слезу, ой, ронила слезу, да,
На белы скатерти, да, в белы скатерти.

Ох, бросила ключи, ох, бросила ключи, да,
Вдоль по лавочке, вдоль по широкой.

– Ой, тятаенька мой, ой, тятаенька мой,
Подбери ключи, подбери ключи.

– За стол садятся:

– Ой, я теперь вам, ой, я теперь вам
Я не клошница, не замошница.

Ой, клошница я, ой, клошница я,
Чужим батюшке, чужим матушке.

94. Ой, выюн над водой

Ой, выюн над водой, ой, выюн над водой, да,
Изивается, изивается.

Ой, зять у ворот, ой, зять у ворот,
Набивается, набивается.

– Ой, пусти меня, тесть, ой, пусти меня, тесть,
Во дворе походить, во дворе походить.

Ой, от, да, не-ко здесь, ой, от, да, не-ко здесь
Моё сужено, моё ряжено.

Ой, вывел ему тесть, ой, вывел ему тесть
Воронова коня, воронова коня.

– Ой, это не моё, ох, это не моё,
Это не сужено, это не ряжено.

Ой, вынес ему тесть, ой, вынес ему тесть,
Сондук с лопотью, сондук с лопотью.

– Ой, это не моё, ой, это не моё,
Это не сужено, это не ряжено.

Ой, вывел ему тесть, ой, вывел ему тесть,
Свою милу дочь, свою милу дочь.

– Вот это моё, вот это моё, да,
Это сужено, это ряжено.

95. Ой, из бочки в бочку

– Начинают вино подавать:

Ой, из бочки в бочку, ой, из бочки в бочку,
Всё вино цидят, всё зелёное.

Ой, первой стакан, ой, первой стакан,
Родимому тяте́ньке, родимому тяте́ньке.

– Ой, тятаенька, пей, ой, тятаенька, пей,
Меня не пропей, меня не пропей.

Ой, если ты пропьёшь, ох, если ты пропьёшь,
Назад выкупишь, назад выручишь.

Ой, одашь за меня, ой, одашь за меня
Пидисят рублей, пидисят рублей.

Ой, мало тово, ой, мало тово,
Одашь тысичу, одашь тысичу.

– Потом уже к матери обращаются:

– А второй стакан, а второй стакан –
Родимой мамоньке, родимой мамоньке.

– Ой, мамонька, пей, ой, мамонька, пей,
Меня не пропей, меня не пропей.

Ой, если ты пропьёшь, ой, если ты пропьёшь,
Назад выкупишь, назад выручишь.

Ой, одашь за меня, ой, одашь за меня,
Пидисят холстов, пидисят холстов.

Ой, мало тово, ой, мало тово,
Сондук с лопотью, сондук с лопотью.

96. Ой, я тебя, олень

– Ой, я тебя, олень да, ой, я тебя, олень,
Застреляти хочу, застреляти хочу.

– Ой, не стреляй меня, ой, не стреляй меня да,
Я на время сгожусь, я на время сгожусь.

Ой, женица будешь, ой, женица будешь,
Я на свадьбу приду, я на свадьбу приду.

Ой, золотым рогам, золотым рогам,
Весь я дом освещу, весь я дом освещу.

97. Ой, во поле снежки

$\text{♩} = 198$

1. Ой, во по-ле снеж-ки,
Ой, во по-ле снеж-ки всё ку-тят и му-тят,
Всё ку-тят и му-тят.

2. Ой, в на-шем те-ре-ме,
Ой, в на-шем те-ре-ме гром-ко го-во-рят,
Гром-ко го-во-рят.

3. Ой, гром-ко го-во-рят,
Ой, гром-ко го-во-рят, - всё да-ры да-рят,
Всё да-ры да-рят.

Ой, во поле снежки, ой, во поле снежки
Всё кутят и мутят, всё кутят и мутят.

Ой, в нашем тереме, ой, в нашем тереме
Громко говорят, громко говорят.

Ой, громко говорят, ой, громко говорят, –
Всё дары дарят, всё дары дарят.

– Ой, чью родню дарят? Ой, чью родню дарят?
– Михалову да Ивановича.

– Ой, кто дары дарит? Ой, кто дары дарит?
– Зинаида-душа Николаевна.

– Ой, не посуди, ой, не осудите,
На наших дарах, на наших дарах.

Ой, у нас дары, ой, у нас дары,
Не пашёны были, не готовленные.

Ой, шёлк да бумаг, ой, шёлк да бумаг,
Не родилося, не родилося.

Ой, только родилса, ой, только родилса,
Один белый лён, одинёшинёк.

– Ой, из тово я льна, ой, из тово я льна,
Я пряла и ткала, я пряла и ткала.

Ой, я пряла-ткала, ой, я пряла-ткала,
Всё дары пасла, всё готовила.

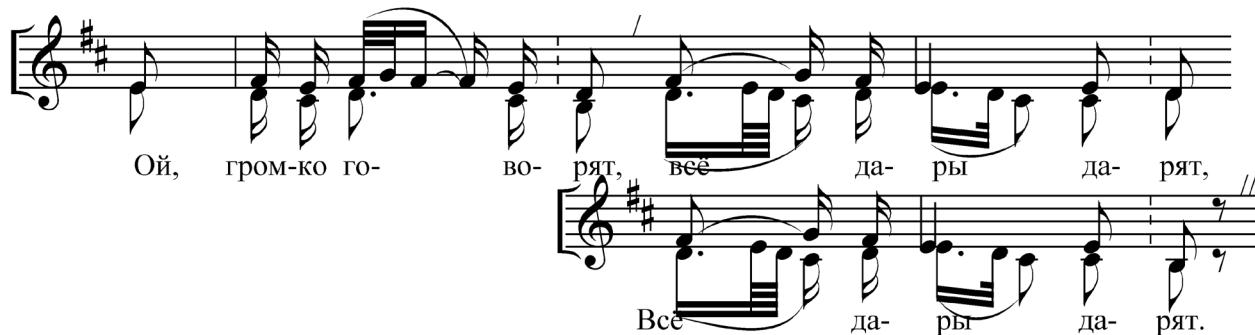
98. Ой, во поле снега

$\text{♩} = 135$

1. Ой, во по-ле сне- га,
Ой, во по-ле сне- га, всё ку- тят и му- тят. //

2. Ой, в том те- ре- ме,
Ой, в том те- ре- ме, гром- ко го- во- рят, //

Гром- ко го- во- рят.

Ой, во поле снега, ой, во поле снега
Все кутят и мутят, все кутят и мутят.

Ой, в том тереме, ой в том тереме
Громко говорят, громко говорят.

Ой, громко говорят, ой, громко говорят
Все дары дарят, все дары дарят.

– Ой, чья родня дарит, ой, чья родня дарит?
– Свет и Нины-то, да Ивановны.

– Ой, чью родню дарят, ой, чью родню дарят?
– Свет Николи-то, да Ивановича.

– Ой, не посуди, ой, не посуди,
На наших дарах, на наших дарах.

Ой, у нас дары, ой, у нас дары,
Некорысныё, некорысныё.

Ой, жёлта бума..., ой, жёлта бумага
Не родилася, не родилася.

Ой, только родился, ой, только родился,
Один белой лён, один белой лён.

– Ой, из того я льна, ой из того я льна,
Я пряла и ткала, я пряла и ткала.

Ой, с этими дарами, ой, с этими дарами,
Во взамуж пошла, во взамуж пошла.

99. Ой, не было ветров

Ой, не было ветров, ой, не было ветров –
Вдруг надунули, да, вдруг надунули.

Ой, не было гостей, ой, не было гостей –
Вдруг наехало, да, вдруг наехало.

Ой, полна ограда, ой полна ограда,
Всё коней да карет, всё коней да карет.

Ой, полные сени, ой, полные сени,
Всё бояр да князей, всё бояр да князей.

Ой, полна изба, ой, полна изба,
Всё боярских жён, всё боярских жён.

Сени новые подломилися, да,
Наша Нина-то испугалася.

Наша Нина-то испугалася,
За занавесу побросалася.

100. Ой, вьюн над водой

Ой, вьюн над водой, ой, вьюн над водой,
Извиваётца, извиваётца.

Ой, зять у ворот, ой, зять у ворот,
Набываёца, да, набываёца.

– Ой, пусти меня, тясть, ой, пусти меня, тясть,
Во дворе постоять, во дворе постоять.

Ой, во дворе постоять, ой, во дворе постоять,
Хоробром ходить, хоробром ходить.

Ой, хоробром ходить, ой, хоробром ходить,
Громко говорить, громко говорить.

Ой, отдай миня, тять, ой, отдай миня, тять,
Мое суженое, мое ряженое.

Ой, мое сужено, ой, мое ряжено,
За занавесою, за занавесою.

Ой, вывел мне-ко тясть, ой, вывел мне-ко тясть,
Воронова коня, воронова коня.

– Ой, это не моё, ой, это не моё, да,
Не суженое да, не ряженое.

Ой, моё сужено, ой, моё ряжено
За занавесою, за занавесою.

Ой, вынес мне-ко тясть, ой, вынес мне-ко тясть, да,
Сондуки добра, сондуки добра.

– Ой, это не моё, ой, это не моё, да,
Не суженое, да, не ряженое.

Ой, моё сужено, ой, моё ряжено,
За занавесою, за занавесою.

Ой, вывел мне-ко тясть, ой, вывел-ко тясть
Свою милую дочь, свою милую дочь.

– Ой, это вот моё, ой, это вот моё,
Моё суженое, моё ряженое.

101. Ой, там, за рекой

Ой, там, за рекой, ой там, за рекой,
На крутом берегу, на крутом берегу.

Ой, в траве муравой, ой, в траве муравой,
Там олень лежал, там олень лежал.

Ой, мимо оленя, ой, мимо оленя,
Тут никто не ходил, тут никто не гулял.

Ой, только ходил, ой только гулял,
Свет один господин, свет один господин.

– Ой, я тебя, олень, ой, я тебя, олень,
Я застрелить хочу, я застрелить хочу.

– Ой, не стреляй меня, олень, ой, не стреляй меня, олень,
Я на времё сгожусь, я на час пригожусь.

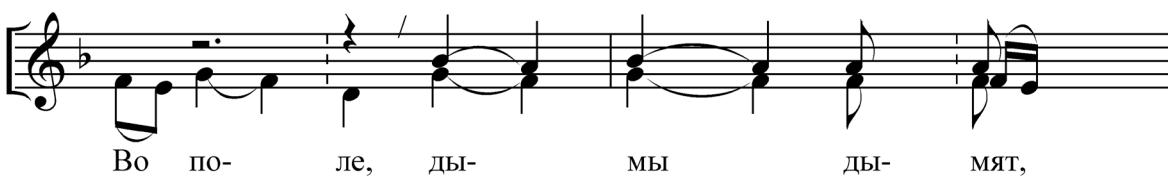
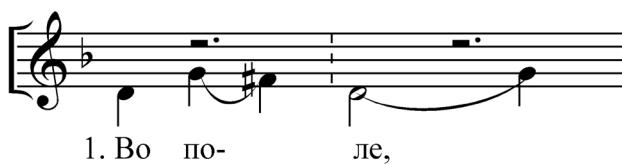
Ой, будешь ты женица, ой, будешь ты женица –
Я на свадьбу приду, я на свадьбу приду.

Ой, золотым рогам, ой, золотым рогам,
Весь я двор согрошу, весь я двор согрошу.

Ой, своим голосом, ой, своим голосом,
Всей гостей взвеселю, всей гостей взвеселю.

102. Во поле дымы дымят

♩ = 144

2. Во тे- ре- ме,

Во те- ре- ме, да- ры да- рят,

Да-

ры

да-

рят.

3. Кто да-ры да- рил?

Кто да-ры да- рил? Свет и Ва- ля= ду- ша,

Да Ва- силь- ев- на.

Во поле, во поле,
Дымы дымят, дымы дымят.

Во тереме, во тереме,
Дары дарят, дары дарят.

– Кто дары дарил? Кто дары дарил?
– Свет и Валя-душа, да Васильевна.

– Кто дары примал? Кто дары примал?
– Свет Фаина-душа да Григорьевна.

– Кто дары примал? Кто дары примал?
– Свет и Анна-душа да Григорьевна.

– Кто дары примал? Кто дары примал?
– Свет и Зина-душа Алексеевна.

– Кто дары примал? Кто дары примал?
– Свет Раисья-душа да и Павловна.

103. Ой, выон над водой

$\text{♩} = 152$

Ой, выон над водой, ой, выон над водой
Извивается, извивается.

И первую беду, и первую беду –
Пару коней уведу, пару коней уведу.

Зять у ворот, ой, зять у ворот,
Унижается, унижается.

А вторую беду, а вторую беду –
Милу дочь увезу, милу дочь увезу.

– А пусты-ка, тесть, а пусты-ка, тесть,
На дому постоять, на дому постоять.

А третью беду, а третью беду –
Сандуки увезу, сандуки увезу.

А на дому стоять, а на дому стоять,
Три беды победить, три беды победить.

104. Вьюн над водой

$\text{♩} = 138$

The musical score consists of three staves of music in common time (indicated by a '8') with a key signature of one sharp (F#). The first staff begins with a single note followed by a eighth-note pattern. The second staff starts with a eighth-note pattern. The third staff begins with a single note followed by a eighth-note pattern.

1. Вьюн над водой, ой,

вьюн над водой, из- ви- ва- е- ца, да, из- ви-

ва- е- ца, да.

2. Зять у во- ро... (о)-т(ы),

зять у во- ро-т(ы) на- би- ва- ет- ся, на- би-

ва... е- ца, да.

3. Про- си- ца зя... (а)ть,

про- си- ца зять, во дво- ре пос- то- я- т(и), во дво-

ре пос- то- ять.

Вьюн над водой, ой, вьюн над водой
Извивается, да, извивается.

Зять у воро... (о)т(ы), зять у ворот(ы)
Набивается, набива... еца, да.

Просится зя... (а)ть, просится зять,
Во дворе постоя(и), во дворе постоять.

Во дворе постоять, во дворе постоять,
Коней выкор(ы)мить, коней выпоить.

105. Ой, там, по лугам

$\text{♩} = 160$

1. Ой, там, по лу- гам, ой, там по лу- гам,
Там хо- дил=гу- лял о- лень //

30- ло- ты- е ро- га.

2. Ой, я те- бя, о- лень, ой, я те- бя, о- лень,
Я зас- тре- лить хо- чу, //
я зас- тре- лить хо- чу.

3. Ой, нет, не стре-ляй, нет, не стре- ляй, -
Я те- бе при- го- жусь, //
я те- бе при- го- жусь.

Ой, там, по лугам, ой, там, по лугам,
Там ходил-гулял олень-золотые рога.

— Ой, я тебя олень, ой, я тебя, олень,
Я застрелить хочу, я застрелить хочу.

— Ой, нет, не стреляй, ой, нет, не стреляй, —
Я тебе пригожусь, я тебе пригожусь.

Ой, будешь ты жениться, будешь ты жениться —
Я на свадьбу прибегу, я на свадьбу прибегу.

Золотыми-то рогам, золотыми-то рогам,
Всех гостей взвеселю, всех гостей взвеселю.

Ой, пуще всего, ой, пуще всего,
Я невесту упою, я невесту упою.

106. Ой, не было ветров

Ой, не было ветров, ой, не было ветров –
Вдруг нахлынули, вдруг нахлынули.

Ой, полна ограда, ой полна ограда
Золотых карет, золотых карет.

Ой, не было гостей, ой, не было гостей –
Вдруг наехали, вдруг наехали.

Ой, полные сени, ой, полные сени
Дорогих гостей, дорогих гостей.

Ой, полной двор, ой, полной двор
Дорогих коней, дорогих коней.

107. Брошу ключи вдоль по лавочке

Брошу ключи, брошу ключи
Вдоль по лавочке, вдоль по лавочке:

– Ой, тятенька мой, ой, тятенька мой,
Подбериключи, подбериключи.

Я теперь тебе не ключница,
Я теперь тебе не ключница.

Ой, хоть я клюшница, ой хоть я клюшница
Я чужому отцу, чужой матери.

108. Ой, с корых гор

Ой, с корых гор, ой, с корых гор
Всёключи бегут, всё студеныё.

Ох, мало того, ох, мало того –
Отдашь тысячу, отдашь тысячу.

Ой, из бочки в бочку, ой, из бочки в бочку,
Всё вино цыдят, всё зеленоё.

Ой, мамонька, пей, ой, мамонька, пей,
Меня не пропей, меня не пропей.

Ой, первой стакан, ой, первой стакан –
Родимому тятеньке, родимому тятеньке.

Ой, отдашь за меня, ой, отдашь за меня
Питдесят холстов, питдесят холстов.

– Ой, тятенька пей, ой, тятенька пей,
Меня не пропей, меня не пропей.

Ой, мало того, ой, мало того –
Отдашь тысячу, отдашь тысячу.

Ой, если пропьёшь, ой, если пропьёшь –
Отдашь за миня пятьдесят рублей.

109. Ой, улетела

Ой, улетела, ой, улетела
Сера утка со двора, сера утка со двора.

Ой, ко чужому, к лебединому,
Ой, ко чужому, к лебединому.

От своего лебединого,
От своего лебединого.

110. Ой, не роскачай

Ой, не роскачай, ой, не роскачай
Звонки колоколы, звонки колоколы.

Ой, не раздувай, ой, не раздувай
Холодён ветерок, холодён ветерок.

Ой, не разбуди, ой, не разбуди
У Ивана жену, у Ивановича.

Ой, вчера поздно, ой, вчера поздно
Во пиру была, во пиру была.

Поутру рано, поутру рано
Сына родила, сына родила.

Ой, в первом городе, ой, в первом городе
Пиву варили, пиву варили.

Втором городе, втором городе
Вино курили, вино курили.

В третьем городе, в третьем городе
Сына крестили, сына крестили.

Ой, кум-от крест брал, ой, кум-от крест брал
Позолоченный, позолоченный.

Ой, кум-то был, ой, кум-то был
Генеральский сын, генеральский сын.

А кума-то была, а кума-то была
Генеральша сама, генеральша сама.

111. Ой, по лугам вода

Ой, по лугам вода, ой, по лугам вода,
Разливалася, разливалася.

Ой, пташки в саду, ой, пташки в саду,
Разлеталися, разлеталися.

Ой, одна пташечка, ой, одна пташечка,
Она кликала, она гаркала
Своево мужа милого, своего мужа милого.

– Уж ты встань, ты проснись, милый муж,
Уж ты встань, ты проснись, милый муж.

Оторвался вороный конь, оторвался вороный конь,
От столба, от точёного, от столба, от точёного.

112. Ой, сваха со свахой

Ой, сваха со свахой, ой, сваха со свахой
Поздоровалися, поздоровалися.

Ой, стакан о стакан, ой, стакан о стакан
Почеканилися, почеканилися.

Стакан о стакан почеканилися.

113. Ой, не было ветров

$\text{♩} = 112$

1. Ой, не было ветров, ой, не было ветров,-
Вдруг на- ду- ну- ло,
вдруг на- ду- ну- ло.

2. Ой, не было гостей, ой, не было гостей,-
Вдруг на- е- ха- ли,
вдруг на- е- ха- ли

3. Ой, по- лон двор, ой, по- лон двор
До- ро- гих ка- рет,
До- ро- гих ка- рет.

Ой, не было ветров, ой, не было ветров, –
Вдруг надунуло, вдруг надунуло.

Ой, полон двор, ой, полон двор
Дорогих карет, дорогих карет

Ой, не было гостей, ой, не было гостей, –
Вдруг наехали, вдруг наехали.

Полна ограда, полна ограда,
Вороных коней, вороных коней.

Полна подкрыша, полна подкрыша,
Золотых каре^т, золотых каре^т.

Полные сени, полные сени,
Молодых кучеров, молодых кучеров.

Новые сени, новые сени,
Подломилися, подломилися.

Сваха со свахой, сваха со свахой,
Поздоровалися, поздоровалися.

Стакан со стаканом, стакан со стаканом,
Почеканилися, почеканилися.

114. Не разбушуй, холодён ветер

$\text{♩} = 140$

The musical score consists of eight staves of music in G clef, 2/4 time, and A major (indicated by a key signature of one flat). The tempo is marked as $\text{♩} = 140$. The lyrics are integrated into the musical lines, with some words underlined or enclosed in brackets. The score is divided into three sections, each starting with a repeat sign and ending with a double bar line. The first section contains the first two stanzas. The second section contains the third stanza. The third section contains the fourth stanza, followed by a bracketed note [Тут надо сказать чью]. The final section concludes with the name of the singer.

1. Не роз- бу- шуй, не роз- бу- шуй(и),
Хо- ло- дён ве- тер, хо- ло- дён ве- тер.

2. Не рос- ка- чай, не рос- ка- чай(и),
Звон- ки ко- ло- ко- ла, звон- ки ко- ло- ко- ла.

3. Не роз- бу- ди, не роз- бу- ди,
Мо- ло- ду- ю же- ну, мо- ло- ду- ю же- ну.
[Тут надо сказать чью].

Свет и Ва- лю= ду- шу, О- лек- санд- ров- ну.

Не розбушуй, не розбушуй(и),
Холодён ветер, холодён ветер.

Не роскачай, не роскачай(и),
Звонки колокола, звонки колокола.

Не разбуди, не разбуди,
Молодую жену, молодую жену.

– Там надо будет сказать, чью.

Свет и Валю-душу Олександровну.

Ох, вечер она, ох, вечер она да
Во пиру была, во беседушке.

Со пиру пришла, со пиру пришла –
Сына родила, сына родила.

Кум-от у их был, кум-от у их был(ы)
Генеральской сын, генеральский сын.

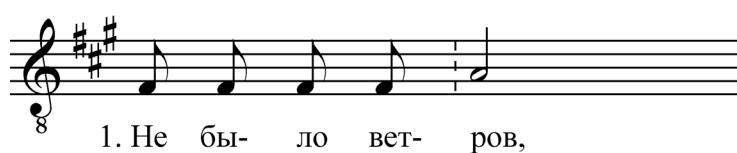
Кумушка была, кумушка была да
Генеральша сама, генеральша сама.

Кум-от крестик клал, кум-от крестик клал
Во петсот рублей, во петсот рублей.

Кумушка – ризку, кумушка – ризку,
Парчу на золоте, парчу на золоте.

115. Не было ветров

 = 160

1. Не бы- ло вет- ров,

Не бы- ло вет- ров, = вдруг наг- ря- ну- ли,

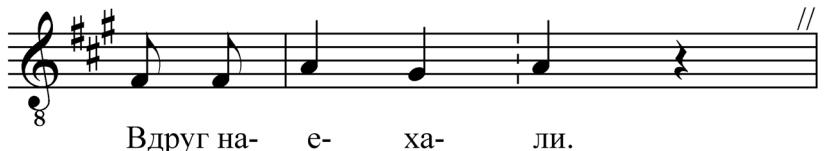
Вдруг наг- ря- ну- ли.

2. Не бы- ло гос- тей,

Не бы- ло гос- тей, = вдруг на- е- ха- ли,

Вдруг на- е- ха- ли.

3. Полна огра- да,
Полна огра- да, всё ко- ней, да гос-тей,
Всё ко- ней, да гос-тей.

Не было ветров, не было ветров, –
Вдруг нагрянули, вдруг нагрянули.

Новые сени, новые сени
Подломились, подломились.

Не было гостей, не было гостей, –
Вдруг наехали, вдруг наехали.

Сваха со свахой, сваха со свахой
Поздоровались, поздоровались.

Полна ограда, полна ограда
Всё коней, да гостей, всё коней, да гостей.

Стакан о стакан, стакан о стакан
Почеканились, почеканились.

116. Из поля, поля

$\text{♩} = 132$

1. Из по- ля, Из по- ля, во- ро- ны ко- ни бе- гут да, во- ро- ны ко- ни бе- гут.
2. Чей конь на- пе- рёд, Чей конь на- пе- рёд да, свет Ва- си- лья= то, да Пет- ро- но- ви- ча.

3. Го- ло- ву не- сёт,
Го- ло- ву не- сёт, вы- со- ко и ко- ле- сом,
вы- со- ко и ко- ле- сом.

Из поля, поля, из поля, поля,
Вороны кони бегут да, вороны кони бегут.

– Чей конь наперёд, чей конь наперёд да?
– Свет Василья-то да Петровановича.

Голову несёт, голову несёт
Высоко и колесом, высоко и колесом.

Грива у коня, грива у коня
Жемчугом усажена, жемчугом усажена.

Чёлка у коня, чёлка у коня да
Алой лентой увита, алой лентой увита.

Здухи у коня, здухи у коня да –
Как буйные ветера, как буйные ветера.

Хвост-от у коня, хвост-от у коня да –
Из кольца в кольцо взвилса, из кольца в кольцо взвилса.

Копыта у коня, копыта у коня –
Из хрустального стекла, из хрустального стекла.

Походка у коня, походка у коня да –
Как у лесного у зверя, у лесного у зверя.

– Хто на нём сидит? Хто на нём сидит?
– Свет Василий-ёт Петрованович.

Розлуку везёт, розлуку везёт,
В правою во руке, во правою во руке.

Хочёт розлучить, хочёт розлучить,
С отцом-матерью, с родным племенём.

117. Стояла сила

$\text{♩} = 156$

1. Сто- я- ла си- ла, сто- я- ла си- ла, не ве- //
ли- ка, не ма- ла, не ве- ли- ка, не ма- ла.

2. Кто во э- той си- ле, кто во э- той си- ле во- е
во- до- ю сто- ял да, во- е- во- до- ю сто- ял?

Стояла сила, сила,
Не велика, не мала, не мала.

– Кто во этой силе, кто во этой силе
Воеводою стоял да, воеводою стоял?

– Стоял-воевал, стоял-воевал
Свет-то Павел-господин Николаевич.

– Чем он воевал, чем он воевал?
– Строевым ружьём, острой сабелькой.

Сабелькой, сабелькой,
В красной шапочке с алой ленточкой.

118. Перед тобой

$\text{♩} = 144$

The musical score consists of three stanzas, each with lyrics in Russian and corresponding musical notation on a staff. The tempo is indicated as $\text{♩} = 144$. The lyrics are as follows:

1. Stanza:
Пе- ред то- бой,
Пе- ред то- бой, да, не зе- лё- ный сад сто- ит, да,
Не зе- лё- ный сад сто- ит.

2. Stanza:
Пе- ред то- бой,
Пе- ред то- бой, да, крас- ны де- ви- цы сто- ят, да,
Крас-ны де- ви- цы сто- ят.

3. Stanza:
Де- ви- цы сто- ят, да, о- ни пес- ни по- ют,
О- ни пес- ни по- ют.

Перед тобой, перед тобой, да,
Не зелёный сад стоит, да, не зелёный сад стоит.

Перед тобой, перед тобой, да,
Красны девицы, стоят, да, красны девицы, стоят.

Девицы стоят, девицы стоят, да,
Они песни поют, да, они песни поют.

Песни поют, песни поют, да,
Величают себя, да, величают себя.

По имени Галина, по имени Галина, да,
Ивановна, да, Ивановна.

По имени Мария, по имени Мария,
Ивановна, да, Ивановна.

119. Ой, передо мной

 = 120

1. Ой, пе- ре- до мной не - зе- ле- ный сад сто- ит,
не- зе- ле- ный сад сто- ит.

2. Пе- ре- до мной,
Пе- ре- до мной крас- ны де- ви- цы сто- ят,
крас- ны де- ви- цы сто- ят.

3. Де- ви- цы сто- ят,
Де- ви- цы сто- ят о- ни пес- ни по- ют,
о- ни пес- ни по- ют.

[Ой, передо мной], ой, передо мной,
Не зелёный сад стоит, не зелёный сад стоит.

Передо мной, передо мной,
Красны девицы стоят, красны девицы стоят.

Девицы стоят, девицы стоят,
Они песни поют, они песни поют.

Песенки поют, песенки поют, да
Величают себя, величают себя.

120. Во горинке во новой

♩ = 144

1. Во горинке во новой, во новой, стоит столик кедровой, кедровой.

2. Стоит столик кедровой, кедровой, на столичке на браной, на браной.

3. На столичке на браной, на браной, стоит чайник золотой, золотой.

Во горинке во новой, во новой,
Стоит столик кедровой, кедровой.

Стоит столик кедровой, кедровой,
На столичке на браной, на браной.

На столичке на браной, на браной,
Стоит чайник золотой, золотой.

Стоит чайник золотой, золотой,
Полон чаю налитой, налитой.

Тут и Ваня подходил, подходил,
Чаю чашку наливал, наливал.

Чаю чашку наливал, наливал,
Своей жоне подавал, подавал.

— Кушай, жона, госпожа, госпожа
Роди сына сокола, сокола.

Роди сына сокола, сокола
Умом-разумом в меня, во меня.

Умом-разумом в меня, во меня,
Лицом белым во себя, во себя.

121. Во горёнке во новой

Во горёнке во новой, во новой,
Стоит столик кедровой, кедровой.

– Выпей, жона, для меня, для меня.
Родим сына сокола, сокола.

Стоит столик кедровой, кедровой,
Тут гулял один прекрасный кавалер.

Родим сына сокола, сокола,
Ростом, лисом во меня, во меня.

Тут гулял один прекрасный кавалер,
Николай-от Иванович.

Белым лицом во меня, во меня да,
Умом – разумом в тебя, во тебя.

Николай-от Иванович,
Ко столечку подходил, подходил.

Будем сына ущети, ущети да,
По горёнке водити, водити.

Ко столечку подходил, подходил,
Чаю чашку наливал, наливал.

По горёнке водити, водити да,
По головке гладити, гладити.

Чаю чашку наливал, наливал,
Своей жоне подавал, подавал.

122. Недолго веночку на столичке стоять

 = 128

Недолго веноч(и)ку на столичке стоять,
Недолго же Лидоньке во девицах жить.

Всплакнула Максимовна об своей косе:
– Коса ль моя, косанька, русая моя.

Затрубили трубоньки рано по заре,
Всплакнула Максимовна по русой косе.

– Коса ль моя, косанька, русая моя,
Вечер тебя, косанька, мамонька плела.

Вечер тебя, косанька, мамонька плела,
По утру ранёшенько милый расплетал.

Расплетавши косаньку, ленту оборвал,
Оборвавши ленточку, три раз целовал.

По утру ранёшенько милый расплетал,
Расплетавши косаньку, ленту оборвал.

123. Кума, кума выходила

$\text{♩} = 160$

1. Ку- ма, ку- ма вы- хо- ди- ла, ку- ма, ку- ма вы- хо- ди- ла,

Лю- ли, лю- ли вы- хо- ди- ла, лю- ли, лю- ли вы- хо- ди- ла.

2. Пи- рог сдоб-ный вы- но- си- ла, пи- рог сдоб-ный вы- но- си- ла,

Лю- ли, лю- ли вы- но- си- ла, лю- ли, лю- ли вы- но- си- ла.

3. Пи- рог сдоб-ный весь на сдо- бе, пи- рог сдоб-ный весь на сдо- бе,

Лю- ли, лю- ли весь на сдо- бе, лю- ли, лю- ли весь на сдо- бе.

Кума, кума выходила,
Кума, кума выходила.
Люли, люли, выходила,
Люли, люли, выходила.

Пирог сдобный выносила.
Пирог сдобный выносила.
Люли, люли, выносила,
Люли, люли, выносила,

Пирог сдобный весь на сдобе,
Пирог сдобный весь на сдобе.
Люли, люли, да на сдобе,
Люли, люли, да на сдобе.

На двенацати способах,
На двенацати способах.
Люли, люли, да способах,
Люли, люли, да способах.

Полтора пуда крупчатки,
Полтора пуда крупчатки.
Люли, люли, да крупчатки,
Люли, люли, да крупчатки.

Полтора пуда изюма,
Полтора пуда изюма.
Люли, люли, да изюма,
Люли, люли, да изюма.

Полтора пуда и масла,
Полтора пуда и масла.
Люли, люли, да и масла,
Люли, люли, да и масла.

На дворе-то больно вьёт,
На дворе-то больно вьёт.
Люли, люли, больно вьёт,
Люли, люли, больно вьёт.

Пирог в печку не идёт,
Пирог в печку не идёт
Люли, люли, не идёт,
Люли, люли, не идёт.

На дворе-то больно жар,
На дворе-то больно жар.
Люли, люли, больно жар,
Люли, люли, больно жар.

Пирожок в печи соржал,
Пирожок в печи соржал.
Люли, люли, да соржал,
Люли, люли, да соржал.

В чисто поле убежал,
В чисто поле убежал.
Люли, люли, убежал,
Люли, люли, убежал.

Пидесят девиц дагнал,
Пидесят девиц загннал.
Люли, люли, да загннал,
Люли, люли, да загннал.

Пидесят девиц с девицей,
Пидесят девиц с девицей.
Люли, люли, да с девицей,
Люли, люли, да с девицей.

Одна девка всех смеляя,
Одна девка всех смеляя.
Люли, люли, всех смеляя,
Люли, люли, всех смеляя.

В зелен садик заскочила,
В зелен садик заскочила.
Люли, люли, заскочила,
Люли, люли, заскочила.

Зелен садик оценила,
Зелен садик оценила.
Люли, люли, оценила,
Люли, люли, оценила.

Пидесят рублей с трицаткой,
Пидесят рублей с трицаткой.
Люли, люли, да с трицаткой
Люли, люли, да с трицаткой.

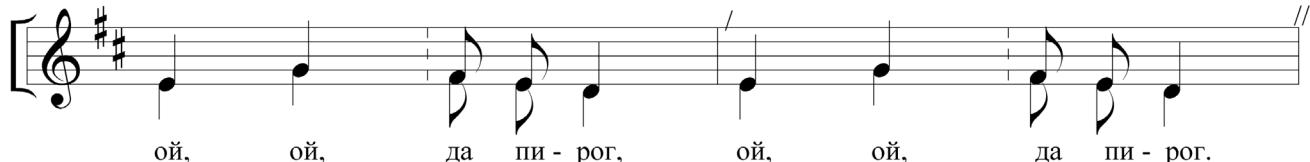
124. Кума, кума выходила

♩ = 192

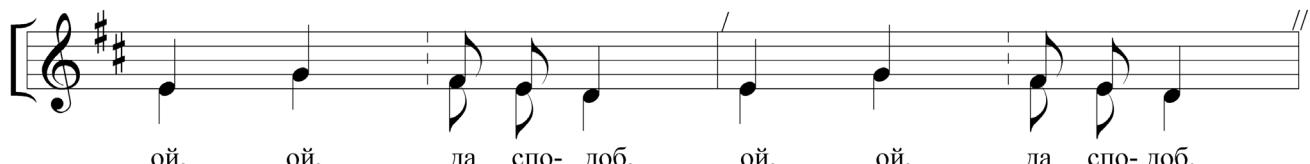
1. Ку - ма, ку - ма вы - хо - ди - ла, пи - рог кур - ный вы - но - си - ла,
ой, ой, вы - но - си - ла, ой, ой, вы - но - си - ла.

2. И - шо э - тот = жо пи - рог, и - шо э - тот = жо пи - рог,

3. Из се - ми - де - сят спо- доб, из се - ми - де - сят спо- доб,

Кума, кума выходила,
Пирог сдобный выносила,
Ой, ой выносила, ой, ой, выносила.

Пирог в печку мы садили,
Пирог в печку мы садили,
Ой, ой, да садили, ой, ой, да садили.

Ишо этот жо пирог,
Ишо этот жо пирог,
Ой, ой, да пирог, ой, ой, да пирог.

Три лопаты подломили,
Три лопаты подломили,
Ой, ой, подломили, ой, ой, подломили.

Из семидесят сподоб,
Из семидесят сподоб,
Ой, ой, да сподоб, ой, ой, да сподоб.

На четвертой посадили,
На четвертой посадили,
Ой, ой, посадили, ой, ой, посадили.

Ишо перва-та сподоба,
Ишо перва-та сподоба,
Ой, ой, да сподоба, йо, ой, да сподоба.

Пирог в печке-то заржал,
Пирог в печке-то заржал,
Ой, ой, да заржал, ой, ой, да заржал.

Полтора пуда муки,
Полтора пуда муки,
Ой, ой, да муки, ой, ой, да муки.

В чисто полё убежал,
В чисто полё убежал,
Ой, ой, убежал, ой, ой, убежал.

Полтораста бито яис,
Полтораста бито яис,
Ой, ой, бито яис, ой, ой, бито яис.

С чисто поля убежал,
С чисто поля убежал,
Ой, ой, прибежал, ой, ой, прибежал.

Полтора кила конфет,
Полтора кила конфет,
Ой, ой, да конфет, ой, ой, да конфет.

Пятьдесят кобыл загнал,
Пятьдесят кобыл загнал,
Ой, ой, да загнал, ой, ой, да загнал.

Полтора пуда изюму,
Полтора пуда изюму,
Ой, ой, да изюму, ой, ой, да изюму.

Пятьдесят кобыл с кобылой,
Пятьдесят кобыл с кобылой,
Ой, ой, да с кобылой, ой, ой, да с кобылой.

Ко столечку прибежал,
Ко столечку прибежал,
Ой, ой, прибежал, ой, ой, прибежал.

По столечку пробежал,
По столечку пробежал,
Ой, ой, пробежал, ой, ой, пробежал.

Сибе цену выряжал,
Сибе цену выряжал,
Ой, ой, выряжал, ой, ой, выряжал.

– Поезжане, не скупитесь,
Поезжане, не скупитесь,
Ой, ой, не скупитесь, ой, ой, не скупитесь.

Пирог курной откупите,
Пирог курной откупите,
Ой, ой, откупите, ой, ой, откупите.

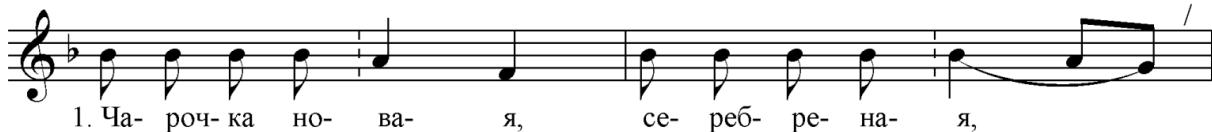
У нас курничку цана,
У нас курничку цана,
Ой, ой, да цана, ой, ой, да цана.

По тридцаточке цана,
По тридцаточке дана,
Ой, ой, да дана, ой, ой, да дана.

По тридцаточке дана,
По тридцаточке дана,
Ой, ой, да дана, ой, ой, да дана.

125. Чарочка новая, серебреная

$\text{♩} = 152$

Чарочка новая, серебреная,
На золотом блюдышке поднесенная.

На золотом блюдышке поднесенная, ох,
Кому чару пить – тому здраву быть.

Ой, ура, ура, ура, да выпивать её пора,
Ой, ура, ура, ура, да выпивать её пора.
Чарочка-коток, покатилась в роток.

126. Чарочка новая, серебряная

The musical score consists of three staves of music in G major (two sharps) and common time. The tempo is indicated as $\text{♩} = 168$. The first staff contains the lyrics for the first part of the song. The second staff continues the melody and lyrics for the second part. The third staff concludes the song with a final question and answer. Measure lines and repeat signs are present to indicate the structure of the piece.

1. Чарочка новая, я, се ребрёня,
На золотом блюдечке подне сёння.

2. На золотом блюдечке подне сёння,
Ко му чару пить?
Ко му брагу пить?

3. Ко му чару пить?
Ко му брагу пить?
Пить чару да, выпивать чару.

Чарочка новая, серебряная,
На золотом блюдечке поднесённая.

На золотом блюдечке поднесённая.
– Кому чару пить? Кому брагу пить?

Кому чару пить? Кому брагу пить?
– Пить чару да, выпивать чару.

Пить чару, да выпивать чару
На доброе здоровье, здоровычко.

Доброе здоровье, здоровычко,
Чарочка-глоток, покатилась в роток.

Чарочка, глоток, покатилась в роток,
Ура, ура, ура, выпивать её пора.

127. На ком кудерцы

$\text{♩} = 140$

1. На ком кудерцы да, на ком русые да,
Ай, люли, люли, на ком русыё?

2. На плече лежат да, ровно жар горят да,
Ай, люли, люли, ровно жар горят.

На ком кудерцы да, на ком русые да,
Ай, люли, люли, на ком русыё?

На плече лежат да, ровно жар горят да,
Ай, люли, люли, ровно жар горят.

Ровно жар горят, женится велят,
Ай, люли, люли, женится велят.

– Ты женись, женись, добрый молодец,
Ай, люли, люли, добрый молодец.

Ты бери, бери дочь крестьянскою,
Ай, люли, люли, дочь крестьянскую.

Дочь крестьянскую да, красну девицу,
Ай, люли, люли, красну девицу.

Красну девицу, рукодельницу,
Ай, люли, люли, рукодельницу.

Она шить-вышивать по канве ковры,
Ай, люли, люли, по канве ковры.

Для добрых бояр, для больших кнезей,
Ай, люли, люли, для больших кнезей.

128. На ком платье

 =160

1. На ком пла - тье, да, на ком цвет - но - е,
 Ай, лю - ли, лю - ли, на ком цвет - но - е.

2. Плать - е бе - ло - е, шаль ат - лас - на - я,
 Ай, лю - ли, лю - ли, шаль ат - лас - на - я.

3. Шаль ат - лас - на - я, кис - ти шёл - ко - вы,
 Ай, лю - ли, лю - ли, кис - ти шёл - ко - вы.

На ком платье да, на ком цветное,
 Ай, люли, люли, на ком цветное?

Брови чёрные, да, надведённые,
 Ай, люли, люли, надведённыё.

Платье белое, шаль атласная,
 Ай, люли, люли, шаль атласная.

Соезжалися князья божиё,
 Ай, люли, люли, князья божиё.

Шаль атласная да, кисти шёлковы,
 Ай, люли, люли, кисти шёлковы.

Над её платьём дивовалися,
 Ай, люли, люли, любовалися.

Кисти шелковы, полушилковы,
 Ай, люли, люли, полушилковы.

Любовалися-дивовалися,
 Ай, люли, люли, дивовалися.

У неё лицо, лицо белое,
 Ай, люли, люли, лицо белое.

— Ишо чьё дитё нароженоё,
 Ай, люли, люли, нароженоё?

Лицо белое, брови чёрные,
 Ай, люли, люли, брови чёрные.

Во большо место посаженоё,
 Ай, люли, люли, посаженоё.

129. Месяц по небу

$\text{♩} = 160$

1. Ме- сяц по не- бу, да, царь по го- ро- ду,
Ай, да, лю- ли, лю - ли, царь по го- ро- ду.

2. Что у ме- ся- ца, да, у прес- вет- ло- ва,
Ай, да, лю-ли лю - ли, у прес- вет- ло- ва.

3. Од- на звёз- ды-ня, да, са- мо яр- ки- я,
Ай, да, лю- ли лю- ли, са- мо яр- ки- я.

Месяц по небу, да, царь – по городу,
Ай, да, люли, люли, царь – по городу.

 Что у месяца да, у пресветлова,
Ай, да, люли, люли, у пресветлого.

 Одна звёздыня да само яркия,
Ай, да, люли, люли, само яркия.

 У царя в полку да человека нет,
Ай, да, люли, люли, человека нет.

 Он уехал жа во иной город,
Ай, да, люли, люли, во иной город.

 Во иной город, в Черновско село,
Ай, да, люли, люли, в Черновско село.

Он засватал же сибе девицу,
Ай, да, люли, люли, сибе девицу.

 Приезжал домой, говорил сестре да,
Ай, да, люли, люли, говорил сестре.

 – Сестра милая, сестра любимая,
Ай, да, люли, люли, сестрица любимая.

 Мети в горенке, роздвигай столы,
Ай, да, люли, люли, роздвигай столы.

 Роздвигай столы, столы дубовые,
Ай, да, люли, люли, столики дубовые.

 Стели скатерти, все шелковые,
Ай, да, люли, люли, все шелковые.

— Милый братец мой, что за пир будёт,
Ай, да, люли, люли, что за свадебка?

— Мила сестрица, жениться хочу,
Ай, да, люли, люли, жениться хочу.

— Ты женись, женись, добрый молодец,
Ай, да, люли, люли, добрый молодец.

Ты возьми, возьми да, сибе девицу,
Ай, да, люли, люли, сибе девицу.

Сибе девицу да, рукодельницу.
Ай, да, люли, люли, рукодельницу.

Рукодельницу да, дочь отеческу,
Ай, да, люли, люли, дочь отеческу.

Дочь отеческу да, дочь купеческу.
Ай, да, люли, люли, дочь купеческу.

130. Как под яблонью кровать

$\text{♩} = 126$

1. Как под яблонью кровать, под кудрявой тесова,
Ай, ли, ай, ли, ай, люли, под кудрявой тесова.

2. Как на этой на кровати кавалер молодой,
Ай, ли, ай, ли, ай, люли, кавалер молодой.

3. Кавалер молодой с красной девицей постой,
Ай, ли, ай, ли, ай, люли, с красной девицей постой.

Как под яблонью кровать, под кудрявой тесова,
Ай, ли, ай, ли, ай, люли, под кудрявой тесова.

Как на этой на кровати, кавалер молодой,
Ай, ли, ай, ли, ай, люли, кавалер молодой.

Кавалер молодой, с красной девицей постой,
Ай, ли, ай, ли, ай, люли, с красной девицей постой.

С красной девицей душой, са девицей погоди.
Ай, ли, ай, ли, ай, люли, са девицей погоди.

131. Как под яблонью кровать

Как под яблонью кровать, под кудревой тесовой.
Ай, ли, ай, ли, ай, люли, под кудрявой тесовой.

Как на этой на кровати кавалер молодой,
Ай, ли, ай, ли, ай, люли, кавалер молодой.

Кавалер молодой, неженатый, холостой,
Ай, ли, ай, ли, ай, люли, неженатый, холостой.

Как за этим, перед ним, слуги верные стоят,
Ай, ли, ай, ли, ай, люли, слуги верные стоят.

Роздевают, разувают, спать укладывают,
Ай, ли, ай, ли, ай, люли, спать укладывают.

— Спи-ко, спи-ко, кавалер, пробудися, молодой,
Ай, ли, ай, ли, ай, люли, пробудися, молодой.

Пробудися, молодой, что корабль пришёл водой,
Ай, ли, ай, ли, ай, люли, что корабль пришёл водой.

Что корабль пришёл водой, с красной девицей-душой,
Ай, ли, ай, ли, ай, люли, с красной девицей-душой.

— Не могу я, братцы, встать, буйну голову поднять,
Белы ручки не берут, резвы ножки не идут,
Ай, ли, ай, ли, ай, люли, резвы ножки не идут.

132. Как по блюдышку, блюду серебряному

$\text{♩} = 126$

The musical score consists of four staves of music in G major, 2/4 time. The first staff begins with a dotted half note followed by eighth notes. The lyrics are: "1. Как по блю- дыш- ку, блю- ду се- реб- ря- но- му,". The second staff continues with eighth notes and sixteenth-note patterns. The lyrics are: "Пла- ва- ла ча- роч- ка зо- ло- та- я.". The third staff begins with a dotted half note followed by eighth notes. The lyrics are: "2. Пла- ва- ла ча- роч- ка зо- ло- та- я,". The fourth staff continues with eighth notes and sixteenth-note patterns. The lyrics are: "Зо- ло- та- я, по- зо- ло- чен- на- я."

Как по блюдышку, блюду серебряному,
Плавала чарочка золотая.

Плавала чарочка золотая,
Золотая, позолоченная.

Золотая, позолоченная,
Некому чарочку перенести.

Некому чарочку перенести,
Взялся, принял эдикт гражданин.

Взялся, принял эдикт гражданин,
Сам(ы) запьёт и жене подаст.

Сам(ы) запьёт и жене подаст:
— Кушай, жена, кушай, барыня моя.

Кушай, жена, кушай, барыня моя.
– Нет, не хочу, прось не хочется.

Нет, не хочу, прось не хочется,
Вчера мне, младеньке, маленько спалось.

Вчера мне, младеньке, маленько спалось,
Мало спалось, много виделось.

Мало спалось, много виделось,
Виделось, перевиделось.

Виделось, перевиделось,
Будто у нас на широком дворе.

Будто у нас на широком дворе,
Выросла травонька шёлковая.

Выросла травонька шёлковая,
Шелковая, полушелковая.

Шёлковая, полушёлковая,
Алые цветики – дети у нас.

Алые цветики – дети у нас,
Дети у нас, офицеры при нас.

133. Ты, рябинушка, ты, кудрявая

The musical score consists of three staves of music for voice and piano. The tempo is indicated as $\text{♩} = 63$. The lyrics are written below each staff, corresponding to the musical phrases. The first staff starts with "1.-Ты ря-би-", the second with "2. Ты ког-да", and the third with "3. -Я вес-ной". The music features eighth-note patterns and various rests.

1.-Ты ря-би- нуш- ка, ты куд- ря- ва- я.

2. Ты ког- да взош- ла, ког-да вы- рос- ла?

3. -Я вес-ной взош- ла, ле- том вы- рос- ла.

– Ты, рябинушка, ты, кудрявая,
Ты когда взошла, летом выросла?
– Я весной взошла, летом выросла.
Не сама собой пошатнулася.
Пошатили меня ветры буйные.
– Ты не плачь, не плачь, наша Нинушка,
Ты не плачь-ка, не плачь, да Ивановна.
Не гневи-ка ты родного батюшку.
Не гневи-ка ты родную мамушку, да.
Не гневи-ка, не гневи, да сестричек сваих.
Повезут тебя к храму Божьему.
Поклонися ты там Божьей матери.
Обвенчают вас с добрым молодцом.

134. Брошу я колечко, да, брошу да золотое

$\text{♩} = 176$

1. Бро - шу я ко - леч - ко, да

бро - шу да зо - ло - то - е во быст-ру - ю реч - ку,

во быст-ру - ю реч - ку.

2. Пусть мо - ё ко - леч - ко,

пусть мо - ё зо - ло - то - е не плы-вёт, не то - нет,

не плы-вёт, не то - нет.

Брошу я колечко, да, брошу да золотое
Во быструю речку, во быструю речку.

Пусть моё колечко, пусть моё золотое,
Не плывёт, не тонет, не плывёт, не тонет.

К бережку приплывает, к крутыму приплывает,
Водой замывает, песком засыпает.

Ещё кто у нас хороший, ещё кто неженатый?
– Сам я кудреватой, холост, неженатой.

Сергей-то у нас холост, Геннадьевич неженатый,
Сам я кудреватой, холост, неженатой.

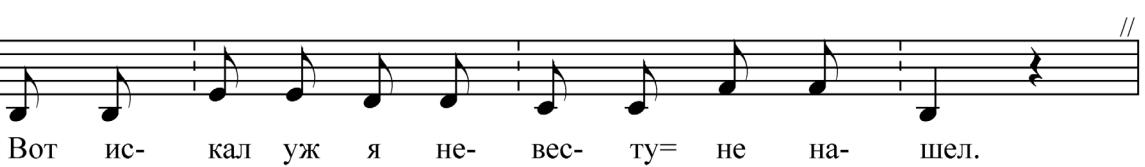
Его девицы любят, его красные любят,
Любят, приголубят, присядут, поцелуют.

135. Вот искал уж я невесту – не нашёл

$\text{♩} = 120$

1. Вот ис- кал уж я не - вес- ту= не на- шел,

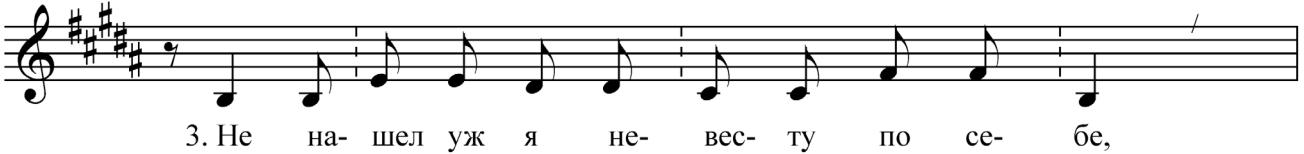
Вот ис- кал уж я не- вес- ту= не на- шел.

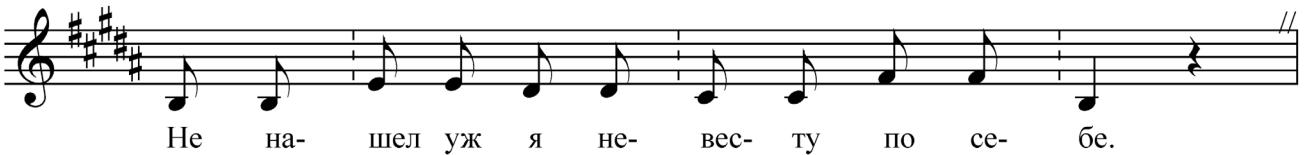
2. Был я, был я в О- рен- бур- ге и Мос- кве,

Был я, был я в О- рен- бур- ге и Мос- кве.

3. Не на- шел уж я не- вес- ту по се- бе,

Не на- шел уж я не- вес- ту по се- бе.

Вот искал уж я невесту – не нашёл,
Вот искал уж я невесту – не нашёл.

Был я, был я в Оренбурге и Москве,
Был я, был я в Оренбурге и Москве.

Не нашёл уж я невесту по себе,
Не нашёл уж я невесту по себе.

Воротюся я во Воткинский завод,
Воротюся я во Воткинский завод.

Во собор зайду, там Богу помолюсь,
Во собор зайду, там Богу помолюсь.

На все стороны четыре поклонюсь.

136. Во саду ли виноград растёт

$\text{♩} = 140$

Bo саду ли виноград растёт, да

Bo саду ли виноград растёт,

Али я-го-да ма-ли-на по го-рам цве-тет,

Али я-го-да ма-ли-на свет Илья гос-по-дин,

Али я-го-да ма-ли-на свет Василь-е-вич.

Али я-го-да ма-ли-на свет Еле-на - ду-ша,

Али я-го-да ма-ли-на А-лек-сандр-ров-на.

Во саду ли виноград растёт,
 Во саду ли виноград растёт.
 Али ягода малина, по горам цветёт,
 Али ягода малина, свет Геннадий господин,
 Али ягода малина, да и Павлович.
 Али ягода малина, свет Галина душа,
 Али ягода малина, да Сергеевна.
 Им же люди позавидовали,
 Им же люди позавидовали,
 Что в совете, да в любови хорошо они живут,
 Что в совете да в любови хорошо они живут.
 – Не дивуйте, люди добры,
 Не дивуйте, люди добры,
 Уж вы сами-то кого – поживите хорошо,
 Уж вы сами-то кого – поживите хорошо.

137. На калинке соловейко сидел

$\text{♩} = 240$

1. На ка- лин-ке со-ло- вей- ко си- дел, горь-ку я- го- ду ка- ли- ну вос-ку-шал.
 2. Горь-ку я- го- ду ка- ли- ну вос-ку- шал, он зе- лё- ну- ю на низ о- пус- ка- л.
 3. Всю он оч-ку на ка- лин-ке про-си- дел, всю он тём- ну- ю на ней про-сви-стал.
 Ка- ле- ну стре-лу на- ка- ли- ва- ти, ка- ле-ной стре-лой на- ка- зы- ва- ти.

На калинке соловейко сидел,
 Горьку ягоду калину воскушал.

Горьку ягоду калину воскушал,
 Он зелёную на низ опускал.

Он зелёную на низ опускал,
 Прилетали к соловью два соловья.

Прилетали к соловью два соловья,
 Звали, звали соловейку в зелен сад.

Звали, звали соловейку в зелен сад,
 Соловейку не летел, не летел.

Соловейку не летел, не летел,
 Всю он очку на калинке просидел.

Всю он очку на калинке просидел,
 Всю он тёмную на ней просвистал.

Всю он тёмную на ней просвистал,
 Добрый молодец во гусельцы играл.

Добрый молодец во гусельцы играл,
Красна девица выслушивала.

Красна девица выслушивала,
Добра молодца восхваливала.

Добра молодца восхваливала:
– Он горазд, горазд во гусельцы играть.

Он горазд, горазд во гусельцы играть,
Он горазд песни слушати.

Он горазд песни слушати.
Калену стрелу накаливати.

Калену стрелу накаливати.
Каленой стреле наказывати.

Каленой стреле наказывати:
– Ты лети, лети, калёная стрела.

Ты лети, лети, калёная стрела,
Через три поля в зелёные луга.

Через три поля в зелёные луга,
Ты убей, убей, калёная стрела,

Ты убей, убей, калёная стрела
Серу утицу на Волге на реке.

Серу утицу на Волге на реке,
Лебедь белую на синем на море.

Лебедь белую на синем на море,
Красну девицу в высоком тереме.

Лебедь белая – постеле пухова,
Сера утица – ества моя.

Сера утица – ества моя,
Красна девица – невестка моя.

Лебедь белую – постелю постелю,
Серу утицу – на стол принесу.

Серу утицу – на стол принесу,
Красну девицу за стол поведу.

138. Долина, долинуша, роздольё широкое

1. До- ли- на, до- ли- ну- ша, роз- доль- ёши- ро- ко- ё

Ой, ли, ой, лю- ли, роз- доль- ёши- ро- ко- ё.

2. Роз- доль- ёши- ро- ко- ё, гу- лянь- ё ве- сё- ло- ё,

Ой, ли, ой, лю- ли, гу- лянь- ё ве- сё- ло- ё.

Долина-долинуша, роздольё широкое,
Ой, ли, ой, люли, роздольё широкое.

Роздольё широкое, гуляньё весёлое,
Ой, ли, ой, люли, гуляньё весёлое.

По этой долинуше гуляет детинуша,
Ой, ли, ой, люли, гуляет детинуша.

Детинуша молодой, неженатый – холостой,
Ой, ли, ой, люли, неженатый – холостой.

139. Из-под кусту

♩ = 140

1. Из=под кусту, из=под кус-ту, из=под кус-ту не-во-да, из=под кус-ту не-во-да.

2. Плы-вёт го-голь, плы-вёт гоголь, зо- ло-та- я го-ло- ва, зо- ло-та- я го-ло- ва.

Из-под кусту, из-под кусту,

Из-под кусту, невода, из-под кусту, невода.

Плы-вёт гоголь, плы-вёт гоголь,
Золотая голова, золотая голова.

У гоглюши, у гоглюши,
Позолоченая, позолоченая.

Что у Васи, у Иваныча
Есть хорошая жана, есь хороша госпожа.

– Кабы к утру, кабы к утру –
Калачом с мёдом кормил, калачом с мёдом кормил.

Кабы ко дню, кабы ко дню –
Во карете бы катал, во карете бы катал.

Кабы к noche, кабы к noche –
В колыбеле бы качал.

140. Как у чарочки, у серебеною

$\text{♩} = 128$

1. Как у ча - роч - ки, у се - реб - ре - но - ю,

||

Зо - лот че - ре - шо - чек, зо - лот че - ре - шо - чек.

2. Как у И - ва - на - то, у Ген - на - дье - ви - ча,

||

Зо - ло - той у - мо - чек, зо - ло - той у - мо - чек.

Как у чарочки, у серебеною,
Золот черешочек, золот черешочек.

Как у Ивана-то, у Геннадьевича,
Золотой умочек, золотой умочек.

Где не ходит, не гуляет –
Всё домой приходит, всё домой приходит.

К огородчикам подходит, к огородчикам подходит,
Жену выкликает, жену выкликает.

– Выйди, выйди, жена, встречь, выйди, выйди, жена, встречь,
Жена молодая, жена молодая.

– Не иду, не иду, не встречаю, не иду, не иду, не встречаю,
Все сына качаю, все сына качаю.

Сына милого качаю, сына милого качаю,
Заменушку чаю, заменушку чаю.

Я заменушку такую, я заменушку такую –
Сваху молодую, сваху молодую.

141. Ни с-по бережку бочёночек катается

$\text{♩} = 240$

The musical score consists of three staves of music in G clef, 2/4 time, and B-flat key signature. The first staff contains the first two lines of lyrics. The second staff contains the third line of lyrics. The third staff contains the fourth line of lyrics.

1. Ни с=по бе- реж-ку бо- чё- но- чек ка- та- ет- ся,
Вот и лю- ли, вот и лю- ли, вот и лю- люш-ки лю- ли да,

2. Он ка- та- ет- ся да, он ва- ля- ет- ся,
Вот и лю- ли, вот и лю- ли, вот и лю- люш-ки лю- ли.

3. Ох, ты, Ан- нуш-ка, ро- зуй, до- ро- га- я, ты ро- зуй,
Вот и лю- ли, вот и лю- ли, вот и лю- люш-ки лю- ли.

Ни с-по бережку бочёночек катается,
Вот и люли, вот и люли, вот и люлюшки люли да.

Он катается да, он валяется,
Вот и люли, вот и люли, вот и люлюшки люли.

Што Иван-от над женой да, издевается,
Вот и люли, вот и люли, вот и люлюшки мои.

— Ох ты, Аннушка, розуй, дорогая ты, розуй,
Вот и люли, вот и люли, вот и люлюшки мои.

— Перву ногу я розула, да Иваном назвала.
Вот и люли, вот и люли, вот и люлюшки мои.

Да вторую-то розула, Николаевичем.
Вот и люли, вот и люли, вот и люлюшки мои.

А обутки понесла — косолапым назвала,
Вот и люли, вот и люли, вот и люлюшки мои.

142. На блюдочке, на тарелочке

$\text{♩} = 120$

1. На блю- доч- ке,
На та- ре- лоч- ке, зо- ло- той ви- но- чик,
Зо- ло- той ви- но- чик.

2. У Ни- ко-ла- я= то,
Ва- силь- е- ви- ча, зо- ло- той у- мо- чик,
Зо- ло- той у- мо- чик.

3. Где не хо- дит, не гу- ля- ет,
Где не хо- дит, не гу- ля- ет, = всё до- мой при- хо- дит,
Всё до- мой при- хо- дит.

На блюдочке, на тарелочке,
Золотой виночик, золотой виночик.

У Николая-то, Васильевича,
Золотой умочик, золотой умочик.

Где не ходит, не гуляет, где не ходит, не гуляет,
Всё домой приходит, всё домой приходит.

Ко воротчикам подходит, ко воротчикам подходит,
Свою жону кречит, свою жону кречит.

— Выйди, выйди, жона, встречь, выйди, выйди, жона, встречь,
Выйди, молодая, выйди, молодая.

Не выходит, не [в]стречает,
Не выходит, не [в]стречает,
Всё сына качает, всё сына качает.

Сына милова качает, сына милова качает,
Замен выручает, замен выручает.

И заменушу большую, и заменушу большую,
Сноху молодую, сноху молодую.

143. По реке, речке

$\text{♩} = 140$

1. По ре - ке, реч- ке, по ре - ке, реч-ке,

По ре-ке, реч-ке быс - тра-ю, по ре-ке, реч-ке быс - тра-ю.

2. Там ко - рабль плы-вёт, там ко - рабль плы- вёт,

До - ро-ги - ми по - дар - ка- ми, со ат-ла - сом, со бар - ха- том.

3. По бе - реж - ку шла, по бе - реж - ку шла

мо - ло-да - я бо - я - ро-ня, свет И-ри - на - то Пав - лов-на.

По реке, речке, по реке, речке,
По реке, речке быстраю, по реке, речке быстраю.

Там корабль плывёт, там корабль плывёт,
Дорогими подарками – со атласом, со бархатом.

По бережку шла, по бережку шла
Молодая боярыня свет <имя, отчество>.

Она кликала, она кликала
Своего друга милого, свет <имя, отчество>:

– Без тебя, милый друг, без тебя, милый друг,
Без тебя сына родила, без тебя дочку милую.

Я для сына-та, я для дочери,
Не стою, неворочаюсь, не стою, не ворочаюсь.

Я для дочери, я для милай-та
Все стою, да ворочаюсь, все стою, да ворочаюсь.

144. Кто у нас хороший?

$\text{♩} = 160$

Musical notation for the first part of the song. The key signature is one flat (F#), and the time signature is common time (indicated by '8'). The melody consists of eighth notes and sixteenth notes. The lyrics are: '1. Кто у нас хороший? Кто у нас пригожай?' followed by a repeat sign and 'Ро... за мой, ро-за, ви- ног- рад зе- ле- най.'

Continuation of the musical notation for the first part. The lyrics continue: 'Ро... за мой, ро-за, ви- ног- рад зе- ле- най.' The notation shows a continuation of the melody with eighth and sixteenth notes.

Musical notation for the second part of the song. The lyrics are: '2. Ваня= та хороший, Вано- вич при- гожай,' followed by a repeat sign and 'Ро... за мой, ро-за, ви- ног- рад зе- лё- най.'

Continuation of the musical notation for the second part. The lyrics continue: 'Ро... за мой, ро-за, ви- ног- рад зе- лё- най.' The notation shows a continuation of the melody with eighth and sixteenth notes.

— Кто у нас хороший? Кто у нас пригожай?
Ро... за мой роза, виноград зелёной.

— Ваня-та хороший, Ванович пригожай,
Ро... за мой роза, виноград зелёной.

Белай, кудреватой, холост, неженатой,
Ро... за мой роза, виноград зелёной.

В зеркальце смотрелся, сам над собой дивился,
Роза мой роза, виноград зелёной.

На крыльце выходит, конь к н'яму подходит,
Роза мой роза, виноград зелёной.

На коня садился, конь под ним бодрился,
Роза мой роза, виноград зелёной.

Плеточкой он машот, конь-от под ним пляшот,
Роза мой роза, виноград зелёной.

По улице едёт, вся улица смотрит,
Роза мой роза, виноград зелёной.

К лушкам подъежжают, лушки зеленеют,
Роза мой роза, виноград зелёной.

Лушки зеленеют, цветики алеют,
Роза мой роза, виноград зелёной.

К речке подъежжает, реченька играет,
Роза мой роза, виноград зелёной.

К лесу подъежжает, лес-от к ему клонит,
Роза мой роза, виноград зелёной.

К девице подъежжает, девица встречает,
Роза мой роза, виноград зелёной.

— Пойдём, погулямся, пойдём, покатамся,
Роза мой роза, виноград зелёной.

К дому подъежжает, маминька встречает,
Роза мой роза, виноград зелёной.

Маминька встречает, сыном называет,
Роза мой роза, виноград зелёный.

— Сын ты мой, сыночек, ясной соколочек,
Роза мой роза, виноград зелёный.

Где ты загулялся, где ты забавлялся?
Роза мой роза, виноград зелёный.

— Был я у девицы, был у красавицы,
Роза мой роза, виноград зелёный.

Там я разгулялся, там я увлекался,
Роза мой роза, виноград зелёный.

145. Ох, ты, мальчик, мой да, розудальчик, мой

= 240

1. Ох, ты, мальчик, мой да, разудальчик мой,

Чернобровый, черноглазый, русы кудре-ва-той.

2. Чернобровый, черноглазый, русы кудре-ва-той,

Русы кудрцы ви-ты-е, настас-ны-е во-ло-са.

3. Русы кудрцы ви-ты-е, настас-ны-е во-ло-са,

Настас-ны-е, на-ви-ты-е, при-на-пудрен-ны-е.

— Ох, ты, мальчик, мой да, розудальчик, мой,
Чернобровый, черноглазый, русый, кудревато...

Чернобровой, черноглазой, русый, кудреватой,
Русы кудерцы витые, наставные волоса.

Русы кудерцы витые, наставные волоса,
Наставные, налитые, принапудренныё.

146. Ои, как по синему по морюшку

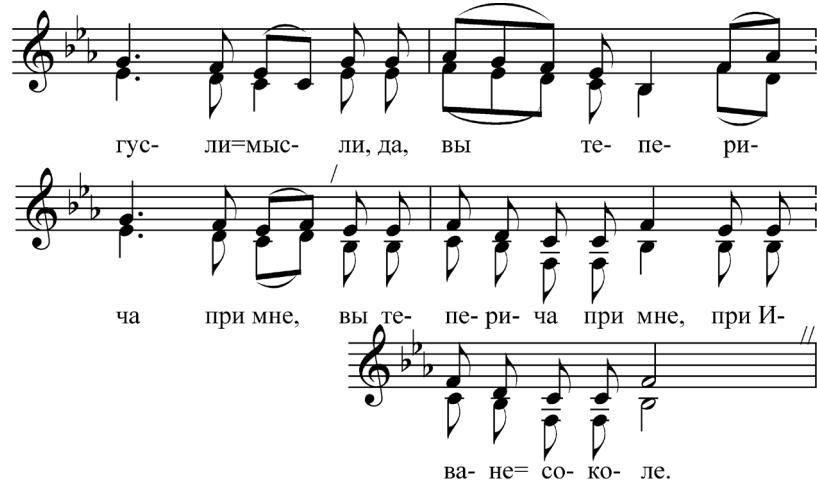
♩ = 86

The musical score consists of three staves of music in G clef, common time, with a key signature of one flat. The first staff begins with a fermata over a note. The lyrics are:

1. О- и как по си- не-
му по мо- рюш- ку ко- раб- ли-
чек бе- жит, он бе- жит так и бе- жит, к се- лу
го- ро- ду спе- шит.

2. О- и во ко- раб- лич-
ке Ва- ню- шень- ка по- гу-
ли- ва- ет, он во звон-ча- ты во гу-сель-ки на-
иг- ры- ва- ет.

3. О- и по-иг- рай- те

Ои, как по синему по морюшку
Корабличек бежит,
Он бежит-таки бежит,
К селу-городу спешит.

Ои, во корабличке Ванюшенька
Погуливает,
Он во звончаты во гусельки
Наигрывает.

– Ои, поиграйте, гусли-мысли, да,
Вы теперича при мне,
Вы теперича при мне,
При Иване-соколе.

Ой, вы теперича при мне,
При Иване-соколе,
При Иване, Иване,
Ивановиче.

Ой, Иван ходит по двору, да,
Его мати у ворот,
Его мати Катерина
Ване речи говорила.

– Ой, полно, Ваня, перестань, да
Прочь от девушек отстань!
– Тебе, мама, не унять, да
За реку в гости гулять.

Ой, за рекой, за реченькой, да
Во большой слободушке
Люди добрые живут,
Все бояре да купцы.

147. Поставили меня дружкой

Поставили меня дружкой.
Я – дружка-Петрушка,
Спал на красных подушках.
Встал с полуночи,
Гнал со всей мочи.
(Лошадь была рыжая, лысая).

Выезжаю я на высокий бугор,
Увидал я свата широкий двор.
Подъезжаю к сватову дому,
А у свата дом, как терем.

Заезжаю я во двор –
Чуть меня бык не сбол.
Захожу я в сени –
Чуть меня телята не съели.

Шёл я по лесенкам частым,
Шёл, шёл, да назад сдался,
А у меня, у дружки,
У штанов гасник порвался.

Поезжане говорят,
Что дружка совсем спился,
За медные скобы открывал –
Чуть железные крюки не сломал.

Прыг-скок через порог,
Чуть ноги переволок.
Вдоль полу проходивши,
Во все стороны поклонившись:

– Здравствуйте, сват и сватьюшка,
Не у вас ли сегодня свадебка?
Брали ли винца?
Брали ли пивца?
Ожидали ли вы гостей
На сегодняшний день?
Я, дружка, вашего дела
Не ведал – не гадал,
Как в один день угадал.

Сват да сватьюшка, не забывайте,
Подворотню-то доставайте.
Я-то, дружка, бойкий проёхал,
А сзади меня везли сваху.
Ту сваху-то свалили,
Да до пупа заголили,
Народ удивили.
Свахе было стыдно, –
И мне нехорошо.

Мы ничего не знали,
Как вы за столом стояли,
По рукам колотили, да
Зелёную водочку пили.
Мы от нашего князя
Поклончики принимали.

Сват и сватьюшка,
Подайте нам по рюмочке винца,
По чарочке пивца.

Ехал я лесом, лес был долог –
Семьдесят семь ёлок,
Двадцать пять берёз.
У меня, у дружки,
Чуть язык не замёрз!

Сват и сватьюшка,
Нет ли у вас чего-нибудь
Тёпленького напиться?
Может, язычок оттаял бы,
А я бы с вами
Ещё чего-нибудь набаял.

Наш князь молодой
Велел поставить ко столу,
Стольничков-придворничков.
Чтобы наши кони кормились
Сеном зелёным, да
Овсом толчёным.
Если нет овса толчёного –
То снимай портки,
С левой ноги онучу –
И всю ночь промучу.

А вы, сват да сватьюшка,
Лезьте на полати
В бездонное лукошко,
Открывайте дымное окошко,
Посмотрите в чисто поле,
В широкое раздолье –
Там едет наш князь молодой.

Наш князь живет богато –
Под гору покато.
Чего не хвати –
Все в люди иди!

У нашего князя случилась беда:
Приезжали воры
На седьмом полозу,

На семи петухах.
Привезли инструменту:
Соломенную пешню и
Редешный лом.

Ворвалися под коневую слегу,
Провалились в подвал,
И уташили добра немало:
Грядку яиц,
Мордовку масла,
Шерсти полууштоф...
Но ничего!

У нашего князя
Осталось добра немало.
Есть и овощи в огороде:
Хрен да луковица,
Есть и медная посуда:
Крест да пуговица.

Был тулупчик непростой
Из новинки из толстой –
И его воры уташили...

Но ничего!
Наш князь стоит у крыльца
Лучше всякого молодца.
Да и у нашего князя
Был тулупчик непростой,
А енотовый.
И его воры уташили!..

Но ничего!
У нашего князя осталось
Еще три тулупа:
Один до пупа, другой короче,
А третий ворочали, ворочали,
А одевать-то нечего!

На это дело даётся...
Взяли, попросили,
Зад – сватов,
Перед – зятьёв.
Взяли на пуговицы
Две курицы,
На опушки
Две кукушки,
Оболокли и сюда приволокли.

Наш зять сидит у крыльца
Лучше всякого молодца.
У нашего князя
И скотинушки немало:
Коровушка бурая,

Коровушка будет,
Коровушка есть,
Коровушку даст тесть!
Была коровушка добра –
Одни кости да ребра.
Мы её взяли, да зарезали.
Передок-то съели,
А задок ко стене привалили.
Тридцать три года доили,
Масло копили,
С девушками гуляли,
А за это нас
Зелёной водочкой угощали.

– Эх вы, милые ребятки,
Лезьте на полатки.
Синие ваши пятки,
Косые желудки,
Синие пупки,
Лук перегребати.
Там стоит на печке кринка с тестом:
Тесто-то хлебайте,
Меня, дружку, не ругайте!

– А вы, милые девчата,
Идите в чисто поле,
В широкое раздолье.
Там посейян загон репы.
Репу-то ешьте, но
Не воруйте,
Меня, дружку, не ругайте
И князя помилуйте!
А сами, красные девицы,
Замуж собирайтесь.

Пойду, посмотрю,
Не приехала ли свадебка?
Не привезли ли
Модный подарочек?

– Вы, девушки-матушки,
Посторонитесь,
Как бы на ваши ноженьки
Не наступити!

Да, вот у меня едет
Полудружье Феклист,
Он на руку не чист.

– Здравствуй, княгиня молодая,
Я вам несу подарки:
Духи и помаду,
Башмачки сварёные –
Каблучки точёные,
Тулуп енотовый.

Если шея немотана,
То приедешь к нам –
Намотаем тебе там!

Наш князь молодой
Велел княгине
Не лениться, собираться,
И с нами в путь отправляться!

– Сват и сватьюшка,
Подайте Христа ради:
Шаньгу стару,
Яиц пару,
Мучки совочек,
Холсту остаток аршин с десяток,
И стаканчиков шесть.
И нашей молитве будет конец!

148. Скок-поскок через мосток

Скок-поскок через мосток,
А через ваш порог –
Так я еле ноги переволок.
На пол-от ступил –
Так пол-от гнетси и сгибается,
В ваши хоромы сразу не пробраться,
А сказывать иль нет ишо?

– Ему говорят: «Сказывай!».

А лошадь-то космата, завезла ко свату,
А у свата-то угошать-то нечем,
Только лёгкое да печень, да
Лебяжные шаньги да,
Хлеба каравай.
А ты-то, сваток, попить-то,
Выпить-то почаше давай.

– Должны поднести рюмочку.

– А что, сват да сватьюшка,
Здесь ли сегодня свадебка?

– Ему отвечают: «Здесь!»

– А вот ведь сколь рядили да,
Не рядили да,
В один день угодили.

А мне сейчас бы рюмочку винца да,
Кружечку пивца.
Так я бы рассказал вам сказочку
До самого конца

– И опять ему, значит, рюмочку. И потом
говорят:

– Вот ведь, князь-то у нас,
С большим подарком,
А невесты-то не видать!

У нас есть садок,
У вас есть цветок,
Нельзя ли ваш цветок?
Посадить в наш садок?

149. Ехали мы волок-от

Ехали мы волок-от,
Волок-от долог,
Семьсот семьдесят тысяч ёлок.
На ёлки поглядели –
Пити-ести захотели.

По вашим полюшкам,
На наших конюшках –
Семеро сани, по семеро в санях.
Тулупы тёплые, овчинные,
Рубахи на всех атласные.

Дружка по сенечкам
Тихонечку пробирается,
Тихонечку за скобочку хватается,
Тихонечку дверь отворяется.

Скок через порог –
Чуть ноженьки переволок.

– Сватья и сватьюшка,
Сегодня ли у вас свадьбушка?
У нас сегодня, и у вас сегодня.

Дружка тихонечку к столу пробирается:
– Ну-ка, жених, веди свою невесту за стол!

– А девочки невесту не отдавали, требовали выкуп.
Просили с «Лениным», бумажные.

– Эй, вы, девицы – девицы,
Пирожны мастерицы,
Дочери отецкие, жёны молодецкие!
Титечки востреньки, а они и пёстреньки.

– Эй вы, старые старушки,
Сметанны облизушки!
Полезайте на полати –
Вам лук перебирати!

– А вы, малые детишки,
Вам не драться, не бороться.
Только репы напороться!

150. Наша-то невеста – Загромозда Ивановна!

Наша-то невеста – Загромозда Ивановна!
Растворин – ничего, поставит на цело.
Киснет да киснет – да как брызнёт.
Только шары береги!
В печь поставит пироги да пышки,
Из печи достанет на криночки покрышки.
Отрежешь – осечка,
Сожмешь – жмулька,
Отложишь – пичужка,
Сидит, глядит и не летит.

КОММЕНТАРИИ

- 1. Ой, не огневайся, милая сестрица,** причет невесты. Зап. в 1995 г. в с. Кварса Воткинского р-на от Сентяковой Е. Н., 1928 г. р. Нот. Степановой Е. А.
- 2. Растопилася банюшка,** банный причет. Зап. в 2002 г. в д. В. Юри Можгинского р-на от Сергеевой В. Т., 1941 г. р. Нот. Николаева Р.
- 3. Сестрица у братика в головах сидела,** причет при бужсении невесты. Зап. в 2003 г. в д. Русский Сюгаил Можгинского р-на от Костылевой Н. С., 1922 г. р. Нот. Елькиной Ек.
- 4. Подруженьки да, мои милые,** причет невесты на девишинке. Зап. Л. Г. Ухановой в период 1967–1987 гг. в д. Липовка Кизнерского р-на. Нот. Наймушиной Т. Г.
- 5. Вы, подруженьки, вы, любимые,** причет невесты перед баней. Зап. Л. Г. Ухановой в период 1967–1987 гг. в д. Липовка Кизнерского р-на. Нот. Наймушиной Т. Г. Текст к политектстовому напеву № 4.
- 6. Вы, подруженьки, вы, любимые,** причет невесты в бане. Зап. Л. Г. Ухановой в период 1967–1987 гг. в д. Липовка Кизнерского р-на. Нот. Наймушиной Т. Г. Текст к политектстовому напеву № 4.
- 7. Ты, родимой мой брателко,** причет невесты после бани. Зап. Л. Г. Ухановой в период 1967–1987 гг. в д. Липовка Кизнерского р-на. Нот. Наймушиной Т. Г. Текст к политектстовому напеву № 4.
- 8. Родима моя сестрица,** причет невесты после бани. Зап. Л. Г. Ухановой в период 1967–1987 гг. в д. Липовка Кизнерского р-на. Нот. Наймушиной Т. Г. Текст к политектстовому напеву № 4.
- 9. Родима моя мамонька,** причет невесты после бани. Зап. Л. Г. Ухановой в период 1967–1987 гг. в д. Липовка Кизнерского р-на. Нот. Наймушиной Т. Г. Текст к политектстовому напеву № 4.
- 10. Родимой мой батюшко,** причет невесты после бани. Зап. Л. Г. Ухановой в период 1967–1987 гг. в д. Липовка Кизнерского р-на. Нот. Наймушиной Т. Г. Текст к политектстовому напеву № 4.
- 11. Не ветром двери-то отворилися,** причет при расплетении косы. Зап. в 1998 г. в д. Патраки Якшур-Бодьинского р-на от Михалевой К. Я., 1920 г. р. Нот. Поповой Н.
- 12. Ой, да, не ветром двери открываются,** причет девушек при расплетении косы. Зап. в 2001 г. в г. Воткинске от Пермяковой Т. Е., 1911 г. р. Нот. Загаины В.
- 13. Ой, да, не бывала-жо князя свашенька,** причет подружек невесты. Зап. 1987 г. в д. Черепановка Воткинского р-на от Безумовой Е. Ф., 1913 г. р. Нот. Болдыревой В. Г.
- 14. Ой, да, приступись-ко, родимая мамонька,** причет при расплетении косы. Зап. в 1987 г. в д. Черепановка Воткинского р-на от Безумовой Е. Ф., 1913 г. р. Нот. Болдыревой В. Г.
- 15. Ой, да, приступися-ко, родимая крёснушка,** причет подружек невесты. Зап. в 1995 г. в с. Кварса Воткинского р-на от Сентяковой Е. Н., 1928 г. р. Нот. Степановой Е. А.
- 16. Приступися-ко, родимая крёснушка,** причет подружек невесты. Зап. в 1995 г. в с. Кварса Воткинского р-на от Соколовой Е. А., 1936 г. р., Гончарук Л. И. Нот. Степановой Е. А.
- 17. Ой, да, приступись-ко ты, родимой тятенька,** причет подружек невесты. Зап. в 1995 г. в с. Кварса Воткинского р-на от Сентяковой Е. Н., 1928 г. р. Нот. Степановой Е. А.
- 18. Я не выйду-жо, я не выступлю,** причет при выводе невесты к жениху. Зап. в 1996 г. в с. Михайлова Камбарского р-на от Воробьевой Р. А., 1923 г. р. Нот. Болдыревой В. Г.
- 19. Уж вы кумушки мои, подруженьки,** групповой причет при расплетении косы. Зап. в 1988 г. в г. Ижевске от Дубовцевой Д. П., 1903 г. р., уроженки д. Гендевай Вавожского р-на. Нот. Болдыревой В. Г.
- 20. Что не золото катается,** причет при благословлении невесты. Зап. в 2003 г. в д. Русский Сюгаил Можгинского р-на от Костылевой Н. С., 1922 г. р. Нот. Елькиной Ек.
- 21. Ни текучка наша речинька,** «последняя» песня, под которую все плакали, исполнялась перед отъездом жениха и невесты к венцу. Зап. в 2013 г. в д. Большая Кибья Можгинского р-на от Сутягиной К. Я., 1937 г. р., Уткиной Т. В., 1937 г. р. Нот. Толкачевой С. В.

22. Уж ты, горюшко-горевати, прощальная. Исполнялась во время увоза невесты со двора. Зап. в 2003 г. в с. Июльское Воткинского р-на от Тенсиной (Пушкарёвой) Н. Ф., 1931 г. р., уроженки д. Дуброва Завьяловского р-на. Нот. Никитиной Л. Г.

23. Ой да, по лагу, лагу, лагу, свадебная песня, исполнялась, когда девушки ожидали жениха, а невеста плакала. Зап. в 1998 г. в д. Котья Вавожского р-на от Зориной Л. И., 1927 г. р. Нот. Толкачевой С. В.

24. Солетела-то утиса, прощальная. Исполнялась при увозе невесты со двора. Зап. в 2001 г. в с. Мазунино Сарапульского р-на от Подкиной А. Я., 1905 г. р. Нот. Болдыревой В. Г.

25. Роскачалася грушица, прощальная. Песня исполнялась, когда невесту выводили к поезжанам. Зап. в 1999 г. в д. Сепыч Завьяловского р-на от Мартыновой С. Н., 1928 г. р. Нот. Толкачевой С. В.

26. Розлилась вода вёшная, прощальная. Зап. в 2002 г. в д. Сепыч Завьяловского р-на от Мартыновой (Безносовой) С. Н., 1928 г. р. Нот. Ситдиковой А. И.

27. Собирайся, невестушка, прощальная. Невесту собирают ехать к жениху. Зап. в 2003 г. в с. Июльское Воткинского р-на от Тенсиной (Пушкарёвой) Н. Ф., 1931 г. р., уроженки д. Дуброва Завьяловского р-на. Нот. Никитиной Л. Г.

28. Там по сеням, по сеничкам, величание замужней женщине с детьми. Затем сразу <поют величание> «Перед тобой». Зап. в 2003 г. в с. Июльское Воткинского р-на от Тенсиной (Пушкарёвой) Н. Ф., 1931 г. р., уроженки д. Дуброва Завьяловского р-на. Нот. Никитиной Л. Г. Текст к политечстовому напеву № 27.

29. Как по сенечкам, сенечкам, величальная гостье на свадьбе. Зап. в 2001 г. в д. Кукуи Воткинского р-на от Соломенниковой Н. И., 1928 г. р., уроженки д. Чёрная Воткинского р-на, Базуевой К. Н., 1925 г. р., уроженки д. Гришанки Воткинского р-на. Нот. Никитиной Л. Г.

30. Уж ты, свашенька, свашенька, величальная свахе. Зап. в 2004 г. в с. Перевозное Воткинского р-на от Паздериной В. В., 1936 г. р. Нот. Никитиной Л. Г.

31. Как от солнца, от месяца, величальная жениху. Зап. в 1995 г. в с. Кварса Воткинского р-на от Сентяковой Е. Н., 1928 г. р. Нот. Степановой Е. А.

32. Как по сеням, по сенечкам, величальная гостью или гостье на свадьбе. Зап. в 1995 г. в с. Кварса Воткинского р-на от Сентяковой Е. Н., 1928 г. р. Нот. Степановой Е. Текст к политечстовому напеву № 31.

33. У Ивана мать покрестила, величальная молодоженам. Зап. в 1995 г. в с. Кварса Воткинского р-на от Соколовой Е. А., 1936 г. р. Нот. Степановой Е. А. Текст к политечстовому напеву № 31.

34. Ой, уж ты, свашенька, свашенька, величальная свахе. Зап. в 1995 г. в с. Кварса Воткинского р-на от Соколовой Е. А., 1936 г. р. Нот. Степановой Е. А. Текст к политечстовому напеву № 31.

35. Удалой добрый молодец, величальная юноше. Зап. в 1995 г. в с. Кварса Воткинского р-на от Соколовой Е. А., 1936 г. р. Нот. Степановой Е. А. Текст к политечстовому напеву № 31.

36. Богата-богатина, величальная отцу жениха. Зап. в 1998 г. в д. Патраки Якшур-Бодьинского р-на от Михалевой К. Я., 1920 г. р. Нот. Поповой Н. С.

37. В огороде-то маковка, величальная невесте. Зап. в 2008 г. в с. Тарасово Сарапульского р-на от Осининой В. В., 1929 г. р., Вострицовой А. В., 1942 г. р. Нот. Болдыревой В. Г.

38. Выводил сударь-батюшка, песня, комментирующая обрядовую ситуацию. Исполнялась при выводе невесты. Зап. в 1999 г. в п. Первомайский Сарапульского р-на от Чернициной Е. Ф., 1932 г. р., Красноперовой Е. Ф., 1930 г. р. Нот. Кутыровой И. П. Текст к политечстовому напеву № 37.

39. По горе, по высокою, свадебное величание невестиной свахе. Зап. в 1994 г. в с. Вятское Каракулинского р-на от Калабиной З. Г., 1937 г. р., уроженки д. Обухи, Шумковой В. Е., 1929 г. р., уроженки д. Обухи. Нот. Толкачевой С. В.

40. Из горенки в горенку, величальная молодой девушке. Зап. в 2003 г. в г. Сарапуле от Шляпиной (Мельниковой) Т. Н., 1948 г. р., Сарапульского р-на, Сухих (Мельниковой) Г. Н., 1952 г. р., уроженок д. Дубровка Сарапульского р-на. Нот. Кутыровой И. П.

41. Из горницы во горницу, величальная гостье на свадьбе. Зап. в 2006 г. в д. Юрино Сарапульского р-на от Мымриной Т. Г., 1924 г. р., уроженки д. Пирогово Сарапульского р-на. Нот. Мальцевой Ю. А.

42. На повозничке шапочка, величальная повознику. Зап. в 2001 г. в д. Нижний Армязь Камбарского р-на от исп. ансамбля. Нот. Болдыревой В. Г.

43. Што при первым было вечере, «первая» свадебная песня, исполнявшаяся на обрученье. Зап. в 1999 г. в с. Советско-Никольское Завьяловского р-на от Кузнецовой А. В., 1918 г. р., уроженки д. Сепыч, Стерховой Ю. Ф., 1928 г. р. Нот. Толкачевой С. В.

44. Вервяя, наша вервеюшка, прощальная. Исполняют при встрече поезда у ворот. Зап. в 2002 г. в д. Верхние Юри Можгинского р-на от Сергеевой В. Т., 1941 г. р. Нот. Николаева Р.

45. На горе-то стоит ёлочка, прощальная. Исполнялась на застолье в доме невесты. Зап. в 2006 г. в д. Светлое от Лапиной К. П., 1942 г. р., Перевозчиковой, 1946 г. р., Бобровой, 1941 г. р. Нот. Вахрушевой О.

46. Отставала лебедь белая, прощальная. Песня исполнялась, когда невесту выводили из-за стола перед отъездом к венцу. Зап. в 1994 г. в с. Вятское Каракулинского р-на от Калабиной З. Гр., 1937 г. р., уроженки д. Обухи, Шумковой В. Е., 1929 г. р., уроженки д. Обухи. Нот. Толкачевой С. В.

47. Отставала лебедь белая, прощальная. Исполнялась при увозе невесты со двора. Зап. в 1996 г. в с. Михайловка Камбарского р-на от Юшковой М. А., 1926 г. р., уроженки д. Гоголи, Воробьевой Р. А., 1923 г. р., уроженки д. Гоголи Камбарского р-на. Нот. Болдыревой В. Г.

48. Как при первом было вечере, песня, комментирующая обрядовую ситуацию. Исполнялась на обрученьи. Зап. в 1996 г. в с. Михайловка Камбарского р-на от Юшковой М. А., 1926 г. р., уроженки д. Гоголи, Воробьевой Р. А., 1923 г. р., уроженки д. Гоголи Камбарского р-на. Нот. Болдыревой В. Г.

49. Ты берёзка да, белая, величальная. Свадебная песня, в настоящее время исполняется на Троицу. Зап. в 1996 г. в с. Михайловка Камбарского р-на от Юшковой М. А., 1926 г. р., уроженки д. Гоголи, Воробьевой Р. А., 1923 г. р., 1923 г.р., уроженки д. Гоголи Камбарского р-на. Нот. Болдыревой В. Г. Текст к политехстовому напеву № 48.

50. Отставала лебедь белая, прощальная. Исполнялась при увозе невесты со двора. Зап. в 1996 г. в с. Михайловка Камбарского р-на от Юшковой М. А., 1926 г. р., уроженки д. Гоголи, Воробьевой Р. А., 1923 г. р., уроженки д. Гоголи Камбарского р-на. Нот. Болдыревой В. Г. Текст к политехстовому напеву № 48.

51. Край дороженьки черёмушка стоит, величальная свадьбе. Зап. в 2004 г. в с. Перевозное Воткинского р-на от Паздериной В. В., 1936 г. р., Лошкарёвой Т. В., 1942 г. р., (сестры Коробейниковых, уроженки д. Паздеры Воткинского р-на). Нот. Никитиной Л. Г.

52. Что при первом было вечере, песня, комментирующая обрядовую ситуацию. Исполнялась на взглядашках. Зап. в 2004 г. в с. Перевозное Воткинского р-на от Паздериной В. В., 1936 г. р., Лошкарёвой Т. В., 1942 г. р., (сестры Коробейниковых, уроженки д. Паздеры Воткинского р-на). Нот. Никитиной Л. Г. Текст к политехстовому напеву № 51.

53. В колыбели я качалася, величальная невесте. Зап. в 2004 г. в с. Перевозное Воткинского р-на от Паздериной В.В., 1936 г. р., Лошкарёвой Т. В., 1942 г. р., (сестры Коробейниковых, уроженки д. Паздеры Воткинского р-на). Нот. Никитиной Л. Г. Текст к политехстовому напеву № 51.

54. В огороде стоит маковка, величальная жениху. Исполнялась на пропивушках. Зап. в 1995 г. в с. Кварса Воткинского р-на от Соколовой Е. А., 1936 г. р. Нот. Степановой Е. А.

55. Край дороженьки черёмушка стоит, величальная свадьбе при выкупе невесты. Зап. в 1995 г. в с. Кварса Воткинского р-на от Соколовой Е. А., 1936 г. р. Нот. Степановой Е. А. Текст к политехстовому напеву № 54.

56. Как при первом было вечере, песня, комментирующая обрядовую ситуацию. Исполнялась на обрученьи. Зап. в 1995 г. в с. Кварса Воткинского р-на от Сентяковой Е. Н., 1928 г. р. Нот. Степановой Е. А. Текст к политехстовому напеву № 54.

57. Ты, измена, ты, изменушка, прощальная. Исполнялась во время одаривания невестой жениха при увозе невесты. Зап. в 1995 г. в с. Кварса Воткинского р-на от Сентяковой Е. Н., 1928 г. р. Нот. Степановой Е. А. Текст к политехстовому напеву № 54.

58. Что у нашего у батюшки, прощальная. Зап. в 1995 г. в с. Кварса Воткинского р-на от Соколовой Е. А., 1936 г. р. Нот. Степановой Е. А. Текст к политехстовому напеву № 54.

59. В ком-то я была младешенька, величальная невесте. Зап. в 1995 г. в с. Кварса Воткинского р-на от Соколовой Е. А., 1936 г. р. Нот. Степановой Е. А. Текст к политехстовому напеву № 54.

60. На диване алым бархате, величальная невесте с женихом. Исполняют в доме невесты за столом. Зап. в 1995 г. в с. Кварса Воткинского р-на от Соколовой Е. А., 1936 г. р. Нот. Степановой Е. А. Текст к политехстовому напеву № 54.

61. Уродилось много розы во саду, величальная холостому парню. Зап. в 1995 г. в с. Июльское от Мельниковой М. Д., 1927 г.р. Нот. Болдыревой В. Г.

62. На дворе-то было тихоё, песню пели, когда невесту «уводили со двора и плакали» перед отъездом под венец. Зап. в 1994 г. в д. Малые Калмаши (Маротканы) Каракулинского р-на от Беляевой А. И., 1939 г. р., уроженки д. Кулёво Камбарского р-на, Глуховой Е. С., 1925 г. р., уроженки д. Куюки, Глуховой С. В., 1922 г. р., уроженки д. Куюки, Калабиной А. Ф., 1940 г. р., уроженки д. Большие Калмаши, Парфёновой Ф. Н., 1921 г. р., Чухланцевой А. Т., 1928 г. р., уроженки д. Большие Калмаши, Юшковой Г. Ф., 1930 г. р., уроженки д. Куюки. Нот. Толкачевой С. В.

63. Ешшо кругом, кругом солнышко обошло, песня, комментирующая обрядовую ситуацию. Исполнялась, когда невесту сажали за стол. Зап. в 1998 г. в д. Патраки Якшур-Бодьинского р-на от Михалевой К. Я., 1920 г. р. Нот. Поповой Н. С.

64. Скрип, скрип воротелки – мороз на дворе, величальная. Зап. Л. Г. Ухановой в период 1967–1987 гг. в д. Липовка Кизнерского р-на. Нот. Наймушиной Т. Г.

65. Ищё сяла наша Людочка выше всех, величальная невесте. Зап. в 1995 г. в с. Кварса Воткинского р-на от Сентяковой Е. Н., 1928 г. р. Нот. Степановой Е.

66. Ишишо что же ты, лебёдушка, величальная вдове. Зап. в 2001 г. в д. Кукуи Воткинского р-на от Соломенниковой Н. И., 1928 г. р., уроженки д. Чёрная Воткинского р-на, Базуевой К. Н., 1925 г. р., уроженки д. Гришанки Воткинского р-на. Нот. Никитиной Л. Г.

67. Зачем же ты, лебёдушка, величальная вдове. Зап. в 1995 г. в с. Июльское от Мельниковой М. Д., 1927 г. р. Нот. Болдыревой В. Г.

68. Как у тысяцкого, да бородка, величальная тысяцкому. Зап. в 1997 г. в д. Яган-Докъя Малопургинского р-на от певческого ансамбля деревни. Нот. Болдыревой В. Г.

69. У нас друженька хорошенъка, величальная друзжке. Зап. в 1997 г. в д. Яган-Докъя Малопургинского р-на от певческого ансамбля деревни. Нот. Болдыревой В. Г. Текст к политехстовому напеву № 68.

70. У нас тысячкой воевода, величальная тысяцкому. Зап. в 1998 г. в д. Патраки Якшур-Бодьинского р-на от Михалевой К. Я., 1920 г. р. Нот. Поповой Н. С.

71. У нас свашенька молодая, величальная свахе. Зап. в 1998 г. в д. Патраки Якшур-Бодьинского р-на от Михалевой К. Я., 1920 г. р. Нот. Поповой Н. С. Текст к политехстовому напеву № 70.

72. Как у тысяцкого да бородка, величальная тысяцкому. Зап. в 2007 г. в д. Юрино Сарапульского р-на от Мымриной Т. Г., 1924 г. р. Нот. Мальцевой Ю.

73. Ой, тысячка, не скудайся, припевка тысяцкому. Зап. в 1995 г. в с. Кварса Воткинского р-на от Соколовой Е. А., 1936 г. р. Нот. Степановой Е. А.

74. Ещё вьётся хмель к огороду, величальная тысяцкому. Зап. в 1995 г. в с. Кварса Воткинского р-на от Соколовой Е. А., 1936 г. р. Нот. Степановой Е. А. Текст к политехстовому напеву № 73.

75. Ой, тысячка – воевода, величальная тысяцкому. Зап. в 1995 г. в с. Кварса Воткинского р-на от Соколовой Е. А., 1936 г. р. Нот. Степановой Е. А. Текст к политехстовому напеву № 73.

76. Ишишо вьётся хмель к огороду, величальная холостому парню. Зап. в 2001 г. в д. Кукуи Воткинского р-на от Соломенниковой Н. И., 1928 г. р., уроженки д. Чёрная Воткинского р-на, Базуевой К. Н., 1925 г. р., уроженки д. Гришанки Воткинского р-на. Нот. Никитиной Л. Г.

77. Ох, сватушка, не скудайся, припевка свату. Зап. в 2001 г. в д. Кукуи Воткинского р-на от Соломенниковой Н. И., 1928 г. р., уроженки д. Чёрная Воткинского р-на, Базуевой К. Н., 1925 г. р., уроженки д. Гришанки Воткинского р-на. Нот. Никитиной Л. Г. Текст к политехстовому напеву № 76.

78. Золотая казна серебрится, припевка после величания. Зап. в 2003 г. в г. Сарапуле от Шляпиной Т. Н., 1948 г. р., уроженки д. Дубровка. Нот. Кутыровой И. П.

79. Ой ты, сватушко, не скудайся, свадебная «песенка», исполнялась, когда швеям давали мало денег. Зап. 1994 г. в д. Котово Каракулинского р-на от Котовой А. П., 1934 г. р., уроженки д. Кукуи, Котовой В. Г., 1928 г. р., Краснопёровой А. И., 1947 г. р., Мерзляковой А. В., 1922 г. р., Шавкуновой А. Н., 1920 г. р., Шавкуновой М. Г., 1923 г. р., уроженки д. Зaborье, Юшковой В. С., 1927 г. р. Нот. Толкачевой С. В.

80. Ой, ты, сватушка-недорода, свадебная «песенка», исполнялась, когда швеям давали мало денег. Зап. 1994 г. в д. Котово Каракулинского р-на от Котовой А. П., 1934 г. р., уроженки д. Кукуи, Котовой В. Г., 1928 г. р., Краснопёровой А. И., 1947 г. р., Мерзляковой А. В., 1922 г. р., Шавкуновой А. Н., 1920 г. р., Шавкуновой М. Г., 1923 г. р., уроженки д. Зaborье, Юшковой В. С., 1927 г. р. Нот. Толкачевой С. В.

81. Через море рябина лежала, величальная невесте. Зап. в 2002 г. в д. В. Юри Можгинского р-на от Сергеевой В. Т., 1941 г. р. Нот. Николаева Р.

82. Ой, не было ветров, песня, комментирующая обрядовую ситуацию. Исполнялась во время встречи свадебного поезда. Зап. в 1996 г. в с. Михайловка Камбарского р-на от Юшковой М. А., 1926 г. р., уроженки д. Гоголи, Воробьевой Р. А., 1923 г. р., уроженки д. Гоголи. Нот. Болдыревой В. Г.

83. Ой, выон над водой, песня, комментирующая обрядовую ситуацию. Исполнялась во время встречи свадебного поезда. Зап. в 1996 г. в с. Михайловка Камбарского р-на от Юшковой М. А., 1926 г. р., уроженки д. Гоголи, Воробьевой Р. А., 1923 г. р., уроженки д. Гоголи. Нот. Болдыревой В. Г. Текст к политехстовому напеву № 82.

84. Ой, солнышко шло, песня, комментирующая обрядовую ситуацию. Исполнялась при усаживании невесты за стол. Зап. в 1996 г. в с. Михайловка Камбарского р-на от Юшковой М. А., 1926 г. р.,

уроженки д. Гоголи, Воробьевой Р. А., 1923 г. р., уроженки д. Гоголи. Нот. Болдыревой В. Г. *Текст к политекстовому напеву № 82.*

85. Ой, во поле дым столбом, песня, комментирующая обрядовую ситуацию. Исполнялась во время дарения даров. Зап. в 1996 г. в с. Михайловка Камбарского р-на от Юшковой М. А., 1926 г. р., уроженки д. Гоголи, Воробьевой Р. А., 1923 г. р., уроженки д. Гоголи. Нот. Болдыревой В. Г. *Текст к политекстовому напеву № 82.*

86. Ой, тятечка, пей, песня, комментирующая обрядовую ситуацию. Исполнялась на пропивушках. Зап. в 1996 г. в с. Михайловка Камбарского р-на от Юшковой М. А., 1926 г. р., уроженки д. Гоголи, Воробьевой Р. А., 1923 г. р., уроженки д. Гоголи. Нот. Болдыревой В. Г. *Текст к политекстовому напеву № 82.*

87. Ой, нонче весна, песня, комментирующая обрядовую ситуацию. Исполнялась во время увоза невесты со двора. Зап. в 1996 г. в с. Михайловка Камбарского р-на от Юшковой М. А., 1926 г. р., уроженки д. Гоголи, Воробьевой Р. А., 1923 г. р., уроженки д. Гоголи. Нот. Болдыревой В. Г. *Текст к политекстовому напеву № 82.*

88. Ой, взошла туча, величальная военному. Зап. в 1996 г. в с. Михайловка Камбарского р-на от Юшковой М. А., 1926 г. р., уроженки д. Гоголи, Воробьевой Р. А., 1923 г. р., уроженки д. Гоголи. Нот. Болдыревой В. Г. *Текст к политекстовому напеву № 82.*

89. Ой, не разбушуй, величальная семейной паре. Зап. в 1996 г. в с. Михайловка Камбарского р-на от Юшковой М. А., 1926 г. р., уроженки д. Гоголи, Воробьевой Р. А., 1923 г. р., уроженки д. Гоголи. Нот. Болдыревой В. Г. *Текст к политекстовому напеву № 82.*

90. Ой, не было ветру, песня, комментирующая обрядовую ситуацию. Зап. в 2001 г. в с. Мазунино Сарапульского р-на от Подкиной А. Я., 1905 г. р. Нот. Болдыревой В. Г.

91. Ой, выюн над водой, песня, комментирующая обрядовую ситуацию. Зап. в 2001 г. в с. Мазунино Сарапульского р-на от Подкиной А. Я., 1905 г. р. Нот. Болдыревой В. Г. *Текст к политекстовому напеву № 90.*

92. Ой, кто дары дарит, песня, комментирующая обрядовую ситуацию. Зап. в 2001 г. в с. Мазунино Сарапульского р-на от Подкиной А. Я., 1905 г. р. Нот. Болдыревой В. Г. *Текст к политекстовому напеву № 90.*

93. Ой, у нас Надю-ту, песня, комментирующая обрядовую ситуацию. Зап. в 2003 г. в с. Июльское Воткинского р-на от Тенсины (Пушкарёвой) Н. Ф., 1931 г. р., уроженки д. Дуброва Завьяловского р-на. Нот. Никитиной Л. Г.

94. Ой, выюн над водой, песня, комментирующая обрядовую ситуацию. Зап. в 2003 г. в с. Июльское Воткинского р-на от Тенсины (Пушкарёвой) Н. Ф., 1931 г. р., уроженки д. Дуброва Завьяловского р-на. Нот. Никитиной Л. Г. *Текст к политекстовому напеву № 93.*

95. Ой, из бочки в бочку, песня, комментирующая обрядовую ситуацию. Зап. в 2003 г. в с. Июльское Воткинского р-на от Тенсины (Пушкарёвой) Н. Ф., 1931 г. р., уроженки д. Дуброва Завьяловского р-на. Нот. Никитиной Л. Г. *Текст к политекстовому напеву № 93.*

96. Ой, я тебя, олень, величальная холостому парню. Зап. в 2003 г. в с. Июльское Воткинского р-на от Тенсины (Пушкарёвой) Н. Ф., 1931 г. р., уроженки д. Дуброва Завьяловского р-на. Нот. Никитиной Л. Г. *Текст к политекстовому напеву № 93.*

97. Ой, во поле снежки, песня, комментирующая обрядовую ситуацию. Исполнялась во время дарения даров. Зап. в 1999 г. в д. Сепыч Завьяловского р-на от Мартыновой С. Н., 1928 г. р. Нот. Толкачевой С. В.

98. Ой, во поле снега, песня, комментирующая обрядовую ситуацию. Исполнялась во время дарения даров. Зап. в 1998 г. в д. Патраки Якшур-Бодьинского р-на от Михалевой К. Я., 1920 г. р. Нот. Поповой Н. С.

99. Ой, не было ветров, песня, комментирующая обрядовую ситуацию. Исполнялась во время встречи свадебного поезда. Зап. в 1998 г. в д. Патраки Якшур-Бодьинского р-на от Михалевой К. Я., 1920 г. р. Нот. Поповой Н. С. *Текст к политекстовому напеву № 99.*

100. Ой, выюн над водой, песня, комментирующая обрядовую ситуацию. Исполнялась во время встречи свадебного поезда. Зап. в 1998 г. в д. Патраки Якшур-Бодьинского р-на от Михалевой К. Я., 1920 г. р. Нот. Поповой Н. С. *Текст к политекстовому напеву № 99.*

101. Ой, там, за рекой, величальная холостому. Зап. в 1998 г. в д. Патраки Якшур-Бодьинского р-на от Михалевой К. Я., 1920 г. р. Нот. Поповой Н. С. *Текст к политекстовому напеву № 99.*

102. Во поле дымы дымят, песню исполняли, когда невеста дарила подарки «поезду». Зап. в 1994 г. в д. Боярка Каракулинского р-на от Калабиной А. Г., 1925 г. р., уроженки д. Костоватово, Кашниковой Ф. Г., 1932 г. р., уроженки д. Костоватово, Мерзляковой З. А., 1932 г. р., уроженки д. Костоватово. Нот. Толкачевой С. В.

103. Ой, выюн над водой, песня, комментирующая обрядовую ситуацию. Зап. в 1999 г. в п. Первомайский Сарапульского р-на от Чернициной (Мерзляковой) Е. Ф., 1932 г. р., уроженки д. Пургыш (Про-

копьево), Краснoperовой (Тычининой) Е. Ф., 1930 г. р., уроженки д. Лысуха (Красная горка). Нот. Кутыровой И. П.

104. Вьюн над водой, песня, комментирующая обрядовую ситуацию. Зап. в 2002 г. в г. Сарапуле от Стерховой Н. М., 1929 г. р., уроженки д. Пестерево Каракулинского р-на. Нот. Кутыровой И. П.

105. Ой, там, по лугам, величальная холостому. Зап. 1995 г. в с. Кварса Воткинского р-на от Сентяковой Е. Н., 1928 г. р. Нот. Степановой Е. А.

106. Ой, не было ветров, песня, комментирующая обрядовую ситуацию. Исполнялась во время выкупа невесты. Зап. 1995 г. в с. Кварса Воткинского р-на от Сентяковой Е. Н., 1928 г. р. Нот. Степановой Е. А.

107. Ой, брошу ключи вдоль по лавочке, песня, комментирующая обрядовую ситуацию. Исполнялась во время дарения невестой полотенца жениху. Зап. 1995 г. в с. Кварса Воткинского р-на от Сентяковой Е. Н., 1928 г. р. Нот. Степановой Е. А. Текст к политехстовому напеву № 106.

108. Ой, с корых гор, величальная родителям невесты. Зап. 1995 г. в с. Кварса Воткинского р-на от Сентяковой Е. Н., 1928 г. р. Нот. Степановой Е. А. Текст к политехстовому напеву № 106.

109. Ой, улетела, прощальная. Исполнялась при увозе невесты со двора. Зап. 1995 г. в с. Кварса Воткинского р-на от Сентяковой Е. Н., 1928 г. р. Нот. Степановой Е. А. Текст к политехстовому напеву № 106.

110. Ой, не роскачай, величальная отцу жениха. Зап. 1995 г. в с. Кварса Воткинского р-на от Сентяковой Е. Н., 1928 г. р. Нот. Степановой Е. А. Текст к политехстовому напеву № 106.

111. Ой, по лугам вода, величальная. Зап. 1995 г. в с. Кварса Воткинского р-на от Сентяковой Е. Н., 1928 г. р. Нот. Степановой Е. А. Текст к политехстовому напеву № 106.

112. Ой, сваха со свахой, песня, комментирующая обрядовую ситуацию. Исполнялась во время встречи свах. Зап. 1995 г. в с. Кварса Воткинского р-на от Сентяковой Е. Н., 1928 г. р. Нот. Степановой Е. А. Текст к политехстовому напеву № 106.

113. Ой, не было ветров, песня, комментирующая обрядовую ситуацию. Исполнялась при встрече свадебного поезда. Зап. в 2001 г. в д. Кукуи Воткинского р-на от Соломенниковой Н.И., 1928 г.р. Нот. Никитиной Л. Г.

114. Не разбушуй, свадебное величание крестного жениха. Зап. в 1994 г. в с. Вятское Каракулинского р-на от Калабиной З. Г., 1937 г. р., уроженки д. Обухи, Шумковой В. Е., 1929 г. р., уроженки д. Обухи. Нот. Толкачевой С. В.

115. Не было ветров, песня, комментирующая обрядовую ситуацию. Исполнялась при встрече свадебного поезда. Зап. в 2004 г. в с. Перевозное Воткинского р-на от Паздериной В. В., 1936 г. р., Лошкарёвой Т. В., 1942 г. р., (сестры Коробейниковые, обе уроженки д. Паздеры Воткинского р-на). Нот. Никитиной Л. Г.

116. Из поля, поля, исполняли в первый день свадьбы, когда встречали жениха у ворот. Зап. в 1994 г. в д. Кульшево Каракулинского р-на от Болкисевой А. Н., 1927 г. р., Буториной В. С., 1925 г. р., уроженки д. Локтёво, Дулесовой М. И., 1920 г. р., Дулесовой Н. Л., 1932 г. р., уроженки д. Кирьяново, Кирьяновой Р. Л., 1929 г. р., уроженки д. Кирьяново, Стуковой А. У., 1922 г. р., уроженки д. Глухово. Нот. Толкачевой С. В.

117. Стояла сила, величальная военному на свадьбе. Зап. в 2001 г. в с. Мазунино Сарапульского р-на от Подкиной А. Я., 1905 г. р. Нот. Болдыревой В. Г.

118. Перед тобой, припевка после величания. Зап. в 2004 г. в с. Перевозное Воткинского р-на от Паздериной В. В., 1936 г. р., Лошкарёвой Т. В., 1942 г. р., (сестры Коробейниковые, обе уроженки д. Паздеры Воткинского р-на). Нот. Никитиной Л. Г.

119. Ой, передо мной, величальная девушкам – певицам на свадьбе. Зап. в 1998 г. в с. Июльское Воткинского р-на от Мельниковой М. Д., 1927 г. р. Нот. Болдыревой В. Г.

120. Во горинке во новой, величальная гостям на свадьбе. Зап. в 2008 г. в с. Тарасово Сарапульского р-на от Осинкиной В. В., 1929 г. р., Вострицовой А. В., 1942 г. р. Нот. Болдыревой В. Г.

121. Во горёнке во новой, величальная гостям на свадьбе. Зап. в 2001 г. в д. Кукуи Воткинского р-на от Соломенниковой Н. И., 1928 г. р., уроженки д. Чёрная Воткинского р-на. Нот. Никитиной Л. Г.

122. Недолго веночку на столичке стоять, прощальная. Зап. в 1999 г. в д. Котловка Граховского р-на от Цыплековой П. Н., 1915 г. р., Бузовой Л. М., 1930 г. р. Нот. Болдыревой В. Г.

123. Кума, кума выходила, исполнялась при выносе курника. Зап. в 2001 г. в д. Кукуи Воткинского р-на от Соломенниковой Н. И., 1928 г. р., уроженки д. Чёрная Воткинского р-на, Базуевой К. Н., 1925 г. р., уроженки д. Гришанки Воткинского р-на. Нот. Никитиной Л. Г.

124. Кума, кума выходила, исполнялась при выносе курника. Зап. в 2008 г. в с. Тарасово Сарапульского р-на от Осинкиной В. В., 1929 г. р. Нот. Болдыревой В. Г.

125. Чарочка новая, серебреная, песня при величании. Зап. в 2004 г. в с. Перевозное Воткинского р-на от Паздериной В. В., 1936 г. р., Лошкарёвой Т. В., 1942 г. р., (сестры Коробейниковые, обе уроженки д. Паздеры Воткинского р-на). Нот. Никитиной Л. Г.

- 126. Чарочка новая, серебряная, песня при величании.** Зап. в 1995 г. в с. Кварса Воткинского р-на от Сентяковой Е. Н., 1928 г. р. Нот. Степановой Е. А.
- 127. На ком кудерцы, величальная жениху.** Зап. в 1999 г. в п. Первомайский Сарапульского р-на от Чернициной Е. Ф., 1932 г. р., Краснoperовой Е. Ф., 1930 г. р. Нот. Кутыровой И. П.
- 128. На ком платье, величальная невесте.** Зап. в 2007 г. в д. Девятово Сарапульского р-на от Юхниной Т. П., 1947 г. р. Нот. Глуховой О.
- 129. Месяц по небу, величальная холостому.** Зап. в 2001 г. в д. Кукуи Воткинского р-на от Соломенниковой Н. И., 1928 г. р. Нот. Никитиной Л. Г.
- 130. Как под яблонью кровать, величальная холостому парню.** Зап. в 2004 г. в с. Перевозное Воткинского р-на от Паздериной В. В., 1936 г. р., Лошкарёвой Т. В., 1942 г. р., (сестры Коробейниковых, уроженки д. Паздеры Воткинского р-на). Нот. Никитиной Л. Г.
- 131. Как под яблонью кровать, величальная холостому парню.** Зап. в 2001 г. в д. Кукуи Воткинского р-на от Соломенниковой Н. И., 1928 г. р., уроженки д. Чёрная Воткинского р-на, Базуевой К. Н., 1925 г. р., уроженки д. Гришанки Воткинского р-на. Расшифровка Никитиной Л. Г.
- 132. Как по блюдышку, блюду серебряному, величальная гостям на свадьбе.** Зап. в 2001 г. в д. Кукуи Воткинского р-на от Соломенниковой Н. И., 1928 г. р. Нот. Никитиной Л. Г.
- 133. Ты, рябинушка, ты, кудрявая, прощальная.** Зап. 2006 г. в г. Ижевске от Анисимовой Л. М., 1930 г. р., уроженки д. Колногорово Вавожского р-на. Нот. Болдыревой В. Г.
- 134. Брошу я колечко, да, брошу да золотое, величальная холостому.** Зап. в 1996 г. в с. Михайловка Камбарского р-на от Юшковой М. А., 1926 г. р., уроженки д. Гоголи, Воробьевой Р. А., 1923 г. р. Нот. Болдыревой В. Г.
- 135. Вот искал уж я невесту – не нашёл, величальная холостому.** Зап. в 1995 г. в с. Кварса Воткинского р-на от Соколовой Е. А., 1936 г. р. Нот. Степановой Е. А.
- 136. Во саду ли виноград растёт, величальная женатой паре.** Зап. в 1996 г. в с. Михайловка Камбарского р-на от Юшковой М. А., 1926 г. р., уроженки д. Гоголи, Воробьевой Р. А., 1923 г. р. Нот. Болдыревой В. Г.
- 137. На калинке соловейко сидел, плясовая. Приурочена к свадьбе.** Зап. в 2004 г. в с. Перевозное Воткинского р-на от Паздериной В. В., 1936 г. р., Лошкарёвой Т. В., 1942 г. р., (сестры Коробейниковых, уроженки д. Паздеры Воткинского р-на). Нот. Никитиной Л. Г.
- 138. Долина, долинуша, роздольё широкое, величальная дружске.** Зап. в 2006 г. в д. Первомайское Воткинского р-на от Приходько В. И., 1940 г. р. Нот. Никитиной Л. Г.
- 139. Из-под кусту, величальная супружеской паре.** Зап. в 2001 г. в г. Воткинске от Пермяковой Т. Е., 1911 г. р., уроженки д. Мишкино Шарканского р-на. Нот. Загаины В. Л.
- 140. Как у чарочки, у сереброною, величальная гостю на свадьбе.** Зап. в 1996 г. в с. Михайловка Камбарского р-на от Юшковой М. А., 1926 г. р. Нот. Болдыревой В. Г.
- 141. Ни с-по бережку бочёночек катается, величальная гостям на свадьбе.** Зап. в 2002 г. в д. Сепыч Завьяловского р-на от Мартыновой (Безносовой) С. Н., 1928 г. р. Нот. Ситдиковой А. И.
- 142. На блюдочке, на тарелочке, величальная. На второй день молодым поют.** Зап. в 2004 г. в с. Июльское Воткинского р-на от Тенсиной Н. Ф. (Пушкирёвой), 1931 г. р., уроженки д. Дуброва Завьяловского р-на. Нот. Никитиной Л. Г.
- 143. По реке, речке, величальная вдове.** Зап. в 2003 г. в г. Сарапуле от Шляпиной (Мельниковой) Т. Н., 1948 г. р., Сарапульского р-на, Сухих (Мельниковой) Г. Н., 1952 г. р., уроженок д. Дубровка Сарапульского р-на. Нот. Кутыровой И. П.
- 144. Кто у нас хороший?** величальная холостому. Зап. в 2001 г. в г. Воткинске от Пермяковой Т. Е., 1911 г. р., уроженки д. Мишкино Шарканского р-на. Нот. Загаины В. Л.
- 145. Ох, ты, мальчик, мой да, свадебная песня, исполнялась, когда дружки выкупали сваху пляской.** Зап. в 1999 г. в д. Черепановка Воткинского р-на от Вострокнутовой А. Н., 1923 г. р. Нот. Толкачевой С. В.
- 146. Ои, как по синему по морюшку, хороводная. Приурочена к свадьбе.** Зап. в 1995 г. в с. Кварса Воткинского р-на от Соколовой Е. А., 1936 г. р. Нот. Степановой Е. А.
- 147. Поставили меня дружкой, свадебные приговорки дружки.** Самозапись Барминой Е. М., 1935 г. р., уроженки д. Колногоры Вавожского р-на.
- 148. Скок-поскок через мосток, свадебные приговорки дружки.** Зап. в 2001 г. в д. Нижний Армязь Камбарского р-на от исполнительского ансамбля. Расшифровка Болдыревой В. Г.
- 149. Ехали мы волок-от, свадебные приговорки дружки.** Зап. в 2001 г. в д. Гыбдан Кизнерского р-на от Кобылиной Н. Г., 1929 г. р. Расшифровка Микрюковой Т. В.
- 150. Наша-то невеста – Заграмозда Ивановна, свадебные приговорки дружки.** Зап. в 1985 г. в д. Тыловыл-Пельга Вавожского р-на. Расшифровка Болдыревой В. Г.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ И СОБИРАТЕЛЕЙ

Алнашский р-н

Асановский совхоз-техникум

2014 г.

Информант: Цыпленкова З. И., 1943 г. р., уроженка д. Русский Вишур.

Собиратель: Байкова Я. А.

Вавожский р-н

д. Березек

1998 г.

Информанты: Крылова А. Г., 1934 г. р., местная,

Крылова А. М., 1928 г. р., местная,

Ложкина А. Г., 1926 г. р., местная.

Собиратели: Стародубцева С. В., Гизатуллина О. М., Кузнецова Л.

с. Водзимонье

1998 г.

Информант: Матвеева А. А., 1928 г. р., уроженка д. Красный Яр.

Собиратели: Стародубцева С. В., Гизатуллина О. М., Кузнецова Л.

д. Зядлуд

1998 г.

Информант: Киршина Т. В., 1938 г. р., уроженка д. Вишур.

Собиратели: Стародубцева С. В., Гизатуллина О. М., Кузнецова Л.

п. Какмож

1998 г.

Информанты: Загребина Р. С., 1932 г. р., уроженка д. Рябово Можгинского р-на,

Запольских К. В., 1928 г. р., уроженка д. Нюрдор-Котья.

Собиратели: Стародубцева С. В., Гизатуллина О. М., Кузнецова Л.

д. Котья

1998 г.

Информанты: Зорина Л. И., 1927 г. р., местная,

Зорина Е. Д., 1922 г. р., местная.

Собиратели: Стародубцева С. В., Гизатуллина О. М., Кузнецова Л.

д. Нюр-Под

1998 г.

Информанты: Мокрецова А. Ф., 1933 г. р., уроженка д. Колмогорово,

Рыболовлева Н. И., 1936 г. р., местная,

Рябова А. И., 1931 г. р., местная,

Феофилактова А. В., 1918 г. р., местная.

Собиратели: Стародубцева С. В., Гизатуллина О. М., Кузнецова Л.

д. Ожги

1998 г.

Информанты: Глушкова К. А., 1928 г. р., местная,
Евдокимова Е. А., 1928 г. р., местная,
Торопова В. А., 1931 г. р., местная,
Чикишева А. С., 1928 г. р., местная,
Чикишева А. И., 1933 г. р., уроженка д. Лыштанка Кизнерского р-на.
Собиратели: Стародубцева С. В., Гизатуллина О. М., Кузнецова Л.

Воткинский р-н

г. Воткинск

2001 г.

Информант: Пермякова Т. Е., 1911 г. р., уроженка д. Мишкино Шарканского р-на.
Собиратель: Загаина В.Л.

д. Дремино

1999 г.

Информанты: Кузнецова А. Д., 1905 г. р., уроженка д. Черепановка,
Молкова Н. А., 1914 г. р., уроженка д. Черепановка.
Собиратель: Попова Е. В., Стародубцева С. В.

с. Июльское

2001 г.

Информант: Мельникова М. Д., 1927 г. р., местная.
Собиратель: Теплякова И.

2003 г.

Информант: Тенсина (Пушкирева) Н. Ф, 1931 г. р., уроженка д. Дуброва Завьяловского р-на.
Собиратель: Носова И.

с. Камское

1999 г.

Информанты: Агафонова Е. Д., 1920 г. р., уроженка с. Заболотное Пермской области,
Дурновцев А. Н., 1930 г. р., уроженец д. Шараши Пермской области,
Дурновцева П. В., 1923 г. р., уроженка с. Лисья Большесосновского р-на Пермской области.
Собиратели: Попова Е. В., Стародубцева С. В.

с. Кварса

1995 г.

Информант: Сентякова Е. Н., 1928 г. р., местная.
Собиратель: Роготнева М. Н.

1995 г.

Информанты: Соколова Е. А., 1936 г. р., местная,
Гончарук Л. И., местная.
Собиратель: Кудряшова Л.

д. Кукуи

2001 г.

Информант: Базуева К.Н., 1925 г. р., уроженка д. Гришанки.
Соломенникова Н. И., 1928 г. р., уроженка д. Чёрная.

д. Большая Кивара

2006 г.

Информанты: Лопатина (Гущина) Р. М., 1936 г. р., местная,
Сергеева А. П., 1934 г. р., местная.
Собиратели: Никитина Л. Г., Вахрушева О.

п. Первомайский

2006 г.

Информант: Приходько В. И., 1940 г. р., местная.

Собиратели: Никитина Л. Г., Вахрушева О.

с. Перевозное

2004 г.

Информанты: Лошкарёва (Коробейникова) Т. В., 1942 г. р., Паздерина (Коробейникова) В. В., 1936 г. р., сёстры, уроженки д. Паздеры (Жужги) Воткинского р-на,

Мельникова (Попова) Г. И., 1933 г. р., местная.

Собиратели: Болдырева В. Г., Никитина Л. Г., Вахрушева О.

д. Светлое

2006 г.

Информант: Лапина К. П., 1942 г. р., местная.

Собиратель: Вахрушева О.

д. Черепановка

1987 г.

Информант: Безумова Е. Ф., 1913 г. р., местная.

Собиратели: Болдырева В. Г., Самолькина В. Н.

1999 г.

Информанты: Вострокнутова А. Н., 1923 г. р., местная,

Соколова Г. М., 1928 г. р., местная.

Собиратели: Попова Е. В., Стародубцева С. В.

Граховский р-н

с. Грахово

2004 г.

Информанты: Гламаркина З. В., 1938 г. р., уроженка починка Рождественно,
Лощакова Е. С., 1935 г. р., уроженка починка Рождественно,

Чуприна К. Н., 1934 г. р., уроженка починка Рождественно.

Собиратели: Болдырева В. Г., Васильева К., Бывальцева А., Яшина Ек.

2005 г.

Информант: Потапова Н. Ф., 1931 г. р., уроженка д. Русский Куюк Граховского р-на.

Собиратель: Бывальцева А.

д. Котловка

2004 г.

Информанты: Бузова Л. М., 1930 г. р., местная,

Цыплenkova П. Н., 1915 г. р., местная.

Собиратели: Болдырева В. Г., Васильева К., Бывальцева А., Яшина Ек.

Завьяловский р-н

с. Советско-Никольское

1997 г.

Информанты: Кузнецова А. В. 1918 г. р., местная,

Мерзлякова З. Ф., 1928 г. р., местная,

Стерхова Ю. Ф., 1928 г. р., местная,

Шишкина А. М., 1930 г. р., местная.

Собиратель: Анисимова Е.

1999 г.

Информанты: Кузнецова А. В., 1918 г. р., уроженка д. Сепыч,

Стерхова Ю. Ф., 1928 г. р., местная.

Собиратель: Стародубцева С. В.

д. Подшивалово**2006 г.**

Информанты: Поздеева З. Г., 1938 г. р., уроженка посёлка Дебёсы,
Пушкина З. Я., 1933 г. р., местная,
Соловьева З. М., 1933 г. р., местная.
Собиратели: Болдырева В. Г., Мясникова Ю.

д. Сепыч**1999 г.**

Информант: Мартьянова (Безносова) С. Н., 1928 г. р., местная.
Собиратель: Стародубцева С. В.

2002 г.

Информанты: Безносова А. Н., 1926 г. р., местная,
Мартьянова (Безносова) С. Н., 1928 г. р., местная.
Собиратель: Ситдикова А.

г. Ижевск**1988 г.**

Информант: Дубовцева Д. П., 1903 г. р., уроженка д. Гендей Увинского р-на.
Собиратель: Чуракова Р. А.

1997 г.

Информант: Липина Г. С., 1935 г. р., уроженка совхоза «Удмуртский» Сарапульского р-на.
Собиратели: Стародубцева С. В., Зворыгина Н.

2006 г.

Информант: Анисимова (Дубовцева) Л. М., 1930 г. р., уроженка д. Колногорово Вавожского р-на.
Собиратель: Болдырева В. Г.

Камбарский р-н**с. Ершовка****1996 г.**

Информанты: Балтина М. И., 1928 г. р., местная,
Девятова О. В., 1961 г. р., уроженка Республики Казахстан,
Итыгина М. А., 1927 г. р., уроженка г. Сарапула,
Тоначёва М. И., 1940 г. р., уроженка с. Калуль Пермского края,
Федорова М. П., 1923 г. р., уроженка Новгородской области,
Чуткова А. П., 1927 г. р., уроженка с. Красный бор Мензелинского р-на Республики Татарстан,
ЯрутА. П. 1925 г. р., уроженка Новгородской области.
Собиратели: Болдырева В. Г., Прокопенко Г. А.

п. Нижний Армязь**2001 г.**

Информанты: Антропова Л. М., 1934 г. р., уроженка д. Шолья,
Гоголева Н. А., 1937 г. р., уроженка д. Шолья,
Ершова А. А., 1941 г. р., уроженка с. Каракулино,
Лихачев П. А., 1928 г. р., уроженец д. Вончурово,
Третьякова Л. И., 1949 г. р., местная,
Урванцева Л. С., 1937 г. р., уроженка д. Ведрец Пермского края,
Шаблыкина Н. А., 1935 г. р., уроженка д. Шолья,
Шумкова В. А., 1939 г. р., уроженка д. Шолья.
Собиратели: Болдырева В. Г., Шакирова Р.

с. Михайловка**1996 г.**

Информанты: Воробьева Р. А., 1923 г. р., уроженка д. Гоголи Камбарского р-на,
Юшкова М. А., 1926 г. р., уроженка д. Гоголи Камбарского р-на.
Собиратели: Болдырева В. Г., Прокопенко Г. А.

п. Шолья

1996 г.

Информант: Моргасова Ф. С., 1916 г. р., уроженка д. Сарапкино Сарапульского р-на.
Собиратели: Болдырева В. Г., Прокопенко Г. А.

Каракулинский р-н

с. Арзамасцево

1994 г.

Информанты: Бехтерева Н. Д., 1940 г. р., уроженка д. Пуро-Можга Малопургинского р-на,
Бывальцева В. А., 1932 г. р., местная,
Горячкина А. Ф., 1925 г. р., уроженка д. Николовала Можгинского р-на,
Ирин Г. Ф., 1924 г. р., местный,
Красноперова Н. Г., 1941 г. р., уроженка д. Благодатное Саратовской области,
Ляпунова Т. А., 1915 г. р., местная,
Минькова Г. А., 1931 г. р., местная,
Писчикова А.С., 1908 г. р., местная,
Сапожникова Е. Н., 1934 г. р., уроженка д. Тетерево,
Якимова В. В., 1936 г. р., местная,
Якимова Т. А., 1913 г. р., местная.
Собиратели: Стародубцева С. В., Прокопенко Г. А., Козлов А. А.

д. Боярка

1994 г.

Информанты: Калабина А. Г., 1925 г. р., уроженка д. Костоватово,
Кашникова Ф. Г., 1932 г. р., уроженка д. Костоватово,
Мерзлякова З. А., 1932 г. р., уроженка д. Костоватово.
Собиратели: Стародубцева С. В., Прокопенко Г. А., Козлов А. А.

с. Вятское

1994 г.

Информанты: Буторина А. И., 1938 г. р., уроженка д. Обухи,
Калабина З. Г., 1937 г. р., уроженки д. Обухи,
Шумкова В. Е., 1929 г. р., уроженки д. Обухи,
Собиратели: Стародубцева С. В., Прокопенко Г. А., Козлов А. А.

с. Галаново

1994 г.

Информанты: Балтина Е. А., 1921 г. р., уроженка д. Ершовка,
Котельникова А. Ф., 1927 г. р., уроженка д. Пухтино,
Машкова А. Ф., 1930 г. р., местная,
Рычкова В. П., 1927 г. р., местная,
Саламатова Л. К., 1929 г. р., местная.
Собиратели: Стародубцева С. В., Прокопенко Г. А., Козлов А. А.

д. Ендовка

1994 г.

Информанты: Теплякова Т. К., 1923 г. р., уроженка починка Крикмас,
Юшкова Г. Е., 1924 г. р., уроженка д. Котово,
Собиратели: Стародубцева С. В., Прокопенко Г. А., Козлов А. А.

д. Котово

1994 г.

Информанты: Быкова З. Я., 1911 г. р., местная,
Котова А. П., 1934 г. р., уроженка д. Куюки,
Котова В. Г., 1928 г. р., местная,

Краснопёрова А. И., 1947 г. р., местная,
Мерзлякова А. В., 1922 г. р., местная,
Шавкунова А. Н., 1920 г. р., местная,
Шавкунова М. Г., 1923 г. р., уроженка д. Зaborье,
Юшкова В. С., 1927 г. р., местная.
Собиратели: Стародубцева С. В., Прокопенко Г. А., Козлов А. А.

д. Кульшево

1994 г.

Информанты: Болкисева А. Н., 1927 г. р., местная,
Буторина В. С., 1925 г. р., уроженка д. Локтево,
Дулесова М. И., 1920 г. р., местная,
Дулесова Н. Л., 1932 г. р., уроженка д. Кирьяново,
Кирьянова Р. Л., 1929 г. р., уроженка д. Кирьяново,
Стукова А. У., 1922 г. р., уроженка д. Глухово.
Собиратели: Стародубцева С. В., Прокопенко Г. А., Козлов А. А.

д. Малые Калмаши

1994 г.

Информанты: Беляева А. И., 1938 г. р., уроженка д. Кулёво Камбарского р-на,
Глухова Е. С., 1925 г. р., уроженка д. Куюки,
Глухова С. В., 1922 г. р., уроженка д. Куюки,
Калабина А. Ф., 1940 г. р., уроженка д. Б. Калмаши,
Парфёнова Ф. Н., 1921 г. р., местная,
Тухланцева А. Т., 1928 г. р., уроженка д. Б. Калмаши,
Юшкова Г. Ф., 1930 г. р., уроженка д. Куюки.
Собиратели: Стародубцева С. В., Прокопенко Г. А., Козлов А. А.

с. Чеганда

1994 г.

Информант: Банникова А. К., 1918 г. р., местная.
Собиратели: Стародубцева С. В., Прокопенко Г. А., Козлов А. А.

Кизнерский р-н

д. Гыбдан

1997 г.

Информант: Кобылина Н. Г., 1929 г. р., местная.
Собиратель: Микрюкова Т. В.

с. Липовка

1967–1987 гг.

Собиратель: Уханова Л. Г.

Малопургинский р-н

д. Яган-Докъя

1997 г.

Информанты: Бородынкина Е. С., 1937 г. р., уроженка Винницкой области,
Ведерникова Е. В., 1939 г. р., уроженка д. Верхнешудзялут Дебёсского р-на,
Вострецова Ф. М., 1941 г. р., уроженка д. Нарядово Сарапульского р-на,
Зубарь М. А. А., 1930 г. р., уроженка д. Карапшур Малопургинского р-на,
Мерзлякова А. А., 1922 г. р., уроженка д. Нарядово Сарапульского р-на,
Мерзлякова А. Р., 1927 г. р., уроженка д. Чекашино Малопургинского р-на,
Мерзлякова Р. С., 1936 г. р., уроженка д. Байкузино Малопургинского р-на,
Пивоварова И. М., 1938 г. р., уроженка с. Можга,
Урамова Н. Д., 1928 г. р., уроженка д. Мальцево Сарапульского р-на.
Собиратели: Болдырева В. Г., Агапова Н.

1994 г., д. Ендовка Каракулинского р-на. Теплякова Таисия Константиновна, 1923 г.р., уроженка починка Крикмас, Юшкова Галина Егоровна, 1924 г.р., уроженка д. Котово, демонстрируют свадебные подарки для поезжан. На Таисии Константиновне Тепляковой – шапочка и часы, на Галине Егоровне Юшковой – муфта. Эти предметы были изготовлены Т. К. Тепляковой в 80-е годы XX в. для свадьбы её родственников. Повознику предназначалась шапочка, тысяцкому – часы, свахе – муфта. Основной материал данных свадебных подарков – картон, обклеенный баҳром из разноцветных лоскутков и цветной бумаги. На шапочку нашиты блестящие крупные жёлтые пуговицы. К часам, муфте, шапочке прикреплены нити с фрагментами из соломки. Сквозь нити продеты украшения из соломки, лоскутков, цветной бумаги. Фото С. В. Стародубцевой

1

2

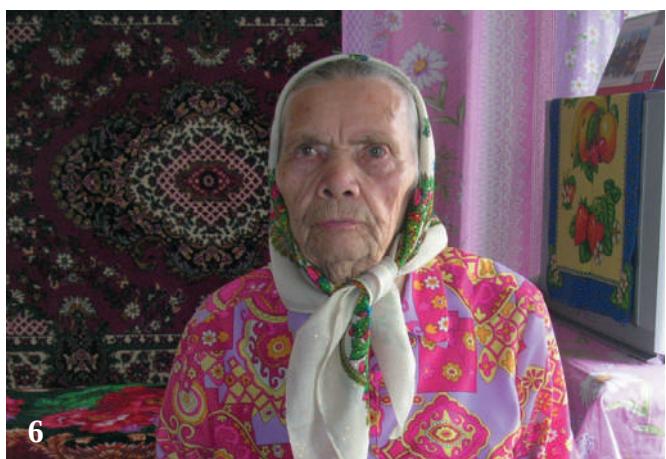
3

4

5

6

1. 2008 г., с. Мазунино Сарапульского р-на. Сырыгина Валентина Михайловна, 1927 г. р. Фото Ю. А. Мальцевой.
2. 2008 г., с. Мазунино Сарапульского р-на. Прялку демонстрирует Галанова Тамара Александровна, 1936 г. р., уроженка д. Фертики. Фото В. Г. Болдыревой.
3. 2001 г., с. Мазунино Сарапульского р-на. Чунтомова Зинаида Яковлевна, год рождения неизвестен, Подкина Анастасия Яковлевна, 1905 г. р. Фото В. Г. Болдыревой.
4. 2008 г., с. Мазунино Сарапульского р-на. Кобалина Валентина Григорьевна, 1947 г. р., Третьякова Ангелина Петровна, 1951 г. р., уроженка д. Кузьмесь, Шергина Галина Сергеевна, 1948 г. р., Полторацкая Галина Nikolaevna, 1950 г. р. Фото В. Г. Болдыревой.
5. 2018 г., с. Тарасово Сарапульского р-на. Вострецова Анна Васильевна, 1944 г. р., Осинкина Валентина Васильевна, 1929 г. р. Фото Н. Ю. Татаркиной.
6. 2008 г., д. Юрино Сарапульского р-на. Мымрина Таисия Григорьевна, 1924 г. р., уроженка д. Пирогово. Фото Ю. А. Мальцевой.

7

8

9

10

7. 2004 г., с. Перевозное Воткинского р-на. Лошкарёва Тамара Васильевна, 1942 г. р., Паздерина Василиса Васильевна, 1936 г. р., сёстры, обе уроженки д. Паздеры (Жужги). Фото Л. Г. Никитиной.
8. 2004 г., д. Кокшан Граховского р-на. Свадебный колоколец демонстрирует Красильникова Марина Генадьевна. Рядом – Красильникова Матрёна Матвеевна. Фото В. Г. Болдыревой.
9. 2004 г., п. Первомайский Воткинского р-на. Обрядовое действие с платочком отца невесты и невесты во время вывода невесты к столу в первый день свадьбы демонстрирует Валентина Ивановна Приходько, 1940 г. р. Фото Л. Г. Никитиной.
10. 2004 г., д. Котловка Граховского р-на. Цыпленкова Парасковья Николаевна, 1915 г. р., Бузова Лидия Максимовна, 1930 г. р. Фото В. Г. Болдыревой.

11

12

13

14

11. 2011 г., г. Ижевск. Самотканое полотенце демонстрирует Бармина Евгения Михайловна, 1935 г. р., уроженка д. Колногорово Вавожского р-на. Фото В. Г. Болдыревой.
12. 2011 г., г. Ижевск. Анисимова Любовь Михайловна, 1930 г. р., уроженка д. Колногорово Вавожского р-на. Фото В. Г. Болдыревой.
13. 1988 г., г. Ижевск. Дубовцева Дарья Павловна 1903 г. р., уроженка д. Гендевай Увинского р-на, с мужем. Пересъёмка фото из семейного архива Р. А. Чураковой.
14. 2013 г., с. Большая Кибя Можгинского р-на. Сутягина Капитолина Яковлевна, 1937 г. р., уроженка д. Башкировка Алнашского р-на. Фото Ю. А. Болдырева.

Можгинский р-н

с. Большая Кибья

2013 г.

Информанты: Сутягина (Шадрина) К. Я., 1937 г. р., уроженка д. Башкировка Алнашского р-на, Уткина Т. В., 1937 г. р., местная.

Собиратели: Болдырева В. Г., Барабанова Д. Я., Болдырев Ю. А., Толкачева С. В.

д. Верхние Юри

2002 г.

Информант: Сергеева В. Т., 1941 г. р., местная.

Собиратель: Николаев Р.

д. Русский Сюгаил

2003 г.

Информант: Костылева Н. С., 1922 г. р., местная.

Собиратель: Елькина Ек.

п. Пычас

2012 г.

Информант: Викторович (Маркова) А. А., 1940 г. р., уроженка д. Селенур Граховского р-на.

Собиратель: Болдырева В. Г.

Сарапульский р-н

д. Девятово

2009 г.

Информант: Юхнина Т. П., 1947 г. р., уроженка д. Дикуши Сарапульского р-на.

Собиратель: Глухова О.

д. Лысово

2008 г.

Информант: Юшкова З. М., 1928 г. р., уроженка д. Дремино.

Собиратели: Болдырева В. Г., Казакова А., Мальцева Ю.

с. Мазунино

2001 г.

Информант: Подкина А. Я., 1905 г. р., местная.

Собиратели: Болдырева В. Г., Шакирова Р. А.

2008 г.

Информанты: Галанова Т. А., 1936 г. р., уроженка д. Фертики,

Кобалина В. Гр., 1947 г. р., местная,

Сырыгина В. М., 1927 г. р., местная,

Сырыгина Г. Н., 1926 г. р., местная,

Третьякова А. П., 1951 г. р., уроженка д. Кузьмесь,

Шергина Г. С., 1948 г. р., местная,

Полторацкая Г.Н., 1950 г. р.. местная.

Собиратели: Болдырева В. Г., Казакова А., Мальцева Ю.

п. Первомайский

2004 г.

Информанты:

Красноперова (Тычинина) Е. Ф., 1930 г. р., уроженка д. Лысуха,

Черницина (Мерзлякова) Е. Ф., 1932 г. р., уроженка д. Пургыш.

Собиратель: Бружас М.

г. Сарапул**2003 г.**

Информанты: Сухих (Мельникова) Г. Н., 1952 г. р., уроженка д. Дубровка,
Шляпина (Мельникова) Т. Н., 1948 г. р., уроженка д. Дубровка.

Собиратель: Кутырова И.

2008 г.

Информант: Заварзина М. К., 1930 г. р., уроженка д. Соколовка.
Собиратель Глухова О.

с. Тарасово**2003 г.**

Информанты: Вострецова А. В., 1944 г. р., местная.

Лищенко Д. В., 1939 г. р., местная,

Стрелкова Н. И., 1928 г. р., местная.

Собиратель: Голаева Ф.

2008 г.

Информанты: Вострецова А. В., 1944 г. р., местная.

Осинкина В. В., 1929 г. р., местная.

Собиратели: Болдырева В. Г., Мальцева Ю. А.

д. Юрино**2006 г., 2007 г., 2008 г.**

Информант: Мымрина Т. Г., 1924 г. р., уроженка д. Пирогово Сарапульского р-на.

Собиратель: Сырыгина (Мальцева) Ю. А.

с. Яромаска**2002 г.**

Информанты: Азиатцева Т. А., 1935 г. р., местная,

Быкова (Юхнина) Л. Н., 1934 г. р., местная,

Щепицына (Конюхова) В. Н., 1938 г. р., местная.

Собиратель: Копотева О.

Увинский р-н**с. Сям-Можга****2014 г.**

Информант: Кудрина А. И., 1933 г. р., уроженка д. Малый Сардак Увинского р-на.

Собиратели: Болдырева В. Г., Вятчина Н., Неуструева С. Л.

Якшур-Бодьинский р-н**д. Патраки****1997 г.**

Информанты: Ивонина Е. М., 1933 г. р., местная,

Михалева К. Я., 1920 г. р., местная,

Михалева Н. В., 1950 г. р. местная.

Собиратель неизвестен.

2000 г.

Информанты: Ивонина Е. М., 1933 г. р., местная,

Михалева К. Я., 1920 г. р., местная,

Михалева Н. В., 1950 г. р., местная.

Собиратели: Стародубцева С. В., Марданова Л. Н.

СОКРАЩЕНИЯ

- <...> – вопросы собирателя-фольклориста, собеседника информантов; слова и выражения авторов работы, поясняющие смысл текста; пропуск фрагмента цитируемого текста
- букв. – буквально
- в. – век
- вв. – века
- г. – год
- г. – город
- г. р. – год рождения
- д. – деревня
- др. – другие
- зап. – записано
- знач. – значение
- изд-во – издательство
- ЛПА – личный полевой архив
- нот. – нотация
- п. – посёлок
- р. – река
- р-н – район
- с. – село
- см. – смотри
- т. д. – так далее
- т. е. – то есть
- ФЭ УИИЯЛ – Фольклорная экспедиция Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук

Содержание

Предисловие	3
Глава 1. Особенности бытования русской свадебной обрядности в южном этнокультурном ареале Удмуртии	14
1.1. Персонажный код	15
1.2. Атрибутивный код	20
1.2.1. Предметы культа	21
1.2.2. Атрибутика ритуальных угощений	21
1.2.2.1. Стол	22
1.2.2.2. Свадебный хлеб	23
1.2.2.2.1. Каравай	23
1.2.2.2.2. Курник / Столовой пирог	24
1.2.2.2.3. Пряники	28
1.2.2.3. Посуда	29
1.2.2.4. Традиционные напитки	29
1.2.2.4.1. Спиртные напитки	29
1.2.2.4.2. Чаепития	30
1.2.3. Атрибутика ткани	32
1.2.3.1. Демонстрация приданого	33
1.2.3.2. Дарение даров	34
1.2.3.3. Ленты	35
1.2.3.4. Скатерть. Платок	36
1.2.4. Веник	37
1.2.5. Монета	40
1.3. Кинетический код	42
1.4. Акциональный код	47
1.4.1. Подбор супружеской пары	47
1.4.2. Время проведения традиционных свадеб	48
1.4.3. Свадьба убёгом	48
1.4.4. Смотрины	49
1.4.5. Сватовство / Сватают / Высватывать ходят / Свидышки / Засватки	49
1.4.6. Рукобитьё / Руки подавали отцы	50
1.4.7. Смотреть место	50
1.4.8. Пропивышки / Пропивыши / Пропивушки / Пропой / Пропивки / Сосват / Пропили	51
1.4.8.1. Церемония угощения алкогольными напитками	51
1.4.8.2. Вывод невесты к столу	51
1.4.8.3. Дарение даров	51
1.4.8.4. Первые причитания невесты на пропивках. Невеста зорю отбивает	52
1.4.8.5. Завершение пропивушек	53
1.4.8.6. Развешивание лент на окна после пропивушек	53
1.4.9. Девки шьются / Девок собирали шить	53
1.4.9.1. Девок собирали шить: девки спеваются	53
1.4.9.2. Подготовка подарков, курника	54

1.4.9.3. Величания	54
1.5.9.4. С гостинцами / С пряниками / День гостинцев / На песни	55
1.4.9.5. Столы мерить ходили / К жениху окна мерить / Воротники мерить	56
1.4.10. Девишиник / Девичник / Обрученье / Вести столы / Баня для невесты.	56
1.4.10.1. Терминология	56
1.4.10.2. Выряжают мыло и веник / По веники ездили	56
1.4.10.3. Баня для невесты	57
1.4.10.4. По ленточки бегают	57
1.4.10.5. Исполнение притчаний на девишинике. Невесту хвият / подтыкают реветь	57
1.4.10.6. Вечер девишина / Девишининский вечер / Вести столы. Обручальное вино. Заплетение косы. Дарение даров. Называние невестой родителей жениха «мамой» и «папой»	58
1.4.11. Первый день свадьбы	58
1.4.11.1. Отъезд жениха и свадебного поезда за невестой.	58
1.4.11.2. Приезд дружек.	58
1.4.11.3. Девишиник / Расплетают косу невесте / Невеста сидит за занавесой / Выкуп косы	59
1.4.11.4. Выкуп позжанами и женихом дороги к дому невесты	59
1.4.11.5. Встреча свах	60
1.4.11.6. Приезд свадебного поезда, вход поезжан в дом.	60
1.4.11.7. Прячут невесту / Жених угадывает невесту среди её подруг	60
1.4.11.8. Дружки откупают свадебный стол у детей.	61
1.4.11.9. Вывод невесты к столу	61
1.4.11.10. Величания гостей	62
1.4.11.11. Дары дарят	62
1.4.11.12. Вынос курника / Выкуп невесты	62
1.4.11.13. Отъезд невесты из дома. Благословление жениха и невесты	63
1.4.11.14. Пуховые / Пух возить	63
1.4.11.15. Венчание	64
1.4.11.16. Встреча молодых родителями жениха	65
1.4.11.17. Переплетение волос невесты	65
1.4.11.18. Угощение гостей после венчания	66
1.4.11.19. Спать уводят молодых	66
1.4.12. Обряды второго и третьего дней свадьбы	66
1.4.12.1. Проверка честности молодой	66
1.4.12.2. Большой стол / Большой обед / Дары дарят / Отвальный обед / На сыры собирать	67
1.4.12.3. Испытания молодой. Молодая печёт лепёшки / Блины	67
1.4.12.4. Молодые сор метут. Гости дарят молодым подарки и деньги	68
1.4.12.5. В баню ходят молодые	69
1.4.12.6. Испытания молодого	69
1.4.12.7. По воду идут / Подавай	69
1.4.13. Обряды четвёртого и последующих дней свадьбы	71
1.4.13.1. К тёще на блины	71
1.4.13.2. Свадебные обычаи, приуроченные к Масленице	72
1.4.13.3. Сборно	72
1.5. Некоторые итоги	73
Глава 2. Вербальный код свадебного обряда Среднего Прикамья	75
2.1. Сфера функционирования свадебных песен	75
2.2. Жанры свадебных песен	76
2.2.1. Прощальные песни	76
2.2.2. Причеты	77
2.2.3. Величальные песни	78
2.2.4. Комментирующие песни	81

2.2.5. Смеховая культура свадебного обряда Среднего Прикамья	82
2.3. Семантика свадебных песен территории Среднего Прикамья	84
2.4. Структура поэтических текстов свадебных песен	94
2.4.1. Тонический тип стиховой организации	94
2.4.2. Силлабический тип организации стиха	99
2.4.2.1. Цезурированные стихи	99
2.4.2.2. Сегментированная силлабика	100
2.5. Формы поэтических текстов	103
2.5.1. Формы поэтических текстов тонического стихосложения	103
2.5.2. Формы поэтических текстов силлабического стихосложения	103
Глава 3. Напевы свадебных обрядов Среднего Прикамья	107
3.1. Музыкальный код обряда	107
3.2. Музыкально-ритмические типы	
свадебных песен Среднего Прикамья	108
3.2.1. Класс неравномерно сегментированных форм	109
3.2.2. Класс равномерно сегментированных форм	111
3.2.3. Класс цезурированных форм	113
3.3. Песенные причеты	113
3.4. Звуковысотные характеристики напевов свадебных песен Среднего Прикамья	114
3.4.1. Звуковысотная организация напевов неравномерно сегментированных форм	115
3.4.2. Звуковысотная организация напевов равномерно сегментированных форм	119
3.4.3. Звуковысотная организация напевов цезурированных форм	125
3.4.4. Звуковысотная организация песенных причетов	127
3.4.5. Многоголосный склад свадебных песен	128
3.5. Напевы с групповой приуроченностью поэтических текстов (политечевые напевы)	130
3.6. Исполнительские традиции	134
Заключение	136
Библиография	139
Приложение 1	149
1. Карта Удмуртской Республики	149
2. Карта Среднего Прикамья	150
3. Карта распространения термина «курник»	150
4. Карта распространения неравномерно сегментированных форм (РТ 1-3)	151
5. Карта распространения равномерно сегментированных форм (РТ 4.1 и РТ 4.2)	151
6. Карта распространения равномерно сегментированной формы (РТ 5)	152
7. Карта распространения равномерно сегментированной формы (РТ 6)	152
8. Карта распространения равномерно сегментированных формы (РТ 7.1, РТ 7.2, РТ 7.3)	153
9. Карта распространения цезурированной формы (РТ 8)	153
10. Карта распространения периферийных ритмических типов	154
11. Карта распространения ритмических типов песенных причетов	154
Приложение 2	155
1. Свадебный обряд д. Нижний Армязь Камбарского р-на	155
2. Свадебный обряд д. Юрино Сарапульского р-на	157
3. Свадебный обряд с. Кварса Воткинского р-на	159
4. Свадебный обряд д. Липовка Кизнерского р-на	163
Приложение 3	167
Свадебные песни и причитания. Свадебные приговорки	167
1. Ой, не огневайся, милая сестрица	167
2. Растилася банюшка	168
3. Сестрица у братика в головах сидела	169
4. Подруженьки да, мои милые	170
5. Вы, подруженьки, вы, любимые	171
6. Вы, подруженьки, вы, любимые	171

7. Ты, родимой мой брателко	171
8. Родима моя сестрица	171
9. Родима моя мамонька	171
10. Родимой мой батюшко	172
11. Не ветром двери-то отворилися	172
12. Ой, да, не ветром двери открываются	172
13. Ой, да, не бывала-жо князя свашенька	173
14. Ой, да, приступись-ко, родимая мамонька	174
15. Ой, да, приступися-ко, родимая крёснушка	174
16. Приступися-ко, родимоя крёснушка	175
17. Ой, да, приступись-ко ты, родимой тятенька	175
18. Я не выйду-жо, я не выступлю	176
19. Уж вы кумушки мои, подруженьки	176
20. Что не золото катается	177
21. Ни текуча наша речинька	178
22. Уж ты, горюшко-горевати	179
23. Ой да, по лагу, лагу, лагу	180
24. Солетела-то утиса	181
25. Роскачалася грушица	182
26. Розлилась вода вёшная	183
27. Собираися, невестушка	184
28. Там по сеням, по сеничкам	185
29. Как по сенечкам, сенечкам	185
30. Уж ты, свашенька, свашенька	186
31. Как от солнца, от месяца	187
32. Как по сеням, по сеничкам	188
33. У Ивана мать покрестила	188
34. Ой, уж ты, свашенька, свашенька	188
35. Удалой добрый молодец	188
36. Богата-богатина	189
37. В огороде-то маковка	190
38. Выводил сударь-батюшку	191
39. По горе, по высокою	191
40. Из горенки в горенку	192
41. Из горницы во горницу	193
42. На повозничке шапочка	194
43. Што при первым было вечере	195
44. Вервея, наша вервеюшка	197
45. На горе-то стоит ёлочка	198
46. Отставала лебедь белая	199
47. Отставала лебедь белая	200
48. Как при первом было вечере	201
49. Ты берёзка да, белая	202
50. Отставала лебедь белая	202
51. Край дороженьки черёмушка стоит	202
52. Что при первом было вечере	203
53. В колыбели я качалася	203
54. В огороде стоит маковка	204
55. Край дороженьки черёмушка стоит	205
56. Как при первом было вечере	205
57. Ты, измена, ты, изменушка	205
58. Что у нашего у батюшки	206
59. В ком-то я была младёшенька	206
60. На диване алым бархате	206
61. Уродилось много розы во саду	207

62. На дворе-то было тихоё	208
63. Ешишо кругом, кругом солнышко обошло	209
64. Скрип, скрип воротелки – мороз на дворе	210
65. Ищё сяла наша Людочка	211
66. Ишишо что же ты, лебёдушка	212
67. Зачем же ты, лебёдушка	213
68. Как у тысяцкого, да бородка	214
69. У нас друженька хорошенъка	215
70. У нас тысячкой – воевода	215
71. У нас свашенъка молодая	216
72. Как у тысяцкого да бородка	216
73. Ой, тысяччка, не скудайся	217
74. Ещё вьётся хмель к огороду	218
75. Ой, тысяччка – воевода	218
76. Ишишо вьётся хмель к огороду	218
77. Ох, сватушка, не скудайся	219
78. Золотая казна серебрится	220
79. Ой ты, сватушко, не скудайся	221
80. Ой, ты, сватушка-недорода	222
81. Через море рябина лежала	223
82. Ой, не было ветров	224
83. Ой, выюн над водой	225
84. Ой, солнышко шло	225
85. Ой, во поле дым столбом	225
86. Ой, тятенька, пей	225
87. Ой, нонче весна	226
88. Ой, взошла туча	226
89. Ой, не разбушуй	226
90. Ой, не было ветру	226
91. Ой, выюн над водой	227
92. Ой, кто дары дарит	228
93. Ой, у нас Надю-ту	228
94. Ой, выюн над водой	229
95. Ой, из бочки в бочку	229
96. Ой, я тебя, олень	230
97. Ой, во поле снежки	230
98. Ой, во поле снега	231
99. Ой, не было ветров	232
100. Ой, выюн над водой	232
101. Ой, там, за рекой	233
102. Во поле дымы дымят	233
103. Ой, выюн над водой	235
104. Выюн над водой	236
105. Ой, там, по лугам	237
106. Ой, не было ветров	238
107. Брошу ключи вдоль по лавочке	238
108. Ой, с корых гор	238
109. Ой, улетела	238
110. Ой, не роскачай	239
111. Ой, по лугам вода	239
112. Ой, сваха со свахой	239
113. Ой, не было ветров	240
114. Не разбушуй, холодён ветер	241
115. Не было ветров	242
116. Из поля, поля	243

117. Стояла сила	245
118. Перед тобой	246
119. Ой, передо мной	247
120. Во горинке во новой	248
121. Во горёнке во новой	249
122. Недолго веночку на столичке стоять	249
123. Кума, кума выходила	250
124. Кума, кума выходила	251
125. Чарочка новая, серебреная	253
126. Чарочка новая, серебряная	254
127. На ком кудерцы	255
128. На ком платье	256
129. Месяц по небу	257
130. Как под яблонью кровать	258
131. Как под яблонью кровать	259
132. Как по блюдышку, блюду серебряному	259
133. Ты, рябинушка, ты, кудрявая	260
134. Брошу я колечко, да, брошу да золотое	261
135. Вот искал уж я невесту – не нашёл	262
136. Во саду ли виноград растёт	263
137. На калинке соловейко сидел	264
138. Долина, долинуша, роздольё широкоё	265
139. Из-под кусту	266
140. Как у чарочки, у серебrenoю	267
141. Ни с-по бережку бочёночек катается	268
142. На блюдочке, на тарелочке	269
143. По реке, речке	270
144. Кто у нас хороший?	271
145. Ох, ты, мальчик, мой да, розудальчик, мой	273
146. Ои, как по синему по морюшку	274
147. Поставили меня дружкой	276
148. Скок-поскок через мосток	278
149. Ехали мы волок-от	278
150. Наша-то невеста – Загромозда Ивановна!	279
Комментарии	280
Список информантов и собирателей	287
Сокращения	295

Научное издание

ВЕРА ГЕОЛЕНОВНА БОЛДЫРЕВА
СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА ТОЛКАЧЕВА

РУССКАЯ СВАДЬБА СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ

Монография

Печатается по решению ученого совета
Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН

На обложке фото К. И. Куликова. 2003 г.
(фотофонд УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН)

В авторской редакции

Набор нотных текстов В. Г. Болдыревой
Дизайн обложки и оригинал-макет И. В. Широбоковой

Подписано в печать 10.12.2018. Формат 60x84 1/8.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 35,1. Уч.-изд. л. 26,5.

Тираж 300 экз. Заказ № 231.

Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН
Удмуртский институт истории, языка и литературы
426004. Ижевск, ул. Ломоносова, 4.
Тел. (3412) 68-52-94 Факс (3412) 68-39-94 <http://udnii.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Издательство «Шелест»
426060. Ижевск, ул. Энгельса, 164.
+7 (904) 317-76-93 +7 (963) 548-51-43
shelest.izd@yandex.ru malotirazhka@mail.ru

ISBN 978-5-6041164-7-0

A standard linear barcode representing the ISBN 978-5-6041164-7-0.

9 785604 116470